

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

А.В. Подосинов
Т.Н. Джаксон
И.Г. Коновалова

СКИФИЯ
В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ
ТРАДИЦИИ
АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

А К В И Л О Н

МОСКВА 2016

УДК 913.1
ББК 63.3(0)
П 44

*Издание подготовлено при поддержке
Российского научного фонда (РНФ)
грант № 14-18-02121*

П 44 Подосинов А.В., Джаксон Т.Н., Коновалова И.Г.
Скифия в историко-географической традиции
Античности и Средних веков. — М.: Аквилон,
2016. — 320 с.

Коллективная монография посвящена образу «Скифии» в литературе Античности и Средневековья. Географическое и историко-культурное содержание термина «Скифия» рассматривается как в пространстве, так и во времени. В работе использованы данные античных греко-римских, византийских, арабо-персидских, древнерусских, западноевропейских и древнескандинавских источников. Основное внимание уделено изучению географических, политических, этнических, культурных, религиозных и этических коннотаций, связанных с понятием «Скифия» в разные эпохи и в разных культурах. Главы 1–8 написаны А.В. Подосиновым, 9–10 — Т.Н. Джаксон, 11 — И.Г. Коноваловой.

Для специалистов в области античной и средневековой истории, истории географии и картографии, исторической географии и топонимики.

Научное издание

© Авторы, 2016
© Институт всеобщей истории РАН, 2016
© Издательство «Аквилон», 2016

ISBN 978-5-906578-17-4

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издательством запрещается*

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ОБРАЗ СКИФИИ В АНТИЧНОСТИ. ВВЕДЕНИЕ.	
1.1. Греция и Скифия — два полюса античного мира.....	7
1.2. Античная литературная традиция о скифах.....	11
ГЛАВА 2. ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКИФИИ	
2.1. Географическое положение Скифии.....	44
2.2. Климатические условия.....	79
ГЛАВА 3. ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СКИФИИ	
3.1. Ираноязычность собственно скифов.....	90
3.2. Иные номады как «скифы» в широком смысле.....	92
ГЛАВА 4. ОБРАЗ ЖИЗНИ СКИФОВ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД	
4.1. Скифы как номады <i>par excellence</i>	111
4.2. Основы скифской экономики.....	114
ГЛАВА 5. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СКИФОВ	
5.1. Генеалогические легенды скифов.....	121
5.2. Скифские цари.....	130
5.3. Царские скифы.....	134
ГЛАВА 6. ПРАВЫ СКИФОВ	
6.1. Скифские обычаи.....	140
6.2. Воинственность и непобедимость скифов.....	144
6.3. Жестокость и грубость нравов.....	153
6.4. Близость к природе: Идеализация образа скифа.....	162
6.5. Мудрость скифов.....	168
6.6. Внешний облик скифов.....	174
ГЛАВА 7. «СКИФИЯ» КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ НЕСКИФСКИХ КУЛЬТУР	
7.1. Скифия и Сарматия.....	198
7.2. Готы как скифы.....	205
7.3. «Скифы» как обозначение кочевых и оседлых народов Восточной Европы в послеантичное время.....	210

7.3.1. Византийская традиция.....	210
7.3.2. Западноевропейская средневековая традиция.....	214
ГЛАВА 8. ОБРАЗ СКИФИИ В АНТИЧНОСТИ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	233
ГЛАВА 9. СКИФИЯ АДАМА БРЕМЕНСКОГО: ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА	238
ГЛАВА 10. СКИФИЯ ЗАПАДНО-СКАНДИНАВСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ	
10.1. Великая, или Холодная, Свитьод.....	256
10.2. Скифия у Теодорика Монаха.....	266
10.3. Скифия = Великая Свитьод.....	273
ГЛАВА 11. СКИФИЯ В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКАХ	
11.1. Рецепция географических сведений Птолемея исламскими учеными.....	293
11.2. Скифия в системе средневекового исламского землеописания.....	297
11.3. Скифия как земля, населенная тюрками.....	306
СОКРАЩЕНИЯ.....	314
СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ.....	316

ПРЕДИСЛОВИЕ

Quels hommes! Ce sont des Scythes!
Наполеон в Москве о русских, спаливших свой город

Да, скифы — мы! Да, азиаты — мы...
А.А. Блок

Книга посвящена исследованию проблемы возникновения и трансформации образа «Скифии», от его зарождения в древнегреческой литературе в VI в. до н.э., через все Средневековье, вплоть до Нового времени. Ведь именно этот образ лежал в основе восприятия Восточной Европы в Античности и в Средние века. Географическое и историко-культурное содержание термина «Скифия» рассматривается как в пространстве, так и во времени. В работе использованы данные античных греко-римских, византийских, восточных арабо-персидских, древнерусских, западноевропейских и древнескандинавских источников. Интерпретация античных и средневековых известий о Скифии проводится в диахронии их появления; внимание уделено изучению географических, политических, этнических, культурных, религиозных и этических коннотаций, связанных с понятием «Скифия» («скифы», «скифский») в разные эпохи и в разных культурах. Конечно, термины «Скифия» и «скифы» в своем бытовании в послеантичное время отражали не только античные изначальные смыслы (государство ираноязычных кочевников-варваров в Северном Причерноморье), но и актуальные для каждой эпохи культурноисторические и геополитические феномены.

В разное историческое время фиксируется разное наполнение этого понятия. Географически Скифия могла локализоваться или только в Северном Причерноморье (как у Геродота), или распространяться и на всю Северную Азию (как у Плиния), или располагаться только в Азии (как у Птолемея). Этнически скифы могли выступать ираноязычными кочевниками (в античности), но порой

(особенно в средние века) под этим названием скрывались и представители других народов — готов, печенегов, болгар, славян. Так, по свидетельству древнерусского летописца, народы Руси греками назывались «Великая Скуфь»; немецкий хронист XI в. Адам Бременский «Скифским» называл Балтийское море; а Бартоломей Английский в XIII в. писал о Скифии в традиции «Этимологий» Исидора Севильского (VI в.).

Нам представлялось важным проследить, когда Скифия является чисто географическим понятием, относящимся ко всей Восточной Европе (а иногда — как, к примеру, у Птолемея и в мусульманской традиции, — и к части Азии), а когда выступает как политоним, означающий конкретный социальный организм и определенную форму правления, как это название сменяется на другое обобщенное название, например «Сарматия», как они сосуществуют, завися друг от друга и перенимая черты, свойственные друг другу. Заняв твердое место в средневековой географии и картографии, Скифия, которой не существовало уже с первых веков нашей эры, зафиксирована в скандинавской письменности как «Великая Свитьод», в арабской — как «Асқұтия», а в славянской — как «Великая Скуфь» и дожила как обозначение территории Восточной Европы до Нового времени.

Слова Наполеона в горящей Москве и Александра Блока, вынесенные в эпитафию, хорошо показывают жизнь «скифского образа» в XIX и в начале XX века, а именно — сравнение военной тактики и стратегии русских войск во время войны 1812 г. со скифской и реакцию русского поэта на настороженно-враждебное отношение западноевропейских государств к своему восточному соседу, который воспринимался как наследник древней Скифии со всеми ее геополитическими, культурными и этическими параметрами.

Главы с 1 по 8 написаны А.В. Подосиновым, главы 9–10 — Т.Н. Джаксон, глава 11 — И.Г. Коноваловой.

Глава 1

ОБРАЗ СКИФИИ В АНТИЧНОСТИ

ВВЕДЕНИЕ

1.1. Греция и Скифия — два полюса античного мира

Скифия как крупнейшее варварское образование на севере — северо-востоке ойкумены на протяжении всей античности вызывала огромный интерес греков и римлян, запечатленный в сотнях письменных текстов. Отразившийся в античных источниках образ Скифии (и скифов) имеет различные аспекты: географический, политический, социальный, военный, культурный, этический и др. Все они в разной степени подробно представлены в античных свидетельствах.

Мы не ставим перед собой цели исследовать реальную историю Скифии. Это — дело археологов и историков. Наша задача — понять, какой образ Скифии существовал в античной литературной традиции, как Скифия воспринималась глазами греков и римлян. Нас будет интересовать Скифия как географическое понятие, как этническая общность, как политическое образование, как система определенных этических ценностей. Мы попытаемся проследить формирование стереотипов восприятия Скифии и скифов в идеологии и повседневной жизни греков и римлян. Этот субъективный образ необязательно должен соответствовать реальной исторической ситуации в Скифии¹. Более того, литературная традиция о скифах, принадлежавшая чужим для скифов людям, которые

¹ Ср. замечание Д.Н. Замятина о «развитии постоянно трансформирующегося “скифского мифа”, порой очень далекого от известного и хорошо изученного историками и филологами скифского мира» (*Замятин Д.Н. Образ Скифии: Пространство и наследие // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Мат-лы конф. 26–28 октября 2015 г. / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 38*).

были часто врагами, не может не быть субъективной. При этом встают важные для исторического исследования вопросы восприятия людьми одной цивилизации географических, общественно-политических, нравственных реалий другой. Большое значение приобретают проблемы «образа другого», противопоставления «цивилизация / варварство», идеализации «природного человека», противостояния ценностей демократического и авторитарного устройства общества и другие.

Скифия и в самом деле представляла собой совершенно особый регион в рамках античной ойкумены. Эта особенность в глазах греков проявлялась во многом: в удаленности страны, находящейся где-то на северной окраине ойкумены, в непривычном для греков климате Скифии, в необычном образе жизни — кочевничестве, в воинственности и жестокости скифов, в ярко выраженном «варварском» характере этого мира. Недаром «Скифский логос (рассказ)» Геродота образует самую большую часть в его описаниях «варварских» народов.

Интерес к скифам подогревался тем обстоятельством, что греки рано вошли в соприкосновение со скифским миром, когда в ходе Великой греческой колонизации поселились на северных берегах Черного моря. Именно сюда, на побережья Черного моря греки перенесли многие мотивы и образы своей мифологии, связанные с путешествием Одиссея, скитаниями Геракла и Ио, мученичеством Прометея, походом аргонавтов в Колхиду за золотым руном, посещением Ифигенией, Орестом и Пиладом Таврики, местом посмертной жизни Ахилла на острове Левка, с воинственными женщинами-амазонками, блаженным народом гипербореев, с грифонами и проч. Став неотъемлемой частью античной литературы — эпоса, драмы, поэзии, романов, ученых трудов, — эти сюжеты на протяжении веков продолжали привлекать к себе внимание античных авторов.

Представление о контрасте между своим, обжитым, цивилизованным миром и далекой, враждебной человеку, потусторонней периферией побуждало человека античности относиться к отдаленным частям ойкумены как к лимитрофным зонам между земным и загробным мирами, мифологизировать отдаленные регионы, представлять их как совершенно иной мир с чудесными явлениями, монстрами, особым климатом, помещать там вход в царство

мертвых или само это царство. Скифия была идеальным местом для бытования таких представлений².

* * *

Специально проблема представлений греков и римлян о скифах в скифологии не ставилась, хотя и затрагивалась в некоторых исследованиях, посвященных истории Скифии, в частности, в работах М.И. Ростовцева³, Д.П. Каллистова⁴, М.И. Артамонова⁵, Л.А. Ельницкого⁶, А.П. Смирнова⁷, Б.Н. Гракова⁸, Д.С. Раевского⁹, Г.М. Бонгард-Левина и Э.А. Грантовского¹⁰, А.М. Хазанова¹¹, Б.А. Рыбакова¹², А.И. Доватура, Д.П. Каллистова и И.А. Шишовой¹³, А.А. Ней-

² См.: *Замятин Д.Н.* Образ Скифии. С. 38: «Скифия и “скифское” — краеугольный, мощный онтологический образ, синтезирующий евразийскую и европейскую сопостранственность и северо-евразийское наследие. Скифы — один из многочисленных кочевых народов в сложной исторической географии Евразии — стали выразительным обобщающим символом кочевых народов и кочевых культур, кочевого духа и степной лихости и варварства».

³ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925 (нем. издание: *Rostovzeff M.* Skythien und der Bosporus. Berlin. 1931. Bd. I; см. также: *Rostovzeff M.I.* Skythien und der Bosporus, Bd. II: Wiederentdeckte Kapitel und Verwandtes / Übers. und hrsg. von Heinz Heinen. Stuttgart, 1993); *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918 (англ. издание: *Rostovzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922).

⁴ *Каллистов Д.П.* Античная литературная традиция о Северном Причерноморье // Исторические записки. М., 1945. Т. 16. С. 182–197.

⁵ *Артамонов М.И.* Этногеография Скифии // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1949. Вып. 13 (85). С. 129–171.

⁶ *Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961; *Он же.* Скифия евразийских степей: (Историко-археологический очерк). Новосибирск, 1977.

⁷ *Смирнов А.П.* Скифы. М., 1966.

⁸ *Граков Б.Н.* Скифы. М., 1971.

⁹ *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977; *Он же.* Модель мира скифской культуры. М., 1985; обе работы переизданы в одном томе: Мир скифской культуры. М., 2006.

¹⁰ *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии: Загадки истории древних ариев. М., 1974 (2-е изд. — 1983).

¹¹ *Хазанов А.М.* Социальная история скифов. Основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975.

¹² *Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. М., 1979.

хардт¹⁴, В.А. Ильинской и А.И. Тереножкина¹⁵, И.В. Куклиной¹⁶, Т.М. Кузнецовой¹⁷, А.И. Иванчика¹⁸, А.Ю. Алексеева¹⁹ и др.²⁰. Из западноевропейской литературы по этой теме сохраняет свое значение старая работа Ф. Укерта²¹. Следует также упомянуть краткий, но содержательный обзор античных источников, касающихся про-

¹³ *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

¹⁴ *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982.

¹⁵ *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев, 1983.

¹⁶ *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985.

¹⁷ *Кузнецова Т.Н.* «Скифская» тема в произведениях древнегреческих и латинских авторов // Скифы: Хрестоматия / Сост., введение, коммент. Т.М. Кузнецовой. М., 1992. С. 14–27.

¹⁸ *Иванчик А.И.* «Млекоеды» и «аби» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // ДГ, 1996–1997 гг. М., 1999. С. 7–45; *Он же.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин, 2005; *Он же.* Античная литературная традиция // Античное наследие Кубани. В трех томах / Под ред. академика Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Т. I. С. 318–359; *Ivantchik A.* Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythikos logos* d'Hérodote // RÉG. 1999. Vol. 112. P. 141–192; *Idem.* La légende “grecque” sur l'origine des Scythes (Hérodote 4.8–10) // *Origines gentium* (Ausonius — Publications, Études 7) / Ed. by V. Fromentin, S. Gotteland. Bordeaux, 2001. P. 207–220.

¹⁹ *Алексеев А.Ю.* Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003.

²⁰ См, например, коллективные монографии и сборники статей: *Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время.* М., 1989 (Археология СССР с древнейших времен до средневековья в 20 томах); *Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху* / Отв. ред. К.К. Марченко. СПб., 2005; М., 2006; *Античная цивилизация и варвары* / Под. ред. Л.П. Маринович. М., 2006; *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century B.C. – First Century A.D.)* / Ed. by D. Braund. Exeter, 2005; *Греки и варвары на Боспоре Киммерийском VII–I вв. до н.э.* СПб., 2006.

²¹ *Ukert F.A.* Geographie der Griechen und Römer von den frühesten Zeiten bis auf Ptolemäus. Weimar, 1846. Тl. III, 2. Skythica und das Land der Geten oder Daker nach den Ansichten der Griechen und Römer.

блемы «греки и варвары на Черном море», сделанный немецкой исследовательницей Б. Бэблер²². Образ Скифии в латинской литературе проанализировала недавно А. Кунерт²³.

Наиболее близкой нам по постановке проблемы является книга М.В. Скржинской «Скифия глазами эллинов»²⁴. Опубликованная как научно-популярное издание, эта книга содержит, тем не менее, немало тонких наблюдений над образом Скифии и скифской историей, «прошедшей через фильтр восприятия греков»²⁵. Свое исследование М.В. Скржинская ограничила VII–IV вв. до н.э., поэтому нашу работу, охватывающую всю античность и раннее средневековье, можно рассматривать в какой-то мере как продолжение ее исследования.

В 2015 г. в рамках работы над этой книгой в Институте всеобщей истории РАН была проведена конференция «Скифия: Образ и историко-культурное наследие», на которой были рассмотрены некоторые вопросы возникновения и трансформации образа «Скифии» от античности до наших дней; опубликованные материалы конференции²⁶ использованы и в данной книге.

1.2. Античная литературная традиция о скифах

Изучение античных источников по истории Скифии и скифов существенно облегчается тем фактом, что в распоряжении исследователя есть несколько изданий, содержащих собрание фрагментов трудов античных авторов, в которых встречаются упоминания Скифии и скифов.

²² *Bäbler B.* Greeks and Barbarians on the Black Sea Shore: Material remains and literary perceptions // *Pont Euxin et polis. Polis Hellenis et polis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23–26 septembre. Hommage à Otar Lorgkipanidze et Pierre Lévêque.* Paris, 2005. P. 49–62. Не потеряла своего значения книга: *Rolle R.* Die Welt der Skythen. Stutenmelker und Pferdeboegner. Ein antikes Reitervolk in neuer Sicht. Luzern; Frankfurt a. M., 1980.

²³ *Kuhnert A.* Der Skythe: Friedliebender Krieger und weiser Dummkopf. Das Bild der Skythen in der lateinischen Literatur // *Nomadismus in der "Alten Welt"*. Formen der Repräsentation in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von L. Prager. Berlin; Münster, 2012. S. 72–90.

²⁴ *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. Научно-популярное издание. СПб., 1998.

²⁵ Там же. С. 5.

²⁶ См.: Скифия: Образ и историко-культурное наследие.

Прежде всего следует упомянуть фундаментальное издание выдающегося российского историка и филолога В.В. Латышева (1855–1921) «*Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе*»²⁷, сразу же оцененное научной общественностью как научный подвиг составителя и его сотрудников. Издание представляет собой почти исчерпывающую подборку фрагментов сочинений античных авторов, свидетельствующих об истории Северного Причерноморья, при этом были учтены все жанры античной литературы. Параллельно к русскому переводу давался текст оригинала на греческом или латинском языке, что позволило публикации Латышева надолго стать единственным справочным пособием для нескольких поколений историков Северного Причерноморья. Перед текстами сообщались краткие сведения об авторе и времени создания памятника, под текстом приводились разночтения оригинала, который давался по лучшим критическим изданиям того времени. Комментарии, к сожалению, практически отсутствовали; сам Латышев прекрасно понимал необходимость комментированного издания фрагментов, но такая задача тогда ему была не по силам.

Появление систематического свода известий античных авторов сделало возможным сквозной их анализ и установление особенностей литературной традиции. Такую работу блестяще выполнил в начале XX в. крупнейший российский историк-антиковед М.И. Ростовцев (1870–1952) в книге «Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических» (Пб., 1925; книга была написана еще до революции). Этот обзор до сих пор остается практически единственной попыткой целостного анализа всей литературной традиции о Северном Причерноморье, не утратившего своего значения и сегодня²⁸.

Следует также упомянуть переиздание свода Латышева в Приложении к «Вестнику древней истории» в 1947–1949 гг., предпринятое группой ученых-антиковедов (С.П. Кондратьев, Л.А. Ельницкий, О.В. Кудрявцев, Д.Г. Редер) под руководством

²⁷ *Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе* / Изд. В.В. Латышев. СПб., 1893–1906. Т. I–II.

²⁸ Развитием этой работы являются обобщающие труды Д.П. Каллистова (*Античная литературная традиция*. С. 182–197) и А.И. Иванчика (*Античная литературная традиция*. С. 319–359).

А.В. Мишулина. В этом издании были добавлены некоторые новые тексты, устранены опечатки и неточности, исправлены устаревшая транскрипция и орфография, составлены указатели и сделана попытка дать более подробные вступительные статьи и некоторый комментарий. Однако отсутствие оригинального греческого или латинского текста, а также поверхностность и непоследовательность комментария, изобилующего ошибками, значительно снижают значение этого издания. Впрочем, авторский коллектив рассматривал свою работу как предварительную в деле «подготовки будущего академического издания»²⁹.

В 1992 г. вышла хрестоматия «Скифы», составленная Т.М. Кузнецовой и предназначенная для студентов исторических вузов³⁰. Издание содержит в основном переводы В.В. Латышева, а также некоторые новые переводы.

В рамках издания корпуса «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» в 2009 г. был издан также том, содержащий подборку важнейших источников по истории античного Северного Причерноморья³¹. Параллельно к изданию источников был опубликован исследовательский том «Древняя Русь в свете зарубежных источников», в котором есть раздел с анализом античной литературной традиции о Северном Причерноморье³².

В последние годы усилился интерес к скифской тематике и за рубежом. Так, в 2008 г. в Ванкувере вышло собрание латинских известий об истории Северного Причерноморья, подготовленное Р.А. Мейсоном³³. Издание отличается полной подборкой авторов,

²⁹ ВДИ. 1947. № 1. С. 262.

³⁰ Скифы: Хрестоматия / Сост., введение, коммент. Т.М. Кузнецовой. М., 1992.

³¹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2009. Т. I: Античные источники / Сост. А.В. Подосинов.

³² Подосинов А.В. Античные источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 2013. С. 23–72.

³³ Mason R.A. The Ancient Sources on the History, Geography and Ethnography of Ukraine. Latin Authors. Part One: Authors of the Republic and Early Principate to the Death of Domitian. Vancouver, 2008; См. нашу рецензию на эту книгу в: Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2010. Т. I. С. 172–177.

содержит латинские тексты, их английский перевод, вводные статьи и подробные комментарии.

В 2013 г. в Германии появилось собрание греческих источников о номадах, в котором большую часть занимают сведения о скифах³⁴. Позже, в 2015 г., как продолжение этой работы вышла хрестоматия латинских текстов о скифах, составленная группой немецких историков³⁵. К сожалению, собрание текстов, сопровождаемое немецким переводом, лишено комментариев и не учитывает русскоязычную литературу.

Все эти публикации в целом составляют добротную основу для дальнейших исследований в области скифологии.

* * *

Большая роль, которую играли в жизни античного мира кочевые и оседлые народы Восточной Европы (от киммерийцев и скифов до готов и гуннов), определила тот постоянный интерес античных авторов к этому региону, который выразился в огромном числе описаний, упоминаний, аллюзий, относящихся к истории Причерноморья. Практически ни один античный писатель, начиная с Гомера, не обошел своим вниманием северо-восточной окраины известной в то время ойкумены. Более четырехсот авторов — поэтов, философов, географов, историков, ораторов, военных, политиков — оставили известия о народах Северного Причерноморья. Интересующая нас информация содержится в различных видах и жанрах источников: это поэзия (эпос, драма, лирика), художественная проза (например, роман, новелла, диалог), политический трактат, судебная речь, научное произведение (посвященное, скажем, философии, минералогии, астрологии или зоологии), географическое описание, лоция, карта, наконец, исторический труд. Особенно ценны сочинения таких авторов, как Геродот, Полибий, Страбон, Диодор Сицилийский, Тацит, Дион Кас-

³⁴ Wandern, Weiden, Welt erkunden. Nomaden in der griechischen Literatur. Ein Quellenbuch / Hrsg. von M. Rucker, Chr. Taube, Ch. Schubert. Darmstadt, 2013.

³⁵ Skythen in der lateinischen Literatur. Eine Quellensammlung / Hrsg. von A. Gerstaecker, A. Kuhnert, F. Oldemeier, N. Quenouille. Berlin; München; Boston, 2015 (Beiträge zur Altertumskunde 334). См. нашу рецензию на книгу в: Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2016. Т. 13. С. 221–225.

сий, Плиний Старший, Аммиан Марцеллин, оставивших важные сведения о народах Северного Причерноморья, в том числе о скифах. Однако их труды не были посвящены непосредственно Северному Причерноморью, большая часть информации об этом регионе сообщается лишь в связи с имеющими какое-то отношение к нему событиями.

Естественно поэтому, что не вся информация равноценна по своей значимости и достоверности; существует большое количество авторов, которые лишь пересказывали старые, ставшие легендарными и стереотипными, «общие места» и литературные штампы. Но для нас как раз важно, что думали о скифах античные люди и какие стереотипы господствовали в разные периоды истории. Поскольку речь идет о представлениях античных авторов о Скифии (и скифах), большей частью к анализу взяты прямые цитаты из их произведений, в которых звучит их прямая речь³⁶.

* * *

Сведения о Скифии и скифах сохранились в древнегреческой литературе начиная с VI в. до н.э., когда те впервые появились в Северном Причерноморье; около I в. н.э. их политическое значение сходит на нет³⁷ и свежих свидетельств о них практически не имеется.

Первым, насколько мы знаем, назвал скифов по имени автор гесиодического (то есть приписываемого Гесиоду, но ему не принадлежащего) стихотворного «Каталога женщин», созданного, вероятно, во второй половине VI в. до н.э. Однако контекст, в котором он их упомянул, относит знание о скифах к еще более раннему времени, а именно к Гомеру. Дело в том, что *Гомер* в «Илиаде», не называя скифов, говорит о неких народах на севере Евразии, которые попали в поле зрения Зевса, восседавшего недалеко от Трои на горе Ида (XIII, 1–7):

Зевс, приблизив троянцев и Гектора к [ахейским] судам, оставил их перед судами беспрерывно нести труды и беды, а сам

³⁶ Авторы переводов указаны в скобках после текста перевода; все цитаты из Геродота без обозначения переводчика взяты из книги: *Доватур А.И. и др. Народы нашей страны в «Истории» Геродота* (пер. И.А. Шишовой с участием Е.Б. Новикова). Переводы других античных писателей без обозначения переводчика принадлежат автору этого раздела.

³⁷ *Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму*. Киев, 1972.

обратил вспять светлые очи, взирая в даль на землю конеборных фракийцев, сражающихся врукопашную мисийцев и дивных (агавов) доителей кобылиц (гиппемолгов), млекоедов (глактофагов) и абиев, справедливейших из людей. А к Трое он совсем уже не обращал светлых очей... (пер. В.В. Латышева).

Соседство с северными по отношению к Эгеиде фракийцами и мисийцами «дивных доителей кобылиц, млекоедов и абиев, справедливейших из людей» позволяет локализовать эти последние народы также на севере, а последующая в античной литературной традиции характеристика скифов как кочевников, передвигающихся на лошадях и питающихся молоком кобылиц, прямо указывает на скифов как предмет описания Гомера.

Современные исследователи, как и античные комментаторы этого перечня народов, спорят, что считать эпитетом, а что этнонимом, начиная со слова «дивные» (агавы)³⁸, тем не менее никто не сомневается, что здесь имеются в виду именно скифы. Как раз свидетельство гесиодического «Каталога женщин» об этом народе не оставляет в этом никаких сомнений. В одном фрагменте «Каталога» (Fr. 150 Merkelbach — West) перечисляются эфиопы, ливийцы и «скифы, доители кобылиц (гиппемолги)»³⁹, а в следующем фрагменте (152 Merkelbach — West) — «земля млекоедов (глактофагов), имеющих повозки вместо жилищ». Из первого видно, что скифы упоминаются, наряду с эфиопами и ливийцами, среди далеких окраинных районов ойкумены, во втором мы обнаруживаем новую характеристику скифов — они кочевники, чье основное занятие — коневодство.

Греческий драматург Эсхил (525/524–456/455 г. до н.э.), работавший примерно в то же время, когда создавался «Каталог», также упоминает скифов. В драме «Прометей Прикованный» скифский этноним встречается в следующем виде:

Ст. 1–2. С и л а. Мы прибыли в отдаленный край земли,
в скифскую страну, в безлюдную пустыню...

³⁸ Подробно эта проблема рассмотрена в работе: *Иванчик А.И.* «Млекоеды». С. 7–45.

³⁹ Страбон приписывает Гесиоду упоминание в не дошедшей до нас поэме «Объезд земли» «земли млекоедов, имеющих жилища на повозках» (см. *Strabo* VII, 3, 9).

Ст. 427–440. ...Х о р (к Прометею). Все смертные, которые обитают в ближайших местностях священной Азии, соблезнут твоим плачевным страданиям: и девы — обительницы колхидской земли, бестрепетные в боях, и многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера.

Ст. 729–761. П р о м е т е й (к хору и Ио). Выслушайте теперь об остальных страданиях, которые предстоит юнице вытерпеть от Геры. И ты, дочь Инаха, вложи в душу мои слова, чтобы узнать пределы своих странствований. Прежде всего поверни отсюда к восходу солнца и иди по невспаханым степям; ты придешь к кочевникам-скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами под плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками. К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утесистого морского берега (пер. В.В. Латышева).

Итак, уже Эсхил знает, что скифы 1) многочисленны, 2) живут в пустынной (степной) местности, 3) на северной окраине ойкумены, около Азовского моря (в античности — Меотийское озеро), 4) ведут кочевнический образ жизни, 5) они прекрасные лучники⁴⁰ и, 6) вероятно, жестоки, коль скоро Прометей не советует Ио приближаться к ним.

Мы должны признать, таким образом, что уже во второй половине VI в. до н.э. в основном сложился тот образ Скифии, который далее станет хрестоматийным.

Редкие упоминания севернопричерноморских реалий в VIII–VI вв. до н.э. встречаются исключительно в поэзии — первой литературной форме древних греков (Гомер, Гесиод, Стасин, Арктин, Эвмел, Каллин, Алкман, Мимнерм, Алкей, Сафо, Аристей Проконнеский, Анакреонт). От большинства их сочинений дошли только небольшие фрагменты, но и в них мы находим упоминания скифов, исседонов, аримаспов и других полумифических народов Восточной Европы. Так, от *Алкея* (конец VII – начало VI в. до н.э.) мы узнаем, что Ахилл считался «владыкой земли скифской» (Fr. 354 Page), из чего исследователи часто делают вывод о культе Ахилла среди скифов, или, по крайней мере, в греческих городах

⁴⁰ О скифском луке Эсхил упоминает также в «Хоэфорах», 154: «стрелы луков скифских, с загнутыми концами».

Северного Причерноморья. У *Еврипида* в драме «Рес» (426–436 гг.) фракийский владыка Рес так оправдывает свое опоздание на Троянскую войну: «живущий в соседней (с Фракией. — *А. П.*) земле скифский народ завязал со мною войну, когда я собирался двинуться на пути к Илиону» (пер. В.В. Латышева). Скифы, таким образом, выступают здесь, практически, как у Гомера, соседями фракийцев.

Древнегреческая наука — философия, космология, география, естествознание, история — зародилась в среде греков Малой Азии в Ионии. Именно представителям ионийской науки мы обязаны первыми реальными сведениями об истории и географии Северного Причерноморья. Греческая колонизация побережий Средиземного и Черного морей (а в ней активно участвовали ионийцы) принесла много новых сведений о народах Причерноморья, в частности, о скифах, которые и были зафиксированы ионийскими учеными VI–V вв. до н.э. Анаксимандром, Гекатеем Милетским, Геллаником Митиленским, Эвдоксом, Дамастом и, наконец, Геродотом, чей труд стал вершиной ионийской исторической мысли. Все эти сочинения, кроме Геродотова, известны нам по немногочисленным фрагментам, сохранившимся в произведениях позднейших авторов.

Работавший на рубеже VI–V вв. до н.э. *Гекатей* из Милета написал большой труд «Землеописание», в котором свел воедино все географические знания греков об ойкумене, добавив сведения, добытые им в результате собственных путешествий (напомним, что большинство колоний Северного Причерноморья было основано именно жителями Милета — родного города Гекатея). Скифский и кавказский материал Гекатея — названия народов, их географическое расположение, этнографические данные, названия греческих колоний и святилищ — является древнейшим источником по истории Северного Причерноморья. Многие города и народы Гекатея определяет как скифские: города Каркинитида и Кардес, народы меланхлены, миргеты, матикеты, исепы, эды, иамы, исседоны (Fg. 153–159, 167–168 FHG).

«Отцом истории» назвал Цицерон *Геродота* (около 485 – около 425 гг. до н.э.), происходившего из малоазийского города Галикарнаса. С таким же правом его можно было бы назвать отцом географии и этнографии, поскольку в своем главном произведении

«История», посвященном истории греко-персидских войн, Геродот соединяет элементы всех этих наук, давая подробные описания упоминаемых народов. Так как центральным сюжетом «Истории» были войны греков с персами, Геродот описывает также поход персидского царя Дария против скифов, который датируется около 512 г. до н.э. Это дало Геродоту повод в книге IV «Истории» подробно рассказать о географии и климате, истории и религии, одежде и вооружении, нравах и языке скифов и других народов Северного Причерноморья. Некоторые данные позволяют ученым предположить, что сам Геродот, путешествуя по всему тогдашнему миру, посетил греческий город Ольвию, расположенный в Бугско-Днепровском лимане, где и собрал большую часть сведений о Скифии и скифах.

«Скифский рассказ» (или «Скифский логос») Геродота содержит обстоятельную информацию обо всех сторонах жизни скифов, включая сведения об их государственном строе и обычаях. Геродот особенно выделяет черты, чуждые укладу жизни эллинов. Картина скифской жизни, нарисованная Геродотом, оказалась столь яркой и полной, что из сочинений историка и его ионийских современников еще много веков, вплоть до средневековья, будут черпать сведения об этой части Земли многие поколения ученых, писателей, поэтов⁴¹.

В качестве источников информации Геродот использует, кроме собственных впечатлений очевидца, труды предшественников (например, Аристея и Гекатея), рассказы и записки людей, побывавших в описываемых районах, а также памятники эпиграфики, архитектуры, прикладного искусства. В его произведении имеются зачатки научной критики источников: сообщая несколько различных версий, автор подвергает их анализу, присоединяясь к одной из них. Археологические раскопки, ведущиеся в Северном Причерноморье, подтвердили достоверность многих сведений «Скифского рассказа» Геродота. Ниже помещен фрагмент, дающий об-

⁴¹ О судьбе труда Геродота в античности см.: *Riemann K.* Das Herodoteische Geschichtswerk in der Antike. Diss. München, 1967; *Momigliano A.* The place of Herodotus in the History of Historiography // *A. Momigliano. Studies in Historiography.* London, 1969. P. 127–142; *Brill's Companion to the Reception of Herodotus in Antiquity and Beyond / Ed. by J. Priestley and V. Zali.* Leiden, 2016.

щий обзор географии Скифии, ставший классическим для многих поколений античных географов (IV, 99–100):

От Истра (то есть Дуная. — *А. П.*) идет уже древняя Скифия, лежащая к югу в направлении южного ветра до города, называемого Каркинитидой. Далее — от этого города обращенную к этому же морю страну, гористую и выступающую к Понту (Черному морю. — *А. П.*), населяет племя тавров... Далее — от Таврики (Крыма. — *А. П.*) выше тавров и в области, обращенной к восточному морю, — живут уже скифы к западу от Боспора Киммерийского (Керченского пролива. — *А. П.*) и от Метийского озера (Азовского моря. — *А. П.*) до реки Танаис (Дон. — *А. П.*), которая впадает в наиболее отдаленный угол этого озера. Начиная уже от Истра, в тех областях, которые расположены выше и находятся внутри материка, Скифия ограничена вначале агафирсами, после неврами, затем андрофагами и, наконец, меланхленами.

Внес свою лепту в греческую «скифологию» и младший современник Геродота, знаменитый историк *Фукидид* (около 455 — около 400 гг. до н.э.), который в «Истории Пелопоннесской войны» так сравнивал военную мощь фракийского царства одрисов со скифским военным искусством (II, 97):

По количеству денежных доходов и вообще благосостоянию оно (царство одрисов. — *А. П.*) оказалось величайшим из всех европейских царств, лежащих между Ионическим заливом и Понтом Эвксинским; но по военной силе и количеству войска все-таки далеко уступало скифскому. С этим последним не только не могут сравниться европейские царства, но даже в Азии нет народа, который мог бы один на один противостать скифам, если все они будут единодушны; но они не выдерживают сравнения с другими в отношении благоразумия и понимания житейских дел (пер. В.В. Латышева).

Две важные черты скифского феномена отмечены здесь Фукидидом — скифская непобедимость и «варварская» безрассудность, составляющие две яркие характеристики скифов, которые в дальнейшем будут тиражироваться снова и снова.

Великий греческий врач Гиппократ жил на острове Кос в 460 — около 370 гг. до н.э. Под его именем до нас дошло множество сочинений по медицине, известных как “*Corpus Hippocraticum*” (около 130 произведений). Весьма дискуссионной остается про-

блема, какие произведения принадлежат ему лично, а какие были ему приписаны (самые поздние из сочинений корпуса датируются I в. н.э.). В любом случае они отражают накопленные в знаменитой косской врачебной школе знания о болезнях и способах их лечения. К одним из древнейших произведений Корпуса Гиппократ (рубеж V–IV вв. до н.э.) относятся сочинения «О воздухе, водах и местностях» и «О болезнях». В первом из них на примере скифов демонстрируется влияние климата на физическое строение человека, при этом сообщается масса сведений этнографического и антропологического характера, во втором описывается изготовление скифами пищи из кобыльего молока. Поскольку принадлежность этих сочинений Гиппократу оспаривается, обычно их называют псевдо-Гиппократовыми. Сведения о скифах и сарматах Псевдо-Гиппократ переключаются с информацией Геродота, хотя и происходят, по-видимому, из независимого источника.

В V–IV вв. до н.э. господство скифов в Северном Причерноморье постепенно клонится к упадку, на первый же план, с точки зрения интересов греков, выдвигается Боспорское царство, объединявшее несколько греческих городов и варварскую периферию вокруг Керченского пролива. Тесные связи Боспора с Афинами и позже со всем эллинским миром создали основу для нового притока информации о Северном Причерноморье. Активная торговля хлебом, которую вело Боспорское царство с Афинами, стала поводом и фоном, на котором афинские ораторы IV в. до н.э. *Исократ*, *Эсхин*, *Динарх* и *Демосфен* в своих публичных речах сообщают некоторые сведения о ситуации на Боспоре, в том числе о взаимоотношениях боспорских греков со скифами. Эти речи резко выделяются на фоне других источников, так как уже не принадлежат литературной традиции, а содержат актуальную информацию и потому более достоверны. Так, из речи Эсхина, политического противника Демосфена, мы узнаем, что бабкой Демосфена была богатая скифянка из греческого города Кепы, расположенного на Таманском полуострове (III. «Речь против Ктесифонта», 171). В другой своей речи (II. «О неправильно проведенном посольстве», 78) Эсхин называет Демосфена, обращаясь прямо к нему, «происходящим от матери из кочевых скифов», а в «Речи против Демосфена» (15), произнесенной в 324 г. до н.э., другой афинский оратор Динарх обзывает Демосфена «презренным и сущим ски-

фом». Сам Демосфен упоминает о сложной ситуации на Боспоре из-за войны, которую боспорский царь Перисад I (344/3–311/10 гг.) вел против скифского царя (XXXIV. Речь против Формиона о займе, 8).

К IV в. до н.э. относят и так называемый «Перипл Средиземного моря» *Псевдо-Скилака*; слово «перипл» означает «плавание вдоль берегов моря», этот жанр географического описания был весьма популярен в античности. В «Перипле» Псевдо-Скилака (настоящий Скилак жил в VI в. до н.э.) наряду с актуальными данными о народах, городах и природных условиях побережья Черного и Азовского морей, отражающими аттические интересы IV в. до н.э., прослеживаются и очень древние пласты информации, восходящие к древнеионийским знаниям времен Гекатея и настоящего Скилака. Вот его описание Северного Причерноморья (68):

За Фракией живет народ скифы, а в их земле следующие эллинские города: река Тирис, город Никоний, город Офиусса (греческие города у устья Днестра. — *А. П.*). За скифской землей народ тавры заселяют мыс материка (имеется в виду Крым. — *А. П.*); а мыс этот вдается в море. В Таврической земле живут эллины [у которых город] следующий: торговый город Херронес, мыс таврической земли Бараний Лоб (Ай-Тодор в Южном Крыму. — *А. П.*). Затем опять живут скифы, в земле которых следующие эллинские города: Феодосия, Китей и Нимфей, Пантикапей, Мирмекий (греческие города в Западном Крыму. — *А. П.*)... На Меотийском озере (Азовском море. — *А. П.*) прямо при входе в него по левую руку живут скифы; ибо их область простирается от внешнего моря над Таврической землей вплоть до Меотийского озера (пер. В.В. Латышева).

Интересно, что взгляд из Эллады предполагает, что греческие государства в Северном Причерноморье находятся на территории «Скифии».

В IV в. до н.э. ярко проявилась тенденция к идеализации жизни и быта обитателей Северного Причерноморья. Уже в древнеионийской литературе (у Гелланика и Геродота) возникает представление о гиперборейцах, соседях скифов, как о блаженном народе на крайнем севере, не знающем войн, вражды и несправедливости. Историк *Эфор* (жил между 405 и 330 гг. до н.э.) в своем труде «История» (отрывки его сохранились у других авторов) дал пример крайней идеализации скифов в моральном и социальном плане

как кочевников, сохраняющих вдали от развращенной цивилизации высокие моральные качества, мудрость и добродетели. Его характеристика оказала мощное влияние на последующие описания скифов, просуществовав до конца античности. В русле этой социально-утопической традиции большое значение и распространение получил образ легендарного скифского мудреца Анахарсиса, которого Эфор делает изобретателем многих «культурных» достижений (например, трута, двузубого якоря и гончарного круга) и причисляет к семи знаменитым греческим мудрецам.

Эллинистический период античной истории, начинающийся завоеваниями Александра Македонского (последняя треть IV в. до н.э.) и заканчивающийся подчинением Риму последних эллинистических монархий Востока (I в. до н.э.), принес — благодаря расширению географического кругозора (Александр дошел в своих завоеваниях до Средней Азии и Индии) и вовлечению в международную торговлю и политику далеких окраин тогдашнего мира — много новых знаний о Восточной Европе и сопредельных землях. Из источников мы знаем, что один из полководцев Александра Зопирион, оставленный наместником Фракии (или Понта), предпринял поход против европейских скифов, но, дойдя до Ольвии, был разбит скифами и погиб (*Justin.* II, 3, 4; XII, 2, 16. *Curt. Ruf.* X, 1, 43).

При дворе Александра существовал целый штат историков и географов, исследовавших народы и местности, через которые проходили войска македонского царя. Возникшая в описаниях пути греков на Восток путаница с реками — Яксартом (Амударьей), до которого дошел Александр, и Танаисом (Доном), возле которого жили северочерноморские скифы (см. об этом ниже), — привела к вовлечению в оборот этногеографических — старых и новых — сведений также и о Северном Причерноморье.

В середине IV в. до н.э. совершил свое знаменитое плавание вокруг западного и северного побережий Европы *Пифей* из Массалии (Марселя), который, по некоторым данным, доплыл до скифского Танаиса (Дона), будто бы отделявшего Европу от Азии. В 80-е годы III в. до н.э. Патрокл, один из военачальников Селевка Никатора, преемника Александра, предпринял исследование побережья Каспийского моря.

Все эти факторы подготовили почву для небывалого взлета эллинистической географической науки. Выдающиеся географы *Эратосфен* (275 – около 196 г. до н.э.), хранитель знаменитой библиотеки в Александрии, и его последователь *Гиппарх*, живший столетием позже, заложили основы математической астрономии, научной географии и картографии (их великим предшественником выступает Аристотель, учитель Александра). Была определена форма Земли, ее размеры, разработана теория зонального членения Земного шара, намечены параллели и меридианы, определены форма и размеры ойкумены. Здесь же дискутировались многие вопросы географии Восточной Европы (например, о существовании на севере Европы Рифейских гор, о течении основных рек, о гидрографии бассейнов Азовского, Черного и Каспийского морей и др.). Эратосфен написал несколько книг, в том числе «Географию» (это название, впервые употребленное Эратосфеном, стало в дальнейшем обычным для сочинений такого рода) и «Об измерении Земли», в которых собрано много материала и по географии понтийского региона; здесь он рассказывает также о климате, о материальных ресурсах, о племенах и их государственном строе и т.д. См., например, определение им климатического пояса Скифии:

Эратосфен говорит, что ... в местностях, отстоящих от Византия (совр. Стамбул. — *А. П.*) приблизительно на шесть тысяч триста стадиев и находящихся севернее Меотиды (Азовского моря. — *А. П.*), в зимние дни солнце поднимается не более чем на шесть локтей, а наибольший день равняется семнадцати равноденственным часам (сохранилось у Страбона, II, 42; пер. В.В. Латышева).

Эратосфен оставил целую школу географов; из них особенно много черноморским регионом занимались во II в. до н.э. Диофант, Агатархид Книдский, Деметрий Каллатийский и Артемидор Эфесский, давшие уточненное описание северного побережья Черного моря. В конце II – начале I в. до н.э. появилось стихотворное «Землеописание», приписанное *Скимну Хиосскому* (III–II вв. до н.э.), но созданное явно позже. Эфоровская локализация племен Северного Причерноморья уживается здесь с новыми сведениями, полученными от Деметрия из Каллатиса.

К эллинистическому периоду относится также писательская деятельность историков *Полибия* (около 205–123 гг. до н.э.) и *Посидония Агамейского* (128–45 гг. до н.э.), которые продолжили эфоровскую линию идеализации скифов; через Посидония, чьи произведения сохранились только во фрагментах, эта линия была продолжена римской литературой.

Римская историко-географическая и этнографическая литература, известная нам начиная с I в. до н.э., восприняла большинство идей и представлений о Восточной Европе из греческой литературы. Вместе с тем продолжалось накопление новых данных по мере продвижения римских легионов на северо-восток известной тогда Европы, в Закавказье, в Крым и в Западное Причерноморье.

Большую роль в знакомстве античного мира с положением в Северном Причерноморье сыграли Митридатовы войны, которые велись римлянами против понтийского царя Митридата VI Евпатора (погиб в 63 г. до н.э. в Пантикапее-Керчи). Поскольку судьба Митридата была тесно связана с судьбами причерноморских городов и местных варварских племен, которые находились с ним многие годы в военно-политическом союзе (Боспорское царство было даже включено в состав Понтийской державы Митридата), много новых сведений из истории этого региона попало в произведения историков, давших описание Митридатовых войн. Такими историками были Феофан Митиленский и Квинт Деллий, описавшие в I в. до н.э. восточные походы римского полководца Гнея Помпея — победителя Митридата.

Важным источником для реконструкции истории скифов и Боспорского царства является труд греческого историка *Диодора Сицилийского* (около 90–21 гг. до н.э.) «Историческая библиотека», одна из сохранившихся глав которой содержит ценные исторические сведения о боспорских царях, о военной активности скифов, их обычаях и религиозных представлениях. Данные Диодора о годах правления некоторых боспорских царей, почерпнутые, по видимому, из древних источников, являются для нас основой хронологии древнего периода истории Боспорского царства. Диодор даже про скифов рассказывает в историческом ключе (II, 43):

Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну. Они сначала занимали незначительную область, но впоследствии, понемногу усилившись благодаря своей

храбрости и военным силам, завоевали обширную территорию и снискали своему племени большую славу и господство. (2) Сначала они жили в очень незначительном количестве, у реки Аракса (название Волги или Амударьи. — *А. П.*) и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях — побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса... (4) Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии и, направив военные действия в другую сторону, распространили свое владычество до египетской [реки] Нила. (5) Поработив себе многие значительные племена, жившие между этими пределами, они распространили господство скифов с одной стороны до Восточного океана, с другой — до Каспийского моря и Меотийского озера; ибо это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие — массагетами, некоторые — аримаспами и, подобно им, многие другие (пер. П.И. Прозорова с дополн. В.В. Латышева).

На рубеже нашей эры было создано произведение, которое после Геродотова «Скифского рассказа» является, пожалуй, самым информативным и важным источником по истории Северного Причерноморья. Это «География» греческого историка и географа *Страбона* (около 64/63 гг. до н.э. – около 20 г. н.э.). Выходец из знатного понтийского рода (его дед был другом Митридата), Страбон многое знал из собственного опыта и многое почерпнул из историко-географической литературы предшествующих веков. Его труд, написанный на греческом языке, но предназначенный для римских правителей, является подлинной энциклопедией по истории, географии и этнографии современного Страбону мира. В книге, которая сохранилась почти полностью, Страбон цитирует, иногда дословно, множество своих предшественников, труды которых зачастую не сохранились вовсе — Эфора, Эратосфена, Гиппарха, Артемидора Эфесского, Полибия, Посидония и др., всего около 150 авторов. Столь подробной информации о Северном Причерноморье не дает ни один античный автор. В помещаемом ниже одном из многочисленных свидетельств об этом регионе рассказан важнейший эпизод из истории Херсонеса — крупнейшего грече-

ского города Северного Причерноморья, который в первой половине I в. до н.э. в результате угрозы со стороны крымских скифов потерял самостоятельность и попал в зависимость сначала от Митридата VI Евпатора, а затем от Боспора. Здесь называются также имена скифских правителей, которых победили войска Митридата; тот (VII, 4, 3):

охотно послал войско в Херсонес и стал воевать со скифами, бывшими тогда под властью Скилура и его сыновей с Палаком во главе, которых, по свидетельству Посидония, было пятьдесят, а по свидетельству Аполлониды – восемьдесят. Он силою подчинил их себе и в то же время сделался властителем Боспора, который добровольно уступил ему тогдашний его владетель Парисад (пер. С.В. Мирошникова).

Главные черты образа Скифии получили широкое распространение в римской «художественной» литературе, в частности, в поэзии, в которой автор часто выступал как *poeta doctus* (ученый поэт). Типичный пример — описание скифов и «скифской зимы» у Вергилия в «Георгиках» (III, 349–389), основанное во многом на рассказе Геродота:

Но [не так, как в Ливии, поступают там], где [находятся] скифские племена и меотийские воды, (350) где мутный Истр кагит желтые пески и где Родопа простирается до середины полюса: там держат скот взаперти на скотных дворах; там не видно ни травы на лугах, ни зелени на деревьях; бесформенная широко лежит под снежными сугробами и глубокими (355) льдами земля и поднимается до семи локтей [в высоту]. Там вечная зима, вечно дуют холодом кавры. Там солнце никогда не рассеивает бледных теней, — ни тогда, когда на своих конях поднимается высоко в эфир, ни тогда, когда омывает красной водой Океана круто спустившуюся колесницу. (360) В текущей реке вдруг образуется твердая кора, и вода, ранее гостеприимная для судов, а теперь — для широких повозок, держивает на своем хребте окованные железом колеса. Часто лопаются медные сосуды, твердеют надетые одежды, рубят топорами замерзшие вина, (365) стоячие воды целиком превращаются в крепкий лед, и колючие сосульки твердеют в нечесанных бородах. Между тем снег идет по всему воздуху; гибнут стада, большие туши быков стоят, окруженные снегами, и олени густыми стадами (370) увязают в новых [снежных] скалах,

из которых едва виднеются верхушки их рогов. Тут на них не натравливают собак, не расставляют сетей, не обращают в бегство, дрожащих от ужаса, пуническими стрелами, но бьют в упор железом, пока они тщетно стараются пробить грудью противостоящие горы [снега], тяжело ревущих (375) убивают и весело уносят [домой] с громкими криками. Сами [жители] проводят свои безмятежные досуги в вырытых пещерах глубоко под землей, прикапывают к очагам собранные дубы и целые вязы и предают их огню. Здесь они проводят ночи в играх и весело в чашах (380) заменяют вино кумысом и кислым соком рябины. Таково свободное племя, которое под гиперборейской медведицей поражается дуновением рифейского эвра и прикрывается щетинистыми рыжими шкурами животных (пер. В.В. Латышева).

Гораций, несколько раз упомянувший в своих стихотворениях скифов, в лапидарной форме дает их почти исчерпывающую характеристику: так, в *Sarm.* III, 8, 23–24 они упомянуты живущими в полях и с луками, в *Sarm.* III, 24, 9 они — «степные» (*campestres*), в *Sarm.* IV, 5, 25 скиф назван «ледяным» (*gelidus Scythes*), в *Sarm.* IV, 14 он «бродячий» (*profugus*), наконец, в *Sarm. saec.* 55 скифы — «надменные» (*superbi*). Итак, скифы — гордый народ лучников, живущих в степях, не имеющих постоянного места жительства (кочевники), при этом климат их страны отличается сильным холодом.

В конце I в. до н.э. — начале I в. н.э. в Риме работал Помпей Трог, написавший первую в римской литературе всеобщую историю под названием «Филипповы истории» (“*Historiae Philippicae*”) в 44 книгах. Само произведение Трга не сохранилось, но мы имеем краткие введения к отдельным книгам (*prologi*) и эпитому (сокращение) некоего Марка Юниана Юстина, который жил, вероятно, в III в. н.э. Как можно понять уже из названия, в центре внимания «Истории» Трга находится Македонское царство, к которому автор относится явно негативно. В рамках этой истории описываются и иные народы, соприкасавшиеся с македонянами, в частности, скифы, о которых Трог сообщает много интересных деталей, не зафиксированных в других источниках. Вот что он пишет, в частности, о победах скифов над своими врагами (I, 3):

Владычества над Азией скифы добивались трижды; сами они постоянно оставались или не тронутыми, или не побежденными.

ми чуждым владычеством. (2) Персидского царя Дария они с позором выгнали из Скифии; (3) Кира перерезали со всем войском; (4) Зопириона, полководца Александра Великого, точно так же уничтожили со всей армией; (5) оружие римлян узнали только по слухам, но не почувствовали. (6) Сами они основали Парфянское и Бактрийское царства. (7) Все племя отличается выносливостью в трудах и на войне и необычайной телесной силой; они не приобретают ничего такого, что боялись бы потерять... (пер. В.В. Латышева).

Географическая литература на латинском языке представлена именами Агриппы, Мелы и Плиния Старшего.

Ближайший сподвижник императора Августа *Марк Випсаний Агриппа* (63/64–12 гг. до н.э.), имея, в силу высокого положения при императорском дворе, большие возможности для сбора географического и статистического материала, создал труд, который назывался «Хорографией» (“Chorographia” — название, почти синонимичное «Географии»); возможно, ему принадлежит также одна из первых карт Римской империи. Собранный здесь материал по Восточной Европе отличается актуальностью и свежестью. Достаточно сказать, что в труде Агриппы впервые встречается название реки Вислы (*Vistla*), а некогда обширная Скифия соединена с Сарматией и ограничивается территорией Крыма:

Дакия и Гетика ограничиваются с востока пустынями Сарматии, с запада — рекой Вистлой, с севера — океаном, с юга — рекой Истром. Простирается в длину на 1200 миль, ширина же там, где есть сведения, — 386. Сарматия, Скифия Таврика. Они ограничиваются с востока хребтами горы Кавказ, с запада — рекой Борисфен, с севера — океаном, с юга — Понтийской провинцией. Длина — 980 миль, ширина — 715 (из «Хорографии» Агриппы по поздним изложениям).

На географические данные Агриппы ссылаются и их используют многие римские авторы последующих веков.

В 40-х годах I в. н.э. написан небольшой географический трактат «Хорография» (“De chorographia”), автор которого *Помпоний Мела* построил его как перипл, взяв за принцип описания плавание вдоль морского побережья. Наряду с некоторыми актуальными сведениями, почерпнутыми, по-видимому, из агрипповой традиции, Мела следует в географической локализации и характе-

ристике народов Северного Причерноморья в основном за эллинистическими авторами, а в ряде случаев фиксирует древнеионийские и даже иногда догеродотовы представления о расселении племен.

То же можно сказать о слагаемых труда другого римского ученого, государственного деятеля и полководца *Гая Плиния Старшего* (23/24–79 г. н.э.), написавшего грандиозную энциклопедию всей античной науки под названием «Естественная история» (“*Naturalis historia*”, далее — НН). Географическая часть этого труда содержит, как и «География» Страбона, огромное количество отсылок к работам предшественников, позволяющих представить литературную традицию о Северном Причерноморье и Скифии при утрате большинства произведений античных географов и историков. Многие сведения были получены Плинием от чиновников и военачальников, лично участвовавших в тех или иных событиях, военных экспедициях и поездках в район Черного моря. Пожалуй, труд Плиния во всей римской литературе является самым важным, подробным и всесторонним источником по истории Восточной Европы, с которым могут сравниться только произведения Геродота и Страбона. В частности, Плиний одним из первых зафиксировал интересный момент в переходе от «скифской» этнической номенклатуры к «сарматской» (НН IV, 12, 80–81):

В целом [к северу] от Истра все племена — скифские, однако места, прилегающие к побережью, заняли разные народы: в одних находятся геты, которых римляне называют даками, в других — сарматы, по-гречески савроматы (в их числе гамасобии или аорсы), в третьих — выродившиеся и произошедшие от рабов скифы, или трогодиты, затем аланы и роксоланы... Название «скифы» постоянно переходило на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось только за теми, которые, будучи самыми дальними из этих народов, живут почти неизвестные остальным смертным.

В римское время мы располагаем также ценными свидетельствами двух очевидцев, побывавших лично в Северо-Западном Причерноморье. Один из них — великий римский поэт *Публий Овидий Назон* (43 г. до н.э. – 18 г. н.э.), сосланный императором Августом в 8 г. н.э. в низовья Дуная и проведенный там до своей кончины почти десять лет. В поэтических элегиях, названных

«Тристиями» (“Tristia” — «Печальные песни») и «Посланиями с Понта» (“Epistulae ex Ponto”), он оставил яркие зарисовки жизни небольшого греческого города в условиях варварского окружения, настаивая, что он живет в «Скифии»⁴², страдает от «скифского» холода, «скифского» варварства, вынужден выучить «скифский» язык (Tr. V, 10):

Бесчисленные племена грозят вокруг жестокими войнами: они считают постыдным для себя жить не разбоем. Ничто небезопасно вне стен: самый холм защищен слабыми стенами и своим местоположением. Многочисленные враги, как птицы, налетают, когда их меньше всего ждешь, и едва их успеешь только рассмотреть, как они уже уведут добычу... Нас едва защищает крепость, но и внутри стен вызывает страх толпа варваров, смешанная с греками, ведь варвары живут с нами безо всякого различия и занимают большую часть домов. Если даже их не бояться, то можно возненавидеть, увидев грудь, прикрытую шкурами и длинными волосами. Да и те, кто, как считают, происходит из греческого города, также носят вместо отечественного костюма персидские шаровары. У них есть возможность вести разговор на общем языке, а я вынужден обозначать вещи жестами... Прибавь к этому, что несправедливый суд вершится жестоким мечом и часто прямо посреди форума наносятся раны...

Известный греческий оратор и философ *Дион Хрисостом* (около 40 г. — 120 г. н.э.) в знаменитой «Борисфенитской речи», произнесенной в 100 г., донес уникальные сведения о положении греческого города Ольвии, которую он незадолго до этого посетил (II, 48):

Город борисфенитов (Ольвия. — *А. П.*) по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн...; последнее и самое сильное разорение его было не более как сто пятьдесят лет тому назад: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии (прибрежный город на территории современной Болгарии. — *А. П.*)... После разгрома борисфениты снова заселили город, — как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили со-

⁴² См. Trist. I, 3, 61: “Scythia est, quo mittimur”; cp. III, 2, 1: “Ergo erat in fati Scythiam quoque visere nostris”.

племенников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинистическому образцу (пер. В.В. Латышева).

От времени императора Адриана до нас дошел «Перипл Черного моря», составленный в 30-е годы II в. н.э. на греческом языке специально для императора наместником провинции Каппадокии *Флавием Аррианом*. Помимо литературной традиции, обильно использованной Аррианом, в перипле представлена и актуальная информация, касающаяся Южного, Восточного и Северного Причерноморья конца I в. н.э., в частности, об усилении в это время скифо-таврского царства (30):

От Пантикапея (Керчи. — *А. П.*) до местечка Казека, лежащего при море, — четыреста двадцать стадиев; отсюда — двести семьдесят стадиев до опустевшего города Феодосии; и это был древний эллинский город, ионический, колония милетцев; упоминания о нем имеются во многих литературных памятниках. Отсюда — двести стадиев до покинутого порта скифо-тавров, а отсюда до Лампады в Таврической земле — шестьсот стадиев. От Лампады до порта Символа, также таврического, пятьсот двадцать стадиев. Отсюда сто восемьдесят [стадиев] до Херсонеса Таврической земли; от Херсонеса до Керкинитиды — шестьсот стадиев, а от Керкинитиды до Прекрасной Гавани, также скифской, еще семьсот (пер. И.И. Прозорова).

Из неизвестных нам источников черпал свои сведения о скифах замечательный греческий писатель *Лукиан* из Самосаты (120 г. н.э. — около 190 г. н.э.), посвятивший несколько произведений с морализаторской темой скифским сюжетам («Токсарис, или дружба», «Скиф, или гость», «Анахарсис, или о гимназиях» и др.). При явной фиктивности и романичности повествования, затрудняющих использование этих сочинений как исторического источника, исследователи отмечают рассмотрение Лукианом достоверной этнографической литературы, дающей нередко подробную и достоверную информацию о скифах.

Примерно в то же время романическую линию в «скифских» сюжетах можно обнаружить у *Полиэна*, написавшего в 60-е годы II в. н.э. «Стратегемы», которые были посвящены различным военным хитростям, использовавшимся различными полководцами, и женским военным доблестям. В некоторых книгах (V, VI, VII

и VIII) есть рассказы, связанные с историей Северного Причерноморья (Херсонеса, скифов, сарматов, Боспорского царства). Уникальность и достоверность некоторых свидетельств позволяют полагать, что Полиэн пользовался раннеэллинистическими источниками (Эфор и Дурис Самосский), основанными на информации местного боспорского происхождения, утраченной в настоящее время. Здесь мы читаем интереснейшие, но скорее всего малодостоверные рассказы из истории Боспорского царства и местных варваров, каковым является, например, рассказ о сарматской правительнице Амаге, сражавшейся со скифами (VIII, 56):

Амага, жена Медосакка, царя сарматов, живших на Понтийском побережье, видя, что муж ее предается роскоши и пьянству, по большей части сама чинила суд и расправу, сама расставляла гарнизоны в своей стране, отражала набеги врагов и помогала обижаемым соседям. Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, так что и жившие на Таврическом полуострове херсонесцы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять их в число союзников. Амага сначала послала [скифскому царю] приказание прекратить свои набеги на Херсонес; когда же скиф не послушался, то она выбрала 120 человек, сильнейших душой и телом, дала каждому по три лошади и, проскакав с ними в одни сутки 1200 стадиев, внезапно явилась ко двору [царя] и перебила всех [стражей, стоявших] у ворот. Скифы пришли в смятение от неожиданности и вообразили, что нападающих не столько, сколько они видели, а гораздо более. Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня [печальную] кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров (пер. В.М. Клембровского).

Вершина геокартографической мысли античности — труды греческого ученого из Александрии *Клавдия Птолемея* (середина II в. н.э.), продолжившего традиции эллинистической географической науки (Эратосфена, Гиппарха, Марина Тирского). В своем «Географическом руководстве», которое построено как описание карты мира, снабженной градусной сеткой с параллелями и меридианами, Птолемей подробно описывает и территорию Восточной Европы. По объему топонимического материала, почерпнутого

Птолемеем из греческой и римской географической литературы и сведенного воедино, этому произведению нет равных во всей античной литературе. Восточная Европа заключена для Птолемея на пространстве между Венедским заливом (Балтийским морем) и Меотидой (Азовским морем). Здесь он называет реку Вистулу (Вислу), дает названия некоторых рек, впадающих в Балтийское море, а также перечисляет десятки племен, многие из которых, к сожалению, не поддаются отождествлению. Среди этих народов некоторые ассоциируются с позднейшими финнами (галинды, финны), славянами (венеды), германцами (гитоны), гуннами (хуны). Впервые на карте Птолемея появляются «Карпатские горы» как южная граница Сарматии, а также река Волга (Ра). Интересно, что Птолемей, несмотря на сугубо научный характер своего труда, находит на карте Восточной Европы место и для мифических гипербореев, и гиппоподов (лошадиноногих людей), и амазонок (в области Северного Кавказа), и Рифейских гор. Важно отметить, что для скифов на этой карте места почти не остается — они упомянуты в Восточной Европе только раз в III, 5, 7 как «скифы-аланы» (причем далее называются только «аланы»), — а их место прочно занято сарматскими племенами, сменившими здесь скифов (III, V, 1–3):

Положение Европейской Сарматии. [Европы карта 8-я]. Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу и частью неизвестной земли. Описание такое: за устьем реки Вистулы, которое находится под 45° долготы — 56° широты, следует устье реки Хрона под 50° – 56° , устье реки Рубона под 53° – 57° , устье реки Гурунта под $56^\circ(30')$ – $58^\circ 30'$, устье реки Хесина под $58^\circ 30'$ – $59^\circ 30'$ С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками, и Сарматскими горами, и самими горами, о положении которых уже сказано. Южную границу составляют: языги-метанасты от южного предела Сарматских гор до начала горы Карпата, которая находится под 46° – $48^\circ 30'$, и соседняя Дакия около той же параллели до устья реки Борисфена, и далее береговая линия Понта до реки Каркинита... Восточную границу Сарматии представляют: перешеек от реки Каркинита, озеро Вика, береговая линия Меотийского озера до реки Танаиса, самая река Танаис, наконец, меридиан, идущий от истоков Танаиса к неизвестной земле (пер. И.П. Цветкова).

Некая Скифия располагается у Птолемея к северу от Каспийского моря вдоль Волги (V, 8, 12; VIII, 18, 2), она же, вероятно, имеется в виду, когда Птолемей перечисляет северные области ойкумены: Серика, Скифия, Сарматия (VII, 5, 2).

Во многом на трудах Помпония Мелы и Плиния была основана книга *Гая Юлия Солина* «Собрание достопримечательностей» (“Collectanea rerum memorabilium”, написана в первой половине III в. н.э.), которая содержала множество фактов из древней географии, истории и этнографии, заслуживавших, с точки зрения автора, внимания. Этот труд стал, в свою очередь, одним из основных источников геокартографических познаний на протяжении всего средневековья. Вот так выглядит одно из описаний скифов у Солина (XV, 15–16):

У скифов, живущих далее внутри [страны], образ жизни более суровый: они живут в пещерах; чаши выделывают не так, как эсседоны, а из черепов врагов; любят битвы; кровь убитых пьют из самых ран; с числом убийств увеличивается слава, а быть свободными от них у них считается позором. Договоры они освящают взаимным высасыванием крови... (пер. В.В. Латышева).

К первым векам нашей эры восходит карта мира, сохранившаяся в единственной копии XII–XIII вв., — знаменитая *Певтингерова карта* (“Tabula Peutingeriana”). К выводу о столь раннем ее происхождении приводит анализ ее формы (длинный свиток, наматываемый на деревянный цилиндр) и номенклатуры, воспроизводящей политическую и этническую ситуацию ранней Римской империи с дополнениями, сделанными во время императора Диоклетиана. Карта в очень искаженной форме (что неизбежно при ее ширине около 34 см и длине 6,75 м) дает очертания трех материков, морей, рек и гор, которые служат основой для показа дорожной сети Римской империи. Вся карта покрыта сетью линий, изображающих дороги; на ней расположены также города, станции, узловые пункты, переправы; указаны и расстояния между ними.

В Восточной Европе на карте обозначены сарматы («Сарматские пустыни», «амаксобии сарматы», «лупионы сарматы», «венанди сарматы», «роксуланы сарматы»), а скифы все отнесены на восток в Азию, от Каспийского моря и до Восточного океана («пара-

локи скифы», «отио скифы», «саги скифы», «роумы скифы», «эседоны скифы», «абио скифы», «кстис скифы»).

Ценным источником по истории Северного Причерноморья является сборник биографий римских императоров от Адриана до Нумериана (117–284 гг.), известный под названием *Писатели истории Августов* (“*Scriptores historiae Augustae*”) и написанный (или составленный) в IV в. Авторы, которым приписывается создание той или иной биографии, по другим источникам не известны, тем не менее использованные ими сведения, в частности, о набегах готов из Северного Причерноморья, часто оказываются достоверными и вполне актуальными. При этом готам нередко присваивалось имя скифов, что станет традицией на многие столетия (см., например: Требеллий Поллион, Двое Галлиенов, 5–6):

Когда Валериан (в 60-х годах III в. — *А. П.*) был в плену..., готы (*Gothi*), или скифы, имя которых... придано готам, заняли Фракию, опустошили Македонию, осадили Фессалонику, и ниоткуда не видно было даже скромной надежды на спасение... С теми же готами произошло под предводительством Марциана сражение в Ахайе (Греции. — *А. П.*), откуда они отступили, потерпев поражение от ахейцев. Между тем скифы, т. е. часть готов, опустошали Азию. Был разграблен и сожжен и храм Эфесской Луны, сокровища которого по слухам достаточно известны народам... (пер. В.В. Латышева).

Аммиан Марцеллин (около 330 – около 395 гг.), написавший большой исторический труд о современных ему событиях (“*Res gestae*”), в описании Северного Причерноморья использует как литературные источники, частично восходящие к древнеионийскому времени, так и свежие сведения, в частности, о гуннах, недавно вторгшихся в Восточную Европу. Его этнографические экскурсы об аланах и гуннах содержат множество ценных данных об этих народах. Этнические и политические изменения в «скифской стране» не прошли мимо его внимания (XXXI, 2, 13):

Истр со множеством притоков течет мимо [земли] савроматов, простирающейся до реки Танаиса, составляющей границу Азии и Европы. За ней тянутся бесконечные степи Скифии, населенные аланами, получившими свое название от гор (Аланских, или Алаунских гор, расположенных где-то к северо-западу от Каспийского моря. — *А. П.*), они мало-помалу по-

стоянными победами изнурили соседние народы и распространили на них название своей народности, подобно персам (пер. В.В. Латышева).

Со становлением в IV в. христианства как государственной религии начинается новый этап историографии — пересмотр истории с точки зрения христианства и его ценностей. Одним из первых таких трудов на Западе стала «История против язычников» (“*Historiae adversum paganos*”) Павла Орозия, написанная около 417 г. На греческом Востоке это труды по всеобщей, локальной и церковной истории Евсевия (ум. в 340 г.), Филосторгия (368–440 гг.), Сократа Схоластика (380–440 гг.), Созомена (писал около 444 г.), Феодорита Киррского (первая половина V в.), Зосима (вторая половина V в.), Приска Панийского (около 410/420 – около 475 гг.) и др. Церковные и светские истории, написанные этими и другими авторами (церковными охвачен период с 300 по 470-е гг.), содержат много новых сведений о борьбе римских императоров против готов и гуннов, о принятии готами и другими причерноморскими народами христианства и т.д. Тем не менее этнографическая и географическая номенклатура, используемая раннехристианскими авторами, долго еще (вплоть до позднего средневековья) оставалась той же, что и в произведениях языческой античности. В частности, описание Северного Причерноморья у Орозия основывается на материалах, восходящих к трудам Агриппы, хотя автор и доводит историю мира до современных ему событий, где в Восточной Европе выходят на историческую арену уже другие народы (I, 2, 52 и VII, 37, 3–5):

Европа начинается от Рифейских гор, реки Танаиса и Меотийских болот, лежащих на востоке, простирается по берегу Северного океана до Галлии Бельгийской и реки Рейна, который течет на запад, затем до Данувия, называемого и Истром, который направляется с юга на восток и впадает в Понт (Черное море. — *А. П.*); на востоке лежит Алания, посредине — Дакия, где и Готия, затем Германия, где большую часть занимают свебы; во всех этих странах живут 54 племени... Я умалчиваю о частых раздорах между собой самих варваров, когда по очереди два клана готов, затем аланы и гунны грабили друг друга, производя разные убийства. Радагайс, самый страшный из всех древних и теперешних врагов, внезапно напал и наводнил всю Италию; говорят, что в его народе было более 200 000 готов.

Этот, кроме невероятного количества людей и неукротимой доблести, был язычник и скиф... (пер. Г.Г. Зоргенфрея).

Период Великого переселения народов III–V вв., когда огромные этнические массы Северной и Восточной Европы, а также Северной Азии мигрировали из мест обычного расселения, разрушая на своем пути сложившиеся государственные и этнические границы, отразился в некоторых трудах, появившихся в раннее средневековье. Одним из них является книга «О происхождении и деяниях гетов» (“*De origine actibusque Getarum*”) *Иордана* (VI в.), происходившего из смешанной гето-аланской среды и поставившего своей целью написать историю готов (он называет их античным именем «геты»). Поскольку ранняя история готов времен царства Германариха была тесно связана с Восточной Европой и Северным Причерноморьем, произведение Иордана является ценнейшим источником позднеантичной и раннесредневековой истории этого региона. Он рассказывает о продвижении готских племен от побережья Балтийского моря к Черному, дает перечень племен, с которыми пришлось столкнуться готам (среди них, помимо традиционных скифов, упомянуты, возможно, финно-угорские народы вепсы, чудь, меря), подробно рассказывает о царствовании гуннского царя Атилы, а также впервые прямо связывает племенное название венедов, встречавшееся у античных авторов начиная с I в. н.э., со славянами, которые живут, по Иордану, на Дунае и в Северо-Западном Причерноморье и делятся на венедов и антов. Любопытно сохранение при этом античной традиции помещения в Восточной Европе Скифии (30–31):

Скифия погранична с землей Германии вплоть до того места, где рождается река Истр и простирается Мурсианское озеро (возможно, Балатон. — *А. П.*); она [Скифия] тянется до рек Тирры, Данастра и Вагосолы (возможно, Южного Буга. — *А. П.*), а также великого того Данапра и до горы Тавра — не той, что в Азии, а собственной, то есть скифской (то есть Крыма. — *А. П.*), — по всей прилегающей к Меотиде местности и за Меотиду, через Босфорские проливы (то есть Керченский пролив. — *А. П.*) до Кавказских гор и реки Аракса; затем она [Скифия], загнувшись в левую сторону, за Каспийское море (а это последнее возникает на крайних границах Азии, от северо-восточного океана, в виде гриба, сначала тонкого, потом — широчайшей круглой формы), склоняется к области гуннов

и отступает до албанов и серов (то есть китайцев. — *А. П.*)
(пер. Е.Ч. Скржинской).

О славянских племенах склавинов (склавов) и антов рассказывают также ранневизантийские историки V–VI вв. Приск Панийский, Прокопий Кесарийский, Псевдо-Кесарий, Иоанн Малала, Агафий Миринейский, Менандр Протектор, Маврикий и др., часто именуя их и другие народы, появившиеся в Северном Причерноморье, «скифами».

Традиционную, основанную на позднеантичных источниках схему расселения племен в Восточной Европе дает в своих «Этимологиях» (“*Etymologiae*”) испанский епископ и писатель, ревностный собиратель античных знаний *Исидор Севильский* (жил около 570–636 гг.). В качестве примера приведу его описание Скифии:

В Европе первой страной с востока является Нижняя Скифия (*Scythia inferior*), простирающаяся от Меотийских Болот между Дунаем и Северным океаном вплоть до Германии; из-за варварства ее обитателей она называется также Барбарикой (*Barbarica*); у Меотийских болот находится Алания, затем Дакция, где и Готия, а затем Германия (XIV, 4, 3).

Приблизительно 700 годом датируется латиноязычная «Космография» *Анонима из Равенны* (“*Cosmographia Ravennatis Anonymi*”), которому, по всей видимости, была доступна карта мира, близкая «Певтингеровой», поскольку длинные списки топонимов обоих памятников часто совпадают между собой. Весьма характерно в описаниях Восточной Европы соотношение античных традиционных, ставших уже хрестоматийными, этнонимов, таких как скифы, сарматы, роксоланы, амазонки, со сравнительно новыми именами, ставшими известными в период переселения народов и позднее — склавины, карпы, готы, даны, гепиды, газы (хазары). «Космография» содержит около 5300 названий стран, городов, племен, народов, местностей, гор, рек, островов, заливов, многие из которых, почерпнутые из античных источников, дошли только в «Космографии». Вот как описывает Равеннат Скифию (IV, 1):

В доле же Яфета, сына Ноя, которую философы называли Европой, располагаются следующие страны: страна, которая называется Скифией и представляет собой, в основном, пустыню. Ее называют также Великой Скифией. Космограф Иордан ска-

зал, что она имеет форму гриба... Эта страна расположена [на] побережье Северного океана рядом с вышеупомянутыми Римфейскими горами. Передают, что эта страна широко раскинулась в длину и ширину.

Автор вполне осознает те изменения, которые произошли на карте Европы в ходе Великого переселения народов и стали причиной путаницы в этногеографической номенклатуре, чему свидетельством его слова из Введения к «Космографии» (I, 1):

Итак, как было условлено, я подробно, с помощью Христа, расскажу... обо всем, если только не буду введен в заблуждение тем, что различные племена, возжелав из-за своей чрезмерной дерзости чужих или лучших земель или же, возможно, терпя тяжкие притеснения от других народов, переместились из собственных владений и при этом страны, города или же реки, названные когда-то одним именем, теперь стали называться иначе, как это бывает у варваров.

* * *

Говоря об античной литературной традиции о Скифии и скифах, следует иметь в виду ряд общих моментов, которые определяют специфику этой традиции и часто затрудняют использование содержащейся в ней информации.

1. Особенностью античных источников является длительность рукописной традиции. Большинство памятников античной литературы было целенаправленно собрано, классифицировано, переписано и тем самым спасено от гибели (а затем типографски издано) лишь в эпоху Возрождения (XIII–XV вв.); обнаружение все новых памятников продолжается до наших дней. В результате смены культур (от языческой античности к средневековому христианству) менялись приоритеты при переписывании рукописей; многие рукописи были утрачены из-за отсутствия интереса к ним в средние века.

2. Вследствие этого до нас не дошло огромное количество памятников античной письменности, о которых сохранились упоминания у других авторов. Поэтому многие важные звенья информационной цепочки о Северном Причерноморье и скифах приходится восстанавливать по скудным фрагментам и отрывкам. Разрозненность и фрагментарность дошедших сведений делает работу историка чрезвычайно сложной.

3. Длительность рукописной традиции является также причиной плохого качества многих текстов, дошедших до нас. Средневековый переписчик, слабо ориентированный в античной географии и истории, часто не понимал текста и допускал ошибки и произвольные исправления в написании тех или иных этнонимов, топонимов, гидронимов и т.д. Ученым часто приходится восстанавливать текст, прибегая к многочисленным конъектурам (поправкам). Текстологическая традиция изучения и издания некоторых памятников (например, Страбона, Помпония Мелы, Плиния Старшего или Птолемея, чьи тексты содержат десятки и сотни имен) насчитывает уже века, и тем не менее часто бывает весьма трудно установить первоначальный авторский текст.

4. Стереотипность описаний, заключающаяся в переносе расхожих схем, освященных авторитетом, на сходные ситуации (в этнографии, климатологии и др.). Так, например, Овидий, лично наблюдавший жизнь в низовьях Дуная, парадоксальным образом изображает климат, природу и население этого района, опираясь на знаменитое описание своего великого предшественника Вергилия, который, не будучи лично знаком со здешними местами, перепевал известные всем мотивы «Скифского рассказа» Геродота. Следует принимать во внимание и традиционность этнической номенклатуры, когда новые народы, пришедшие на территорию прежних, носят в текстах имена предшественников (так, славян в раннесредневековой историографии еще долго называли скифами или гуннами).

5. Отсюда — вторичность большинства описаний (например, Плиний, спустя шесть веков после Геродота, повторяет его почти дословно); про свидетельства очевидцев (автопсию) можно говорить только в случае с тремя авторами — с Геродотом, побывавшим, по-видимому, в середине V в. до н.э. в Ольвии, с Овидием, сосланным в начале I в. н.э. в устье Дуная, и с Дионом Хрисостомом, посетившим на рубеже I–II вв. Ольвию. Все остальные сведения были получены из вторых рук и носят книжный, компилятивный характер.

6. Тенденциозность в изображении варварского мира Северного Причерноморья, когда скифов пытались представить то как воплощение вселенского зла, жестокости и коварства, то, наоборот, как идеальных, близких к природе и не знающих пагуб ци-

визации «природных» людей (взгляды Эфора). «Ученая» поэзия, часто черпавшая свой материал из популярной этнографической литературы, дает много образцов такой тенденциозности.

7. Большую опасность для исследователя может представлять часто непреднамеренная эллинизация варварского мира в историко-этнографических описаниях греков, а именно, приписывание варварским народам черт, понятий и обычаев, которые были свойственны самим грекам, или, наоборот, приписывание им зеркально противоположных качеств.

8. Трудности в определении степени достоверности наших источников обусловлены синкретизмом античного литературного творчества, выразившимся в смешении научного и художественного начал (художественность научной прозы и «ученость» поэзии). Нерасчлененность научного и мифо-поэтического подходов к осмыслению и описанию событий и явлений, риторичность античной культуры наложили своеобразный отпечаток на характер сообщаемых сведений.

9. Многим античным описаниям свойственны параллелизм и симметрия как основа расположения и осмысления этногеографического материала. Так, например, скифский север и ливийский (африканский) юг — излюбленный пример двух противоположностей в климате, условиях жизни, характере народов; сюда же можно отнести симметричность их географического положения, в частности, направления течения Нила и Дуная рассматривались как симметричные относительно Средиземноморья, что проявилось и в симметрии картографического изображения этих двух регионов и т.д.

10. Постепенный перенос мифологических реалий все дальше на периферию ойкумены в связи с ее освоением (гипербореи, амазонки, Рифей, названия Тавр, Борисфен, Боспор и другие реалии, фиксируемые в различных районах Восточной Европы).

11. Своеобразное восприятие географического пространства, предпочтение текстового описания графическому (картографическому) изображению, что выразилось в различных смещениях географических объектов.

Все эти моменты следует иметь в виду при использовании наших источников в исследовании образа Скифии.

* * *

В заключение приведу отрывок из «Аттических ночей» римского интеллектуала и книгочехя Авла Геллия, который около 169 г. н.э. опубликовал разнообразные выписки из прочитанных им книг; текст показывает, с одной стороны, какой любовью пользовались книги в древнем Риме среди образованных людей, с другой, — какие сведения о Восточной Европе греки и римляне могли получить из этих книг (Noct. Att. IX, 4, 1–06):

(1) Когда мы на возвратном пути из Греции в Италию прибыли в Брундизий и, сойдя с корабля на землю, прогуливались в его знаменитой гавани... мы увидели выставленные связки продажных книг. (2) Я тотчас жадно бросаюсь к книгам. (3) Все это были греческие книги, наполненные чудесами и сказками, неслыханные и невероятные вещи, старинные писатели немалой важности: Аристей Проконнеский, Исион Никейский, Ктесий, Онесикрит, Полистефан и Гегесий⁴³; (4) самые свитки были покрыты давнишней плесенью и имели безобразный вид. (5) Все-таки я подошел, спросил и, увлеченный удивительной и неожиданной дешевизной, купил множество книг за небольшую сумму и все их бегло прочитал в две ближайšie ночи. (6) В этих книгах были известия такого рода: что те отдаленнейшие скифы, которые живут на крайнем севере, питаются человеческим мясом, поддерживают жизнь такой пищей и называются людоедами; что под тем же небесным поясом есть также люди, называемые аримаспами, с одним глазом посредине лба, [то есть с таким лицом], какое, по словам поэтов, имели киклопы; что в тех же странах есть другие люди, [отличающиеся] необыкновенной быстротой и имеющие следы ног, вывернутые назад, а не [так], как у прочих людей, направленные вперед и противопоставленные; кроме того, передается, [пишут эти книги], и упоминается, что в одной отдаленной земле, называемой Албанией, рождаются люди, которые седеют в детстве и лучше видят глазами ночью, чем днем; затем, будто достоверно известно, что савроматы, которые живут далеко за рекой Борисфеном, постоянно принимают пищу на третий день, а в средний воздерживаются [от нее] (пер. В.В. Латышева).

⁴³ Произведения этих авторов, к сожалению, не сохранились и известны только во фрагментах.

Глава 2

ПРИРОДНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СКИФИИ

Нахождение Скифии на отдаленной окраине ойкумены было одним из важнейших признаков варварства ее обитателей, ведь, по представлениям античных авторов, только «здесь», в центре мира, возможна цивилизация, а все окраины населены дикими, свирепыми, невежественными народами¹.

2.1. Географическое положение Скифии

Наиболее распространенное в античности мнение о географическом положении Скифии, освященное авторитетом Геродота, таково: скифы помещаются в Северном Причерноморье между Истром (Дунаем) и Танаисом (Доном). Думается, однако, что на раннем этапе знакомства греков со скифами их представление о географии Скифии не было столь точно определено, более того, скифы, по-видимому, занимали в глазах архаических греков весь север ойкумены. Оснований для такого вывода несколько².

¹ См.: *Грацианская Л.И.* Центр и периферия: литературное воплощение этнопсихологических реалий в описании «варваров» // ДГ, 1996–1997 гг. М., 1999. С. 45–58; *Bäbler B.* Greeks and Barbarians on the Black Sea Shore: Material remains and literary perceptions // *Pont Euxin et polis. Polis Hellenis et polis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23–26 septembre. Hommage à Otar Lorgkipanidze et Pierre Lévêque.* Paris, 2005. P. 54–56; см. с. 56: “Scythia in particular was no longer just a geographical location, but had become also a meta-physical one, a kind of opposite world”.

² Подробнее об этом см.: *Подосинов А.В.* Понятие «Скифия» от Эсхила до Блока: геополитические, географические, этические коннотации // *Antiquitas Aeterna. Поволжский антиковедческий журнал.* Нижний Новгород, 2014. Вып. 4. С. 335–360; *Он же.* Место Скифии в географической картине мира древних греков до Геродота // *Книга картины Земли: Сборник статей в честь Ирины Геннадиевны Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова.* М., 2014. С. 212–230; *Он же.* География Скифии в античной литературе

Прежде всего, надо иметь в виду следующую особенность греческой космологии и географии. Как известно, в архаическое время кругозор греков был ограничен несколькими морями, примыкающими к Греции и Малой Азии. Эгейское море, окруженное сушей (Малой Азией на востоке, Фракией на севере, Сицилией на западе, Критом и Египтом на юге), а также Ионийское и Сицилийское — вот пространство, в котором эпические герои (Одиссей, Геракл, Ио, аргонавты) должны были странствовать между Азией, Европой и Ливией³. При этом, начиная с Гомера, ойкумена считалась окруженной со всех сторон единым Океаном⁴. Из этих двух

от Эсхила до Оросия // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Матлы конф. 26–28 октября 2015 г. / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 84–89.

³ Это понимали и древние греки. Так, Эратосфен писал, что «греки насчитывали три материка, имея в виду не весь обитаемый мир, а только собственную страну и землю, лежащую прямо напротив них, то есть Карию, где теперь живут ионийцы и их соседи. С течением времени, двигаясь все дальше и знакомясь все с большим числом стран, греки в конце концов пришли к нынешнему делению материков» (apud *Strabo* I, 4, 7). Сам Страбон, говоря о географических познаниях Гомера, писал: «Люди того времени еще не употребляли ни имени Азии, ни Европы, а обитаемый мир еще не делился, как теперь, на три материка...» (XII, 3, 27). Самая западная точка Греции у Гомера — Ахелой в Этолии (II. XXI, 194), а на юго-западе — залив Малый Сирт на севере Африки с лотофагами (Od. IX, 83–104); скорее всего он не знал Сицилии (подробнее см.: *Hyde W.W. Ancient Greek Mariners. New York, 1947. P. 74–75, 79; Ballabriga A. Le Soleil et le Tartare. L'image mythique du monde en Grèce archaïque. Paris, 1986. P. 59–60).*

⁴ Так, у Гомера вся ойкумена окружена со всех сторон океаном (II. VII, 421–423 с запада; V, 6 с востока; I, 422–424 с юга; XVIII, 489 с севера; ср. дискуссию и доказательства, что Гомер видел землю окруженной океаном, у Страбона (I, 1, 3; 7–8). Гесиод также говорит о кругообразном течении Океана (Theog. 776; так же в «Щите Геракла», 314, приписываемом Гесиоду). Вся античная литература разделяла мнение о таком соотношении суши и океана: так думали Платон, Эратосфен, Пифей, Кратет Маллосский, Посидоний, Страбон, Мела, Плиний, Птолемей, если называть только самых известных географов и ученых (см.: *Olshausen E. Geographie // Mensch und Landschaft in der Antike. Lexikon der Historischen Geographie / Hrsg. von H. Sonnabend. Stuttgart; Weimar, 1999. S. 171).* Ср.: *Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 9:* «Знания о гомеровской географии позволяют представить себе, что в эпоху сложения древнейшего эпоса о походе аргонавтов водные пространства за пределами Эгейского моря казались еще достаточно неопределенными и представление о его границах сливалось с представлением об

хорошо документированных тезисов следует третий, логически вытекающий из них. А именно: в этой ситуации проливы — Босфорский (выводящий вместе с Геллеспонтом и Пропонтидой в Черное море), Мессенский (выводящий между Сицилией и Италией в Западное Средиземноморье), Сицилийский (разделяющий Сицилию и Северную Африку) и Отрантский (отграничивающий Адриатическое море от Ионийского) — воспринимались как рубежи ойкумены, представляющие собой выходы во Внешний океан, а значит, в потусторонний мир, ведь именно там чаще всего локализовали царство мертвых⁵.

Если попытаться представить себе, как выглядела ойкумена в древнейшее время, получится весьма своеобразная картина (см.

Океане как об омывающем землю потоке, берега и острова которого населены обитателями потустороннего мира».

⁵ У древних греков сосуществовало несколько представлений о том, где находится царство мертвых, в том числе его располагали в океане или на острове посреди океана (подробнее об этом см.: *Radermacher L.* Das Jenseits im Mythos der Hellenen. Untersuchungen über antiken Jenseitsglauben. Bonn, 1903; *Berger H.* Mythische Kosmographie der Griechen // *Roscher W.H.* Ausführliches Lexikon der griechischen und römischen Mythologie. Supplement III. Leipzig, 1904 (Reprint Hildesheim 1965). S. 16–17; *Lesky A.* Thalatta: Der Weg der Griechen zum Meer. Wien, 1947. S. 70–73; *Ballabriga A.* Le Soleil. Passim). Любопытно, что иногда царство мертвых помещали даже на Британских островах — за Дуврским проливом (см. *Plut.* De facie in orbe lunae, 941a; *Radermacher L.* Das Jenseits. S. 5–6; *Hennig R.* Die Geographie des homerischen Epos. Eine Studie über die erdkundlichen Elemente der Odyssee. Leipzig; Berlin, 1934. S. 79). Прокопий Кесарийский рассказывает историю о том, как жители северо-западного побережья Европы по ночам перевозят души умерших людей через Ламанш на волшебных судах «на остров Бриттнию», где находится царство мертвых (*Procop.* BG, IV, 20, 8). Дион Кассий (LX, 19) сообщает, что солдаты взбунтовались, не желая идти в поход с Клавдием в 43 г. в Британнию — эту далекую и опасную страну, расположенную «за пределами обитаемого мира» (ἔξω τῆς οἰκουμένης). К вопросу о соотношения Аида и Океана см: *Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т.* Остров Кирки и изображения на келермесском ритоне, преддверье Аида и древнейшая греческая расписная керамика в Северном Причерноморье (по «Одиссее» и археологическим материалам) // Боспорский феномен. Искусство на периферии античного мира. Мат-лы международной науч. конф. СПб., 2009. С. 339: «В “Одиссее” во всех повествованиях о плаваниях никогда не упоминается океан, а всегда только море — кроме тех мест, когда упоминается или подразумевается Аид. Океан всегда рядом с Аидом, а Аид — с Океаном».

Илл. 1). По карте-реконструкции видно, что, скажем, выход в океан через Босфорский пролив находится недалеко от выхода в океан через Адриатику, и этим могут объясняться резкие переходы Одиссея, Геракла, аргонавтов и других путешественников из северо-восточной части ойкумены (Черного моря) в западную часть (Адриатика и Тирренское море), или наоборот.

Илл. 1.

Картина мира греков архаического периода (реконструкция автора).

Представляется, что античные проливы — это изначально символ выхода в открытый океан, то есть из «нашего», (среди-)земного, цивилизованного мира в мир «чужой», фантастический, потусторонний, варварский; они воспринимались как нечто лимитрофное между жизнью и смертью⁶. По мере освоения ойкумены некоторые проливы действительно оказались воротами в океан, а некоторые оканчивались «тупиком» или были «внутренними» проливами, и, если на западе Нашего моря (так называли акваторию Средиземного, Черного и Азовского морей в античности) это стало ясно довольно быстро (Гибралтар вел в океан, Сицилийский и Мессенский проливы оказались «внутренними», а Отрантский

⁶ См. *Пронн В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1986. С. 286: «Все виды переправы указывают на единую область происхождения: они идут от представления о пути умершего в иной мир, а некоторые довольно точно отражают и погребальные обряды».

пролив не вел никуда, оказавшись глубоким заливом Адриатики), то на востоке, в районе Черного и Азовского морей, процесс физического и ментального освоения проливов шел долго и противоречиво. Априорные космологические и мифологические схемы, в рамках которых древний грек видел вселенную и ойкумену, долго не давали ему возможности «смириться» с географической асимметрией.

Особенно ярко представление о проливе, ведущем в океан, проявляется в отношении Черного моря (оно же Понтийское море и Понт Эвксинский). Так, Страбон пишет (I, 2, 10):

В гомеровскую эпоху Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира, поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт», подобно тому как Гомера называли просто «поэтом». Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте⁷, предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу господствующих представлений (пер. Г.А. Стратановского).

Есть и еще одно свидетельство того, что Черное море понималось изначально как часть Океана и считалось, что Северного моря можно достичь водным путем из Черного моря. Я имею в виду весьма древнюю традицию, согласно которой Меотида (Азовское море) воспринималась как часть Внешнего (в данном случае Северного) океана⁸. По мере освоения Черного моря в результате Великой греческой колонизации стало ясно, что это — замкнутое

⁷ Имелись в виду плавание Одиссея в страну киммерийцев и локализация страны Ээта (позднее Колхиды).

⁸ См.: *Burr V. Nostrum mare. Ursprung und Geschichte der Namen des Mittelmeeres und seiner Teilmeere im Altertum. Stuttgart, 1932. S. 37–38: “Einige hielten sie (sc. Maeotis) sogar wie das Hyrkanische Meer für einen Busen des nördlichen Okeanos”*. Подробный анализ этого представления см.: *Подосинов А.В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 40–42.*

море, напрямую не связанное с Океаном. Тем не менее попытки «связать» его с Океаном не прекращались на протяжении всей античности. Об этом свидетельствует, например, перенос названия Босфора (Фракийского) на Керченский пролив (Босфор Киммерийский); пролив, который должен был соединять Наше море с Внешним Океаном, таким образом, отодвигался за Черное море, а его функция — быть границей между этим и потусторонним миром — передавалась новому, имя которого оказывалось связанным с киммерийцами, в чьей стране локализовался вход в Аид.

Так, в «Перипле Эритрейского моря» (60-е гг. I в. н.э.) прямо сообщается, что «лежащее около Каспийского моря Меотийское болото изливается в океан»⁹. Живший во второй половине II в. н.э. Максим Тирский считает, очевидно, Северный океан связанным с Черным морем, когда замечает: «...из Океана течет Меотида, из Меотиды — Понт, из Понта — Геллеспонт и из Геллеспонта — Наше море...»¹⁰. Как о заливе Северного океана пишет о Меотийском болоте и Марциан Капелла, автор V в. н.э.¹¹. О распространенности в античности такого представления об Азовском море свидетельствует Плиний Старший: по его наблюдению, многие считали, что Меотида — залив Северного океана¹².

Поскольку, как отмечалось выше, выход в Океан отождествлялся с выходом в потусторонний мир¹³, именно на границах «нашего мира», то есть на проливах находят свою локализацию различные хтонические чудища, связанные с Аидом, острова блаженных и прочие атрибуты загробного мира; проливы, таким образом маркируют лимитрофную зону между земным и загробным мирами. Следует также заметить, что локализуемые позже крайние

⁹ 64: ἡ παρακεμένη λίμνη Μαιῶτις εἰς τὸν ὠκεανὸν συναναστομοῦσα (пер. М.Д. Бухарина в кн.: *Бонгард-Левин Г.М., Бухарин М.Д., Вигасин А.А.* Индия и античный мир. М., 2002. С. 299).

¹⁰ Dissert. XXVI, 3: ... ἐξ ὠκεανοῦ ἢ Μαιῶτις, ὡς ἐκ τῆς Μαιώτιδος ὁ Πόντος, ὡς ἐκ τοῦ Πόντου ὁ Ἑλλησπόντος, ὡς ἐξ Ἑλλησπόντου ἡ θάλασσα.

¹¹ De nuptiis Philologiae et Mercurii, VI, 619: "Palus vero Maeotica eiusdem sinus habetur Oceani".

¹² *Plin.* NH II, 168: "...ea (sc.palus Maeotica) illius oceani sinus est, ut multos adverto credidisse".

¹³ Ср.: *Ельницкий Л.А.* Знания. С. 16: «Для Гесиода, как и для авторов начального эпоса об аргонавтах, как и для гомеровидов, плавание по океану было потусторонним плаванием».

пределы земли и находящиеся там потусторонние царства и явления в архаический период помещались гораздо ближе, на окраинах балканской и малоазийской Греции, и чаще всего у входов в «ближние» проливы¹⁴.

Если взять район восточных проливов и Черного моря, то уже вход в него воспринимался до освоения этого региона колонистами как выход в потусторонний мир¹⁵. С таким представлением согласуется и помещение при входе в Черное море губительных мифических движущихся скал Планкты (или Симплегады или Кианеи), знаменующих выход в Океан, и страны живущих на берегу Океана киммерийцев, где никогда не бывает солнца и где Одиссей нашел вход в Аид, и острова Левки (= острова блаженных), где Ахилл — владыка мертвых — жил после своей смерти под Троей, и Таврики (Крыма), где было местопребывание прине-сенной в жертву Агамемноном Ифигении, получившей, как и Ахилл, бессмертие и превратившейся в Гекату — богиню смерти, тесно связанную с миром мертвых¹⁶, и пещеры (и реки) Ахерон (в районе

¹⁴ *Ballabriga A. Le Soleil. Passim.* Так, например, на западе Греции помещались озеро, или болото Ахерусия, реки Ахерон и Коцит, которые у Гомера стали атрибутами потустороннего царства Аида (*Ibid.* P. 43), а Псевдо-Скилак (26) и Гекатей Милетский (1 F 26 Jacoby) считали, что царство Гериона и его остров Эрития, позднее локализованные за Гибралтаром, изначально находились в стране амбракиотов и амфилохов на западном побережье Греции, то есть в районе Отрантского пролива. См. также: W. Sieberer в кн.: *Bichler R., Sieberer W. Die Welt in Raum und Zeit im literarischen Reflex der episch-früharchaischen Ära // Wege zur Genese griechischer Identität: Die Bedeutung der früharchaischen Zeit / Hrsg. von Chr. Ulf. Berlin, 1996. S. 152; Hübner W. Mythische Geographie // Geographie und verwandte Wissenschaft / Hrsg von W. Hübner. Stuttgart, 2000. S. 23–24.*

¹⁵ Ср.: *Vassileva M. Greek Ideas of the North and East: Mastering the Black Sea Area // The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historical Interpretation of Archaeology (Historia Einzelschriften 121) / Ed. by G.R. Tsetschlade. Stuttgart, 1998. P. 69–77.* Евстафий в схолиях к Одиссее (I, 4) говорит, что «прибыть из огромного Понта» (ἐκ τοῦ πολλοῦ ἤκειν πόντου) было равносильно выражению «из погибели» (ἐξ ὀλέθρου). См. также: *Иванчик А.И. Скифия как царство мертвых. Греческие представления о периферии ойкумены // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 42–43.*

¹⁶ Ср. замечание Аполлодора о связи Таврики с Аидом (Ер. VI, 26): «Тавры были скифским племенем, у которого был обычай убивать чужестранцев и

Гераклеи Понтийской), соединяющей этот мир с Аидом, из которого Геракл извлек стража подземного мира трехголового пса Кербера. В причерноморском регионе помещали древние греки и такие «реалии», как Кавказскую скалу, к которой Зевс приковал Прометея, дракона, сторожившего золотое руно в сказочном за- океанском царстве Ээта и многие другие чудеса¹⁷.

Плиний Старший пишет о Северном Причерноморье (VII, 10):

Рядом с теми, кто живет на севере, недалеко от места рождения Аквилона и от пещеры, называемой его именем, каковое место называют «гес клитрон»¹⁸, обитают выше-названные аримаспы, отличающиеся одним глазом в середине лба; у них идет постоянная война за рудники с грифами, родом крылатых зверей...

И здесь потусторонние «реалии» и монстры являются приме- тами «края света».

Само название Черного моря как Понта Эвксинского (то есть «Гостеприимного») иногда выводится из представления о нем как о «гостеприимном море царства мертвых»¹⁹.

Любопытно, что Черное море не всегда считалось частью «Нашего». Так, схолиаст к «Аргонавтике» Аполлония Родосского (IV, 284) пишет о двух устьях Истра-Дуная, впадающих будто бы

бросать тела их в священный огонь. Огонь этот горел на священном участке храма и выбивался наружу из Аида через какой-то камень».

¹⁷ Само путешествие аргонавтов за золотым руном некоторые ученые рассматривают как путешествие в загробный мир, страну Эю считают одним из вариантов Элизия, а Ээта — богом подземного царства (*Иванчик А.И.* Аргонавтика, Океан и Черное море // Аверинцевские Чтения. К 70-летию со дня рождения академика С.С. Аверинцева. М., 2008. С. 106).

¹⁸ «Гес клитрон» — латинская передача греческих слов γῆς κλειθρον («запор земли» или «дверь земли»). Вероятно, с этими словами связывалось представление о входе в подземное царство.

¹⁹ См.: *Толстой И.И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918. С. 153: «Того же порядка мифологическая символика ясно просвечивает и в античном названии моря: “Понт Гостеприимный”. Эвфемистически названо здесь *гостеприимным* загробное море, конечно, в том именно смысле, в каком “гостеприимным” величается и Аид, бог подземного царства...». См. также: *Холмель Х.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1. С. 68; *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. Научно-популярное издание. СПб., 1998. С. 21.

одно — в Адриатическое море, другое — в Понт Эвксинский; первое море он называет «Нашим» (ἡ καθ' ἡμᾶς θάλασσα), второе — «Понтийским» (ἡ Ποντικὴ θάλασσα), тем самым не относя Черное море к «Нашему».

Что же касается Отрантского пролива, ведущего в Адриатику, то и он, вероятно, воспринимался как выход в Океан, сопряженный с проходом в мир мертвых. Так, у Гомера острова Схерия (Коркира) и Итака, находящиеся почти при входе в Отрантский пролив, оказываются расположенным на крайнем западе²⁰.

Несколько севернее острова Итака на выходе в Адриатику-Океан в античности был известен остров Левкада (Λευκὰς πέτρη, совр. *Lefkas*), знаменитый тем, что с его скалы сбрасывали (очевидно, в жертву морю) людей и бросались сами желающие погибнуть (по преданию, это сделала поэтесса Сапфо). Известно, что острова с названием Левкада, как этот остров и остров в Черном море, рассматривались в античности как вход в потусторонний мир²¹. Гомер в «Одиссее» (XXIV, 11–13) описывает последнее путешествие в Аид женихов Пенелопы, убитых Одиссеем: они летят в сопровождении Гермеса из Итаки в Аид на край земли по Океану, мимо Левкадийской скалы²². Понятно, что если это самый западный пункт, из-

²⁰ Od. VI, 203–205 (Схерия); IX, 23–25 (Итака).

²¹ См. примеры такого наименования: *Bürchner L. Leuca // RE. 1925. Bd. XII. Sp. 2208–2209.*

²² «...И вел их (то есть тени женихов)

Эрмий (то есть Гермес), в бедах покровитель, к пределам тумана и тленья;

Мимо Левкада скалы и стремительных вод Океана...»

(пер. В. Жуковского)

(πᾶρ δ' ἴσαν Ὠκεανοῦ τε ροὰς καὶ Λευκάδα πέτρην).

Как заметил Несселрат (*Nesselrath H.-G. "Where the Lord of the Sea Grants Passage to Sailors Through the Deep-Blue Mere no More": The Greeks and the Western Seas // Crece and Rome. 2005. Vol. 52 (2). P. 154*), читая эти гомеровы стихи, трудно не вспомнить о Левкаде в Адриатике. Так же в Адриатике локализуют эту Левкаду Гомера А. Баллабрига (*Ballabriga A. Le Soleil. P. 54–56*) и Д. Огден (*Ogden D. Greek and Roman Necromancy. Princeton, 2001. P. 44*). Их критикует Дж.Д. Морган, предлагающая отождествить Левкаду с Гибралтаром (*Morgan J.D. ΛΕΥΚΑΣ ΠΕΤΡΗ // The Classical Quarterly. 1985. N. S. Vol. 35. P. 229–231*). А.И. Иванчик, считая, что эти локализации недостаточно обоснованы, видит в Левкаде Гомера черноморскую Левку (*Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочев-*

вестный грекам²³, то и Адриатическое море могло с легкостью восприниматься как залив Океана, предвещающий вход в подземное царство Аида, и остров Левкада должен был маркировать близость к Аиду²⁴. Собственно, «океанический контекст» этой Левкады, который смущал А.И. Иванчика и заставлял его видеть в ней остров Ахилла в Черном море²⁵, при восприятии Адриатического моря как залива Океана не препятствует отождествлению гомеровской Левкады с островом в Адриатике.

К этому же кругу представлений об океаническо-потусторонней Адриатике следует отнести характеристику, данную этому морю Аполлоном Родосским, который назвал отдаленную часть Адриатического моря «морем Кроноса» (Κρονίη ἄλς — IV, 508; 527; 548; 552)²⁶, — «именем, с которым связано представление о загробном мире, об островах блаженных, на которых царствует Кронос и которое прилагалось к Адриатическому морю лишь в порядке перенесения на него представлений о Северном океане»²⁷. Эсхил в «Прометее Прикованном» (837) называет Адриатику

ники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин, 2005. С. 76). Так же и Д.А. Мачинский и В.Т. Мусбахова прослеживают путь женихов от Итаки через черноморский остров Левку, киммерийцев («народ сна») к северо-черноморскому Аиду (Мачинский Д.А., Мусбахова В.Т. Остров Кирки. С. 319–355). Любопытно, что все исследователи, несмотря на расхождения в конкретной локализации, размещают Левкаду у одного из трех «выходов» из Средиземноморья в Океан.

²³ Еще Геродот писал, что жители Левкады прибыли на помощь Элладу в войне против персов «из самых дальних пределов (ἐξ ἐσχατέων χωρέων)» Эллады (VIII, 47).

²⁴ Ср.: Ballabriga A. Le Soleil. P. 54: “Faisant partie des confins du monde grec archaïque, au delà de l’Achéloos, Leucade a très bien pu passer pour un cap limite, une frontière entre le monde des vivants et celui des morts, dans un imaginaire cosmologique relativement original vers la fin des Ages Sombres et le début du Haut Archaisme (IXe–VIIIe s.a.C.)”.

²⁵ Иванчик А.И. Накануне колонизации. С. 76.

²⁶ Э. Делаж считает, что “l’appellation ‘mer de Cronos’ est curieuse” и признает его архаическим (Delage E. La géographie dans les Argonautiques d’Apollonios de Rhodes. Bordeaux; Paris, 1930. P. 210).

²⁷ Ельницкий Л.А. Знания. С. 25. Ср. Plut. De facie in orbe lunae, 941a, где море к северо-западу от Британии называется Кронийским (Κρόνιον πέλαγος). Дионисий Перизегет (32) и Плиний Старший (NH IV, 104) Кронийским называют Северный океан.

«огромным заливом Реи (μέγαν κόλπον Ρέας)», что тоже отсылает нас к царству мертвых, где правят супруги Рея и Кронос²⁸. В этой связи примечательно, что, по мнению исследователей, Италия изначально воспринималась греками не как часть материка и не как огромный полуостров, а как неопределенный архипелаг, расположенный на крайнем западе ойкумены²⁹. Это также могло способствовать развитию представлений о возможности океанических плаваний и выходов в Океан из Адриатики и Тирренского моря.

Что касается предполагаемой нами связи Адриатического моря и Черного, следует указать, что не случайно в античности существовало мнение о подземном соединении этих морей³⁰. Страбон (I, 3, 15) в дискуссии о поднятии уровня моря приписывает Гиппарху следующее утверждение: «сказав, что... прежде вся Ливия и большая часть Европы и Азия должны были быть покрыты водой, он прибавляет, что Понт, вероятно, в некоторых местах сливается с Адриатикой» (пер. Г.А. Стратановского). Считалось также, что между Адриатикой и Понтом есть гора, поднявшись на которую, можно увидеть оба моря³¹. Сам Дунай, по представлениям античных авторов, соединял Черное и Адриатическое моря, впадая в оба моря разными руслами³².

Понимание того, что проливы воспринимались греками периода архаики как проходы в Океан, имеет большое значение для толкования многих текстов, описывающих странствования древних героев, таких как Одиссей, аргонавты, Геракл и некоторых других. По моему мнению, Одиссей из Западного Средиземноморья, где проходила первая часть его странствий, через Адриатиче-

²⁸ Так уже у Пиндара (Ol. II, 70–72 и 77–78) в описании Островов Блаженных.

²⁹ См., например, комментарий М.Л. Уэста (M.L. West) в издании: *Hesiod. Theogony*. Oxford, 1966. P. 435; *Ballabriga A. Le Soleil*. P. 113.

³⁰ См. *Ps.-Scymn.* 381. Ср. также: *Ельницкий Л.А.* Знания. С. 21.

³¹ *Mirab. Ausc.* 104. См. также: *Strabo* VII, 5, 1: «Недалеко от Понта возвышается гора Гем — самая большая и высочайшая из гор в этой части света, которая рассекает Фракию почти в середине. По словам Полибия, с этой горы можно видеть два моря...».

³² Об этом писали уже Гелланик (Frg. 69), Эсхил (Prom. Lyom. Frg. 197), Аристотель (Hist. anim. VIII, 13), Гиппарх (у Страбона I, 5, 7), Псевдо-Скилак (Peripl. 20), Теопомп (у Страбона VII, 5, 9), Аполлоний Родосский (IV, 289–293) и другие античные авторы.

ский «пролив» попал в Северный океан, через который быстро добрался до острова Кирки, находящегося на крайнем северо-востоке ойкумены, собственно в район Черного моря, которое тогда считалось заливом Океана. Здесь он оказался в стране киммерийцев, где был вход в Аид, что полностью соответствует семантике океанических плаваний архаических греков.

Собственно, Европа севернее Греции ограничивалась в глазах гомеровского грека с запада Адриатикой, с севера — Океаном, начинающимся сразу за Фракией, с востока — Боспором Фракийским. Так же легко передвигались из Черного моря по Северному океану в Средиземноморье или обратно аргонавты и Геракл³³ (см. Илл. 2).

Илл. 2.

Маршруты океанических плаваний эпических героев
(реконструкция автора).

Представляется, что именно плавание по океану, окружающему Землю, делает возможным сближение разных регионов — в данном случае северо-востока и северо-запада ойкумены. У. фон Виламовиц-Мёллендорфф был единственным, насколько мне известно, кто высказал сходную точку зрения, а именно, “dass Odys-

³³ См. подробнее: Подосинов А.В. Куда плавал Одиссей? О географических представлениях греков архаической эпохи. М., 2015.

seus durch den Okeanos in das westmeer fährt, nördlich um die ἤπειρος herum, denselben weg also, den die Argonauten gefahren sind»³⁴.

Эта «стяженность» европейского пространства на севере делает возможной локализацию скифов на всем протяжении этой части ойкумены с востока до запада, как мы увидим ниже.

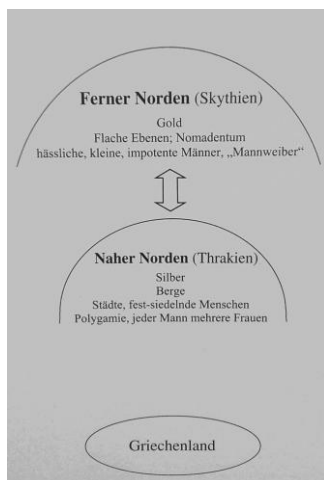
* * *

Говоря о локализации Гомеровых «дивных доителей кобылиц млекоедов и абиев, справедливейших из людей» (см. выше), в которых большинство ученых усматривают скифов, следует задуматься о том, где же они в действительности могли локализоваться на ментальной карте того времени, если учесть, что Черное море как замкнутый бассейн еще не было известно. Соседство этих «скифов» с фракийцами и мисийцами может означать только одно — они жили севернее или даже западнее Фракии, которая сама воспринималась как северная по отношению к Эгеиде, откуда направлен взгляд автора «Илиады»³⁵. С. Рауш представил очень точную схему восприятия Севера ойкумены греками (см. Илл. 3, с. 57)³⁶.

³⁴ *Wilamowitz-Möllendorff U. von. Homerische Untersuchungen // Philologische Untersuchungen. 7. Heft. Berlin, 1884. S. 166.* Сочувственно, хотя и без развития, упоминает эту позицию Бергер (*Berger H. Mythische Kosmographie. S. 9*). Так же и А. Херрманн, хотя и в отношении другого маршрута Одиссея, а именно, от острова Эолии, находящегося в Западном Средиземноморье, до Черного моря, где в Балаклаве он помещал гавань лестригонов, объясняет, как это было возможно сделать в шесть дней, тем, что допускает прямое соединение морей между Адрией и Черным морем на севере Греции (*Herrmann A. Die Itzfahrten des Odysseus. Berlin, 1926. S. 18*). Ему возражал Р. Хенниг, считавший абсурдом приписывать Гомеру представление о Греции как острове (*Hennig R. Die Geographie. S. 83*). Интересно, как иначе можно было воспринимать Грецию, если с севера, по Гомеру, ее омывает окружающий Землю Океан?

³⁵ Впрочем, И.В. Куклина считает, что упоминаемые Гомером фракийцы и мисийцы находились на территории Малой Азии и «доители кобылиц» могли быть киммерийцами, которые вторгались в Малую Азию и в том числе в Пафлагонию и Фригию; отождествление же гомеровых гиппомолгов со скифами произошло позже (*Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 49–56* с предшествующей литературой).

³⁶ *Rausch S. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Darmstadt, 2013. S. 59.* См. также с. 21–22, 26–31 о Фракии как «ближнем зарубежье» греков на севере и Скифии — как «дальнем зарубежье».

Илл. 3.

Север ойкумены в представлениях греков (по: Rausch 2013. S. 59).

Последующие локализации Скифии в рамках архаической географии подтверждают помещение Гомером скифов на севере известной в его время Европы (за Истром, который упомянут уже Гесиодом) на берегу океана без какого-либо уточнения (восточнее или западнее)³⁷.

* * *

Эсхил в начале V в. до н.э. в «Прометее Прикованном» контаминирует в рамках одного повествования две географические традиции — одну архаическую, другую — современную ему, основанную на знакомстве с Черным морем как замкнутым бассей-

³⁷ Античные представления о Севере исследовались в работах: *Timpe D.* Entdeckungsgeschichte des Nordens in der Antike // *Reallexikon der Germanischen Altertumskunde*. Bd. 7. Frankfurt; New York, 1989. S. 307–389; *de Anna L.* Il mito del Nord. Tradizioni classiche e medievali (Nuovo Medioevo. Vol. 43). Napoli, 1994; *Käppel L.* Bilder des Nordens im frühen antiken Griechenland // *Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von A. Engel-Braunschmidt et al. Frankfurt et al. 2001. S. 11–27; *Moreno F.M.* Bilder des Nordens in Antike, Patristik und Mittelalter // *Ibidem*. S. 47–66; *Rausch S.* Bilder des Nordens.

ном, с Керченским проливом, Азовским морем и скифами, живущими в его окрестностях³⁸.

Так, с одной стороны, он упоминает «многолюдные племена скифов, обитающие на краю земли вокруг Меотийского озера», а Прометей указывает Ио³⁹, каким путем она должна продолжить свое путешествие, следующим способом:

...ты достигнешь у самых узких врат озера до Киммерийского перешейка; смело миновав его, переплыви Меотийский пролив — и на веки сохранится у смертных славное сказание о твоей переправе, а пролив получит от нее название Боспора. Покинув европейскую землю, ты вступишь на азиатский материк...

Итак, Боспор Киммерийский на севере Черного моря как граница Европы и Азии и Азовское море как место обитания скифов — это представление о Черном море, свойственное новой, гекатеевой и геродотовой географии этого региона, которое Эсхил успел в какой-то мере усвоить⁴⁰.

³⁸ См. подробнее: *Подосинов А.В.* Странствования Ио в «Прометее Прикованном» Эсхила и архаическая картина мира греков // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2013. Вып. 7. С. 20–45 (там же литература вопроса).

³⁹ Преследовавшая Ио Гера превратила ее в корову и наслала на нее чудовищного овода, который и гнал ее по всему миру. Одна из самых распространенных в античности и в Новое время этимологий названия Боспор — «Коровья переправа»; отсюда соединение Боспора с маршрутом странствований Ио. Наиболее вероятно объяснение, согласно которому Боспор — это грецизированная форма местного, возможно, фракийского названия (подробнее см.: *Тохтасьев С.Р.* ВОСПОРОΣ // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 86–92).

⁴⁰ Комментаторы устанавливают, что источником Эсхила в описании азиатской части странствований Ио послужили «Аримаспея» Аристеея Проконесского, труды Гекатея Милетского, Скилака и Геродота (см.: *Ельницкий Л.А.* Знания. С. 1961: 58–68; *Bolton J.D.P.* Aristeeas of Proconnesus. Oxford, 1962. P. 44–64; *Griffith M.* Aeschylus. Prometheus Bound. Cambridge, 1983. P. 228–230; *Мусбахова В.Т.* Сравнительно-историческое изучение текста и проблемы авторства (на материале трагедии «Прометей Прикованный»). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 14; см. также: *Bees R.* Zur Datierung des Prometheus Desmotes. Stuttgart, 1993. S. 133–241 о заимствованиях из Геродота, которые показывают *terminus post quem* написания «Прометеея»; *Podlecki F.J.* Aeschylus. Prometheus Bound. Oxford, 2005. P. 201–203 о возможных заимствованиях из Гекатея, Скилака и Геродота; *Finkel-*

С другой стороны, реально и последовательно описанное странствование Ио предполагает совсем другую локализацию скифов. Драма начинается со слов: «Мы прибыли в отдаленный край земли, в скифскую страну, в безлюдную пустыню...⁴¹», где прикован Прометей. Можно было бы подумать, что действие происходит на Кавказе рядом со скифами, что соответствовало бы «реальной» географической ситуации. Тем не менее это не так. Описывая путь Ио от той скалы, на которой он мучался, Прометей говорит (729–761):

Прежде всего поверни отсюда к восходу солнца и иди по неспаханым степям; ты придешь к кочевникам-скифам, которые живут на высоких повозках с прекрасными колесами под плетеными кибитками, вооруженные дальнобойными луками. К ним ты не приближайся, но удались из этой страны, идя вдоль шумного и утесистого морского берега (пер. В.В. Латышева).

В этих словах уже содержится географическое противоречие: меотийские скифы живут по отношению к Кавказу на... востоке⁴²! Более того, далее Ио предстоит пройти через землю халибов, некую Буйную реку, чтобы, наконец, подойти «к самому Кавказу, высочайшему из горных хребтов» (а где же тогда прикован Прометей?), далее путь шел через амазонку, Салмидесскую бухту, и только после этого Ио оказывалась на Боспоре Киммерийском, где, по другой версии самого же Эсхила, и должны жить скифы.

Так где же находились скала Прометея и, соответственно, страна скифов? Из первых стихов трагедии («Мы прибыли в отдаленный край земли, в скифскую страну, в безлюдную пустыню...») видно, что место мучений Прометея находится где-то на севере, на краю земли, в стране скифов. Где точно локализуется эта скала

berg M. The Geography of the *Prometheus Vincitus* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1998. NF. Bd.141. P. 129–132 об общих чертах описания у Эсхила и Ктесия.

⁴¹ Χθονὸς μὲν ἐς τηλοῦρόν ἤκομεν πέδον,
Σκύθην ἐς οἴζον, ἄβροτον εἰς ἐρημίαν.

⁴² Едва ли права М.В. Скржинская, считающая, что сообщение Эсхила о скифах на востоке от Кавказа отражает исторический этап, когда скифы еще до расселения в Северном Причерноморье жили в Северном Предкавказье (Скифия. С. 137), ведь скала Прометея, на восток от которой находятся скифы, как мы видим, не идентична Кавказу.

и как Ио туда добралась, не совсем ясно, но дело происходит явно не на Кавказе, коль скоро Прометей позже, рисуя картину дальнейших странствий Ио, пошлет ее на Кавказ.

Впрочем, в аргументе к самой трагедии⁴³ говорится, что «место действия драмы находится в Скифии на *Кавказской горе*» (ἐν Σκυθία ἐπὶ τὸ Καυκάσιον ὄρος); во фрагменте из Эсхиловой трагедии «Прометей Освобождаемый», сохраненном Цицероном (Tusc. II. 10. 23–25), также говорится о Кавказе, к которому был прикован Прометей (*adfixus ad Caucasum*)⁴⁴. Несообразность этой локализации стала следствием того, что некоторые переписчики слова ἐπὶ τὸ Καυκάσιον ὄρος удаляли из текста аргумента, например, в рукописи R (Vatic. Gr. 57); так же поступили У. фон Виламовиц-Мёллендорфф в своем берлинском издании «Прометея» в 1914 г. и У. Скатена в миланском издании 1968 г., считая эти слова интерполяцией.

Интересна в связи с этим ремарка схолиаста к словам аргумента о Скифии и Кавказе как месте действия драмы: «следует знать: он не говорит, что Прометей оказался на Кавказе, как обычно считается, но на европейских границах океана, как следует заключить на основании того, что было сказано Ио Прометеем⁴⁵». Это уточнение, выносящее скалу, к которой прикован Прометей, на берег Северного океана⁴⁶, оказывается весьма важным для понимания путешествия Ио.

⁴³ Аргументы (ὑποθέσεις) к драмам Эхила были составлены выдающимся эллинистическим грамматиком Аристофаном из Византия (конец III – начало II в. до н.э.), работавшим в Александрии и возглавившим там после Эратосфена библиотеку.

⁴⁴ См. также: *Hygin. Astron. II. 15. 3*: “Prometheum autem in monte Scythiae nomine Caucaso ferrea catena vinxit (sc. Juppiter)... Aeschylus tragoediarum scriptor ait”.

⁴⁵ Схолий из рукописи M (Laug. 32. 9) X в., считающейся самой древней, полной и лучшей для установления текста трагедий: ἰστέον ὅτι οὐ κατὰ τὸν κοινὸν λόγον ἐν Καυκάσῳ φησὶ δεδέσθαι τὸν Προμηθεά, ἀλλὰ πρὸς τοῖς Εὐρωπαϊαίοις τέρμασι τοῦ Ὠκεανοῦ, ὡς ἀπὸ τῶν πρὸς τὴν Ἴω λεγομένων ἐστι συμβαλεῖν. Схолии к «Прометею Прикованному» см. в издании: *Herington C.J. The Older Scholia on the Prometheus Bound. Lugduni Batavorum, 1972.*

⁴⁶ Большинство комментаторов принимает это уточнение; Н. Веклайн (*Wecklein N. Aeschylus. Prometheus. 3 Aufl. Leipzig, 1893. S. 22–23*) считает, что схолиаст сделал “richtige Bemerkung” и что “Prometheus von der Höhe seines

Итак, Ио попадает из Адриатики на побережье Северного океана⁴⁷, к месту, где на северо-западе Европы прикован Прометей. Посмотрев на нашу карту-реконструкцию архаической картины мира (см. Илл. 1, с. 47), мы понимаем, что это было нетрудно, коль скоро Адриатическое море должно было здесь быть проливом в Океан как раз на северо-западе ойкумены.

От скалы Прометей, двигаясь все время строго на восток вдоль Северного океана, Ио в конечном итоге прибыла сначала к проливу между Европой и Азией, а затем и дальше на дальний восток (в античном понимании). Отсутствие Черного моря как замкнутого бассейна довольно непротиворечиво объясняет запутанный маршрут странствования Ио в этом регионе (см. Илл. 4, с. 62).

Таким образом, мы в «Прометее Прикованном» можем непосредственно наблюдать, как архаическая картина мира⁴⁸, где скифы

Felsen die Ansicht auf die blinkende Wasserfläche hat”; ср. *Smith H.W.* *Aeschylus. Prometheus Bound.* Cambridge, 1956. P. 211 про сцену: “A rocky height, overlooking the ocean, in the uttermost parts of Scythia”; *Conacher D.J.* *Aeschylus’ Prometheus Bound. A literary commentary.* Toronto; Buffalo; London, 1980. P. 61: “Prometheus’ place of punishment in northern Scythia on the unmapped and mysterious verge of Ocean (the Ocean nymphes hear Haphaistos’ hammering from the oceanic depths, 133–135)”; *Griffith M.* *Aeschylus.* P. 80; *Finkelberg M.* *The Geography.* P. 119: “near the Ocean at the far north-west limits of the inhabited world”. Дж. Болтон (*Bolton J.D.P.* *Aristeus of Proconnesus.* P. 52–53) и А. Бонаффэ (*Bonaffé A.* *Texte, carte et territoire: Autour de l’itinéraire d’ Io dans le Prométhée // Journal des savants.* Paris, 1991. P. 156) допускают, что это могли быть мифические Рипейские горы, которые греки помещали на севере Европы. В.Т. Мусбахова считает помещение скалы Прометей на северо-западе Европы «неправильным» и локализует его на Кавказе, который мог располагаться к западу от Скифии в ее классическом понимании (*Мусбахова В.Т.* *Сравнительно-историческое изучение.* С. 11–12; *Она же.* *Прометей Прикованный: Проблема авторства и датировки трагедии / Отв. ред. Н.Н. Казанский.* СПб., 2013. С. 118–125; *Она же.* *Образ Скифии в трилогии о Прометее: Истоки и влияние // Скифия: Образ и историко-культурное наследие.* С. 69).

⁴⁷ См. также в одном из схолиев к *Aeschyl. Prom. Vincit.* 118: «Скалу]. Кавказ — на конце Океана».

⁴⁸ А. Баллабрига назвал драму Эсхила “texte fondamental pour la compréhension de la cosmographie archaïque” (*Ballabriga A.* *Les fictions d’Homère. L’invention mythologique et cosmologique dans l’Odyssée.* Paris, 1998. P. 136).

Илл. 4.

Маршрут странствований Ио (реконструкция автора).

занимали всю Северную Европу⁴⁹ (все остальные пункты маршрута Ио локализовались уже на берегах Черного моря), сменяется на более современную и более реалистическую, близкую Геродотовой⁵⁰.

* * *

Впрочем, и сам Геродот сохранил, по-видимому, некоторые реликты архаической картины мира, когда он сообщает, что священные дары гиперборейцев, посылаемые ими на остров Делос (то есть в Эгеиду), «прибывают к скифам, а от скифов уже соседи, получив их, непрерывно передают друг другу все дальше на запад, вплоть до Адриатического моря (τὸ πρὸς ἑσπέρης ἑκαστάτω ἐπὶ τὸν Ἀδρίην)» (IV, 33). Маршрут даров довольно странный, если считать, как это принято и у самого Геродота, что скифы и гипербореи

⁴⁹ См. Griffith M. Aeschylus. P. 81 о том, что для афинян V в. выражение «скифская пустыня» могло обозначать всю территорию Северной Европы.

⁵⁰ О двух слоях в географических представлениях Эсхила говорит и М. Финкельберг (Finkelberg M. The Geography. P. 135; 139–140: “There are passages in Prometheus’ instructions to Io which can be interpreted to the effect that their author worked with an earlier and a more traditional version of the story”). Она приходит даже к выводу о поздней интерполяции географического описания пути Ио в трагедию Эсхила, а именно, датирует эту вставку концом IV в. до н.э. (Ibidem. P. 140–141).

живут в Восточной Европе, но объяснимый, если видеть здесь пережитки архаического восприятия географического пространства, предполагающего признание Черного моря заливом Океана и локализацию гипербореев и скифов на севере Европы (севернее Фракии).

* * *

Для понимания локализации Скифии на ментальной (а может быть, и реальной) карте древних греков важно свидетельство Страбона (I, 2, 28) о теории Эфора, который писал в своем трактате о Европе:

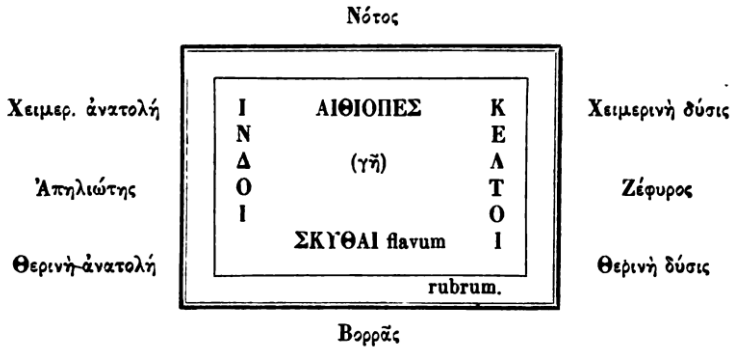
Если область неба и земли мы разделим на четыре части, то одна в пределах Апениота (то есть востока. — *А. П.*) будет занята индийцами, другая, южная, — эфиопами, третья, западная, — кельтами, четвертая, лежащая в пределах ветра Борей (то есть севера. — *А. П.*), — скифами». При этом он (Эфор. — *А. П.*) прибавляет, что Эфиопия и Скифия обширнее других стран. «Кажется, — говорит он, — народ эфиопский тянется от зимнего востока до запада, а Скифия расположена против этого народа»⁵¹ (пер. Ф.Г. Мищенко).

Карту Эфора, полностью соответствующую этому описанию, сохранил в «Христианской топографии» Косьма Индикоплов (см. Илл. 5, с. 64).

Из текста Эфора и его карты следует, что расхожее в античности мнение о расположении эфиопов на **всем юге** ойкумены с востока до запада (впервые высказанное уже Гомером) оказывается приложимым и к пространству Скифии, которая, вероятно, здесь мыслится как страна, покрывающая собой **весь север** ойкумены симметрично эфиопам.

⁵¹ Ср. перепев этого места Эфора у Псевдо-Скимна:

170 «Индийцы внутренние земли все почти,
Что на востоке, населяют; южный же
Край — эфиопы, к ветру ногу близкие;
Места ж к зефиру и закату летнему —
Во власти кельтов, а к борею — скифские»
(пер. И.Е. Сурикова).

Илл. 5.

Карта мира Эфора
из «Христианской топографии» Космы Индикоплова.

* * *

Положение Скифии между Индией и Кельтикой, можно сказать, соседство с ними, зафиксированное Эфором, было возможно, в том числе, благодаря скрадыванию в античной географии огромной территории Евразии, известной нам сегодня⁵².

В античности не знали о полуостровном положении Скандинавии, в лучшем случае она была известна как остров Скатинавия или Сканза (уже у Помпония Мелы и Плиния, позже у Птолемея), лишь в средние века распознанный как полуостров⁵³. Таким обра-

⁵² См. подробнее: Подосинов А.В. «Мнимые реальности» в античных представлениях о Восточной Европе // Восточная Европа в древности и средневековье. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Мат.-лы конф. М., 2002. С. 183–191.

⁵³ Известно, что впервые название «Балтийское море» (*mare Balteum*) как наименование залива Северного океана встречается весьма поздно у Адама Бременского в 1070-х гг. (см.: Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 275–276). Адам называет Скандинавию именем *Sconia* и считает ее полуостровом (“*Sconia et pars ultima Daniae, fere insula; undique enim cincta est mari, preter unum terrae brachium, quo ab oriente continens Sueoniam disterminat a Dania*” — IV, 7). О развитии представлений о Скандинавии начиная с античности см. подробнее: *Svennung J. Scadinavia und Scandia: Lateinisch-*

зом, Балтийское море практически выступало для большей части Европы Северным океаном⁵⁴.

Каспийское море в наиболее распространенной античной традиции представлялось заливом Северного океана, с которым оно соединялось посредством узкого и длинного пролива (внутренним морем его считали только Геродот и Птолемей).

Все это приводило к тому, что общие контуры Евразии, какими они виделись античным географам и картографам, сильно отличались от реальных: размеры Северной Евразии в значительной степени скрадывались. Северный предел Евразии, в представлении античных авторов, проходил — если наложить его на современную карту — с запада на восток по балтийскому побережью, далее загибался к Северному Прикаспию, затем, пройдя через хорошо знакомые после походов Александра Великого среднеазиатские земли Бактрии и Хорезма, резко сворачивал к югу, ограничивая с востока Индию (см. Илл. 6, с. 66).

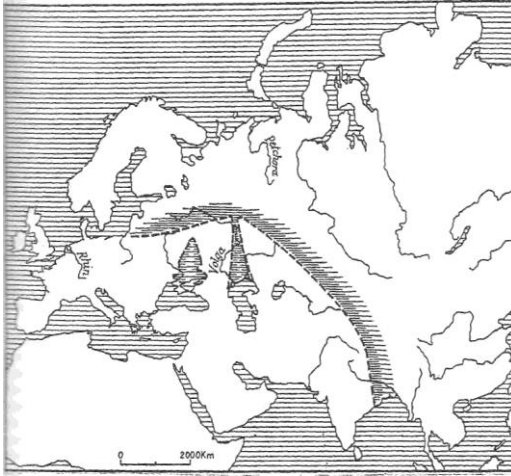
В рамках этих «мнимых» географических реальностей и должны были разыгрываться исторические события, локализоваться реки, горы, озера, размещаться народы и города, что приводило к многочисленным парадоксам и «путанице» в письменных источниках.

В результате скифы, которые мыслились живущими от Восточной Европы до Средней Азии, представлялись античным авторам соседями индийцев, которых от скифов будто бы отделяет лишь горный хребет, разделяющий Азию на северную (скифскую) и южную (индийскую)⁵⁵. Диодор может, описав Индию, сказать (II, 43): «Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну» (пер. П.И. Прозорова с дополн. В.В. Латышева).

nordische Namenstudien. Uppsala, 1963; *Lund A.A.* Die Erfindung Germaniens und die Entdeckung Skandiniavens in Antike und Mittelalter // *Ultima Thule. Bilder des Nordens von der Antike bis zur Gegenwart* / Hrsg. von A. Engel-Braunschmidt u.a. Frankfurt am Main u.a., 2001. S. 29–45; *Чекин Л.С.* Первые карты Скандинавского полуострова // ДГ, 1999 год. М., 2001. С. 44–85.

⁵⁴ Еще Иордан в VI в. н.э. называет Балтийское море, на юго-восточном побережье которого жили эсты, то просто «океаном» (36), то «Германским океаном» (120).

⁵⁵ Подробнее см.: *Куклина И.В.* Этногеография Скифии. С. 103–106.

Илл. 6.

Конфигурация Евразии в представлениях античных авторов
(по: Dion 1977. P. 220).

Страбон, упоминая племена к востоку от Каспийского моря, сообщает (XI, 6, 2), что это — «восточные скифы, также кочевники, [живущие] на всем протяжении до восточного моря и до Индии» (пер. П.И. Прозорова).

О близости Индии и Скифии говорят также встречающиеся у античных авторов названия «индоскифы»⁵⁶ и «Индоскифия»⁵⁷ (см. также замечание Иоанна Цеца: «Колхи — это индийские скифы», *Comm. ad Cassandram Lycophronis*, 174).

С другой от Скифии, западной, стороны находилась в близком соседстве Кельтика, земля западно- и центрально-европейских кельтов. Так, Плутарх отмечал (*Marius*, XI):

Некоторые говорят, что Кельтика вследствие ширины и величины страны от внешнего моря и северных широт поворачивает к востоку у Меотиды и соприкасается с Понтийской Скифией, и что там произошло смешение народов... Поэтому-то не-

⁵⁶ *Eustath. Comm. ad Dionys. Per.* 1088: Ἰνδοσκύθα.

⁵⁷ *Ptolem. Geogr.* VII, 1, 55; 62: Ἰνδοσκυθία.

зависимо от многих их частных названий они называли свои полчища общим именем кельтоскифов (Κελτοσκήθαι).

Страбон также упоминает «кельтоскифов» как древнее название североευропейских народов (XI, 6. (2)): «Древние эллинические писатели называли все вообще северные народы скифами и кельтоскифами» (пер. П.И. Прозорова).

Если Кельтика, под которой понималась вся Западная и (в данном случае) Центральная Европа, соседила со Скифией⁵⁸, а та, в свою очередь, соседила с Индией, то добраться из Индии до Кельтики представлялось вполне реальным делом. Тот же Плутарх сообщает о планах Цезаря следующее (Caes. LVIII):

... Цезарь готовился и намеревался идти походом на парфян, а покорив их и через Гирканию вдоль Каспийского моря и по Кавказу обойдя Понт, вторгнуться в Скифию, [затем], пройдя соседние с германцами страны и самую Германию, через землю кельтов возвратиться в Италию и, [таким образом,] связать этот круг господства, ограниченного отовсюду [окружающим землю] Океаном (пер. В.В. Латышева).

Таким образом, Цезарь хотел прибыть в Западную Европу из земли парфян, двигаясь практически вдоль Северного океана.

В рамках этих представлений стала, в частности, возможной вера в то, что индийцы могли «прибыть» в Западную Европу Северным морским путем⁵⁹. В «Хорографии» римского автора середины I века н.э. Помпония Мелы рассказывается следующее (III, 45):

Корнелий Непот приводит свидетельство Квинта Метелла Целера, который сообщает, что в бытность свою проконсулом в Галлии он получил в подарок от царя боотов каких-то жителей Индии. Спросив, как попали они в эти места, Метелл узнал, что буря отогнала их от берегов Индии, что они долго блуждали по морю и, наконец, высадились на германском берегу.

⁵⁸ Не следует, впрочем, забывать, что кельты стали известны грекам гораздо позже скифов, которых они со временем потеснили на ментальной карте Северной Европы, заняв ее западную и отчасти центральную часть.

⁵⁹ По свидетельству Страбона, Патрокл, исследовавший в конце III в. до н.э. южное побережье Каспийского моря, считал возможным плавание из Индии через Северный океан в Каспийское море, хотя сам Страбон и считает это плавание маловероятным (см.: *Strabo* XI, 11, 6).

Четверть века спустя Плиний Старший повторил этот рассказ с небольшими изменениями (NH II, 170). Эта абсолютно нереальная ситуация⁶⁰ оказывается возможной при «скрадывании» географического пространства, о котором речь шла выше.

Более того, Плиний рисует картину оживленного трафика в Северном океане (NH II, 167–168):

От Гадеса и Геркулесовых Столпов⁶¹ теперь плавают по всему Западу вокруг Испании и Галлий. Северный же Океан в большей своей части пройден на кораблях благодаря заботам божественного Августа⁶²: флот обогнул Германию до Кимврского

⁶⁰ Подробнее об этом эпизоде см.: *Подосинов А.В.* Индийцы на Севере Европы? (Несколько замечаний к Mela, III, 45) // Восточная Европа в древности и средневековье: Проблемы источниковедения. XVII Чтения памяти В.Т. Пашуто. IV Чтения памяти А.А. Зимина. Москва, 19–22 апреля 2005 г. Тез. докл. М., 2005. Ч. I. С. 29–33; *Подосинов А.В., Скржинская М.В.* Римские географические источники: Помпоний Мела и Плиний Старший. Тексты, перевод, комментарий. М., 2010. С. 133–135 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁶¹ То есть от Гибралтарского пролива.

⁶² Речь идет о походе римского флота в 5 г. н.э. под руководством Тиберия во время правления Августа. Перечисляя в автобиографии наиболее значительные события в годы своего правления, Август (RGDA, 26) упомянул и об этом: «Мой флот проплыл от устья Рейна по океану до восточной области и пределов кимвров, в каковое море и землю никогда прежде не доходил никто из римлян». Страбон сообщал о посольстве и дарах, принесенных Августу кимврами (VII, 2, 1). Римские источники рассказывают также о походе Друза Германика в 11 г. до н.э., который, возможно, дошел до оконечности Ютландии (см.: *Tacit. Germ.* 34; *Vell. Paterc.* II, 106, 3; *Sueton. Claud.* 1; *Dio Cass.* LIV). Ван Сон (*van Son D.W.L.* Zur Deutung von Plinius N.H. II 167 // *Mnemosyne.* 1962. Ser. 4. Bd. 15. S. 146–152) считает, что Тиберий в 5 г. через мыс Скаген добрался до норвежского побережья, а Плиний использовал в этом своем сообщении какие-то архивы императорского флота. По мнению Л. Вейбуля, римский флот дошел только до устья Эльбы, где жили кимвры (*Weibull L.* *Upptäckten av den skandinaviska Norden // Scandia.* 1934. B. 7. S. 80–143), другие исследователи (см., например: *Melin B.* *Die Heimat der Kimbern // Uppsala Universitets Årsskrift.* 1960. B. 5. S. 3–4) считают, что римляне доплыли до мыса Скаген в Ютландии, откуда им и открылся вид на Балтийское море. Е. Штехов думает, что в результате экспедиции 12 г. римляне проникли к устьям Одера (*Stechov E.* *Zur Entdeckung der Ostsee durch die Römer // Forschungen und Fortschritte.* 1948. Bd. 24. S. 240–241). О географических данных, добытых во время похода Тиберия, см.: *Bernecker A.* *Die Feldzüge des*

мыса⁶³, и оттуда вплоть до Скифской страны⁶⁴ и обледенелых от чрезмерной влажности [областей] было осмотрено, а также стало известно по рассказам огромное море⁶⁵... Подобным же образом с востока под одной и той же звездой от Индийского моря всю часть [океана], обращенную к Каспийскому морю, проплыли военные силы македонян в царствование Селевка и Антиоха, которые пожелали, чтобы по ним моря назывались Селевкийским и Антиохийским⁶⁶. 168. И вокруг Каспия исследованы многие океанские берега, и почти весь север с той и с другой стороны⁶⁷ пройден на кораблях...

Tiberius und die Darstellung der unterworfenen Gebiete in der Geographie des Ptolemaeus. Bonn, 1989.

⁶³ Совр. Ютландия.

⁶⁴ Имеется в виду северопричерноморская Скифия, увиденная со стороны Балтийского моря. Как и Галлии, выходящие своими сторонами к побережьям двух морей (Средиземного и Северного), Скифия (или Сарматия) воспринималась в римское время как расположенная на территории между двумя морями.

⁶⁵ Судя по сообщению Плиния (здесь и ниже IV, 97), римляне достигли крайнего северного мыса Скаген на Ютландском полуострове (Кимврский мыс) и оттуда увидели и узнали по рассказам Балтийское море (*Хенниг Р. Неведомые земли*. М., 1961. Т. I. С. 364).

⁶⁶ Селевк I Никатор, один из прославленных сподвижников Александра Македонского, — основатель царства Селевкидов, куда входили Сирия, Месопотамия, Армения и часть Малой Азии. Антиох I Сотер, сын Селевка I, управлял при отце частью его царства, а после его смерти в 281 г. и до 261 г. — всем государством. Таким образом, названия Селевкийское и Антиохийское моря появились в начале III в. до н.э. Речь у Плиния идет, по-видимому, о знаменитом плавании Патрокла по Каспийскому морю, которое тот совершил между 285 и 282 гг. до н.э. с исследовательскими целями по поручению Селевка I и Антиоха I (ср.: *Plin.* NH VI, 58; *Strabo* II, 1, 6; XI, 7, 1; см.: *Bunbury E.H.* A History of Ancient Geography among the Greeks and Roman from the Earliest Ages till the Fall of the Roman Empire. London, 1878. Vol. II. P. 568, 572–574; *Ельницкий Л.А.* Древнейшие океанические плавания. М., 1962. С. 72–75; *Яйленко В.П.* Очерки этнической и политической истории Скифии в V–III вв. до н.э. // *Античный мир и варвары на юге России и Украины*. Ольвия. Скифия. Боспор. М., Киев; Запорожье, 2007. С. 99–103). Об этом исследовании Плиний пишет в NH VI, 31.

⁶⁷ Плиний придерживался того широко распространенного в античности взгляда, что Каспийское море представляет собой залив Северного океана, а не внутреннее озеро. Поэтому выражение «с той и другой стороны» подразумева-

* * *

Возможно, древней традиции помещения скифов на всей северной территории Европы следует и Вергилий, который в описании скифов и «скифской зимы», основанном во многом на «Скифском логосе» Геродота, так локализует скифов в «Георгиках» (III, 349–30):

Но [не так, как в Ливии, поступают там], где [находятся] скифские племена и меотийские воды, (350) где мутный Истр кагит желтые пески и где Родопа простирается до середины полюса.

Таким образом, Вергилий очерчивает в качестве места обитания скифов территорию Северной Европы от восточного Азовского моря (Меотида) до Центральной Европы, ограниченной с юга Дунаем (Истром) и с запада Родопскими горами, которые воспринимаются как простирающиеся до полюса (до Рипейских гор?).

* * *

Возвращаясь к географии Скифии времен Геродота, который помещал ее уже на территории между Дунаем-Истром и Доном-Танаисом, остановимся на проблеме «обретения родины» скифами. О том, что скифы не всегда жили в Северном Причерноморье, но пришли сюда с востока, рассказывают многие античные авторы⁶⁸. Уже Геродот сообщает по этому поводу следующую информацию (IV, 11):

Существует и другой рассказ такого содержания, которому я сам больше всего доверяю. Скифы-кочевники, живущие в Азии, вытесненные во время войны массагетами, ушли, перейдя реку Аракс⁶⁹, в Киммерийскую землю (именно ее теперь

ет разные прибрежные стороны «устья» Каспийского моря — восточную и западную.

⁶⁸ Современная наука разделяет это мнение Геродота об азиатской прародине скифов, откуда они пришли в Северное Причерноморье в начале I тысячелетия до н.э. См. подробнее: *Куклина И.В.* Этногеография Скифии. С. 78–80, 121–123 et passim. Полную современную сводку теорий и мнений о прародине скифов см. в разделе «К происхождению скифского этноса и культуры» в кн.: *Раевский Д.С., Кулланда С.В., Погребова М.Н.* Визуальный фольклор. Поэтика скифского звериного стиля. М., 2013. С. 175–217.

⁶⁹ В данном случае под Араксом следует понимать, по-видимому, реку Волгу. В античности Араксом могли называть несколько рек (Дон, Волгу,

и населяют скифы, а в древности, как говорят, она принадлежала киммерийцам).

Сходную точку зрения на миграцию скифов из Азии в Северное Причерноморье обнаруживает Диодор Сицилийский (II, 43):

Теперь перейдем к скифам, населяющим соседнюю [с индийцами] страну... (2) Сначала они жили в очень незначительном количестве, у реки Аракса и были презираемы за свое бесславие; но еще в древности под управлением одного воинственного и отличавшегося стратегическими способностями царя они приобрели себе страну в горах до Кавказа, а в низменностях — побережья Океана и Меотийского озера и прочие области до реки Танаиса... (4) Спустя несколько времени потомки этих царей, отличавшиеся мужеством и стратегическими талантами, подчинили себе обширную страну за рекой Танаисом до Фракии (пер. П.И. Прозорова с дополн. В.В. Латышева).

Так, по мнению античных авторов, скифы оказались в Северном Причерноморье.

Первым в античной литературной традиции о скифах четкие границы Скифии обрисовал Геродот, который даже представил ее в геометрической форме квадрата (IV, 101):

... У Скифии, — так как она имеет четырехугольную форму, а две стороны доходят до моря, — равны по величине все стороны: и та, что идет внутрь страны, и та, что простирается вдоль моря. (2) Ибо от Истра до Борисфена — десять дней пути⁷⁰, от Борисфена до Меотийского озера — другие десять; и от моря внутрь страны до меланхленов, живущих выше скифов, — двадцать дней пути. (3) А однодневный путь, как я прикидываю, составляет по двести стадиев. Таким образом, длина Скифии в поперечном направлении составляет 4000 стадиев⁷¹ и в направлении, ведущем внутрь страны, — еще столько же стадиев. Вот такова величина этой земли.

Сырдарью, Амударью и армянский Аракс). Подробнее см.: *Куклина И.В.* Этногеография Скифии. С. 114–126. Сама И.В. Куклина считает, что Аракс в данном месте Геродота следует отождествлять с Амударьей, перейдя через которую скифы с юга обошли Каспийское море, прежде чем попали в Малую Азию, а оттуда в Северное Причерноморье.

⁷⁰ Десять дней пути равняются у Геродота приблизительно 350–420 км.

⁷¹ 4000 стадиев составляют около 700 км.

Впрочем, к этой геометрической географии Скифии не следует относиться слишком доверчиво — античным географам нравилось описывать контуры различных стран с помощью геометрических фигур⁷². Особенно часто делает подобные уподобления Страбон: так, ойкумена, по его словам, имеет форму хламиды, Иберия — шкуры быка, Сицилия — треугольника, Месопотамия — корабля, Ливия — прямоугольного треугольника или трапеции, Индия — ромба, северо-восточная часть Азии — поварского ножа, остров Мероз — продолговатого щита и т.д. Страбон пишет и о цели использования таких фигур (II, 5, 13):

Границы страны точно определены, когда ее можно ограничить реками, горами или морем, племенем или племенами, наконец, по величине и форме там, где это возможно. Но вообще вместо геометрического определения достаточно простого определения в общих чертах. Таким образом, что касается величины страны, то достаточно указать ее наибольшую длину и ширину...; что касается формы, то [достаточно будет] уподобить страну какой-нибудь геометрической фигуре (например, Сицилию — треугольнику) или какой-нибудь другой из известных фигур (например, Иберию — бычьей шкуре, Пелопоннес — листу платана) (пер. Г.А. Стратановского).

Историк VI в. н.э. Иордан, спустя десять веков после Геродота, дает границы Скифии, лишь немногим отличающиеся от Геродотовых (восточная граница продлена до Каспийского моря) (Гетика, 31):

...Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада — германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга — Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока (пер. Е.Ч. Скржинской).

В то время как восточная, западная и южная границы Скифии определялись естественными факторами (реками и морем), север-

⁷² Специально о «скифском квадрате» Геродота и его геометрической форме см.: *Dan A. Herodotus' measures of Scythia // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 23–30.*

ные ее рубежи терялись в неопределенной дали. Если в архаической картине мира скифы оказывались, как мы видели выше, на побережье Северного океана (то же у Иордана!), то во время Геродота в результате греческой колонизации Северного Причерноморья уже стало известно, что севернее Скифии живут еще и другие народы. В их географическом расположении и этнической принадлежности в античной географии не было консенсуса. Сам Геродот, располагавший за скифами много различных «нескифских» народов, честно признавался (IV, 16):

Никто точно не знает, что находится выше страны, о которой начато это повествование (то есть Скифии. — *А. П.*). У меня даже нет возможности расспросить кого-либо, кто утверждал бы, что знает это как очевидец.

Сомнения в достоверности знаний о европейской территории севернее Дуная и причерноморской Скифии звучали на протяжении всей античности. Полибий во «Всеобщей истории» (III, 38, 2) в начале II в. до н.э. тоже отмечал:

... Пространство между Танаисом и Нарбоном, обращенное к северу, неизвестно нам по настоящее время; может быть со временем мы расскажем об этом на основании разысканий. Нужно полагать, что говорящие или пишущие что-либо об этих странах [сами ничего] не знают и рассказывают басни... (пер. В.В. Латышева).

Если принять во внимание, что Нарбон — это современный город во Франции, то неизвестной признается огромная территория Европы севернее Дуная от Пиренеев до Урала.

Через сто лет после Полибия Псевдо-Скимн Хиосский в «Периэгесе» (835–840 гг.) пишет:

... При самом устье Меотийского озера лежит наиболее отдаленный Пантикапей, называемый столицей Боспора⁷³. Выше этих [мест] лежит варварская страна Скифия, граничащая с землей необитаемой и неведомой никому из эллинов (пер. И.И. Бережкова).

Северная граница Скифии, начинающейся от Боспорского царства, оказывается, таким образом, неизвестна.

⁷³ Интересно здесь употребление слова Боспор не как географического названия, а как имени политического образования — Боспорского царства.

Еще век спустя Страбон так высказался о степени изученности почти того же региона (VII, 2, 4):

Страны за Альбием (Эльбой. — *А. П.*) у океана совершенно нам неведомы. Мы не знаем никого, кто бы ранее совершил плавание вдоль этих берегов к восточным странам, простирающимся до устья Каспийского моря; также и римляне еще не заходили по ту сторону Альбиа; равным образом и сухим путем никто туда не путешествовал (пер. В.В. Латышева).

В такой ситуации возможны были всякие домыслы и спекуляции относительно дальних пределов ойкумены, в том числе севера Восточной Европы.

О том, каким географическим материалом следовало заполнять земную поверхность в случае недостатка сведений, не без иронии информирует нас греческий писатель Плутарх (*Thes.* 1, 1):

... Историки в описаниях земли помещают то, что им неизвестно, в самых отдаленных частях карт, делая при этом надписи такого рода: «а далее песчаные безводные пустыни, изобилующие дикими зверями», или «непроходимое болото», или «скифский холод», или «ледовое море» (пер. В.В. Латышева).

Слова Плутарха хорошо показывают характер работы античного историка, географа или картографа, когда тот сообщал об отдаленных и малоизвестных регионах ойкумены, каким являлась и Скифия⁷⁴.

* * *

Расположение Скифии в Северном Причерноморье и активные взаимоотношения скифов с греческими городами этого региона, которые возникли здесь начиная с конца VII—VI в. до н.э., позволяли античным авторам считать, что эти города находятся на территории Скифии. Выше мы видели, что южной границей Скифии Геродот считал Черное море, игнорируя тот факт, что к его времени почти все побережье было усеяно десятками греческих колоний.

⁷⁴ Ср. *Strabo* VII, 3, 1: «Незнакомство с этими странами (на северо-востоке Европы. — *А. П.*) заставляет придавать значение тем, кто сочинил мифические “Рипейские горы” и “гиперборейцев»» (пер. Г.А. Стратановского).

Современник Геродота Гекатей Милетский в своем описании народов и городов Северного Причерноморья, наряду с определением многих народов как скифских, сообщает о некоторых заведомо греческих городах тоже как о «скифских»:

Фр. 153 FHG (184 FGH). Каркинитида⁷⁵, город скифский.

Фр. 154 FHG (185 FGH). Меланхлены, народ скифский.

Фр. 155 FHG. Миргеты, народ скифский.

Фр. 156 FHG (189 FGH). Матикеты, народ скифский.

Фр. 157 FHG. Кардес, город Скифии.

Фр. 158 FHG (187 FGH). Исеп, народ скифский.

Фр. 159 FHG (186 FGH). Эды, народ скифский.

Фр. 167 FHG (215 FGH). Иамы, народ скифский.

Фр. 168 FHG (193 FGH). Исседоны, народ скифский
(пер. В.В. Латышева).

В IV в. до н.э. Псевдо-Скилак в своем «Перипле Средиземного моря» прямо помещает греческие города в скифской земле (68):

За Фракией живет народ скифы, а в их земле следующие эллинские города: река Тирис, город Никоний, город Офиусса (греческие города у устья Днестра. — *А. П.*)... Затем опять живут скифы, в земле которых следующие эллинские города: Феодосия, Китей и Нимфей, Пантикапей, Мирмекий (греческие города в Западном Крыму. — *А. П.*)... (пер. В.В. Латышева).

Лучше всех «увязал» греческие города со Скифией Иордан (32):

С той своей стороны, которой Скифия достигает Понтийского побережья, она охвачена небезызвестными городами; это — Борисфенида, Ольвия, Каллиполида Херсона, Феодосия, Карен⁷⁶, Мирмикий и Трапезунта⁷⁷, основать которые дозволили

⁷⁵ Греческий город Каркинитида (в других источниках Каркина или Керкинитида) упомянут многими античными авторами и засвидетельствован эпиграфическими источниками. Он располагался на Карантинном мысу около совр. г. Евпатория в Крыму (см. подробнее: *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида. VII–II вв. до н.э. Киев, 1990). По мнению М.В. Скржинской, это упоминание характеризует не население города, а его местоположение в скифской стране (Скифия. С. 22).

⁷⁶ Возможно, под этим названием следует понимать Керчь (Пантикапей), не упомянутый в общем списке греческих городов.

грекам непокоренные скифские племена, с тем, чтобы греки поддерживали с ними торговлю (пер. Е. Ч. Скржинской).

Греки, жившие в Северном Причерноморье, также, вероятно, понимали, что их города находятся на территории Скифии, коль скоро в одной надписи из некрополя Пантикапея рубежа IV–III вв. говорится, что некоего Гекатея, здесь погребенного, «укрыла скифская земля» (КБН, 117).

Даже колхидский Фасис можно было назвать «Скифским», как это делает, например, римский поэт Валерий Флакк в «Аргонавтике» (I, 2: *Scythicus Phasis*); по мнению Флакка, колхидский царь Ээт «правит Скифией и холодным Фасисом» (I, 43–44: *Scythiam Phasimque rigentem colit*). Очевидно, издалека Колхида и Скифия выделялись настолько близко расположенными друг к другу, что могли отождествляться.

* * *

Античные авторы понимали, что для кочевнического образа жизни скифов, в котором главным элементом экономики было скотоводство, северочерноморские степи, изобилующие травой и речной водой, подходили как нельзя лучше. Уже Геродот отмечал (IV, 47) следующее:

... Природа земли им (скифам. — *А. П.*) благоприятствует, и реки оказываются их союзниками. Ведь земля, представляющая собой равнину, богата травой и изобилует водой; рек же течет по ней не меньше по числу, чем каналов в Египте. (2) Те из них, которые чем-нибудь примечательны и, начиная от моря, доступны для кораблей, я назову: Истр с пятью устьями, затем Тирас и Гипанис, и Борисфен, и Пантикап, и Гипакирис, и Герр, и Танаис⁷⁸.

⁷⁷ Скорее всего, речь идет о южнопонтийском городе Трапезунт, который в результате аберрации на карте Марка Агриппы неоднократно фиксировался в Северном Причерноморье в произведениях римских географов и картографов. Подробнее см.: *Подосинов А. В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 237–252 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁷⁸ Итак, перечислены «скифские» реки от Дуная (Истр) до Дона (Танаис). Если реки Истр (Дунай), Тирас (Днестр), Гипанис (Южный Буг), Борисфен (Днепр) и Танаис (Дон) легко поддаются идентификации, то реки Пантикап,

У того же Геродота мы находим настоящий гимн Борисфену (Днепру) — реке, которая находилась в сердце Геродотовой Скифии (IV, 53):

... Борисфен — величайшая из рек после Истра и самая полноводная, по нашему мнению⁷⁹, не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила; ведь с ним невозможно сравнить никакую другую реку. (2) Из остальных Борисфен самый полноводный; он представляет прекраснейшие изобильнейшие пастбища для домашнего скота. [В нем водятся] множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная; рядом с мутными потоками он течет чистый. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава... (4) Протекая с севера, он известен до местности Герр, до которой сорок дней плавания, но никто не может сказать, по землям каких людей он течет выше. Ясно, что он течет через пустыню в страну скифов-земледельцев: ведь эти скифы обитают по его берегам на расстоянии десяти дней плавания.

* * *

При этом Скифию часто называли «пустынной» землей; ср. уже цитированное место из «Прометея Прикованного» Эсхила: «Мы прибыли в отдаленный край земли, в скифскую страну, в безлюдную пустыню... (Χθονὸς μὲν ἐς τηλοῦρον ἤκομεν πέδον, Σκύθην ἐς ὄϊνον, ἄβροτον εἰς ἐρημίαν)». Под словом «пустыня — ἐρημία» не следует, однако, понимать то, что мы называем теперь пустыней (бесплодная, высохшая местность, непригодная для жизни), оно означало лишь отсутствие плотного оседлого населения и городов (ἄβροτος — «безлюдный»), то есть практически степные просторы.

Геродот тоже несколько раз называет страну Скифии «пустынной»⁸⁰, почти каждый раз поясняя, что имеется в виду не заселенная людьми местность (IV, 8):

Геррос и Гипакирис с трудом накладываются на современную гидрографию Северного Причерноморья.

⁷⁹ Описание Борисфена (Днепра) свидетельствует о личном знакомстве Геродота с этой рекой, когда он побывал в Ольвии, расположенной в устье этой реки.

⁸⁰ См. анализ упоминаний «пустыни» у Геродота: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты,

... Греки, живущие около Понта, рассказывают следующее: Геракл, угоняя быков Гериона, прибыл в ту бывшую тогда пустынной землю (ἐς γῆν ταύτην ἐοῦσαν ἐρήμῳ), которую теперь населяют скифы.

Показательна ситуация, когда войска персидского царя Дария I, вторгшись в пределы Скифии, столкнулись с этой «пустынно-стью» (*Her. IV, 123*):

За то время, что персы шли через страну скифов и страну савроматов, они не имели возможности что-либо разорить, так как страна не была обжита.

Дядя Ксеркса Артабан говорит ему, что он и отцу его Дарию «советовал не ходить походом на скифов, людей, населяющих землю, в которой нигде нет городов» (*Her. VII, 10*).

Псевдо-Гиппократ в своем трактате «О воздухе...» прямо объясняет значение выражения «Скифская пустыня» (25):

Так называемая «Скифская пустыня»⁸¹ представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей (пер. В.В. Латышева).

Выражение «скифские пустыни» вошло в поговорку, как свидетельствует схолий к «Ахарниям» Аристофана (ст. 704: ἔστι δὲ παροιμία ἢ Σκυθῶν ἐρημία).

В римское время, когда сарматы стали преобладающим этносом в Восточной Европе, появилось и понятие «пустыни Сарматии» (у римских авторов — *deserta Sarmatiae*). Так, Марк Випсаний Агриппа в «Хорографии» (конец I в. до н.э.) описывает размеры Сарматии следующим образом (фр. 18):

Агриппа всю эту область от Истра до Океана⁸² определил в 2000 миль в длину и 404 мили в ширину⁸³ от пустынь Сарматии (*deserta Sarmatiae*)⁸⁴ до реки Вистлы⁸⁵.

перевод, комментарий. М., 1982. С. 140 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

⁸¹ Под этим названием подразумеваются степи между Дунаем и Северным Прикаспием.

⁸² Имеется в виду Северный, или Сарматский океан, под которым подразумевалось совр. Балтийское море.

«Пустыни Сарматии» здесь, вероятно, то же самое, что и «Скифские пустыни», и «Гетские пустыни», неоднократно упоминаемые древними авторами применительно к степям Северо-Западного Понта (ср., например, кроме цитированного выше Ps.-Hippocr. De aere. 25, также: Strabo VIII, 3, 14; 17; Verg. Georg. III, 462; Plin. NH XXII, 143; Curt. VII, 8, 23).

Еще около 700 г. н.э. Равеннский аноним в «Космографии» воспроизводит это представление о пустынности Скифии, когда на своей карте располагает эту страну следующим образом:

I, 12. В десятом часу ночи находится огромная, тянущаяся на большое расстояние пустыня (*grandis eremus et nimis spatiosa*), которая называется пустынной (*eremosa*) <и древней> Скифией... IV, 1. В доле же Яфета, сына Ноя, которую философы называли Европой, располагаются следующие страны: страна, которая называется Скифией и представляет собой, в основном, пустыню (*heremosa*). Ее называют также Великой Скифией.

2.2. Климатические условия

«Скифский холод» был в античности одной из главных стереотипных примет расположенной на севере ойкумены Скифии и чуть ли не причиной варварства ее обитателей. Уже в трудах Геродота и Псевдо-Гиппократата — практически самых ранних сохранившихся трудах, где подробно описывается Скифия, — этот топос представлен во всей полноте⁸⁶. Следующее Геродотово описа-

⁸³ Это — первая и, если не считать Птолемея, единственная во всей античной литературе попытка определить размеры Восточной Европы, лежащей между Дунаем и Балтийским морем, с которым ни греки, ни римляне еще не были знакомы (ср.: Strabo V, 2, 4: «страны за Альбием (то есть за Эльбой. — А. П.) у океана совершенно нам неведомы»).

⁸⁴ Если отсчитывать вместе с Агриппой от Вислы на восток 600 км (404 мили), то восточной границей области окажется междуречье Прута и Днестра. Таким образом, *deserta Sarmatiae* подразумевают, по-видимому, степи Северо-Западного Причерноморья.

⁸⁵ Вислу, кроме Плиния, упоминает также Помпоний Мела (III, 33: *Vistula*). Поскольку последний не указывает источника своих сведений, данные Агриппы у Плиния являются, по-видимому, древнейшим в античной географии упоминанием Вислы; позже Вислу описывает только еще Птолемей (Geogr. III, 5, 8: Οἰστούλα).

⁸⁶ Подробнее о климате Скифии см.: Кужлина И.В. Этногеография Скифии. С. 162–175. Описания ужасов скифской зимы, не характерных для

ние холодного климата в Скифии стало на много веков каноническим и стереотипным для последующих писателей, работавших в разных жанрах (Псевдо-Гиппократ, Вергилия, Страбона, Овидия, Мелы, Плиния и др.), так что скифские холода вошли в поговорку (IV, 28):

Вся эта страна, о которой было сказано, отличается необычно холодными зимами; здесь в течение восьми месяцев мороз такой нестерпимый, что если в это время разлить воду, то грязи ты не получишь. Но если разжечь огонь, то ты получишь грязь. Замерзает море и весь Боспор Киммерийский⁸⁷. И скифы... совершают по льду военные походы и перегоняют крытые повозки на противоположный берег, на землю синдов⁸⁸. (2) Вот такая зима бывает в течение восьми месяцев непрерывно; и в остальные четыре месяца здесь холодно. Такая зима полно-

Северного Причерноморья, Куклина объясняет азиатской прародиной скифов, оставивших некий «полярный скифский эпос», который отразился также и в арийской (в древнеиндийской и древнеиранской) «полярной» традиции (знания о Ледовитом океане, приполярных горах, шестимесячной зиме, Полярной звезде и др.); здесь Куклина опирается на работу: *Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А.* От Скифии до Индии: Загадки истории древних ариев. М., 1974 (2-е изд. — 1983).

⁸⁷ В холодные зимы часть Черного моря, прилегающая к северному побережью с мощными речными устьями, действительно, замерзает, как и лиманы и Азовское море, которое все может покрываться плавучим льдом. Такой же лед иногда скапливается в Керченском проливе, образуя твердый покров (подробнее см.: *Танфильев Г.И.* Моря Каспийское, Черное, Балтийское, Ледовитое, Сибирское и Восточный океан. Л., 1931. С. 75–76).

⁸⁸ Имеются в виду, скорее всего, сезонные перекочевки номадов из Поднепровья на Кубань, где жили синды (см.: *Вахтина М.Ю., Виноградов Ю.А., Рогов Е.Я.* Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 155–161; ср. однако сомнения в этом: *Паромов Я.М.* Ледовые походы скифов // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Мат-лы международной конф. СПб., 2005. С. 247–250). О возможности зимней переправы через Керченский пролив сообщают также Страбон (II, 1, 16 и VII, 3, 18), позже Феофан Исповедник и патриарх Никифор — см. *Чичуров И.С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана и «Бревиарий» Никифора. Тексты, перевод, комментарий. М., 1980. С. 69 (Древнейшие источники по истории народов СССР). Ср. также рассказ знаменитого Тмутараканского камня 1068 г. о том, как князь Глеб измерил по льду ширину Керченского пролива между Керчью и Тмутараканью.

стью отличается по своему характеру от любой зимы, которая бывает в других землях. Когда наступает период дождей, в Скифии не выпадает дождя, о котором стоило бы говорить, а летом дождь не прекращается. (3) Когда в других местах бывает гром, здесь в это время его не бывает, летом же очень часто; если же гром случается зимой, то это изумляет, как чудо. Точно так же, если случается землетрясение, как зимой, так и летом, в Скифии это считается чудом...

В этом описании все вызывает удивление грека, привыкшего к летней жаре и теплой, хотя и дождливой зиме. Интересно отметить, что в другом месте своей «Истории» (I, 142) Геродот пропел настоящую хвалу своей родной Ионии, считая ее идеальной для жизни людей:

Эти-то ионяне... основали свои города, насколько я знаю, в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом на свете. Ни области внутри материка, ни на побережье (на востоке или на западе) не могут сравниться с Ионией. Первые страдают от холода и влажности, а вторые — от жары и засухи (пер. Г.А. Стратановского).

Византийский схолиаст в комментарии к книге 2-й сочинения Аристотеля «О небе» считает, что эллины «являются самыми разумными среди прочих (народов — скифов, гипербореев на севере и эфиопов и арабов на юге. — *А. П.*), более сильными и мужественными в битвах, так как живут в более благодатном климате...». Понятно, что контраст климата средиземноморской Ионии и северочерноморской Скифии должен был поражать жителей Эллады. Псевдо-Гиппократ дает близкую Геродотовой характеристику климата Скифии, хотя и делает это с медицинской точки зрения, объясняя особенности физического и психического состояния людей (в данном случае скифов) климатическими условиями их существования⁸⁹ (О воздухе..., 26):

... Скифское племя значительно отличается от прочих людей...; оно весьма мало плодовито... Это потому, что она

⁸⁹ «Жемчужиной ионийской наблюдательности и ярким показателем их живого чутья действительности, основанного на личном общении с изучаемыми народами», считает М.И. Ростовцев трактат Псевдо-Гиппократа (*Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 22).

(Скифия. — *А. П.*) лежит под самым севером и у подножия Рипейских гор, откуда дует северный ветер. Солнце приближается к ней только тогда, когда дойдет до летнего обхода, да и тогда греет [землю] короткое время и не сильно; ветры, дующие из теплых стран, проникают в эту страну лишь редко и с незначительной силой, а с севера, [напротив,] постоянно дуют ветры холодные вследствие изобилия там снегов, льдов и вод: горы никогда не освобождаются от них и от этого необитаемы. Днем густой туман окутывает равнины, и в них живут [люди]; поэтому там вечная зима, а лето [продолжается лишь] несколько дней, также не очень [теплых]: дело в том, что равнины там возвышенны, обнажены, не увенчаны горами, а, [напротив], поднимаются по направлению к северу... Перемены погоды там не велики и не сильны: [она стоит почти] одинаково и мало изменяется. Поэтому-то [и обитатели страны] так похожи видом друг на друга: они всегда употребляют одну и ту же пищу, [носят] одну и ту же одежду летом и зимой, дышат сырым и густым воздухом, пьют снеговую и ледяную воду и не знают усталости: невозможно ведь закалять [в труде] ни тело, ни душу там, где [климатические] перемены не бывают значительны. Вследствие этих причин скифы отличаются толстым, мясистым, нечленистым, сырым и немускулистым телом; живот у них в нижней части отличается чрезвычайным изобилием влаги: ведь и невозможно, чтобы он был сух в стране, отличающейся такими природными свойствами и состоянием атмосферы. Благодаря тучности и отсутствию растительности на теле [обитатели] похожи друг на друга, мужчины на мужчин и женщины на женщин (пер. В.В. Латышева).

Спустя четыре века Страбон в «Географии» отмечает, что такой холод в Северном Причерноморье могут переносить только скифы (XI, 2, 2):

... Что касается Танаиса, то устья его мы знаем... а выше устьев известна лишь небольшая часть по причине холодов и скудости страны, которую могут переносить туземцы, питающиеся мясом и молоком по обычаю кочевников, а чужестранцы не выносят (пер. П.И. Прозорова).

Естественно, что для поэтов, специально писавших о Скифии, тема «скифского холода» была особо привлекательна. Яркую картину скифского климата дал великий римский поэт Вергилий, основываясь главным образом на описании Геродота (текст был при-

веден выше в разделе «Античная литературная традиция о скифах»). После Вергилия классическое описание «скифской зимы» подарил римской публике Овидий, сосланный на западное побережье Черного моря и тщательно (иногда фиктивно) рисующий образ Скифии, в которой он будто бы был вынужден жить (Тг. III, 10, 1–7890):

... Когда же печальная зима покажет [свое] задубелое лицо и земля станет белой от мраморного льда, когда Борей⁹¹ и снег не позволяют жить под Арктом⁹², тогда становится очевидным, что эти племена угнетены озябшим полюсом. [Везде] лежит снег, и, чтобы солнце и дожди не растопили его, Борей укрепляет его и делает вечным. Таким образом, не успевает еще растаять прежний, как выпадает другой, и во многих местах он обыкновенно остается два года подряд⁹³. И такова сила разбушевавшегося Аквилона, что он сравнивает с землей высокие башни и уносит сорванные крыши. [Люди] защищаются от жестоких морозов шкурами животных и сшитыми штанами, и из всего тела только лицо остается у них открытым. Волосы при движении часто звенят от висящих на них льдинок, и белая борода блестит, покрытая инеем. Вынутое из сосуда вино стоит, сохраняя его форму, и пить его дают не глотками, а кусочками. Что ж? Рассказывать ли мне, как скованные морозом застывают ручьи и из озера вырубают хрупкие воды? Даже Истр... застывает от ветров, сковывающих его голубые воды, и невидимыми водами ползет в море⁹⁴. И там, где проходили корабли, теперь ходят ногами, и кони топчут копытами волны, твердые от мороза. И по новым мостам поверх катящихся волн сарматские быки⁹⁵ влекут варварские возы. Едва ли мне поверят, но поскольку обманывать нет никакой корысти, то мое свидетельство следует воспринимать совершенно достоверным: я видел, как огромное море застыло подо льдом и глад-

⁹⁰ Третья книга «Тристий» была послана в Рим в 10 г. н.э.

⁹¹ Северный ветер.

⁹² Созвездие Большой Медведицы.

⁹³ Типичное преувеличение, применяемое Овидием, чтобы разжалобить римскую публику и показать, в каких невыносимых условиях вынужден жить римский поэт.

⁹⁴ О замерзании Истра сообщают многие античные авторы.

⁹⁵ Здесь мы имеем важное свидетельство миграций сарматов в начале нашей эры к низовьям Дуная.

кий покров сковывал подвижные воды. И я не только это видел: я ступал на твердую водную гладь и, не замочив ног, стоял над волнами. ...И пусть Борей гудит, размахивая крыльями, никакого волнения не вызовет он в застывшей пучине; плененные стужей корабли будут стоять в мраморе, и весло не сможет рассекать затвердевших вод. Я видел, как рыбы, [будто] связанные, застыли во льду, но часть их и тогда еще оставалась живой⁹⁶.... О места, в которые не следует приезжать счастливому человеку! И вот, хотя так широко раскинулся огромный мир, как раз эта земля избрана для моего наказания!

Последние слова хорошо характеризуют смысл нагнетания отрицательных моментов ссылки перед римскими корреспондентами. В описании «скифской зимы» Овидий использовал весь арсенал риторических средств, все свое мастерство, чтобы потрясти воображение римлян невиданными ужасами скифского климата⁹⁷.

Интересно, как Дионисий Перизетт в своем, тоже поэтическом, «Описании мира» пытается объяснить климатическими причинами сезонные перекочевки скифских племен:

(660) Танаис... широко разлившись, (665) быстро несется по Скифским равнинам. А когда его охватит [дуновение] северного ветра, ты смог бы увидеть [на нем] лед, схватившийся от мороза. Несчастливы те, кто населяют эту землю: всегда у них [лежит] холодный снег и [дует] пронизывающий морозный [ветер]. (670) А когда от бурана надолго поднимается страшная стужа, воочию ты мог бы видеть погибающих там от холода коней или мулов или стада овец. Да и сами люди, окажись они под теми буранами, не смогли бы остаться невредимыми. (675) Поэтому они, запрягши быков в повозки, устремляются в другие места, а свою землю оставляют [на волю] холодным зимним ветрам, которые, неистовствуя страшными порывами, по-

⁹⁶ Ср.: *Strabo* VII, 3, 18 о рыбе, застывшей во льду, на Боспоре Киммерийском.

⁹⁷ Подробнее об образе «Скифии» у Овидия см.: *Подосинов А.В.* Скифы, сарматы и геты в “*Tristia*” и “*Epistulae ex Ponto*” Овидия // ДГ, 1976 год. М., 1976. С. 21–40; *Он же.* Овидий и Причерноморье: Опыт источниковедческого анализа поэтического текста // ДГ, 1983 год. М., 1984. С. 8–178; *Он же.* Произведения Овидия как источник по истории Восточной Европы и Закавказья. Тексты, перевод, комментарий. М., 1985 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

трясают долины и поросшие соснами горы. Такие вот народы обитают вдоль реки Танаис (пер. Е.В. Илюшечкиной).

* * *

Особое внимание Геродота и других античных авторов привлекал снегопад — частое явление в северных широтах. Это явление приписывали местности, находящейся севернее скифов; снегопад часто сравнивали с падающими перьями, см. Геродот, IV, 31:

Что же касается перьев, о которых скифы говорят, что они наполняют воздух и что из-за них невозможно ни видеть, ни пройти в глубь страны, то о них у меня следующее мнение. В области, которая находится выше этой страны, всегда идет снег, летом, естественно, меньше, чем зимой. (2) Всякий, кто видел вблизи падающий густой снег, знает то, о чем я говорю. Снег ведь похож на перья. Вследствие того, что там такая зима, части этого материка, обращенные к северу от этой страны, необитаемы. Я полагаю, что скифы и их соседи так рассказывают, уподобляя снег перьям.

Эту черту скифского климата отмечали и римские географы. Так, Помпоний Мела в «Хорографии» (II, 1) пишет:

... Ближайшие к Рифейским горам местности... в такой степени непроходимы из-за постоянно падающих снегов, что попавшие сюда ничего перед собой не видят.

Об этом же несколько позже сообщает Плиний Старший (NH IV, 88):

Затем Рипейские горы и область, называемая Птерофором⁹⁸ из-за постоянного падающего снега, похожего на перья; [эта] часть мира проклята самой природой, погружена в густую мглу, во все, что производит стужа, и во вместилище ледяного Аквилона⁹⁹.

⁹⁸ «Птерофор» означает по-греч. «пероносный».

⁹⁹ А. Вайс замечает, что Скифия была для римлян тем, что теперь обозначается словом «Сибирь»: *Weiß A. Einführung — Die Skythen als paradigmatische Nomaden // Skythen in der lateinischen Literatur. Eine Quellensammlung / Hrsg. von A. Gerstaecker, A. Kuhnert, F. Oldemeier, N. Quenouille. Berlin; München; Boston, 2015. S. 27 (Beiträge zur Altertumskunde 334).*

* * *

Интересно посмотреть, куда помещали античные географы Скифию в рамках распределения различных стран по зонам (климатам, параллелям, поясам). Учение о пяти зонах, известное в Греции с V в. до н.э. (Парменид, Эвдокс, Аристотель), стало, благодаря поэтическим сочинениям Арата и Эратосфена, весьма популярным в эллинистическое и римское время (ср.: *Verg. Georg.* I, 1, 233–239; *Ovid. Met.* I, 45–51; *Strabo* II, 2, 1; *Plin.* NH II, 172), хотя научная география (в лице того же Эратосфена, Гиппарха и др.), не довольствуясь расплывчатостью географического содержания понятия «зоны», ввела более точное математически и астрономически понятие «климата»¹⁰⁰. Как образец расхожего представления о пяти зонах приведем рассуждения по этому поводу Помпония Мелы в его рассчитанной на широкую публику «Хорографии» (I, 4):

Посреди него (то есть мира. — *А. П.*) возвышается земля, окруженная отовсюду морем. И будучи им же разделенной с востока на запад на две части, называемые полусферами¹⁰¹, она делится на пять зон¹⁰². Среднюю зону изнуряет жара, крайние — холод; прочие — обитаемые — имеют одинаковые времена

¹⁰⁰ Подробнее о зонах в географической науке античности см.: *Honigmann E.* Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929. S. 31–54; *Abel K.* Zone // RE. Suppl. XIV. 1974. Col. 989–1188.

¹⁰¹ Греческое слово «гемисфера» (полушарие), транскрибированное Мелой, предполагает восприятие Земли как шара; тогда полусфера означала бы одну сторону этого шара — графически в виде полного круга. Но судя по тому, что море, окружающее землю в восточном полушарии, делит ее также с востока на запад на две половины, лежащие в северной и южной частях, и они-то и называются полушариями, возникает вопрос, не путает ли Мела понятия шар и круг.

¹⁰² Упоминание Мелой пяти зон вполне вписывается в общий характер его популярного и далекого от математической географии труда (см. подробнее: *Томсон Дж. О.* История древней географии. М., 1953. С. 175–176; *Дитмар А. Б.* География в античное время. Очерк развития физико-географических идей. М., 1980. С. 90–91).

года, но не одинаковым образом¹⁰³. Одну из этих зон населяют антихтоны¹⁰⁴, другую — мы.

Стремившийся к большей научности Плиний Старший, опираясь на разработки греческих астрономов и географов, говорит уже о семи зонах и приводит греческое название зон — «параллели». В конце VI книги, завершающей географическую часть «Естественной истории», Плиний в качестве своего рода приложения рассказывает об этих зонах, на которые греки разделили Северное полушарие. До этого момента Плиний практически полностью игнорировал математико-астрономическую географию греков, повторяя общераспространенные тезисы о существовании пяти зон (NH II, 172). Теперь же он рассказывает о местностях, лежащих под тем или иным «климатом» (= параллелью), опираясь, вероятно, на разработки греческого географа и астронома II в. до н.э. Гиппарха¹⁰⁵. В другом месте Плиний отзывается о нем так: *Hipparchus nunquam satis laudatus* (NH II, 95).

Итак, сначала Плиний описывает семь климатов («параллелей», или «поясов»), которые были традиционны для греческой науки: первый проходит через Южную Индию, Аравию, Красное море, Египет, Северную Африку и Гибралтар; последний, седьмой, пояс начинается от северо-западного берега Каспийского моря, проходит через северочерноморские города Боспор, Борисфен, за-

¹⁰³ Очевидно, имеется в виду различный порядок следования времен года в северном и южном полушариях.

¹⁰⁴ «Антихтоны» (Ἀντιχθόνες) означает «жители противоположной земли»; имеются в виду жители южного полушария (см. о них также: *Aristot. Cael. II, 13, 2; Gemin. XVI, 19–20; Strabo II, 5, 13*).

¹⁰⁵ *Roseman Chr.H. Hour Tables and Thule in Pliny's Natural History // Centaurus. 1987. Vol. 30. P. 95; фрагменты Гиппарха см.: Dicks D.R. The Geographical Fragments of Hipparchus. London, 1960; ср.: Пьянков И.В. Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 141–152; Шеглов Д.А. Научная география периода между Гиппархом и Птолемеем в отражении римских географических сочинений // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2004. Вып. 3. С. 429–452; Он же. Система семи климатов Птолемея и география Эратосфена // ВДИ. 2005. № 3. С. 243–265; Он же. Широга острова Туле у Птолемея и форма ойкумены у Гиппарха и Помпония Мелы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. СПб., 2006. Вып. 5. С. 461–486.*

падночерноморские города Каллатис, Томы, «заднюю» (то есть северную) часть Фракии. Как мы видим, скифы не попадают в обитаемую зону с умеренным климатом. Но затем Плиний продолжает (NH VI, 219):

До сих пор мы излагали изыскания древних. Самые скрупулезные из последующих [ученых] оставшуюся часть земли обозначили еще тремя кругами¹⁰⁶, [первый проходит] от Танаиса через Меотийское озеро и сарматов¹⁰⁷ до Борисфена¹⁰⁸ и далее

¹⁰⁶ М. Кисслинг (*Kiessling E.* *Ῥιτῆα ὄρη* // RE. 2. Reihe. Bd. 1. 1914. Col. 851) и П. Шнабель (*Schnabel P.* *Die Weltkarte des Agrippa als wissenschaftliches Mittelglied zwischen Hipparch und Ptolemaeus* // *Philologus*. 1935. Bd. 90. S. 413–415) считают, что эти новые данные Плиний почерпнул из «Хорографии» Агриппы. Д.А. Щеглов (*Щеглов Д.А.* *Древнейшие греческие описания Скифии в интерпретации эллинистической географии* // *ДГ*, 2003 год. М., 2005. С. 293–299) видит в этих данных Плиния влияние Гиппарха Никейского. Интересно отметить, что эти «круги» проходят только по территории Северной Европы, в то время как предшествующие семь охватывали всю ойкумену.

¹⁰⁷ Имеются в виду сарматы, населяющие так называемую Европейскую Сарматиию. Зона их расселения между Доном и Днепром (далее следуют даки) отражает политическую ситуацию середины I в. до н.э., когда геты (даки) под руководством Биребисты захватили огромную территорию, простирающуюся на востоке вплоть до Ольвии на Днепре (см.: *Подосинов А.В.* *Дакия и Сарматия на карте мира Марка Випсания Агриппы* // *Acta Associationis Internationalis Terra antiqua Balcanica. Serdicae*, 1991. С. 156–161). Сопоставив этот текст с фрагментом из «Хорографии» Агриппы, сохраненным самим Плинием (фр. 8) и описывающим восточноевропейскую территорию, П. Шнабель (*Schnabel P.* *Die Weltkarte*. С. 412–414) замечает, что членение территории здесь соответствует тому, что Плиний приписывал Агриппе, то есть Сарматия простирается до Борисфена, далее на запад находится Дакия, за ней Германия и т.д. Поскольку помещение Дакии от Вислы до Сарматского Борисфена могло быть только у Агриппы (до него не знали Дакии и Вислы), а вскоре после него Сарматия, сильно продвинувшаяся на рубеже эр на запад, воспринималась как соседящая Германии (см. уже у Мелы, III, 25 и 33), Шнабель не сомневается в том, что этот климатический пояс был введен в науку именно Агриппой, а его карта обладала всеми атрибутами научной картографии того времени (ср., однако, сомнения в этом у: *Detlefsen D.* *Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas*. Berlin, 1906. S. 98–99; *Tierney J.J.* *The Map of Agrippa* // *Proceedings of the Royal Irish Academy*. 1963. Vol. 63. P. 156). М.И. Ростовцев приурочивал свидетельства о Дакии с восточной границей по Борисфену ко времени Цезаря и Биребисты, когда даки (геты) распространили свою власть до Ольвии (*Rostovzev M.* *Skythien und der Bosphorus*. Berlin, 1931. Bd. I. S. 42).

через даков и часть Германии, через Галлии, где океан охватывает берега, и там [самый длинный день] длится 16 равноденственных часов¹⁰⁹; второй — через гипербореев и Британию, 17 часов¹¹⁰; последний скифский от Рипейских хребтов¹¹¹ до [острова] Тиле¹¹²; в нем дни и ночи, как я сказал¹¹³, делятся попеременно¹¹⁴.

Итак, скифы оказываются в последней северной зоне¹¹⁵, которая, очевидно, считалась холодной и малопригодной для проживания людей. Это представление вполне вписывается в картину «скифского холода», сформировавшуюся со времен Геродота.

¹⁰⁸ В отличие от седьмого пояса, Борисфен здесь означает не город (Ольвию), а реку (Днепр).

¹⁰⁹ Длина дня этой зоны соответствует широте 49, 1°.

¹¹⁰ Широта 54, 5°.

¹¹¹ Мифические горы на севере Евразии (см. о них *Plin. NH VI, 15*).

¹¹² О мифическом острове Тиле (Туле), находящемся на севере дальше всех островов Северного моря в одном дне пути до замерзшего Кронийского океана, Плиний рассказывал в II, 186–187 и IV, 104 (*ultima Tyle*). Ср. также: *Strabo I, 4, 2*. Известно, что путешественник IV в. до н.э. Пифей измерил с помощью гномона широту своего родного города Массалии (совр. Марсель во Франции) и некоторых пунктов своего путешествия вокруг Западной и частично Северной Европы и эти измерения были использованы Гиппархом (см. *Strabo I, 4, 4; II, 1, 12; II, 1, 18; II, 5, 8*; см.: *Dicks D.R. The Geographical Fragments*), на которого опирается Плиний. Об этом острове в греческой географической и литературной традиции см.: *Aujac G. L'île de Thulé, mythe ou réalité. Etude de géographie grecque // Athenaeum. Pavia, 1988. LXVI. P. 329–343.*

¹¹³ *NH IV, 104*.

¹¹⁴ В *NH II, 186–187* и *IV, 104* Плиний сообщал, что на острове шесть месяцев длится день и шесть месяцев — ночь (ср. *Mela III, 57*). Та же информация содержится в описании живущих севернее Рипейских гор гипербореев в *IV, 89*. Именно поэтому Плиний считал возможным соединить Скифию и Туле в одном поясе. Подробнее об античной дискуссии о долготе дней и сезонов в северных широтах см.: *Roseman Chr.H. Hour Tables and Thule. P. 93–105; Szabó Á. Der Sechs Monate-Schlaf // Acta classica Universitatis Scientiarum Debreceniensis. Debrecen, 1990. Vol. 26. S. 19–22.*

¹¹⁵ Это расположение скифов — севернее гипербореев и около Рифейских гор — противоречит обычной локализации этих народов: гиперборейцы практически всегда связаны с Рифеями и располагаются севернее скифов.

Глава 3

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СКИФИИ

Этногеография Скифии составляет особую проблему, которой посвящено множество исследований. Мы коснемся здесь только восприятия скифского этноса античными авторами.

3.1. Ираноязычность собственно скифов

Интересно, что античные авторы знали о том, что скифы состоят в родстве с другими ираноязычными народами Азии — персами и парфянами, а также со среднеазиатскими племенами, что подтверждается и современными исследованиями. Более того, Помпей Трог (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.) считал именно скифов родоначальниками иранских народов (Just. II, 1, 3):

Рассказ о подвигах скифов, которые были достаточно велики и важны, следует вести с самого их происхождения: (2) начало их [истории] было не менее славно, чем их владычество, и доблестями мужей они прославились не более, чем женщин; (3) в самом деле, сами они были родоначальниками парфян и бактрийцев¹... (пер. В.В. Латышева).

Несколько ниже Трог повторяет, что скифы «основали Парфянское и Бактрийское царства» (II, 3, 6). Трог проявляет в этой связи даже лингвистические познания в области иранистики (XL, 1,1)²:

(1) Парфы... были скифские изгнанники (*exules*). (2) Это очевидно даже из самого их названия: по-скифски изгнанники называются «парфами»... (10) Они, будучи изгнаны из Скифии

¹ Бактрийцы жили в Средней Азии, их территория находилась между горами Памир, Гиндукуш и рекой Амударьей. Бактрийцы были, как и скифы, ираноязычным народом.

² Ср. близкий текст у Стефана Византийского (Comm. ad Dion. Perieg. 1039).

домашними усамицами, тайком заняли степи между Гирканией, дагами, апартанами и маргианами... (3) Язык у них средний (*medius*) между скифским и мидийским, помесь того и другого (*utrimque mixtus*) (пер. В.В. Латышева).

Аммиан Марцеллин (XXXI, 2, 20) также говорит о «персах, по происхождению скифах».

Римский поэт Лукан в эпической поэме «Фарсалия» (VIII, 302) упоминает «скифские стрелы» (*Scythicae sagittae*), использованные парфянами в сражении против Красса. Это утверждение не выглядит странным, если мы учтем высказывание Тертуллиана о миграциях народов (О душе, 30):

Мы находим и в записках о человеческих древностях, что род человеческий постепенно размножился, когда туземцы, или кочуя, или лишившись родины, или под влиянием жажды славы занимали земли, как, например, скифы — парфянские... (пер. В.В. Латышева).

Итак, по Тертуллиану, это скифы пришли в Парфию, а не наоборот.

Помпоний Мела говорит о родстве с парфянами уже не скифов, а сменивших их в Восточной Европе сарматов (III, 33):

Народ Сарматии образом жизни и вооружением наиболее близок парфянскому, но нравы у них более суровые, как и более суров климат.

Плиний Старший (VI, 19) также связывает с мидийцами не скифов, а сарматов: «... У Танаиса... живут сарматы, происходящие, как говорят, от мидийцев». Как полагают, предание о родстве сарматов с мидийцами (мидянами) базируется не только на общности и родстве сарматского языка с мидийским, но, в первую очередь, вероятно, должно быть связано с возвращением савроматов из Передней Азии вместе со скифами³.

Родство европейских скифов и азиатских, которые часто выступали под другими именами, будь то саки или массагеты, было

³ Смирнов К.Ф. Савроматы и сарматы // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 133. По Солину (Coll. mir. 15, 18), живущие в Азии савроматы происходят от мидян.

ясно с древнейших времен. Геродот передает мнение других людей, когда сообщает (I, 201):

Говорят, что массагеты — племя и большое, и сильное, обитает оно к востоку, в направлении восхода солнца, по ту сторону реки Аракс, напротив исседонов. По мнению некоторых, массагеты — это скифское племя.

Гекатей относил зауральское племя исседонов к скифским (Frg. 193).

Эфор (см. Ps.Scymn. 860–864) считал, что «некоторые (из скифов. — *А. П.*) пришли в Азию и поселились [там], их-то и называют саками».

Страбон рассказывает о европейских и азиатских скифах, подчеркивая их близость в названии и укладе жизни (XI, 6, 2):

Для вступающего [в Каспийское море] по правую руку обитают смежные с европейцами скифы и сарматы между Танаисом и этим морем, по большей части кочевники, о которых мы [уже] говорили, влево — восточные скифы, также кочевники, на всем протяжении до восточного моря и до Индии (пер. П.И. Прозорова).

Он же приводит слова автора V в. до н.э. Херила Самосского: «пастухи овец саки, по происхождению скифы; населяли они богатую пшеницей Азию; они были, конечно, выходцами из номадов, справедливых людей» (*Strabo VII, 3, 9*)⁴.

Таким образом, античные авторы признавали родство скифов и сарматов с другими ираноязычными народами на огромном евразийском пространстве, даже если их мнения о направлении миграций могли быть диаметрально противоположными.

3.2. Иные номады как «скифы» в широком смысле

В произведениях античных авторов мы встречаемся с двояким пониманием терминов «Скифия» и «скифы». С одной стороны, описываются собственно скифы, с другой — скифы в широком смысле. Другие племена Северного Причерноморья, жившие по

⁴ Подробнее о «восточных скифах» в античной литературе см.: Куклина И.В. Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 94–113.

соседству со скифами или же подчиненные им, в античной литературе то идентифицировались со скифами, то описывались как отличные от них. Степень точности и аккуратности в такой идентификации зависели от жанра и стремления автора к историчности. Поэтому, скажем, для Геродота было важно определить этническую «скифскость» тех или иных описываемых им племен, а для римских поэтов это было не важно — все племена Северного Причерноморья считались скифскими.

Классический образец стремления точно отделить скифов от нескифов представляет собой описание Скифии Геродотом, которого с полным правом можно назвать не только «отцом истории» и «отцом географии», но и «отцом этнографии».

Сразу отметим, что название «Скифия» уже у Геродота имеет чисто географический смысл — это некая страна, находящаяся в Северном Причерноморье, которая знаменита тем, что в ней живут скифы. Но и не только они — Геродот называет на этой территории в качестве их соседей еще множество племен — агафирсов, каллипидов, ализонов, невров, андрофагов, меланхленов, савроматов, будинов, гелонов, тиссагетов, иирков, аргиппеев, исседонов, аримаспов и некоторых других (IV, 102–117). Их он отличает от скифов, отмечая степень их близости или, наоборот, отдаленности от нравов или языка скифов.

Так, обычаи агафирсов оказываются похожими на фракийские (IV, 104), каллипиды и ализоны являются «эллиноскифами», хотя во многом подобны скифам (IV, 17), невры имеют скифские обычаи (IV, 105), андрофаги — «племя особое и отнюдь нескифское» (IV, 18), «кочевники, одежду носят похожую на скифскую, язык же у них свой собственный» (IV, 106), у меланхленов обычаи скифские (IV, 107), хотя в другом месте (IV, 20) Геродот отмечает, что это «племя иное, не скифское». Особенно сложно обстоит дело с этнической принадлежностью гелонов: «в древности — это эллины... и говорят они на языке отчасти скифском, отчасти эллинском» (IV, 108). Савроматы, по Геродоту (IV, 110–117), — это скифы, соединившиеся с амазонками и ставшие жить отдельно от прочих скифов; их язык признается несколько искаженным скифским.

Итак, в Скифии кроме скифов оказываются и другие нескифские народы. Сами же скифы помещаются в самом сердце страны

— от Борисфена (Днепра) до Танаиса (Дона) — и также разделены на несколько племен: Геродот называет скифов-пахарей, скифов-земледельцев, скифов-кочевников и царских скифов.

В этой этнографии скифских народов не обошлось и без противоречий. С одной стороны, приводя этногенетическую легенду о происхождении скифов от полудевы-полузмеи и Геракла, рассказанную местными понтийскими греками, Геродот называет трех сыновей Геракла — Агафирса, Гелона и Скифа; судьба братьев сложилась следующим образом (IV, 10, 2–3):

... Двое ее детей — Агафирс и Гелон, которые не смогли справиться со стоявшей перед ними задачей (натянуть лук Геракла. — *А. П.*), ушли из страны, изгнанные родительницей, а самый младший из них — Скиф, выполнив все, остался в стране. (3) И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов.

Из этой легенды следует, что гелоны, агафирсы и скифы должны были быть родственны; выше же мы видели, что первые два народа весьма отличаются от скифов по языку и обычаям.

В дальнейшем мы часто будем встречаться с ситуацией, когда все эти «нескифские» народы будут по географическому признаку признаваться скифскими. Так, Псевдо-Скимн цитирует Эфора — автора IV в. до н.э., написавшего первую всеобщую историю, недодешую до нас, но очень популярную в античности (vv. 841–849):

Эфор говорит, что первыми по Истру живут карпиды⁵, затем аротеры⁶ (греч. «пахари». — *А. П.*), далее невры вплоть до необитаемой вследствие холода страны, а к востоку за Борисфеном так называемую Гилею заселяют скифы, за ними к северу георги (греч. «земледельцы». — *А. П.*), потом опять простирается на далекое пространство пустынная местность, за нею [живет] скифское племя андрофагов (пер. И.И. Бережкова).

Итак, с одной стороны, Эфор повторяет вслед за Геродотом его характеристики разных групп скифов (аротеры, георги), но при

⁵ По-видимому, мы имеем в этом тексте первое упоминание народа, известного позже как карпы и давшего свое имя названию Карпатских гор. Возможно, впрочем, что карпиды здесь — искаженное имя каллипидов, описанных Геродотом (IV, 17).

⁶ О пахарях (аротерах) и земледельцах (георгах) см подробнее: *Корчелла А.* Скифы ΑΡΟΤΗΡΕΣ и скифы ΓΕΩΡΓΟΙ // ВДИ. 1994. № 1. С. 82–89.

этом как бы отличает их от скифов, с другой, — называет андрофагов «скифским племенем», что противоречит Геродотовой характеристике андрофагов.

Примерно то же мы встречаем у Помпония Мелы (II, 9–15): «Племена [Скифии] различаются образом жизни и нравами». Далее речь идет об эседонах, агафирсах, сатархах, таврах, базилидах, номадах, георгах (последние три народа были у Геродота разными ветвями собственно скифов, у Мелы же об их скифской принадлежности не говорится вообще), антропофагах (= андрофаги Геродота), гелонах, меланхленах и неврах. В Скифии, таким образом, живет много «скифских» народов, при этом сами скифы не названы по имени.

* * *

В связи с локализацией Скифии в Северном Причерноморье и родством с ними кочевых племен азиатских степей большой интерес представляет парадоксальная географическая ситуация, возникающая во время похода Александра Македонского в Среднюю Азию. Речь идет о хорошо известном в античности рассказе о том, как Александр во время этого похода⁷, перейдя Окс (Амударью), пришел к Яксарту (Сырдарье), приняв эту реку за Танаис (Дон), за которым якобы жили скифы. Вот как рассказывает об этом Плутарх в «Жизнеописании Александра» (44–45):

44. Затем⁸ Александр с лучшей частью войска отправился в Гирканию (местность к югу от Каспийского моря. — *А. П.*). Там он увидел морской залив (южная часть Каспийского моря. — *А. П.*), вода в котором была гораздо менее соленой, чем в других морях. Об этом заливе, который, казалось, не уступал по величине Понту (Черному морю. — *А. П.*), Александру не удалось узнать ничего определенного, и царь решил, что это край Меотиды (Азовского моря. — *А. П.*)... 45. ...он перешел реку Орксарт (Яксарт. — *А. П.*), которую принял за Танаис, и, обратив скифов в бегство, гнался за ними верхом на коне целых сто стадиев (пер. М.Н. Ботвинника и И.А. Перельмутера).

⁷ См. о нем подробнее: *Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И.* Александр Македонский и Восток. М., 1980. С. 235–283.

⁸ Это было в 330 г. до н.э.

Итак, для Плутарха Александр около Танаиса — это географическая aberrация, вызванная тем, что Александр принял Каспийское море за Азовское, из чего логично было принять Сырдарью, впадавшую тогда, вероятно, в Каспийское море, за Танаис⁹. Интересно, что сам Плутарх тут же сообщает, что уже задолго до похода Александра Каспий был известен как залив Северного океана¹⁰, что должно было бы исключить заблуждение Александра. Тем не менее Александр, как утверждает Плутарх, гонится за скифами и даже позже получает в жены дочь скифского царя¹¹.

Курций Руф в «Истории Александра Македонского» (I в. н.э.) не видит никакой ошибки в том, что, переправившись через Окс (Амударью), царь отправился к Танаису (VII, 5, 36). Танаисом у Руфа оказывается река, на которой расположен город Мараканда (Самарканд), то есть Сырдарья (Яксарт). Отсюда царь

послал к европейским скифам одного из друзей, по имени Пенда, передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области — реку Танаис. Ему же было поручено ознакомиться с характером страны и посетить скифов, живущих на берегах Боспора (Керченского пролива. — *А. П.*). Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города-крепости¹² для удержания как уже покоренной территории, так и той, куда он намеревался проникнуть (VII, 6, 11–13) (пер. Д.А. Дрбоглава).

Из описания Руфа следует, что за Яксартом-Танаисом началась Европа, а город Александрия был основан на берегу Дона¹³.

⁹ Ср. также *Plin. NH VI, 49* о реке Яксарт, которую “Alexander militesque eius Tanain putavere esse”.

¹⁰ См. *Plut. Alex. 44*: «Между тем естествоиспытатели были уже знакомы с истиной: за много лет до похода Александра они писали, что Гирканский залив, или Каспийское море, — самый северный из четырех заливов Океана».

¹¹ *Plut. Alex. 46*: «В подробном письме к Антипатру он (то есть Александр) говорит, что царь скифов дал ему в жены свою дочь...».

¹² Об основании Александром города на реке Танаис сообщает также Помпей Трог, см.: *Just. Epit., XII, 5, 12*.

¹³ Ср. также *Curt. Ruf., VII, 4, 6*: Бесс, сатрап Бактрии, ждет, что к нему придут на помощь против Александра «хорасмии и дахи, саки и инды, а также обитающие за рекой Танаисом скифы»; VII, 7, 2: «Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Европы и Азии»; VII, 7, 4: скифы занимают «область, прямо лежащую за

Заметим, что этот текст дает вполне весомые основания для помещения на берегу Танаиса-Дона алтарей Александра, о которых рассказывают некоторые античные авторы, например, Павел Орозий (V в. н.э.) в «Истории против язычников», где он пишет (I, 2, 5), что река Танаис, «проходя мимо алтарей и рубежей Александра Великого (*praeteriens aras ac terminos Alexandri Magni*)... пополняет Меотийские Болота (Азовское море. — *А. П.*)»¹⁴.

Страбон, в свою очередь, видит в сообщениях об Александре на Танаисе подлог и мистификацию его историков (XI, 7, 4):

К рассказам об этом (Каспийском. — *А. П.*) море присочинено много вымысла в угоду тщеславию Александра. Ввиду того что река Танаис, по всеобщему признанию, отделяет Азию от Европы и что область между морем и Танаисом, составляющая значительную часть Азии, не была подвластна македонянам, решились пуститься на хитрость: показать, что Александр (по крайней мере в народной молве) покорил также и эту страну. Поэтому они объединили озеро Меотиду, принимающее Танаис, с Каспийским морем, причем называли и последнее озером, утверждая, что оба водоема связаны друг с другом подземным проходом и один является частью другого... Реку Яксарт они назвали Танаисом... (пер. Г.А. Страгановского).

Несколько иную версию о существовании двух Танаисов выдвигает Арриан в «Походе Александра» (III, 6–9):

Александр... пошел в Мараканды — это столица Согдианы. Оттуда он двинулся к реке Танаис. Истоки этого Танаиса, который местные варвары называют еще, по словам Аристобула, Орксантом [= Яксарт], находятся также на горе Кавказ; впадает и эта река в Гирканское море. Должен быть и еще другой Танаис, о котором историк Геродот пишет, что это восьмая ре-

Истром, и в то же время граничат с Бактрией, с крайними пределами Азии» и VIII, 1, 7–10 об ответном посольстве европейских скифов к Александру с предложением жениться на дочери их царя.

¹⁴ Из других античных авторов «алтари Александра» отмечает на Танаисе-Дону Птолемей на своей карте мира (III, 5, 26). На Северном Кавказе недалеко от Дербента («Албанских ворот») Птолемей помещает еще и «Александровы Столпы (Колонны)» (V, 9, 15). Аммиан Марцелин, как и Птолемей, упоминая алтари Александра, называет еще и «алтари Цезаря Августа» (XXII, 8, 40: “*arae Alexandro Magno Caesarique Augusto sacratae*”), правда, у Аммиана они оказываются на Борисфене-Днепре.

ка у скифов: она вытекает из большого озера, а впадает в озеро еще большее; оно называется Меотийским. Некоторые говорят, что этот Танаис является границей между Европой и Азией (пер. М.Е. Сергеевко).

Правильно, по сути, понимая географическую ситуацию с двумя разными Танаисами, Арриан тем не менее не удержался рассказать и о посольстве Александра к европейским скифам, и об ответном посольстве скифов с ценными дарами и предложением взять в жены дочь их царя (IV, 1, 1–2; 15, 1–5).

Итак, в античности существовали четыре трактовки похода Александра к Танаису (следует отметить, что все они восходят к несохранившимся трудам историков Александра): 1) так все и было: среднеазиатский Яксарт = северочерноморский Танаис–Дон (Курций Руф и Помпей Трог); 2) это была невольная ошибка Александра, принявшего Яксарт за Танаис (Плутарх); 3) это была намеренная фальсификация его историков, выдавших Яксарт за Танаис (Страбон); 4) на самом деле существуют два Танаиса — Геродотов в Северном Причерноморье и Александров — в Закаспии (Арриан). Последняя версия должна была снять все противоречия и обвинения в фальсификации¹⁵.

Интереснее всех тот вариант, который рассматривает появление Александра на Дону как реальное событие (остальные, зная об этой версии, пытаются как-то объяснить это недоразумение). Дело в том, что в античности хорошо представляли себе местоположение Азовского моря и Дона, которые были довольно основательно освоены греческими колонистами со стороны Черного моря и описаны античными географами начиная с Геродота. Закаспийские Бактрия и Согдиана с реками Сырдарья и Амударья были известны греческим географам еще и до похода туда Александра, начиная со

¹⁵ Любопытно отметить, что и современные историки иногда считают, что при существовании двух Танаисов Александр посылал послов от азиатского Танаиса к европейскому (см., например: *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 30: «Несомненно, большой отчет должны были представить люди во главе с Бердой, посланные Александром к “европейским” скифам, жившим по нижнему течению Танаиса, летом 329 г. до н.э. и возвратившиеся год спустя, которым царь специально поставил задачу познакомиться с природой скифской земли и узнать, как велико ее население, каковы его обычаи и вооружение...»).

Скилака, Гекатея и Геродота, поскольку являлись персидскими сатрапиями¹⁶. Как можно было сопрячь вместе эти два региона, отстоящие друг от друга на такое же расстояние, на каком они отстоят от отправного пункта в Малой Азии? Как можно было Сырдарью, вытекающую из центральноазиатского горного массива, объявлять Танаисом, разделяющим Европу и Азию, если территория Европы в таком случае оказывается простирающейся вплоть до Тихого океана (если, конечно, не принять тезис Страбона о намеренной фальсификации¹⁷)?

Думается, одним из объяснений может быть принципиальная некартографичность античного восприятия географического пространства.

«Некартографическое» сознание античных авторов проявилось, в частности, в том, что основным принципом восприятия и презентации пространства был путь, который представлял пространство линейно, имел начало и конец, объединял собой некоторые пункты, мог пересекаться с другими путями, имел определенную протяженность. В свое время я предложил называть описание пути *хорографическим*¹⁸; Пьетро Янни позднее назвал такой способ описания пространства *годологическим* (от греч. ὁδός — «путь»), противопоставляя его *картографическому*¹⁹. Литературной формой годологического восприятия пространства являлись *периплы* (для описания морских побережий) и *итинерарии* (для описания сухопутных дорог).

Можно предположить, что и в случае с Яксартом-Танаисом причиной географической аберрации стал годологический принцип восприятия пространства: два пути из Малой Азии как отправной точки движения, один — через Гирканию к Сырдарье восточнее Каспия, другой — к устью Дона через Черное и Азов-

¹⁶ См. подробнее: *Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 11–27.

¹⁷ Об отношении Страбона к историкам Александра см. специальную работу: *Zambianchi M.T.* Strabone e gli storici di Alessandro // *Geographia Antiqua*. 2005–2006. Vol. XIV–XV. P. 31–43.

¹⁸ См.: *Подосинов А.В.* Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // *Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР*. М., 1978. С. 22–45.

¹⁹ *Janni P.* La mappa e il periplo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984 (Università di Macerata. Pubblicazioni della facoltà di lettere e filosofia 19).

ское моря, могли восприниматься как пути, ведущие почти параллельно друг другу на север и северо-восток ойкумены. И Северное Причерноморье, и закаспийские степи считались в античности расположенными именно на северо-востоке ойкумены. В рамках таких представлений не удивительно, что Александр вполне мог принять юго-восток Каспийского моря за Азовское (см. выше свидетельство Плутарха).

Мы знаем также, что «основной литературной формой, в которой накапливались все эти наблюдения (о Бактриане и соседних странах. — *А. П.*), был итинерарий»²⁰. Конечные пункты этих путей-итинерариев вполне могли восприниматься в некартографическом сознании как находящиеся недалеко друг от друга²¹. Сближение конечных пунктов двух «путей» облегчалось, на мой взгляд, и тем, что оба они приводили к «скифам», ведь в античности, начиная со Скилака и Гекатея, хорошо знали об этническом родстве скифов европейских, живших около Танаиса в Северном Причерноморье, и скифов азиатских (даев, саков и массагетов), населявших степи восточнее Каспия и севернее Сырдарьи. В этой связи показательно описание закаспийских племен у Страбона (XI, 8, 2): «Большинство скифов начиная от Каспийского моря (к востоку от него. — *А. П.*) называются даями. Племена, живущие восточнее последних, носят названия массагетов и саков, прочих же называют общим именем скифов, но у каждого племени есть свое особое имя»²². По мнению Страбона (II, 5, 7), «выше Меотиды живут савроматы и скифы до места жительства восточных скифов...».

²⁰ Пьянков И.В. Средняя Азия. С. 279.

²¹ Примеры такого годологического принципа описания географического пространства собраны в книге П. Янни (*Janni P. La mappa. P. 147–158*); см. также: *Podossinov A.V. Karte und Text: zwei Wege der Repräsentation des geographischen Raums in der Antike und im frühen Mittelalter // La letra y la carta: descripción verbal y representación gráfica en los diseños terrestres grecolatinos. Estudios en honor de Pietro Janni (Monografías de GAHIA 1) / Ed. Francisco J. González Ponce, Francisco Javier Gómez Espeloshín, Antonio L. Chávez Reino. Sevilla, Editorial Universidad de Sevilla; Madrid, Servicio de publicaciones de la Universidad de Alcalá, 2015. P. 3–32.*

²² Ср. также у Страбона XI, 6, 2; Арриана III, 8, 3; Курция Руфа VI, 2, 13–14 и многих других авторов; о единстве скифов и саков-массагетов в области религиозно-мифологических представлений см. главу «Скифская мифология и саки Средней Азии» в монографии Д.С. Раевского «Очерки идеологии скифо-

Такая «мобильность» скифского этнонима должна была породить представление о том, что, перейдя Яксарт, можно столкнуться с европейскими скифами, ведь коль скоро в конце обоих «путей» оказывался единый этнический массив, расстояние между ними вполне могло выглядеть несущественным и скрадываться. Вероятно, поэтому Плутарх, который прямо пишет о том, что Александр ошибочно принял Яксарт за Танаис, тем не менее тут же рассказывает как о реальном историческом факте о том, что, перейдя эту реку, Александр обратил скифов (без уточнения — каких) в бегство и долго гнал за ними; позже получил в жены дочь скифского царя (Alex., 45–46).

Но наиболее ярко соединение двух дальних полюсов прозвучало в речи, якобы произнесенной в Бактриане перед Александром послом европейских скифов (VII, 8, 30):

... Ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы населяем земли вплоть до Фракии; а с Фракией, говорят, граничит Македония. Мы соседи обеих твоих империй, подумай, кого ты хотел бы в нас иметь, врагов или друзей.

Итак, одни и те же скифы граничат на востоке и западе с двумя ветвями империи Александра; эти ветви почти сошлись в районе Танаиса. Примерно такую же близость среднеазиатских и европейских территорий демонстрирует Полибий, сообщая (X, 48), что «апасиаки живут между Оксом и Танаисом. Первая из этих рек впадает в Гирканское море, а Танаис изливается в озеро Меотиду».

В Центральной Азии оказались продублированы и некоторые другие географические объекты, располагавшиеся западнее Каспийского моря.

Только такое совмещение (дублиаж) делает возможным, чтобы царь среднеазиатских хорасмиев Фарасман рассказал Александру,

что он живет по соседству с племенем колхов и амазонок, и вызвался, если Александр пожелает, ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского Понта... (Arrian. Anab., IV, 15, 4).

Проще всего было бы, как это делает вслед за Эратосфеном Страбон, приписать все эти географические сдвиги и дублиеты лести историков Александра. Однако есть факты, показывающие, что уже задолго до Александра центральноазиатские и северопонтийские реалии отождествлялись и контаминировались в весьма причудливом сочетании²³.

Одной из причин такой контаминации, прослеживаемой с весьма раннего времени (еще с Гекатея), является то, что реку Аракс отождествляли или как-то связывали с Танаисом²⁴. Так, Псевдо-Скимн Хиосский в «Перизегесе» передает мнение Гекатея Милетского²⁵ (рубеж VI–V вв. до н.э.) следующим образом (865–869): «Затем лежит получившее свое имя от меотов Меотийское озеро, в которое впадает Танаис, вытекающий, по словам Гекатея, из реки Аракс (ὁ Τάναϊς ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ λαβὼν τὸ ῥεῦμα Ἀράξεω...)²⁶. Так же и Аристотель за несколько лет до похода Александра (в 334 г. до н.э.)²⁷ писал в своей «Метеорологии» (I, 13, 16), что с горы Парнас (имелся в виду Паропамис, совр. Гиндукуш) текут «Бактр (совр. Балхаб. — *А. П.*), Хоасп (совр. Зеравшан или Сват. — *А. П.*) и Аракс; от последнего отделяется в виде рукава Танаис в Меотий-

²³ См.: Пьянков И.В. Средняя Азия. С. 222: «Несомненно, что на географические представления спутников Александра повлияли теории и схемы, уже выработанные к тому времени».

²⁴ Подробно этой проблемы касается С.Н. Муравьев, см.: *Муравьев С.Н.* Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта и уровень Каспия в VI–III вв. до н.э. (К вопросу о палеогидрографии Каспийско-Аральского бассейна) // *Mathesis.* Из истории античной науки и философии. М., 1991. С. 115–247.

²⁵ О том, что речь здесь идет именно об этом Гекатее, см. аргументацию С.Н. Муравьева (*Муравьев С.Н.* Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта. С. 162–163). Гекатеем Абдерским, последователем Демокрита, считает его, вслед за некоторыми исследователями, И.В. Пьянков (*Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 204–205).

²⁶ При этом Псевдо-Скимн пишет в 874–877, что «на Танаисе, который служит границей Азии, разделяя материк на две части, — первыми живут сарматы, занимающая пространство в 2000 стадий».

²⁷ Таким образом, едва ли можно видеть в представлениях Аристотеля влияние сочинений историков Александра, как считает Л.А. Ельницкий (*Ельницкий Л.А.* Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 106, 108, 125).

ское озеро»²⁸. Авиен также говорит о Танаисе, который, «будучи разорван сначала водой Аракса», впадает затем в Меотиду²⁹.

Как известно, под Араксом в античности понимали несколько крупных рек³⁰. Наиболее ранним и распространенным было отождествление его с Сырдарьей, которая позже стала называться Яксартом. Древнеиранские, авестийские, индийские и персидские источники упоминают здесь реку Рангха (также Раха-дану, Рах, Раса, Араг, Аранг и др.)³¹; это название считается идентичным названию *Аракс*. Возможно также, что под этим именем фигурировала Волга-Ра³². Позже имя *Аракс* закрепилось за рекой в Армении (= совр. Аракс)³³. Так что едва ли можно говорить о переносе закавказского гидронима *Аракс* в Закаспий.

Танаис-Дон как рукав Аракса-Сырдарьи трудно представить хотя бы потому, что он течет с севера Восточной Европы. Но и здесь мы располагаем рядом античных свидетельств того, что Танаис-Дон понимался некоторыми авторами вытекающим из Кавказа, то есть с востока (см. *Strabo*: «II, 4, 5. ... Ложно то мнение Полибия, что Танаис течет от летнего востока: ибо все сведущие в географии этих стран утверждают, что он течет с севера в Меотиду, так что устья реки, выход из Меотиды и самая река, насколь-

²⁸ И.В. Пьянков считает эту теорию унаследованной Аристотелем у Демокрита и Эвдокса (*Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 199–204).

²⁹ *Avien.* 29–32.

³⁰ Подробнее обзор точек зрения см.: *Кужлина И.В.* Этногеография Скифии. С. 114–126; *Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 184–186, 284.

³¹ *Муравьев С.Н.* Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта. С. 156–159.

³² См. подробнее: *Подосинов А.В.* Волга в геокартографии античности и средневековья // *Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 70–97.

³³ Все три идентификации Аракса, возможно, встречаются уже у Геродота: так, описание в I, 202, 1 и 3; I, 216 устья Аракса с большими островами, обилием рыбы и тюленей наводит на мысль о низовьях Волги; истоки Аракса, помещаемые Геродотом в стране матиенов в I, 202, 3, свидетельствуют об армянской родине реки; расположение же на берегах Аракса закаспийских массагетов (I, 201; 205; 211; 216; III, 36; IV, 11; 40) — аргумент в пользу Сырдарьи (см. подробнее: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 181–185, 216, 270 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

ко она известна, лежат на одном и том же меридиане. II, 4, 6. ... Неосновательно мнение, утверждающее, что эта река (то есть Танаис) течет через Кавказ к северу и затем поворачивает в Меотиду. XI, 2, 2. ... Одни предполагали, что [Танаис] берет начало в Кавказских горах и, поднявшись далеко на север, затем поворачивает назад и впадает в Меотиду (с ними согласен и Феофан Митиленский)...». В число таких «неосновательных» авторов попадает и Дионисий Периегет, который утверждал (663–665), что «истоки Танаиса журчат вдали в Кавказских горах, он же, широко разлившись повсюду, быстро несется по скифским равнинам»³⁴. Явно с Кавказа должен был брать начало Танаис у Арриана, когда он пишет (*Anab.*, V, 5, 4):

Реки Азии, заслуживающие упоминания, берут начало с Тавра или с Кавказа; одни из них текут на север и впадают — некоторые в Меотийское озеро³⁵, а некоторые в так называемое Гирканское море...³⁶.

Но и теперь еще невозможно представить себе соединение Аракса-Яксарта-Сырдарьи с Танаисом-Доном. С современной точки зрения, такая возможность исключается, так как между Танаисом-Доном, как бы далеко на востоке ни помещались его истоки и как бы близко к Каспию ни протекала Сырдарья, течет Волга. Кроме того, господствовавшая в античности теория Каспийского моря как залива Северного океана должна была препятствовать любому водному сообщению между реками, текущими по обеим сторонам Каспия. Поэтому, кстати, кроме вполне определенных высказываний Геродота и Птолемея о замкнутости бассейна Каспия, к защитникам этой теории следует, по-видимому, причислить и всех тех, кто выводил Танаис из Аракса или признавал связь

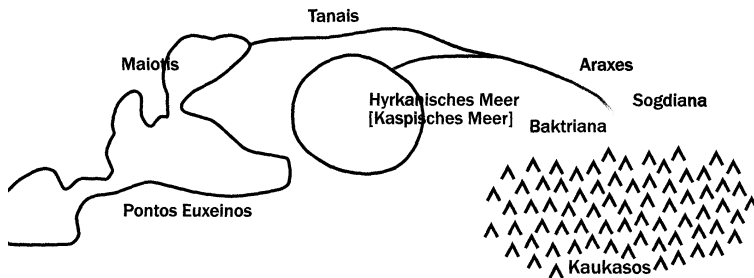
³⁴ При этом не совсем понятно, как Танаис, стекая, по Дионисию, с Кавказа, разделяет Европу и Азию «так, что на западе лежит Европа, а на востоке Азия» (662).

³⁵ Имеется в виду Танаис, см.: *Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 224.

³⁶ См. подробнее: *Подосинов А.В.* К вопросу об истоках Танаиса в представлениях античных географов // *Боспорские исследования.* Керчь, 2015. Вып. XXXI / Отв. ред. В.Н. Зинько. С. 315–324.

двух озер — Меотийского и Каспийского (например, Гекатея³⁷, Аристотеля³⁸, историков Александра, Полибия³⁹)⁴⁰.

В таком случае Танаис-Дон на ментальной карте этих авторов мог бы выглядеть как ответвление Аракса-Сырдарьи (см. Илл. 7⁴¹).

Илл. 7.

Реконструкция гидрографии Яксарта и Танаиса
(по: Rathmann 2007. P. 87).

³⁷ Л.А. Ельницкий из других соображений пришел к выводу, что Гекатей считал Каспий внутренним озером (*Ельницкий Л.А. Знания. С. 64–65*).

³⁸ Ср. *Пьянков И.В. Средняя Азия. С. 203–204* о приверженности Аристотеля теории Каспия как замкнутого озера на основании *Meteor.*, I, 13, 29 и II, 1, 10.

³⁹ См. *Polyb.*, XVIII, 5, 4: «Согдиана и Бактриана лежат вдоль реки Танаис; следующие за ними — Ария и Парфия, которая окружает Гирканское море, являющееся обособленным [бассейном]».

⁴⁰ И.В. Пьянков, правда, считает, что и в картографической традиции, идущей от Гиппарха через Посидония и Агриппу к Птолемию, Каспий изображался замкнутым бассейном с впадающей в него с севера крупной рекой (*Пьянков И.В. Средняя Азия. С. 170–171, 177*; ср. то же о Скилаке — на с. 17, Ктесии, Эвдоксе, Клитархе и Курции — с. 27). Надо отметить, что, хотя это мнение зиждется на очень гипотетических источниковых основаниях, весьма вероятно, что сведения о великой реке, впадающей с севера в Каспий (Волге), все же проникали к грекам, хотя и в неясной форме, с весьма древних времен.

⁴¹ Карту начертил М. Патманн (*Rathmann M. Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume im Hellenismus am Beispiel Asiens // Wahrnehmung und Erfassung geographischer Räume in der Antike / Hrsg. von M. Rathmann. Mainz, 2007. P. 87*).

Весьма необычное, но вполне правдоподобное объяснение этой загадки предложил С.Н. Муравьев⁴². По его мнению, основанному на измерении Каспийского моря Геродотом (I, 203), в VI в. до н.э. уровень Каспийского моря был гораздо ниже современного и находился на отметке –38 м абс. (то есть ниже уровня океана) или даже больше, в то время как в наши дни он приходится на –28 м. абс⁴³. Это означает, что Средний и Южный Каспий разделялись довольно узким проливом, Северного Каспия практически не существовало, а реки, впадающие сюда, — Кума, Волга, Урал, Эмба и, возможно, палео-Сырдарья — сливались здесь в единое широкое русло, ведущее в Средний Каспий. На Северном Кавказе реки Западный Маныч (впадающий в Дон) и Восточный Маныч (впадающий в Куму) могли быть более многоводными, чем теперь, и практически соединять Дон-Танаис и Северный Каспий, а именно, впадать в общее русло северокаспийских рек, в том числе Аракса-Яксарта-Сырдарьи⁴⁴.

Таким образом, находится объяснение сразу несколькими географическим «странностям». Танаис, начинающийся в Кавказских горах, текущий на север, а затем поворачивающий на юг к Меотиде, — это Западный Маныч с низовьями Дона. Танаис-Дон, проходящий через Кумо-Манычскую впадину, вполне может рассматриваться как ответвление Сырдарьи, с которой у него имеется общее русло в Северном Каспии. Название Танаиса законно переходит на

⁴² Муравьев С.Н. Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта. С. 115–247.

⁴³ Там же. С. 126–131.

⁴⁴ Ср. выше цитату из Арриана VI, 4, 18 о «впадении» Меотийского болота в Каспийское море и слова Страбона о Клитархе, «полагающем, что этот перешеек [между Меотидой и Каспием] затапливается обоими морями» (XI, 1, 5). Между тем известно, что Кумо-Манычская впадина, проходящая от низовьев Дона до Каспийского моря, действительно соединяла в геологическом прошлом бассейны Черного-Азовского морей и Каспийского, являясь для Каспия каналом наполнения соленой водой. Еще в античности существовали планы строительства канала через эту впадину, см.: *Plin.* NH VI, 32: «Клавдий Цезарь сообщил, что от Кимерийского Боспора до Каспийского моря 150 миль и что Селевк Никатор задумал прорыть здесь канал, в каковое время (в 281 г. до н.э. — *А. П.*) был убит Птолемеем Керавном». В XVII в. академик П.С. Паллас обосновывал возможность строительства здесь канала, который соединил бы два моря. В 30-е гг. XX в. началась реализация подобного проекта, но война помешала строительству, которое вскоре было прекращено. Вместо этого канала после войны был построен Волго-Донской канал.

Яксарт-Сырдарью, которая становится продолжением Танаиса на восток. Огромные болота, топи и острова, отмечаемые Геродотом в дельте Аракса (будь то палео-Сырдарья, впадающая в Северный Каспий, или низовья Волги, или палео-Эмбы-Урала), получают свою локализацию. Теории Александра и его историков о тождестве (или соединении) Каспийского и Азовского морей, отражая древние воззрения на географическую ситуацию здесь, уже не кажутся столь безумными. Тот факт, что, перейдя Танаис-Яксарт-Сырдарью, Александр оказывался в Европе, возможно, отражает древнее представление о членении материков, согласно которому Танаис, отделяющий Европу от Азии, делает Европу в два раза длиннее Азии, то есть граница между двумя материками проходит севернее Сырдарьи и вся совр. Северная Азия до Тихого океана была Европой⁴⁵. Любопытно отметить, что Кумо-Маньчская впадина со времен В.Н. Татищева и до сих пор считается одним из наиболее убедительных вариантов условной границы Европы и Азии⁴⁶.

⁴⁵ См. *Herod.*, IV, 37–40 о северной границе Азии по Колхиде, Каспийскому морю и «реке Аракс, текущей на восток». В IV, 36 Геродот высмеивает тех, кто считает Азию равной по величине Европе, а в IV, 42 заявляет, что «по длине Европа равняется двум другим вместе взятым (то есть Азии и Ливии), а по ширине, кажется мне, ее с ними и сравнивать нельзя». При таком определении длины Европы она, конечно, должна была занимать все пространство совр. Северной Азии «за» Танаисом-Яксартом-Сырдарьей (ср. выше цитированный текст Курция Руфа VII, 74 о скифах, которые живут от Дуная до Танаиса, лежащего у Бактрианы и разделяющего Европу и Азию). К вопросу о Геродотовом «Араксе, текущем на восток,» ср. Аракс на Певтингеровой карте (Segm. X, 5 – XI, 5), где он, начавшись в горах Тавра западнее Каспийского моря, проходит южнее Каспия, не соединяясь с ним, и, как у Геродота, «течет на восток», впадая в Восточный океан, подробнее см.: *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 377–378 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы); о связи Аракса Певтингеровой карты и Аракса Геродота см. также: *Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 215.

⁴⁶ См.: *Можзаев Б.Н.* Где проходит граница между Европой и Азией // Вокруг света. 1959. № 4. С. 17: «...Рекомендуется границу Европы и Азии проводить по восточной подошве Уральских гор и Мугоджар, затем по реке Эмбе, по северному берегу Каспия, по Кумо-Маньчской впадине и Керченскому проливу... Азовское море следует считать европейским». См. также: *Подосинов А.В.* О границе между Азией и Европой в Северном Причерно-

Начавшееся в V в. до н.э. повышение уровня Каспия привело к затоплению Северо-Каспийской низменности, разделению русел и устьев рек, впадающих в Каспий с севера, северо-запада и северо-востока, а наступившее одновременно падение обводненности Манычей сделало водное сообщение между Азовом и Каспием невозможным. С этого момента под *Танаисом* стали понимать Дон, текущий с севера, ставший новой границей между Европой и Азией и никак не связанный с Сырдарьей.

Таким образом, «странные» географические представления Александра и его спутников о локализации скифов и Скифии могли быть не только данью его честолюбию, как пишет Страбон (см. выше), но и отзвуком древней традиции, разделявшейся, кстати, и учителем Александра Аристотелем (см. выше), следовавшим здесь за Гекатеом Милетским (или — по версии И.В. Пьянкова — за Демокритом, Эвдоксом и Гекатеом Абдерским).

Обычно считается, что уже Геродот знал о том, что Танаис течет с севера, а не с востока. Свидетельство этого видят в IV, 57: «Восьмая река [в Скифии] — Танаис, которая течет сверху, устремляясь из большого озера, впадает же в еще большее озеро, называемое Меотийским...». Между тем, мне представляется, что выражение «сверху» (*τάνεκαθευ*) вовсе не должно означать «с севера», как многие думают (так, например, понимает это выражение С.Н. Муравьев⁴⁷), а всего лишь «из глубины материка» или даже «с самого начала, в начале», при этом слово «верх» не являлось в античности синонимом слова «север»⁴⁸. Это означает, что и Геродот вполне мог под *Танаисом* понимать Нижний Дон с впадающим в него Западным Манычом, тем более известно, что сам Дон не начинается в озере, в то время как Кумо-Манычская впадина представляет и представляла, очевидно, в древности огромную сеть рек, протоков, лиманов и озер. Поэтому едва ли стоит отрицать связь между Танаисом и Араксом-Сырдарьей у Геродота⁴⁹ только на основании отождествления выражений «сверху» и «с се-

море // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2013. Т. VII. С. 189–191.

⁴⁷ Муравьев С.Н. Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта. С. 123.

⁴⁸ См. подробнее: Подосинов А.В. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 147–166.

⁴⁹ Ср.: Муравьев С.Н. Проблема Аракса-Танаиса-Яксарта. С. 123.

вера». А если мы вспомним, что лежащая севернее среднеазиатского Аракса-Сырдарьи Европа тянется, по Геродоту (IV, 37–40), до Восточного океана, то относить Геродота к «новаторам» вообще неправильно.

Здесь я хотел бы коснуться и еще одного возможного объяснения смешения Танаиса и Яксарта, которое было обозначено в начале раздела под № 4, а именно: в античности на самом деле существовало две реки с одним названием *Танаис* — Геродотов в Северном Причерноморье и Александров в Закаспии. Известна этимология названия *Танаис*: она — скифо-иранская (*dānu-*), и слово это означает (как и позднейшее «Дон»), просто «воду, реку»⁵⁰. Почему бы иранцам-скифам было не назвать две реки, расположенные в двух местах их территории, этим именем, если оно было практически нарицательным⁵¹? Важным аргументом в пользу этой версии является, например, тот факт, что «Авеста» называет Сырдарью именно этим словом — *danu*⁵².

Следы такого параллельного наименования прослеживаются в некоторых свидетельствах античных авторов (выше приводилось мнение Арриана о том, что, кроме среднеазиатского, существует еще и северочерноморский Танаис, описанный Геродотом). Любопытно свидетельство Плиния Старшего о скифском названии Танаиса. Имея в виду Танаис-Дон, Плиний (NH VI, 20) пишет, что скифы называют его Силисом⁵³. В другом месте (VI, 49) Плиний сообщает, что во время похода Александра его воины, достигнув Яксарта, приняли его за Танаис, и опять повторяет, что скифы на-

⁵⁰ См. подробнее и с литературой: *Доватур А.И. и др.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 293.

⁵¹ Ср. *Пьянков И.В.* Средняя Азия. С. 186: «Дело в том, что Танаис в античной традиции тоже не один: был Танаис, который впадал с востока в Каспийское море, и был другой Танаис, который впадал с севера в Меотиду».

⁵² Там же. См. также: *Benveniste E.* Études sur la langue ossète. Paris, 1959. P. 118–120, где автор считает, что первоначально именно среднеазиатские реки имели имя *dānu-*, которое скифы в процессе своей экспансии на запад присвоили позже Дону; ср.: *Daffinà P.* Aral, Caspio, Tanais // *Rivista degli studi orientali.* Roma, 1968. Vol. 43. P. 367–368.

⁵³ См. также: *Eustath.* Ad Dionys. Perieg., 14: «Танаисом он называется по-эллински, Силисом же, как утверждают некоторые, его называют живущие поблизости варвары».

зывают Силисом (теперь уже) Яксарт⁵⁴. А. Геррманн и С.Г. Кляшторный считали, что в названии *Силис* слышится позднейшее *Сыр(-дарья)*⁵⁵. Исходя из этого можно, конечно, предположить, что античные географы ошибочно отнесли к Танаису-Дону местное скифское название Яксарта *Силис*, поскольку и само название *Танаис-Дон* было перенесено на Яксарт-Силис⁵⁶. Но можно и прийти к выводу, что *Танаис-Силис* было исконно названием обеих рек, подобно тому, как название *Аракс* прилагалось как минимум к трем рекам.

Показательно, что даже современные историки, анализируя среднеазиатский поход Александра, могут писать, не делая особых оговорок, что «после жестокой расправы с согдийцами Александр двинулся к Танаису (Сырдарье)...»⁵⁷.

Подводя итог нашему рассмотрению, мы можем констатировать, что в основе «странных» географических представлений Александра и его спутников, «путавших» два разных Танаиса, лежат не только и не столько честолюбивые амбиции великого завоевателя, желавшего дойти до европейских скифов, сколько древняя традиция, начинающаяся еще с Гекатея Милетского и Геродота и проявившаяся в трудах Аристотеля — учителя Александра. Сложению этой традиции, видевшей в Танаисе-Доне продолжение Яксарта-Сырдарьи, способствовали как геолого-географические и климатические факторы, так и пространственные представления самих греков и римлян⁵⁸.

⁵⁴ «Река Яксарт, которую скифы называют Силисом, а Александр и его воины считали Танаисом».

⁵⁵ Herrmann A. Tanais // RE. 1932. Bd. IX. 1. Sp. 1184; Kljaštornij S.G. ΙΑΞΑΡΤΗΣ — Sir Darja // Central Asiatic Journal. 1961. Vol. 6. P. 24–26.

⁵⁶ Ельницкий Л.А. [Комментарий к Плинию] // ВДИ. 1949. № 2. С. 862; Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997. С. 136.

⁵⁷ Гафуров Б.Г., Цибукидис Д.И. Александр Македонский. С. 249; ср. также с. 252 о строительстве Александрии-на-Танаисе.

⁵⁸ См.: Подосинов А.В. Как Александр Македонский оказался на Дону? (Пространство пути и пространство карты) // ДГ, 2009 год. М., 2010. С. 264–284. И.В. Кулина снимает остроту проблемы предположением, что под Меотидой античные географы в данном случае понимали Аральское море, в которое впадал Танаис-Сырдарья (Кулина И.В. Этногеография Скифии. С. 117–118; 123; 131–136; ср. также: Ельницкий Л.А. Знания. С. 210).

Глава 4

ОБРАЗ ЖИЗНИ СКИФОВ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УКЛАД

4.1. Скифы как номады *par excellence*

Самая яркая черта экономического уклада Скифии, поражавшая воображение греков, — это их кочевнический образ жизни, отсутствие постоянного места жительства, городов и поселений¹, и эта особенность их жизни определяла, с точки зрения античных авторов, многие другие черты социальной истории Скифии как в политической, так и в военной сфере². Кочевнический образ жизни резко контрастировал с оседлой городской цивилизацией эллинов, поэтому он часто и охотно упоминался и описывался ан-

¹ Об общих проблемах номадизма в связи со скифами в античной литературе см.: *Rolle R. Die Welt der Skythen; Die Begegnung mit dem Fremden. Wertungen und Wirkungen vom Altertum bis zur Gegenwart (Colloquium Rauricum 4) / Hrsg. von M. Schuster. Stuttgart; Leipzig, 1996; Nomadismus in der "Alten Welt". Formen der Repräsentation in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von L. Prager. Berlin; Münster, 2012; Wandern, Weiden, Welt erkunden. Nomaden in der griechischen Literatur. Ein Quellenbuch / Hrsg. von M. Rücker, Chr. Taube, Ch. Schubert. Darmstadt, 2013; Weiß A. Einführung — Die Skythen als paradigmatische Nomaden // Skythen in der lateinischen Literatur. Eine Quellensammlung / Hrsg. von A. Gerstaecker, A. Kuhnert, F. Oldemeier, N. Quenouille. Berlin; München; Boston, 2015 (Beiträge zur Altertumskunde 334). S. 17–35.*

² См.: *Подосинов А.В. Образ Скифии в античности: экономический аспект // Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А.П. Новосельцева. Москва, 17–19 апреля 2013 г. Мат-лы конф. М., 2013. С. 221–226; Первалов С.М. Скифы как номады и номады как варвары // Цивилизация и варварство / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М., 2015. Вып. IV. Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство С. 23–41.*

тичными писателями как нечто совершенно экзотическое; скифский номадизм стал также главной характеристикой номадизма вообще.

Традиция античного восприятия скифского экономического уклада начинается с VI в., когда раннегреческие поэты впервые упоминают скифов. Опираясь на беглую характеристику в «Илиаде» Гомера (XIII, 5–6) неких северных народов, живших рядом с фракийцами, как «доителей кобылиц млекоедов» (ἰπτημολογῶι γλακτοφάγοι), поэты, отождествив их со скифами, описывают последних как кочевников-скотоводов, питающихся, в основном, молоком и молочными продуктами. Так, уже в гесиодическом «Каталоге женщин» появляются «скифы-доители кобылиц» и «земля млекоедов (= Скифия), имеющих дома на повозках» (fig. 150 и 151 Merkelbach — West).

Самая яркая характеристика кочевнического уклада скифов содержится в сочинении Псевдо-Гиппократ «О воздухе, водах и местностях» рубежа V и IV вв. до н.э.; она стала основой изображения Скифии на протяжении всей античности. Вот что пишет Псевдо-Гиппократ (25):

... Так называемая «Скифская пустыня» представляет собою равнину, изобилующую травой, но лишенную деревьев и умеренно орошенную: по ней текут большие реки, которые отводят воду с степей. Здесь-то и живут скифы; называются они кочевниками потому, что у них нет домов, а живут они в кибитках, из которых наименьшие бывают четырехколесные, а другие — шестиколесные; они кругом закрыты войлоками и устроены подобно домам, одни с двумя, другие с тремя [отделениями]; они непроницаемы ни для воды, ни для света, ни для ветров. В эти повозки запрягают по две и по три пары безрогих волов... В таких кибитках помещаются женщины, а мужчины ездят верхом на лошадях: за ними следуют их стада овец и коров и [табуны] лошадей. На одном месте они остаются столько времени, пока хватает травы для стад, а когда ее не [хватит], переходят в другую местность. Сами они едят вареное мясо, пьют кобылье молоко и едят «гиппаку» [это сыр из кобыльего молока³]. Таков образ жизни и обычаи скифов (пер. В.В. Латышева).

³ Это уточнение, по мнению некоторых издателей, было внесено в текст позже.

Если кратко резюмировать текст Псевдо-Гиппократата, можно выделить следующие важнейшие черты скифского образа жизни: скифы — номады, разводящие скот (овец, коров и лошадей) и перекочевывающие в поисках новых пастбищ; особенно знаменито скифское коневодство; не имея постоянных жилищ, скифы живут в войлочных кибитках; питаются в основном мясом и молоком⁴. Все эти черты присутствуют и в более подробном «Скифском логосе» Геродота.

Чтобы показать живучесть псевдо-гиппократовой / геродотовой традиции в описании Скифии, приведу краткую, но выразительную и всеохватывающую характеристику общества скифов-номадов, которую спустя пять веков, уже на римской почве, дал Помпей Трог (конец I в. до н.э. – начало I в. н.э.) в «Филипповой истории» (II, 2), сохранившейся в кратком пересказе Марка Юниана Юстина (III в. н.э.):

Скифия... (2) очень велика и в длину, и в ширину. (3) Между отдельными народами нет никаких границ: они не занимаются земледелием, у них нет ни домов, ни других жилищ, ни постоянных мест жительства, так как они постоянно пасут стада крупного и мелкого скота и по привычке кочуют по невозделанным степям. (4) Жен и детей они возят с собой на повозках, которые покрываются кожами для защиты от дождей и зимних холодов и служат им жилищами. (5) Понятие о справедливости внушено им собственным умом, а не законами. (6) Самым тяжким преступлением у них считается воровство... (7) К золоту и серебру они не питают страсти подобно остальным смертным. (8) Пищей им служат молоко и мед; (9) употребление шерстяных одежд им неизвестно, и, хотя они страдают от постоянных холодов, но употребляют для одежды только звериные и мышиные шкуры. (10) Эта воздержанность произвела у них и справедливость нравов, именно отсутствие страсти к чужому: ведь страсть к богатствам бывает только там, где умеют ими пользоваться... (пер. В.В. Латышева).

От описания Псевдо-Гиппократата это описание отличается этической характеристикой скифов, которые предстают как народ

⁴ См. об этой черте античных номадов: *Shaw B.D.* "Eaters of Flesh, Drinkers of Milk": The Ancient Mediterranean Ideology of the Pastoral Nomad // *Ancient Society*. 1982–1983. Vol. 13–14. P. 5–31.

справедливый, честный, равнодушный к коммерции и стяжательству. Идеализирующая составляющая этого образа (к которому добавляли еще скифскую мудрость), как известно, возникла в IV в. до н.э. (Эфор) и затем многократно воспроизводилась в античной литературе (см. об этом ниже).

Колумелла в трактате «О сельском хозяйстве» (VII, 2, 1–2) замечает, что «некоторым племенам, лишенным хлеба, молоко составляет предмет пропитания, отчего весьма многие из номадов и гетов называются “пьющие молоко” (*γαλακτοπόται*)» (пер. А.И. Малеина). В «галактопотях» легко узнаются Гомеровы «г(а)лактофаги». Интересно замечание Колумеллы об отсутствии у скифов хлеба как причине, почему молоко в их рационе имело такое значение. С другой стороны, и Трог и Колумелла не указывают мясоедение скифов, отмеченное Псевдо-Гиппократом и Геродотом.

4.2. Основы скифской экономики

Основой экономики скифов, кроме собственно скотоводства, о котором была речь в предыдущем разделе, являлась, несомненно, также дань, которую скифы (вероятно, их аристократические роды — «царские скифы», по Геродоту) взимали с покоренных племен. Так, Страбон пишет (VII, 4, 6):

Номады занимаются больше войною, чем разбоем, и войны ведут из-за дани: предоставив землю во владение желающим заниматься земледелием, они довольствуются получением условленной умеренной дани, не для наживы, а для [удовлетворения] ежедневных жизненных потребностей; в случае же неплаты денег [данниками] начинают с ними войну... А не платят им те, которые уверены в своих силах, так что могут или легко отразить нападающих, или воспрепятствовать вторжению. Так, по словам Гипсикрата, поступил [боспорский царь] Асандр, отгородивший стеною перешеек Херсонеса у Меотиды [длиною] в триста шестьдесят стадиев и поставивший по десяти башен на каждом стади. Земледельцы же, хотя и слышат в отношении воинственности за людей более мирных и более цивилизованных, но, будучи корыстолюбивы и соприкасаясь с морем, не воздерживаются от разбоев и тому подобных незаконных средств к обогащению (пер. С.В. Мирошникова).

В этом тексте упоминаются не только варвары-номады, но и варвары-земледельцы, которые живут в степном Крыму и зани-

маются земледелием. Именно такие земледельческие племена степи и лесостепи, этнически не обязательно скифы (у Страбона это, очевидно, тавры), составляли, по-видимому, основной источник поступления доходов в казну скифских правителей. В современной археологической литературе высказывается мнение, что с IV в. до н.э. сами скифы, или их часть, могли переходить к полукочевому способу хозяйствования и заниматься земледелием, выращивая некоторые зерновые культуры, что, однако, делалось в интересах собственного скотоводческого хозяйства (заготовка сухого корма для зимовки скота) и не имело товарного значения⁵. Некоторые свидетельства существования у скифов земледелия содержатся и в античных источниках, в частности, еще в Геродотовом разграничении скифов-номадов и скифов-земледельцев (IV, 17–19):

И ализоны, и каллипиды во всех остальных занятиях подобны скифам, но в отличие от них хлеб они и сеют, и едят, также лук, чеснок, чечевицу и просо. Над ализонами живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи... 19. К востоку от... скифов-земледельцев, если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пашут.

В античной литературе отмечается также дань, которую скифы брали с греческих городов-государств Северного Причерноморья. По словам Страбона (VII, 4, 4), последний правитель Боспорского царства Парисад добровольно уступил власть Митридату Евпатору, «будучи не в состоянии бороться с варварами, требовавшими большой дани». Страбон имел в виду, скорее всего, не скифов, а сарматов, вытеснивших их с границ Боспорского царства, но экономический уклад сарматов мало чем отличался от скифского.

Ту же боспорскую дань скифам упоминал, очевидно, Лукиан, когда в одной из своих исторических новелл рассказывал о скифе Арсакоме, который был отправлен послом к боспорскому царю Левконору (Левкону?) «по поводу дани, которую постоянно платили скифам боспорцы, а тогда просрочили почти на три месяца»

⁵ *Гаврилюк Н.А.* Домашнее производство и быт степных скифов. Киев, 1989; *Она же.* Скотоводство Степной Скифии. Киев, 1995; *Она же.* Степная Скифия VI–IV вв. до н.э.: Эколого-экономический аспект. Реферат докт. дисс. СПб., 1999.

(Тох. 44). Несколько ниже Лукиан сообщает, что после победы скифов над объединенным войском аланов, махлиев и боспорцев последние обещали платить скифам двойную дань (Тох. 55)⁶. Античные авторы свидетельствуют и о службе скифов в качестве наемников у правителей Боспорского царства (см., например: *Diod. XX, 22–23*)⁷.

Отсутствие товарного ремесла, которое бы концентрировалось в урбанистических центрах, собственной денежной системы и регулярного рынка делало скифскую экономику примитивно самодостаточной, основанной на обмене и эксплуатации покоренного населения, а также на добыче от грабительских набегов на соседей (о войне боспорского царя Перисада со скифами рассказывал, например, Демосфен — 34, 8).

В то же время районы Степной Скифии, примыкающие к греческим государствам Северного Причерноморья, испытали воздействие античной экономики и культуры, и в этой контактной зоне фиксируются признаки товарно-денежных отношений. Судя по словам Геродота, который получил информацию о Скифии от эллинов, живших в «Борисфенской торговой гавани и прочих понтийских торговых городах» (IV, 24), причерноморские греки активно пользовались торговыми путями и внутри Скифии, снабжая скифскую элиту предметами роскоши и вином — главными объектами обмена со скифами.

Следует предположить, что скифы занимались также торговлей рабами, которых они захватывали как добычу при нападении на соседей. Именно работорговля должна была стать основным источником дохода, который тратился скифской верхушкой на покупку у греков Северного Причерноморья предметов роскоши и вина. Полибий во II в. до н.э. отмечал (IV, 38, 4):

Для необходимых жизненных потребностей окружающие Понт страны доставляют нам скот и огромное количество бес-

⁶ См. подробный анализ сообщений Лукиана о событиях на Боспоре: Сапрыкин С.Ю. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид, или о дружбе» // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. 2012. Т. VII. С. 185–209.

⁷ О дипломатических дарах, выплачиваемых номадам, см., например, *Tacit. Ann. VI, 33*.

спорно отличнейших рабов, а из предметов роскоши доставляют в изобилии мед, воск и соленую рыбу (пер. В.В. Латышева).

Вполне возможно, что скот и рабы, упомянутые Полибием, были предметом поставок на понтийский рынок именно скифами.

При этом античные авторы писали с удивлением об отсутствии у варваров-номадов рабства. Так, Аммиан Марцеллин, описывая обычаи аланов полностью в «скифской» стилистике, сообщает, что «они не имели никакого понятия о рабстве, будучи все одинаково благородного происхождения» (XXXI, 2, 25). Тем не менее Геродот рассказывает о царских скифах, что остальных скифов они считали своими рабами (IV, 20):

По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской, и [там] обитают скифы — самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами.

Страбон описывает в XI, 2, 3 боспорскую колонию в устье Танаиса-Дона, в которой осуществлялся торговый обмен между местным варварским населением (кочевниками) и греками:

При впадении реки в озеро лежит соименный [реке] город Танаис, основанный эллинами, владеющими Боспором⁸... Он служил общим торговым местом для азиатских и европейских кочевников и для приезжающих по озеру (Азовскому морю. — *А. П.*) из Боспора; первые доставляли рабов, шкуры и разные другие товары кочевников, а другие взамен привозили на судах платье, вино и прочие предметы, свойственные цивилизованному образу жизни (пер. П.И. Прозорова).

Таким образом, как раз скотоводство и работорговля оказываются здесь главным источником и предметом торговли кочевников⁹.

⁸ Основание города Танаиса произошло, по-видимому, в 280–275 гг. до н.э. Это был крупнейший в Северном Приазовье город со смешанным греко-варварским населением, служивший центром торговли греков с местным населением.

⁹ См.: *Вдовченко Е.В.* Сарматизация Танаиса как частный случай взаимодействия цивилизации и варварства // *Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт* / Отв. ред. В.П. Буданова. М., 2012. С. 197–219.

Один из очевидцев, побывавших в конце I в. н.э. в греческом городе Ольвия (Борисфен), греческий ритор и философ Дион Христом оставил любопытное свидетельство заинтересованности скифов в торговле с греками (XXXVI. Борисфенитская речь, II, 48):

После разгрома¹⁰ борисфениты снова заселили город, — как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу (пер. В.В. Латышева).

Таковы основные черты хозяйственного уклада Скифии, как они отразились в произведениях античных авторов. Этот образ, насколько мы знаем из археологических данных и сравнительного изучения номадизма в разные периоды истории и у разных народов, довольно точно отражает существенные стороны экономики скифского общества. Консерватизм кочевнического образа жизни, подтверждаемый для Скифии и сменивших ее в этом регионе других кочевнических обществ античными свидетельствами на протяжении около 1000 лет, позволяет строить типологию номадизма как всемирно-исторического явления. Кочевнический образ жизни скифов — первая в истории Евразии литературно зафиксированная форма социальной и экономической организации номадов. Самая древняя западная ветвь огромного кочевнического коридора Евразии от Северного Китая до Дуная ненамного отличалась в своей экономической модели от последующих — на протяжении многих веков — волн кочевников (сарматов, аланов, гуннов, болгар, венгров, печенегов, кипчаков, татаро-монголов и других). Недаром вплоть до Нового времени европейские авторы часто обозначали все новые и новые орды евразийских кочевников «скифами»¹¹.

¹⁰ Имеется в виду гетское нашествие на Ольвию, произошедшее в середине I в. до н.э.

¹¹ См. об истории кочевников Великой степи в античности и средневековье: Подосинов А.В. Племена Великой степи // Туран на старинных картах: Образ пространства — Пространство образов. Алматы; М., 2008. С. 44–57; Он же. Великая степь в средневековье // Там же. С. 66–101.

Глава 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СКИФОВ

В исторической науке о скифах существует большая разногласия относительно социально-политического устройства скифского общества — от отрицания государственного характера и развитой системы классовых отношений у скифов до признания структуры скифского общества рабовладельческой, от общинного уклада до военной демократии, стоящей на грани превращения в государство. Так же дискуссионна проблема времени возникновения государства у скифов — уже в VII в. до н.э. или только к концу V века¹.

Все эти теории базируются помимо письменных источников также в очень большой степени на археологических материалах. Наша задача скромнее — проанализировать, как античные авторы, главным образом Геродот, представляли себе государственное устройство скифов и его происхождение.

Сразу надо отметить, что в литературной традиции на протяжении всей античности глава скифского государства всегда назывался царем (*βασιλεύς*). То есть греки и римляне видели в скиф-

¹ См. работы С.А. Семенова-Зусера, В.И. Равдоникаса, С.А. Жебелева, В.Ф. Гайдукевича, М.И. Артамонова, Б.Н. Гракова, А.И. Тереножкина, Л.А. Ельницкого, Д.Б. Шелова, А.М. Хазанова. См. также обзорную статью по этим проблемам: *Яценко И.В., Раевский Д.С.* Некоторые аспекты состояния скифской проблемы // *Народы Азии Африки*. 1980. Вып. 5. С. 102–117 и монографию: *Нейхардт А.А.* Скифский рассказ Геродота в отечественной историографии. Л., 1982. Социальную терминологию скифских пассажей античных источников проанализировала Н.Г. Елагина (см.: *Елагина Н.Г.* О родоплеменной структуре скифского общества по материалам четвертой книги Геродота // *Советская этнография*. 1963. № 3. С. 76–82).

ском государстве обычное, как они полагали, для варваров монархическое политическое образование.

Для греков с их демократической полисной организацией большое значение имело противопоставление их политического устройства деспотическому строю, свойственному варварам, лежащее в рамках противопоставления «цивилизация — варварство»². Как писала В.П. Буданова, «понятие “варвар” стало инструментом структурирования социокультурного пространства, что характерно не только для греко-римской древности. ... Уже на этапе становления древних цивилизаций “варвары” и “варварство” обозначились и как реальность, и как способ ее понятийной организации, став образным конструктом для характеристики “чужого” мира, отличного от “своего”»³.

Отсюда — постоянная констатация деспотического, монархического государственного устройства скифского государства, что было исключительной чертой не скифов, но всех варваров вообще⁴.

² См.: *Fausti D.* Lo stereotipo della superiorità della cultura greca: la situazione in epoca imperiale attraverso le testimonianze di Pluraco e Galeno // *Prometheus*. 1993. Vol. 19. P. 265–277; *Маринович Л.П.* Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // *Античная цивилизация и варвары* / Отв. ред. Л.П. Маринович. М., 2006. С. 5–29. Большой вклад в разработку этой проблемы вносит недавний сборник: *Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт* / Отв. ред. В.П. Буданова. М., 2012. В сборнике несколько статей (И.Е. Сурикова, В.О. Никишина, В.Г. Зубарева, Е.В. Вдовченкова, А.А. Клейменова) посвящены проблеме отношения греков и римлян к варварам. Особенно важна для нашей темы статья И.Е. Сурикова «Роль категории полиса в формировании дихотомии “цивилизация — варварство” в античной Греции» (С. 47–66). См. также общетеоретическую работу по осмыслению феномена противопоставления «цивилизация-варварства» в книге: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 1989. Из зарубежных работ отметим: *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden. München, 1994; *Die Begegnung mit dem Fremden. Wertungen und Wirkungen in Hochkulturen vom Altertum bis zur Gegenwart* / Hrsg. von M. Schuster. Stuttgart; Leipzig, 1996.

³ Буданова В.П. Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // *Цивилизация и варварство*. С. 18–19.

⁴ См.: *Nesselrath H.-G.* Fremde Kulturen in griechischen Augen — Herodot und die ‚Barbaren‘ // *Gymnasium*. 2009. Bd. 116. S. 309–310.

5.1. Генеалогические легенды скифов

До нас дошло несколько версий происхождения скифов, некоторые из них были рассказаны еще Геродотом. Геродот описывает происхождение скифов и их царских родов следующим образом (IV, 5–7):

Как утверждают скифы, из всех племен их племя самое молодое, а возникло оно следующим образом⁵: первым появился на этой земле, бывшей в те времена пустынной⁶, человек по имени Таргитай⁷. А родители этого Таргитая, как говорят (на мой взгляд, их рассказ недостоверен, но они все же так именно говорят), — Зевс и дочь реки Борисфена. (2) Такого именно происхождения был Таргитай. У него родились три сына⁸: Липоксай и Арпоксай, и самый младший Колаксай⁹. (3) Во время их

⁵ Толкование этой этногенетической легенды, которая воспринимается как автохтонная в отличие от рассказанной ниже, породило огромную литературу, см. о ней: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 206–213 (Древнейшие источники по истории народов СССР). Подробное рассмотрение этой легенды см. также: *Раевский Д.С.* Очерки идеологии скифосакских племен. М., 1977; *Ivanchik A.* Une légende sur l'origine des Scythes (Hdt. IV, 5–7) et le problème des sources du *Scythikos logos* d'Hérodote // *RÉG.* 1999. Vol. 112. P. 141–192; *Иванчик А.И.* Еще раз о «греческой» легенде о происхождении скифов (Herod., IV, 8–10) // Миф. Том 7: Ἀποθέωσις. На акад. Дмитри Сергеевич Раевски. София, 2001. С. 324–350; *Ivanchik A.* La légende “grecque” sur l'origine des Scythes (Hérodote 4.8–10) // *Origines gentium* (Ausiarius — Publications, Études 7) / Ed. V. Fromentin, S. Gotteland. Bordeaux, 2001. P. 207–220.

⁶ Слово «пустынный» (ἔρημος), как мы видели выше, Геродот употребляет чаще всего по отношению к незаселенной местности.

⁷ Полиен (VIII, 55) называет имя меотянки Тиргатао, что как будто подтверждает скифскую принадлежность имени Таргитай.

⁸ Этногенетические легенды многих народов содержат рассказ о трех сыновьях, причем самым удачливым оказывается, как правило, младший.

⁹ Во второй части имен царевичей исследователи усматривают древнеиранское *xšaya* — «царь, владыка». Любопытно, что имя Колаксай встречается у поэта VII в. до н.э. Алкмана (Fr. 1, 59 Page = 3, 59 Calame: ἵπλος Ἴβηρώϊ Κολαξάϊος δρακίται). Упомянутый здесь «Колаксай конь» приводит исследователей к выводу, что «фрагменты Алкмана свидетельствуют о том, что какая-то часть греков не позже конца VII в. до н.э. не только хорошо знала скифов, но и была очень хорошо знакома с их мифологией и, вероятно, эпосом» (см.: *Иванчик А.И.* Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные

правления на скифскую землю упали сброшенные с неба золотые предметы: плуг с ярмом, обоюдоострая секира и чаша¹⁰. Старший, увидев первым, подошел, желая их взять, но при его приближении золото загорелось. (4) После того как он удалился, подошел второй, и с золотом снова произошло то же самое. Этих загоревшееся золото отвергло, при приближении же третьего, самого младшего, оно погасло, и он унес его к себе. И старшие братья после этого, по взаимному соглашению, передали всю царскую власть младшему. 6. От Липокся произошли те скифы, которые именуются родом авхатов¹¹. От среднего Арпокся произошли именуемые катиарами и траспиями. От самого же младшего из них — цари, которые именуется паралатами. (2) Все вместе они называются сколоты по имени царя¹²; скифами же называли их греки. 7. Скифы утверждают, что именно так они и произошли, лет же со времени их происхождения от первого царя Таргитая до похода Дария на их землю всего, как говорят, не больше тысячи, но именно столько¹³. Это же священное золото цари берегут больше всего и каждый год умилостивляют его большими жертвоприношениями. (2) ...Так как страна очень велика, Колаксай разделил ее на три царства между своими сыновьями и одно из них сделал наибольшим — то, в котором хранится золото.

Пересказав скифскую легенду их происхождения, которая исходит, очевидно, от самих скифов, Геродот добавляет к ней другую, которую он будто бы слышал от понтийских греков и в которой прародителем скифов выступает Геракл.

кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин, 2005. С. 166).

¹⁰ Золотые дары, упавшие с неба, скорее всего, символизируют социальное деление скифского общества на три касты — земледельцев (плуг и ярмо), воинов (секира) и царскую знать (чаша).

¹¹ Названия этого и нижеследующих племен (авхатов, катиаров, траспиев и паралатов) у Геродота больше не встречаются. Первые два этнонима упомянуты в описании южнорусских степей и территории к северу от Яксарта у Плиния (NH IV, 68; VI, 22 и 50).

¹² Царя с таким именем не упоминают ни Геродот, ни другие античные авторы.

¹³ Тысяча — здесь, очевидно, круглое число для обозначения неопределенного количества лет.

Заметим в этой связи, что в истории греческой колонизации нередки случаи, когда греки-колонисты, заселяя далекую окраину, пытаются привязать к этой местности какие-то свои мифы, своих героев и своих богов (в данном случае Зевса и Геракла). Причина понятна — надо оправдать обретение новой территории, сделать ее «исконно» своей и приблизить к греческому миру, населив ее персонажами родной мифологии и истории. Хорошо сказал об этой особенности греческого менталитета Л.А. Ельницкий: «Это лежало, видимо, в психологии древних греков — возводить предков каких-либо далеких народов к своим собственным героическим предкам с целью их большей или меньшей ассимиляции: таково выведение происхождения восточных народов (персов, медийцев) от потомков Гелия — Солнца, скифских народов — от Зевса или Геракла, армян — от аргонавта-фессалийца Армена и т.д.»¹⁴.

Яркий пример такого «освоения» чужой территории дает, например, колонизация западных частей Средиземноморья: согласно античной традиции, они были открыты и освоены еще героями Троянской войны, которые по разным причинам не смогли вернуться к себе на родину, а были заброшены в дальние страны. Так, по Аполлодору (Ерп. VI, 15; 15a и b), «(15) После долгих блужданий эллины стали высаживаться и селиться в разных местах. Одни поселились в Ливии, другие — в Италии, некоторые же в Сицилии и на островах, расположенных вблизи Иберии». По его словам, Гуней поселился в Ливии, Филоктет — в Кампании в Италии, соратников Элефенора, погибшего под Троей, «море занесло в Ионийский залив, и они основали город Аполлонию в Эпире. Люди Тлеполема причалили к берегам Крита, но затем ветры отнесли их, и они заселили Иберийские острова...». В Италии же остались и там поселились греки, которые везли с собой сестер Приама. Троянцы Антенор и Эней, как известно, основали города в Италии, один — г. Патавию (совр. Падуя) в северо-западной Адриатике, другой — г. Лавиний в Лации. При этом археологически фиксируемые первые следы пребывания греков Эгеиды на Сицилии и в Южной Италии относятся к середине – второй половине VIII в.

¹⁴ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961. С. 5.

до н.э.¹⁵, то есть спустя четыре века после Троянской войны (даже по античным подсчетам). Понятно, что троянские герои становились «предшественниками» греков-колонистов в результате осознанной практики «освоения» новых территорий.

Такого же свойства была, очевидно, и версия происхождения скифов, родившаяся в понтийской греческой среде и приведенная Геродотом (IV, 8–10). Согласно этой версии, Геракл после выполнения десятого подвига — похищения коров Гериона — прибыл в Скифию, и там у него были похищены кони из его колесницы. После долгих поисков коней Геракл нашел в пещере некое существо — полузмею-полуженщину, которая похитила коней и готова была ему их вернуть, только если он войдет с ней в любовную связь. От этой связи у богини родились три сына — Агафирс, Гелон и Скиф. Когда они выросли, им было приказано, как велел Геракл, натянуть лук, оставленный отцом. Эту задачу смог выполнить только (опять младший!) брат Скиф, который и стал прародителем всех скифских царей¹⁶. Старшие сыновья должны были покинуть страну. Близкие этой легенде сведения сообщают также Диодор (II, 43) и Валерий Флакк (VI, 48 sq.). Версия Диодора Сицилийского несколько отличается от Геродотовой (II, 43):

Впоследствии, по скифским преданиям, появилась у них рожденная землей дева, у которой верхняя часть тела до пояса была женская, а нижняя — змеиная. Зевс, совокупившись с ней, произвел сына по имени Скиф, который, превзойдя славу всех своих предшественников, назвал народ по своему имени скифами. В числе потомков этого царя были два брата, отличавшиеся доблестью; один из них назывался Пал, а другой — Нап¹⁷. (4) Когда они совершили славные подвиги и разделили между собой царство, по имени каждого из них назвались народы: один — палами, а другой — напами¹⁸ (пер. П.И. Прозорова с дополн. В.В. Латышева).

¹⁵ См.: Greek Colonisation: An Account of Greek Colonies and Other Settlements Overseas. Leiden; Boston: Brill, 2006. Vol. I / Ed. by G.R. Tsatskheladze. P. 173, 203, 256 (Mnemosyne. Bibliotheca classica Batava. Suppl. 193).

¹⁶ Ср. *Mela* II, 11: «басилиды ведут свое происхождение от Геркулеса и Ехиды».

¹⁷ Из других источников эти два скифских царя неизвестны.

¹⁸ Ср. народы напеев и палеев, упомянутые Плинием Старшим в Северном Причерноморье (VI, 20; 22).

Итак, вместо Геракла прародителем скифов назван у Диодора Зевс, глава олимпийского пантеона¹⁹! Скифы оказываются, таким образом, не таким уж чуждым эллинам народом. Подобные легенды явно создавались греками, чтобы включить варварский мир в орбиту античной цивилизации. И.Е. Суриков приводит следующие параллели «скифской» мифологической ассимиляции в эллинский мир:

Согласно их (греков. — *А. П.*) воззрениям, например, персы происходят от прославленного эллинского героя Персея (через его сына, которого так и звали — Перс). Близкие персам мидяне — от Меда, сына афинского царя Эгея от колхидянки Медеи. Родоначальниками египтян признавались Эпаф, Бел и Египт, — соответственно, сын, внук и правнук греческой (аргосской) царевны Ио, соблазненной самим Зевсом²⁰.

Страбон рассказывает еще одну легенду, в которой Геракл также фигурирует в качестве помощника местной богини, но на этот раз отождествляемой с Афродитой Апатурой (XI, 2, 10):

Есть и в Фанагории известное святилище Афродиты Апатуры (Обманчивой. — *А. П.*). Для объяснения происхождения [этого] прозвания богини приводят миф, будто богиня, когда гиганты там напали на нее, призвала [на помощь] Геракла и спрятала его в какой-то пещере, а затем, принимая [отдельно] каждого гиганта, поодиночке передавала их Гераклу, чтобы он умерщвлял их обманом (пер. П.И. Прозорова).

Эта легенда, где встречаются Геракл и некая местная богиня, явно связана как-то с Геродотовой, но не имеет у Страбона этногенетического продолжения.

Надо заметить, что Геракл, исключительно много путешествовавший по миру, выступает основателем династий или городов во многих уголках ойкумены — от Индии до Испании. Сохранились свидетельства о 29 городах, названных в его честь Гераклеей (включая Херсонес Таврический, который также носил это имя)²¹.

¹⁹ По-видимому, уже в гесиодическом «Каталоге женщин» (Fr. 150, 15–16 Merkelbach — West) Скиф назван «сыном мощнейшего Кронида» (Σκῦθης μὲν γ' ἐνέθ' υἷος ὑπερ[μ]ενέος Κρονίωνος).

²⁰ Суриков И.Е. Роль категории полиса. С. 50–51.

²¹ См.: Ziegler K. Herakleia // RE. XV. Hlbd. 1912. Col. 428–439.

Возвращаясь к Геродотовой легенде о Геракле, будто бы пригнавшем в Скифию коров Гериона, напомним главную в античности версию путешествия Геракла с этой добычей, рассказанную Аполлодором. В рассказе о десятом и одиннадцатом подвигах Геракла Аполлодор (II, 5, 10–11)²² повествует о том, как Геракл, убив Гериона и завладев его коровами, переплывает с острова Ерифия обратно через Океан в Тартесс, затем проходит мимо города Абдера в юго-восточной Испании, откуда попадает в Лигурию (часть Галлии на северо-западе от Италии) и затем в Тиррению (Этрурию). Оттуда он, пройдя на юг Италии, переправляется на Сицилию. И везде Геракл основывает города и поселения, которые будут бы позже заново обретали греки.

Очевидно, в тесной связи с этим маршрутом Геракла стоит еще одна этногенетическая легенда, связанная с Гераклом и коровами Гериона, но привязанная к другому региону, а именно, к кельтам, живущим в Лигурии, где проходил Геракл. Согласно этой легенде, красавица Кельтина (Κελτινή, или Κελτώ), дочь некого Бретана, влюбилась в проходящего мимо Геракла, гнавшего коров Гериона, и, чтобы принудить его к любовным сношениям, похитила у него коров. Позже она родила от Геракла сына Кельта (Κελτός), которому отдала оставленный Гераклом лук и который, сумев натянуть отцовский лук, стал царем и прародителем кельтов. Кельты, таким образом, сделали Геракла родоначальником своей истории и генеалогии²³. Почитание Геракла кельтами было так глубоко укоренено, что даже свою столицу — город Алезию — они считали основанной Гераклом²⁴.

В этой легенде легко узнаются основные черты легенды о приходе Геракла в Скифию. Э. Маасс даже считал, что и Кельтина изначально должна была быть не красавицей, а тоже ехиднообразным существом, коль скоро ей пришлось склонять Геракла к любовной связи таким странным способом.

²² Близок к этому итинерарий путешествия Геракла, сохранный Диодором (IV, 17–25).

²³ Ethym. Magn. s. Κελτοί (502, 45); *Diod.* V, 24, 2; *Parthen.* Erot. Path. 30. Подробнее см.: *Maas E.* Die Griechen in Südgallien // *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts in Wien.* 1906. Bd. 9. S. 159–164; *Gruppe O.* Herakles // *RE.* Suppl. 3. 1918. Col. 997–998.

²⁴ *Diod.* V, 24, 2.

Удивительно, но в отечественной скифологии я не нашел упоминания «кельтского» варианта легенды. Тем не менее встает вопрос, чью легенду следует считать изначальной, а какую — заимствованной. Если прав Маасс, полагающий, что скифская легенда вторична, а кельтская возникла в VI в. до н.э. и стала образцом для скифской, то многолетние усилия отечественных скифологов, находящихся в легенде местный скифский колорит, или даже считающих ее исконно скифской и весьма древней²⁵, можно было бы считать напрасными²⁶. Так, например, Д. Фелинг полагает, что легенда о Геракле как прародители скифов происходит из греческого эпоса, так как Ехидна уже у Гесиода (Theog. 295 sqq.) появляется в связи с легендой о Геракле²⁷.

Если же подробности скифского рассказа Геродота действительно отражают такие реалии, как кочевнический образ жизни, происхождение царских скифов от Геракла, наличие полудевы-

²⁵ См., например: *Раевский Д.С.* Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // Советская археология. 1970. № 3. С. 90–101; *Он же.* Мир скифской культуры. М., 2006. С. 97: «эта версия играла значительную роль в идеологии скифского общества»; см. также с. 99: «этиологическое содержание последнего горизонта легенды... состоит в утверждении идеи примата военной аристократии в сословно-кастовой структуре скифского общества и в обосновании того, что принадлежащие к этой социальной категории цари объединяют в своем лице военные и жреческие функции». Ср. скепсис в отношении скифского происхождения этой легенды: *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. Научно-популярное издание. СПб., 1998. С. 49: «Исследователю античной мифологии доводы скифологов кажутся в большинстве случаев мало убедительными. Ведь они основываются на тексте Геродота, специально подчеркнувшего, что это эллинский миф, а он, как мы показали, не только прекрасно вписывается в контекст древнегреческой мифологии, но даже построен по структуре мифов, рассказывавшихся в Ионии, на родине предков колонистов».

²⁶ См., например, историю поиска пещеры, где будто бы жила змееногая богиня: используя геологические данные о горных породах в Северном Причерноморье, в которых могла находиться пещера, ее локализовали то в долинах рек Молочной или Берды, то около Берислава на правобережье Днепра, то в Олешских песках (см.: *Доватур А.И. и др.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 214).

²⁷ *Fehling D.* Quellenangaben bei Herodot. Berlin; New York, 1971 S. 36–37. Д. Фелинг указывает, вслед за М.И. Ростовцевым, на принципиально греческий изобразительный тип змееногой богини, находимый в Северном Причерноморье.

полузмеи, понимаемой как местное хтоническое божество, имеющее иконографическое выражение в местных памятниках, в том числе скифского искусства (см. Илл. 8), и если допустить возможность переименования греками скифского прародителя Таргитая местной легенды в Геракла, более близкого грекам²⁸, то, пожалуй, можно предположить, что кельтская версия легенды вторична²⁹, возникла позже и была основана на рассказе Геродота.

Илл. 8.

«Змееногая» скифская богиня

Золотой конский налобник из кургана Большая Цимбалка IV в. до н.э.

²⁸ См.: Граков Б.Н. Скифский Геракл // КСИИМК. 1950. Вып. XXXIV. С. 7 и след. См. также: A Commentary on Herodotus Books I–IV / D. Asheri, A. Lloyd, A. Corcella. Oxford, 2007. P. 578: “Heracles was especially worshipped in the region and seems to have been *interpretatio Graeca* of a Scythian hero, possibly Targitaus..., while the legend as a whole appears to be an elaboration of local elements into a Greek framework”. См. критику этой позиции: Скржинская М.В. Записи устных преданий в рассказе Геродота о Скифии // ДГ, 2011 год. М., 2013. С. 441–459.

²⁹ См.: Lightfoot J.L. Parthenius of Nicaea. The poetical fragments and the Ἐρωτικά Παθήματα. Oxford, 1999. P. 533: “It is surely clear that the Celto story is modelled on that of Echidna and not the other way round”.

Против скифского происхождения легенды говорит тот факт, что Геракл был упомянут как прародитель скифов уже Гесиодом (Fr. 150, 15–16 Merkelbach — West), который тогда еще едва ли был знаком с фольклором скифов.

Поддержкой предположения о первичности «скифской» версии легенды может, на мой взгляд, служить загадочная фраза из «Орфической аргонавтики», в которой говорится (1057–1058):

Мы (аргонавты) пришли к (Киммерийскому) Боспору между (Меотийским) болотом и Черным морем, где однажды титан скотокрад, сидя на мощном быке, прорезал проход из заболоченного озера³⁰.

Судя по всему, речь идет о Геракле, который украл коров у Гериона и пришел с ними в Скифию к Боспору Киммерийскому, что служит подтверждением бытования здесь «скифской» легенды о Геракле. Мало того, автор, как кажется, намекает, что Боспор (букв. «коровья переправа») назван так вовсе не из-за переправы здесь Ио в образе коровы, как считало большинство античных авторов, а в память о пребывании в Скифии Геракла со своими коровами³¹. В любом случае следует предположить, что скифская легенда, рассказанная Геродотом со слов местных греков, могла быть

³⁰ ...βοοκλόπος οὐλοτε Τίτάν || ταύρω ἐφεζόμενος βριαρῶ πόρον ἔσχισε λίμνης.

³¹ В переиздании Латышевского свода “Scythica et Caucasia” (ВДИ. 1948. № 3. С. 269) Л.А. Ельницкий в комментарии к этому месту увидел в титане-скотокраде не Геракла, а Гелиоса, у которого, по разным версиям мифа, были стада быков на Эритии или на Сицилии. Заметим, однако, что воровал быков именно Геракл, а не Гелиос, и непонятно, почему бы Гелиосу, проходящему свои пути по небу, надо было плыть на быке по Керченскому проливу. Присутствие же Геракла с быками в Северном Причерноморье засвидетельствовано античными источниками. Дж.Р. Бэкон в своем комментарии к этим строкам орфической «Аргонавтики» тоже видит здесь Геракла, а не Гелиоса: “In 1057 the Τίτάν may well be Herakles, who is called βοοκλόπος Τίτάν in the Orphic Hymn to him (XII, 1)” (*Bacon J.R. The geography of the Orphic Argonautica // Classical Quarterly. 1931. Vol. 25 (3/4). P. 107*). Бэкон также сравнивает этот пассаж с упоминанием Геракла в Скифии Геродотом; см. также: *Мусбахова В.Т. В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии. Сборник статей памяти А.Д. Мачинского. СПб., 2014. С. 76–77.*

обогащена подробностями, ставшими им известными от скифов, с которыми у них были интенсивные отношения.

Итак, грекам были известны разные версии происхождения скифов. Некоторые из них могли иметь основу в легендарной истории и мифологии (фольклоре) самих скифов, некоторые же принадлежали грекам, которые могли обрабатывать местные сказания³².

5.2. Скифские цари

Античные авторы сохранили также информацию о древнейших этапах династической истории скифов³³.

Геродот (IV, 76–80) называет имена следующих скифских царей: Спаргапифа, Лика, Гнура, Савлия, Идантирса (при нем частью скифов правили цари Скопасис и Таксакис), Ариапифа, Скила, Октамасада, Арианта. Вероятно, их можно рассматривать как представителей одной династии, хотя время их правления не устанавливается с достаточной точностью³⁴. Можно, пожалуй, Спаргапифа отнести ко времени возвращения скифов из Азии в Северное Причерноморье, Савлий мог править в первой половине VI в. до н.э., так как его брат Анахарсис приехал в Афины при Солоне.

³² См.: *Скржинская М.В.* Скифия. С. 51: «Итак, анализ сказания о Геракле и змееной богине показывает, что оно представляет собой не “скифский миф в греческих одеждах”, а порождение причерноморского греческого фольклора с включением в него некоторых скифских образов». См. также о кельтском и скифском Геракле: *Подосинов А.В.* Скифские генеалогические легенды и их связь с греческим пантеоном: некоторые наблюдения // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16–18 апреля 2014 г. Мат.-лы конф. М., 2014. С. 223–230.

³³ См. анализ царской идеологии скифов в работе: *Ivanchik A.* L'idéologie royale des Scythes et son expression dans la littérature et l'iconographie grecques: l'apport de la numismatique // *Dialogues d'histoire ancienne.* 2016. Vol. 42/1. P. 305–329.

³⁴ *Смолин В.Ф.* Главная династия скифских царей по Геродоту // *Гермес.* 1915. Т. 17. С. 376–395; *Доватур А.И. и др.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 316–317 (с литературой). См. хронологическую таблицу скифских царей, конечно, предположительную: *Виноградов Ю.Г.* Перстень царя Скила: Политическая и династическая история скифов первой половины V в. до н.э. // *Советская археология.* 1980. № 3. С. 105 след.

Идантирс царствовал во время похода в Скифию персидского царя Дария. Скил и Октамасад жили во время правления одрисского царя Ситалка в середине V в. до н.э.

Античные авторы знают также о правлении в конце V – начале IV в. до н.э. скифского царя Атея. Страбон кратко упоминает его в VII, 3, 18: «Атей, воевавший с Филиппом, сыном Аминты, кажется, господствовал над большинством здешних варваров». Судя по всему, Атей вел активную завоевательную политику (особенно в юго-западном направлении)³⁵. О его конфликте с македонским царем Филиппом II (отцом Александра Великого), который имел место в 339 г. до н.э., большую новеллу написал Помпей Трог (Iust. IX, 1, 9–2, 16)³⁶.

[Филипп, завоевав херсонесские³⁷ города], отправился даже в Скифию за добычей, чтобы по-купечески возместить военные издержки новой войной. 2. В то время в Скифии был царь Атей; теснимый войной со стороны истрианцев³⁸, он через посредство аполлонийцев³⁹ попросил помощи у Филиппа, обещая за это усыновить его и сделать наследником Скифского царства; (2) между тем царь истрианский умер и таким образом освободил скифов и от страха войны, и от нужды в помощи. (3) Тогда Атей отпустил македонян и приказал передать Филиппу, что он не просил у него помощи и не предлагал усыновления, (4) ибо скифы не нуждаются в защите македонян, которых они превосходят храбростью, и ему не нужен наследник при жизни сына. (5) Услышав это, Филипп послал к Атею послов с требованием части издержек на осаду, чтобы он не был принужден оставить войну по неимению денег; (6) Атей, говорил он, должен исполнить это требование с тем большей готовностью, что посланным к нему на помощь вои-

³⁵ Подробно свидетельство Страбона об Атее рассмотрено в работах: *Калистов Д.П.* Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. 1969. № 1. С. 124–130; см. также: *Шелов Д.Б.* Царь Атей // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. С. 16–40.

³⁶ Об Атее упоминают и другие античные авторы (см.: *Clem. Alex. Strom.* V, 5, 31).

³⁷ Имеется в виду Херсонес Фракийский (совр. Галлипольский полуостров), завоеванный Филиппом Македонским в 338 г. до н.э.

³⁸ То есть жителей Истрии — греческой колонии в низовьях Дуная.

³⁹ Аполлонийцы — жители греч. г. Аполлонии, расположенного на западном побережье Черного моря (совр. болгарский г. Созопол).

нам не только не заплатил за их услуги, но даже не дал содержания. (7) Атей, выставляя на вид суровость климата и скудость земли, которая не только не обогащает скифов наследственными имениями, но едва дает нужное для пропитания, ответил, что у него нет таких сокровищ, которыми можно было бы удовлетворить столь богатого царя; (8) что, по его мнению, постыднее отделаться малым, чем отказать во всем, (9) и что скифы ценятся не по богатствам, а по душевной доблести и телесной выносливости. (10) Раздраженный этим ответом Филипп, сняв осаду Византия⁴⁰, занялся войной со скифами и, чтобы внушить им беспечность, послал наперед послов объявить Атею, что он во время осады Византия обещал статую Гераклу (11) и теперь идет поставить ее у устья Истра; поэтому он требовал свободного пропуска для исполнения священного обета богу и говорил, что идет к скифам как друг. (12) Атей предложил послать к нему статую, если он желает исполнить обет; он обещал не только поставить ее, но и заботиться об ее нерушимости; а с войском вступить в свои владения он не позволит; (13) если же Филипп поставит статую против желания скифов, то по его удалении он ее ниспровергнет и медь ее употребит на наконечники стрел. (14) Когда таким образом обе стороны пришли в раздражение, завязалась битва, в которой скифы, несмотря на превосходство их душевной доблести и численности, были побеждены хитростью Филиппа; (15) взято было 20 тысяч детей и женщин, множество скота, но золота и серебра совсем не оказалось, чем впервые была засвидетельствована бедность скифов; (16) 20 тысяч кровных кобылиц было отослано в Македонию для произведения породы (пер. В.В. Латышева).

Царство Атея, несомненно, воспринималось античными авторами как одно из великих царств, своего рода «Великая Скифия», даже если, согласно современным взглядам, «...общий характер исторических свидетельств о царе Атее не позволяет видеть в нем единоличного правителя могущественной державы, реально объединившей основную массу кочевников Северного Причерноморья»⁴¹.

⁴⁰ Это произошло в 340 г. до н.э.

⁴¹ *Петров М.А.* Скифское царство Атея: Великая держава или историко-графический миф? // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Мат-лы

Итак, какими же представлялись античным писателям скифские цари? В их рассказах цари выступают в разных ипостасях — иногда храбрыми, смелыми воинами и опытными военачальниками, иногда врагами цивилизации, иногда, напротив, филэллинами, при этом, как правило, риторически остроумными, иногда коварными и жестокими, иногда кроткими и милостивыми, иногда гордыми и надменными. Представляется, что каждый из этих образов был обусловлен теми установками, которыми руководствовался каждый из античных авторов, а также жанровыми особенностями произведения. Так, Атей, о котором мы только что читали у Помпея Трога, выступает, с одной стороны, коварным, так как не выполнил обещанного Филиппу, с другой, — мудрым правителем, не давшим Филиппу вступить на подвластную ему территорию под предлогом установки у устья Истра статуи Гераклу, с третьей, — обладающим даром красноречия, как видно из его ответа Филиппу. О последнем даре свидетельствует также Клемент Александрийский (*Strom.* V, 5, 31), который приводит письмо Атея:

следующего содержания: «Царь скифский Атей византийскому народу: не вредите моих доходов, чтобы мои кобылицы не пили Вашей воды». Варвар иносказательно намекнул здесь на войну, которую намеревался им объявить... (пер. В.В. Латышева).

Царь Савлий убил своего брата Анахарсиса, выстрелив в него из лука, когда увидел, как тот, вернувшись из Греции, совершает обряд в честь Матери богов, как это делается у греков (*Herod.* IV, 76). Для Геродота это событие служит доказательством того, что скифы «старательно избегают пользоваться обычаями других народов и больше всего эллинскими...» (Там же). Осуждения Савлия или выставления его жестоким тираном у Геродота не чувствуется.

Царь Ариапиф был женат на гречанке из города Истрия и был, по-видимому, филэлленом: его сын Скил говорил и писал по-гречески (*Herod.* IV, 78). Более того,

управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил.

За это Скил, как и Анахарсис, заплатился жизнью. Скил любил приходить в Ольвию, где у него был дом и греческая жена; одевшись в греческую одежду, Скил однажды участвовал в таинствах Диониса, и об этом узнали скифы, которых он обычно оставлял в предместье города. Скифы восстали против Скила, поставив на его место его брата Октамасада, который, заполучив в свои руки бежавшего во Фракию Скила, отрубил ему голову. «Вот таким образом, — резюмирует Геродот, — скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают» (*Herod. IV, 77–80*).

Скифский царь Идантирс, возглавлявший войну против Дария, мало того что умелыми действиями заставил Дария отступить ни с чем, в устах Геродота также выступает как разумный и остроумный человек, ответив на упреки Дария, почему он не вступает в прямое сражение с персами. Вот целиком его ответ (*Herod. IV, 127*):

Мои дела, о Перс, обстоят таким образом: я и прежде не бегал в страхе ни от кого из людей и теперь от тебя не бегу; и я не делаю ничего нового сравнительно с тем, что привык делать в мирное время. (2) Объясню и то, почему я не вступаю с тобой немедленно в сражение. У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они буду захвачены и разорены, не заставляет нас скорее вступать с вами в сражение. Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы⁴². (3) Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем. Но прежде, если у нас к тому не будет основания, мы с тобой в сражение не вступим.

Мало кто из варваров удостоился в античной литературной традиции такого уважительного отношения и воспроизведения их речей, даже если они были придуманы историками, как часто случалось с речами греческих политиков и полководцев.

5.3. Царские скифы

Античные авторы различали несколько групп скифских племен в Северном Причерноморье. Геродот, как указывалось выше,

⁴² Вероятно, Идантирс имел в виду область Герр, где находились царские могилы (см. *Herod. IV, 53*).

упоминает скифов-пахарей, скифов-земледельцев, скифов-кочевников и царских скифов (IV, 17–20):

Над алисонами (жившими первыми к востоку от Днепра. — *А. П.*) живут скифы-пахари, которые сеют хлеб не для собственного потребления, а для продажи... 18. Скифы-земледельцы населяют землю к востоку (от Днепра. — *А. П.*) на протяжении трех дней пути, доходя до реки, название которой Пантикап... 19. К востоку от этих скифов-земледельцев, если перейти реку Пантикап, живут уже скифы-кочевники, которые ничего не сеют и не пашут... Кочевники эти населяют к востоку на расстоянии четырнадцати дней пути страну, простирающуюся до реки Герра. 20. По ту сторону Герра находится та земля, которая называется царской, и [там] обитают скифы — самые храбрые и самые многочисленные, которые считают других скифов своими рабами. Доходят они на юге до Таврики, а на востоке именно до того рва, который вырыли сыновья слепых⁴³, и до гавани на берегу озера Меотиды, которую называют Кремны. Часть их [владений] доходит до реки Танаиса.

Итак, царские скифы считаются самыми храбрыми и властвуют над всеми прочими скифами. Насколько можно понять из Геродота, именно они составляли основу сопротивления Дарию и из их среды выходили скифские цари. Это видно из того, что, судя по описанию Геродотом похорон скифских царей, именно царским скифам приписывается исполнение траурных мероприятий (IV, 71); когда они подготовят тело царя к похоронам, набальзамировав его, они

увозят [тело] на повозке к другому племени. (2) Те же, когда получают доставленный труп, делают в точности то же, что и царские скифы: отрезают себе часть уха, волосы обстригают кругом, на руках делают надрезы, лоб и нос расцарапывают, левую руку прокалывают себе стрелами. (3) Оттуда труп царя увозят на повозке к другому племени из тех, над которыми они

⁴³ Об этом рве Геродот сообщает в IV, 3. У исследователей нет единодушия в вопросе о том, где находится этот ров. Некоторые считают, что это — Перекоп, как о том свидетельствуют позднейшие авторы (ср. *Strabo* VII, 41; *Mela* II, 4), другие склоняются к тому, что речь у Геродота шла об одном из рвов (валов), отделяющих восточную часть Крыма от степной (Тиритакский, Узанларский, Асандров) (см. литературу: *Доватур А.И. и др.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 204–205).

властвуют; за ними следуют те, которых они посетили перед тем.

Исследователи считают, что одно место у Геродота, где он сообщает о численности скифов, может свидетельствовать о попытке получить сведения о точном числе плательщиков подати, которой царские скифы обложили население Северного Причерноморья (IV, 81):

Численность скифов я не мог точно узнать, но слышал об их числе различные сообщения: что их и очень много и что скифов как таковых мало. (2) Однако вот что мне наглядно показали⁴⁴. Есть между реками Борисфеном и Гипанисом местность, название которой Экзампей. ... (3) В этой местности находится медный котел, по величине в шесть раз больше кратера у устья Понта, который посвятил Павсаний, сын Клеомброта⁴⁵. (4) ...медный котел в Скифии свободно вмещает шестьсот амфор; толщина этого скифского медного котла — шесть пальцев. Этот [котел], как говорили местные жители, сделан из наконечников [стрел]. (5) Пожелав узнать численность скифов, их царь, имя которого было Ариант⁴⁶, приказал всем скифам, чтобы каждый принес один [наконечник стрелы]; а тому, кто не принесет, он угрожал смертью. (6) Так вот было доставлено множество наконечников, и он решил оставить памятник, сделав его из этих [наконечников]. Из них он сделал именно этот медный котел и посвятил его в этот Экзампей. Вот что я слышал о численности скифов.

Еще одна особенность царских скифов заключается, с точки зрения Геродота, в том, что они почитают помимо того пантеона богов, которых почитают все скифы, еще и Посейдона (IV, 59).

Отметим, что когда в Северном Причерноморье на смену скифам пришли сарматские племена, некоторые из них стали тоже называться «царскими», очевидно, те, которые доминировали над другими племенами. Так, у Страбона в начале I в. н.э. встречаются

⁴⁴ Это одно из высказываний, могущих свидетельствовать о пребывании Геродота в Скифии.

⁴⁵ Павсаний — спартанский политик и военачальник, активный участник греко-персидских войн.

⁴⁶ Царь под таким именем не упоминается ни у Геродота в других местах, ни у других авторов. Имя царя — иранского происхождения.

«языги-сарматы, так называемые царские» (VII, 17); Аппиан сообщает (Mithr. 67, 2), что к Митридату Евпатору в его борьбе против римлян присоединились также «из савроматов так называемые царские языги». Наконец, Птолемей, перечисляя племена Сарматии, отмечает (V, 9, 16):

Сарматиию занимают в местностях, прилегающих к неизвестной земле, сарматы-гипербореи, ниже их — сарматы царские, народ модоки и сарматы-конееды. (пер. П.И. Прозорова).

Римские авторы, ориентированные в своем описании Северного Причерноморья на «Скифский логос» Геродота, часто, не переводя, воспроизводят его названия — эпитеты скифов. Так, Помпоний Мела пишет (II, 4–5):

... (Река) Герр течет между базилидами⁴⁷ и номадами⁴⁸, [а Гипакарес — по земле номадов]. 5. Затем следуют леса, которые в этих землях самые большие⁴⁹, и [река] Пантикапес, которая разделяет номадов и георгов⁵⁰.

В II, 11 Мела сообщает еще одну информацию о царских скифах (басилидах):

Начало рода базилидов ведется от Геркулеса и Ехидны, нравы у них царственные, оружие — только стрелы.

В этом сообщении мы имеем прямое сопряжение царских скифов с первым царем скифов Скифом, сыном Геракла, о котором мы говорили выше в связи с рассказом Геродота о происхождении скифов. Кроме того, интересно наблюдение, что оружием царских скифов является лук со стрелами. Плиний Старший повторяет за Мелой локализацию «басилидов» (IV, 84 и 88).

⁴⁷ Это название отражает геродотов эпитет «царских скифов» (IV, 20: βασιλῆϊοι Σκύθαι).

⁴⁸ Так же без перевода Мела передает геродотову характеристику другой части скифов — скифов-кочевников (IV, 19: νομάδες).

⁴⁹ Имеется в виду Гилея (букв. «Полесье») — по Геродоту (IV, 9; 19; 54; 55; 76), лесистая местность вдоль побережья Черного моря к востоку от Борисфена-Днепра.

⁵⁰ Под *георгамии* следует понимать геродотовых скифов-земледельцев (IV, 18: Σκύθαι γεωργοί).

Глава 6

НРАВЫ СКИФОВ

Скифы как «варвары» *par excellence* обладали в глазах античных авторов всеми характеристиками, которые встречаются в интеллектуальной оппозиции «цивилизация / варварство» — они были, с одной стороны, воинственными, дикими, вероломными, примитивными и необразованными, с другой, — умеренными, бескорыстными, мирными, наивными и мудрыми, с третьей, — храбрыми и бесстрашными людьми. Тот или иной образ скифа рисовался в зависимости от идеологических концепций автора и жанра, в котором тот писал¹. Античному обществу были свойственны как ксенофобия, так и филоксения².

¹ О восприятии античными авторами варваров существует огромная литература; ниже указаны лишь самые важные труды по этой теме: *Zahn R.* Die Darstellung der Barbaren in griechischer Litteratur und Kunst der vorhellenistischen Zeit. Diss. Heidelberg, 1896; *Eichhorn A.* *barbaros* quid significaverit. Diss. Leipzig, 1904; *Thompson J.A.K.* Greeks and Barbarians. London, 1921; *Jüthner J.* Hellenen und Barbaren. Leipzig, 1923; *Bengtson H.* Hellenen und Barbaren: Gedanken zum Problem des griechischen Nationalbewusstseins // Unser Geschichtsbild / Hrsg. von K. Rüdinger. München, 1954. S. 25 ff.; *Schmitt H.H.* Hellenen, Barbaren und Römer. Aschaffenburg, 1957/1958; *Bacon H.* Barbarian in Greek Tragedy. New Haven, 1961; Grecs et Barbares (Entretiens sur l'antiquité classique. T. VIII). Genève, 1962; *Christabel L.* The Greek View of Barbarians in the Hellenistic Age. Diss. Colorado, 1976; *Dauge Y.A.* Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilization // Collection Latomus. Bruxelles, 1981. Vol. 176; *Lévi E.* Naissance du concept de barbare // Ktema. 1984. Vol. 9. P. 5–14; *Long T.* Barbarians in Greek Comedy. Carbondale; Edwardsville, 1986; *Cunliffe B.W.* Greeks, Romans and Barbarians: Spheres of Interaction. London, 1988; *Hall E.* Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford, 1989; *Nippel W.* Griechen, Barbaren und “Wilde”. Frankfurt, 1990; *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: from the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994; *Dihle A.* Die Griechen und die Fremden. München, 1994; *Timpe D.* Rom und Barbaren // Die Begegnung

Основу восприятия образа скифа-варвара заложил, конечно, Геродот, посвятивший много страниц «Скифского логоса» нравам скифов³. При этом следует отметить «толерантность» Геродота в описании скифов, которых он ни разу не называет «варварами»⁴, и прочих варваров вообще, за что его резко критиковал Плутарх, назвавший Геродота «варварофилом» (φιλοβάρβαρος)⁵. Геродот

mit dem Fremden. Wertungen und Wirkungen in Hochkulturen vom Altertum bis zur Gegenwart / Hrsg. von M. Schuster. Stuttgart und Leipzig, 1996. S. 34–50; *Bichler R.* Wahrnehmung und Vorstellung fremder Kultur. Griechen und Orient in archaischer und frühklassischer Zeit // *Ibid.* S. 51–74; *Greeks and Barbarians: Essays on the Interactions between Greeks and Non-Greeks in Antiquity and the Consequences for Europocentrism* / Ed. J. Coleman. Bethesda (MD), 1997; *Bäbler B.* Fleissige Thrakerinnen und wehrhafte Skythen. Nichtgriechischen im klassischen Athen und ihre archäologische Hinterlassen-schaft. Stuttgart; Leipzig, 1998; *Harrison T.* Greeks and Barbarians. Edinburgh, 2002; *Mitchell L.G.* Panhellenism and the Barbarian in Archaic and Classical Greece. Swansea, 2007; *Суриков И.Е.* Очерки об историографии в классической Греции. М., 2011. С. 260–270; *Vlassopoulos K.* Greeks and Barbarians. Cambridge (NY), 2013.

² См. сборник статей на эту тему: *Xenophobie — Philoxenie. Vom Umgang mit Fremden in der Antike* / Hrsg. von U. Riemer und P. Riemer. Stuttgart, 2005.

³ Об отношении Геродота к варварам см.: *Kothe H.* Skythenbegriff bei Herodot // *Klio.* 1969. Bd. 51. S. 15–88; *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote: essai sur la représentation de l'autre. Paris, 1980; *Bichler R.* Der Barbarenbegriff des Herodot und die Instrumentalisierung der Barbarentopik in politisch-ideologischer Absicht // *Soziale Randgruppen und Aussenseiter im Altertum* / Hrsg. von I. Weiler. Graz, 1988. S. 117–128; *Hérodote et les peuples non grecs (Entretiens Hardt 35)*. Genève, 1988; *West S.* Introducing the Scythians. Herodotus on Koumiss (4.2) // *Museum Helveticum.* 1999. 56. P. 76–86; *Bichler R.* Herodots Welt. Der Aufbau der Historie am Bild der fremden Länder und Völker, ihrer Zivilisation und ihrer Geschichte. Berlin, 2000; *West S.* Herodotus and Scythia // *The World of Herodotus. Proceedings of an International Conference held at the Foundation Anastasios G. Leventis, Nicosia, Sept. 18–21, 2003* / Hrsg. von V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 2004. P. 73–89; *Nesselrath H.-G.* Fremde Kulturen in griechischen Augen — Herodot und die ‚Barbaren‘ // *Gymnasium.* 2009. Bd. 116. S. 307–330.

⁴ См.: *Weiß A.* Einführung — Die Skythen als paradigmatische Nomaden // *Skythen in der lateinischen Literatur. Eine Quellensammlung* / Hrsg. von A. Gerstaecker, A. Kuhnert, F. Oldemeier, N. Quenouille. Berlin; München; Boston, 2015 (Beiträge zur Altertumskunde 334). S. 20.

⁵ *Plut.* De malign. Herod. 12 (857a). См. об этом отношении Плутарха к Геродоту: *Nesselrath H.-G.* Fremde Kulturen. S. 307–312. А. Кунерт, исследовавшая образ скифов в латинской литературе, приводит длинный перечень авторов, которые называют скифов «варварами»: *Rut. Lup.* II, 9; *Cic. Nat. deor.*

относился с пониманием к тому, что каждый народ имеет свои обычаи, которые надо уважать. В одном месте своей «Истории», рассказывая о святотатственных поступках персидского царя Камбиса в Египте, он пишет (III, 38):

Итак, мне совершенно ясно, что Камбис был великий безумец. Иначе ведь он не стал бы издеваться над чужеземными святынями и обычаями. Если бы предоставить всем народам на свете выбирать самые лучшие из всех обычаи и нравы, то каждый народ, внимательно рассмотрев их, выбрал бы свои собственные. Так, каждый народ убежден, что его собственные обычаи и образ жизни некоторым образом наилучшие. Поэтому как может здравомыслящий человек издеваться над подобными вещами!

6.1. Скифские обычаи

Геродот начинает описание нравов скифов с рассказа об их пантеоне, сопоставляя его с пантеоном греков (IV, 59):

... Обычаи у них также следующие. Богов они умилоствуют только таких: больше всего Гестию, кроме того, Зевса и Гею, полагая, что Гея — жена Зевса, после них Аполлона и Афродиту Уранию и еще Геракла и Ареса. Этих богов почитают все скифы. Скифы же, которых называют царскими, приносят жертвы также Посейдону. (2) Гестия у скифов называется Табити, Зевс вполне правильно, по моему мнению, зовется Папай, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита Урания — Аргимпаса, Посейдон — Тагимасад. У них не принято воздвигать ни изображений, ни алтарей, ни храмов никому из богов, кроме Ареса. Ему же они воздвигают.

Выделение Гестии-Табити как главной фигуры скифского пантеона связано, по-видимому, с большой ролью домашнего (царского) очага, который она олицетворяла; этимологически скифское имя «Табити» связано с иранским корнем *tab-* «греть,

II, 88; *Prop. El.* III, 16; *Tib. Carm.* III, 4, 91; *Curt. Ruf.* VII, 6; VII, 8; *Ovid. Trist.* IV, 6, 47; *Pomp. Trog.* I, 8; II, 4; *Sen. Cons. Helv.* VII, 1; *Phaedr.* 166–168; *Val. Max.* V, 4, 5; *Gell. Noct. Att.* IX, 4, 6 (*Kuhmert A. Der Skythe: Friedliebender Krieger und weiser Dummkopf. Das Bild der Skythen in der lateinischen Literatur // Nomadismus in der "Alten Welt". Formen der Repräsentation in Vergangenheit und Gegenwart / Hrsg. von L. Prager. Berlin; Münster, 2012. S. 74).*

жечь». Этимология остальных скифских соответствий греческим богам остается полем догадок и предположений⁶. Отсутствие храмов у скифов понятно, так как кочевники не могли иметь постоянных мест пребывания.

В жертву богам скифы приносили различных домашних животных и особенно лошадей; Геродот подробно рассказывает, как совершается жертвоприношение (IV, 60) и как варится мясо жертвенного животного, исходя из природных особенностей Скифии (IV, 61):

Так как скифская земля совершенно безлесна, то для варки мяса придумано у них следующее: как только они сдерут шкуру с жертвенного животного, они очищают кости от мяса и затем кладут [мясо] в котлы (если они у них окажутся) местной выделки, похожие более всего на лесбосские кратеры, разве только много больших размеров⁷. Бросая в них [мясо], варят его, поджигая снизу кости жертвенных животных. Если же у них под рукой нет котла, они кладут все мясо в желудки жертвенных животных и, подлив воды, поджигают кости.

Этот способ варки мяса показался античным авторам уникальным скифским обычаем, хотя современные этнографы отмечают подобный способ приготовления мяса у различных примитивных народов, особенно в безлесных местностях.

Ввиду воинственности скифов Геродот приписывает им особый культ бога войны Ареса (IV, 62):

Аресу же (приносят жертвы) следующим образом. У всех у них по округам их областей устраиваются святилища Ареса вот каким способом: нагромождают связки хвороста, приблизительно три стадия в длину и в ширину, в высоту же меньше. Наверху сделана ровная четырехугольная площадка, три ее стороны обрывистые, с одной же стороны она имеет доступ. (2) Каждый год они наваливают сто пятьдесят повозок хвороста: ведь [кучи хвороста] всегда оседают от непогоды. Поверх этой

⁶ Подробнее см.: *Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 293–298 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

⁷ При археологических раскопках было обнаружено много бронзовых скифских котлов, часто с рельефным орнаментом и с ручками.

кучи во всех [округах] водружен древний железный акинак⁸; он и является изображением Ареса. Этому акинаку ежегодно приносят в жертву мелкий скот и лошадей; и вообще ему, в отличие от других богов, приносят сверх того еще и такие жертвы. (3) Сколько бы они ни захватили в плен врагов, одного мужа из каждой сотни они приносят в жертву, но не так, как скот, а иначе. Полив головы [пленных] вином, они закалывают людей над сосудом и затем, подняв его вверх на кучу хвороста, выливают кровь на акинак. (4) Кровь они несут наверх, а внизу у святилища делают следующее. Отрубая у всех убитых людей правое плечо вместе с рукой, бросают их в воздух, затем, совершив остальные жертвоприношения, они удаляются. Рука лежит в том месте, куда упадет, а труп отдельно.

Далее Геродот подробно рассказывает о прорицателях, гадающих по ивовым прутикам и обслуживающих царя скифов в случае его болезни (IV, 67–68), о погребальном обряде скифских царей (IV, 71–72) и простых людей (IV, 73), о конопляной бане (IV, 74–75) и других обычаях скифов. Все эти этнографические зарисовки очень ярко характеризуют быт и жизнь скифов. Но почти все они остались уникальными для античной традиции о скифах.

Большее эхо в античной литературе имел рассказ Геродота о заключении скифами клятвенного договора (IV, 70):

Клятвенный договор с тем, с кем они его заключают, скифы совершают следующим образом: они наливают в большой глиняный килик⁹ вино, смешивают его с кровью тех, кто приносит взаимные клятвы, и, уколов шилом или сделав небольшой надрез на теле ножом, затем погружают в килик акинак, стрелы, двойную секиру и дротик. Сделав это, они долго молятся и затем выпивают [вино] — и сами те, кто приносит клятвы, и самые достойные из сопровождающих.

Здесь описан ритуал побратимства, имеющийся у многих древних народов. Археологические находки подтверждают существование этого обычая у скифов; таковы изображения на золотой

⁸ Акинак — скифский короткий меч, широко распространенный у скифов, часто изображаемый в греко-скифском искусстве и находимый археологами.

⁹ Килик — греческий сосуд для питья из глины или металла, представляющий собой плоскую чашу на ножке с двумя ручками.

рельефной табличке из кургана Куль-Оба двух скифов, пьющих из одного ритона; та же сцена выгравирована на золотых бляшках из Солохи и Куль-Обы.

Такой же скифский обычай описывает Лукиан в сочинении «Токсарис, или дружба», 37: скиф Токсарис будто бы рассказывает греку Мнесиппу:

Сначала я хочу рассказать тебе, каким образом мы приобретаем себе друзей: ...когда какой-нибудь избранник делается уже другом, тогда [заключается] договор с великой клятвой о том, что они и жить будут вместе и в случае надобности умрут один за другого. И мы [действительно] так и поступаем; с того времени, как мы, надрезав пальцы, накапдем крови в чашу и, омочив в ней концы мечей, отведаем [этой крови], взявшись вместе [за чашу], ничто уже не может разлучить нас (пер. П.И. Прозорова).

Еще один неизвестный грекам «скифский» обычай зафиксировал Лукиан в том же диалоге (48):

Обычай [садиться] на шкуру¹⁰ заключается у нас в следующем: если кто-нибудь, потерпев от другого обиду, захочет отомстить за нее, но увидит, что он сам по себе недостаточно силен [для этого], то он приносит в жертву быка, разрезывает на куски его мясо и варит их, а сам, разостлав на земле шкуру, садится на нее, заложив руки назад, подобно тем, кто связан по локтям. Это считается у нас самой сильной мольбой. Родственники [сидящего] и вообще все желающие подходят, берут каждый по части лежащего тут бычьего мяса и, став правой ногой на шкуру, обещают, сообразно со своими средствами, один — доставить бесплатно пять всадников на своих харчах, другой — десять, третий — еще больше, иной — тяжеловооруженных или пеших, сколько может, а самый бедный — только самого себя. Таким образом, иногда у шкуры собирается большая толпа, и такое войско держится очень крепко и для врагов непобедимо, как связанное клятвой, ибо вступление на шкуру равносильно клятве. Так поступил и Арсаком; у него собралось около пяти тысяч всадников, а тяжеловооруженных и пеших вместе двадцать тысяч (пер. П.И. Прозорова).

¹⁰ Этот обычай из других источников неизвестен. Возможно, информацию о нем Лукиан извлек из какого-то этнографического описания Скифии.

Интересно, что Солин, ставший передатчиком античных сведений для Западной Европы в средние века, практически повторяет Геродотово описание нравов «скифских» племен, за много веков до Солина ставшее «общим местом» (14):

Скифотавры режут пришельцев для жертвоприношения. Номады переходят на разные пастбища. Георги, живущие в Европе, занимаются земледелием. Аксиаки, также живущие в Европе, не завидуют чужому и не ценят своего. Сатархи, осудив употребление золота и серебра, навсегда освободили себя от общественной жадности. У скифов, живущих далее внутрь страны, образ жизни более суровый: они живут в пещерах; чаши выделывают не так, как эседоны, а из черепов врагов; любят битвы; кровь убитых пьют из самых ран; с числом убийств увеличивается слава, а быть свободным от них (то есть убийств. — *А. П.*) у них считается позором. Договоры они освящают взаимным высасыванием крови... (пер. В.В. Латышева).

6.2. Воинственность и непобедимость скифов

Воинственность скифов как одна из главных черт их цивилизации была уже частично затронута в предыдущем разделе.

Как и в других случаях, Геродот первым дал яркое и законченное описание этой черты скифов (IV, 64–66):

64. То, что имеет отношение к войне, у них устроено следующим образом. Скиф, убив первого врага, пьет его кровь. Скольких человек он убьет в битве — головы их он приносит царю. Если принесет голову, то получит долю в добыче, которую захватят, если же не принесет — не получит. (2) Кожу он сдирает с головы таким образом¹¹: сделав круговой надрез около ушей и схватив голову, выбивает [череп], а затем, ребром быка очистив кожу [от мяса], он разминает ее руками, а смягчив, пользуется ею как платом¹², продевает ее в уздечку

¹¹ Античным авторам было известно скальпирование врагов как обычай чисто скифский — даже глагол «скальпировать» звучал как ἀποσκυθίζειν. Подробнее об этом обычае см.: *Riedlberger P.* Skalpierten bei den Skythen. Zu Herodot IV, 64 // *Klio.* 1996. Bd. 78. 1. S. 53–60.

¹² О ранних свидетельствах греческих авторов об изготовлении из человеческой кожи «полотенец» см.: *Синицын А.А.* Софокл и скифский логос Геродота // *Археология Восточно-Европейской степи.* Саратов, 2008. Вып. 6. С. 269–292; *Sinitsyn A.A.* Σκυθιστὶ χειρόμακτρον: Sophocles' record of the

коня, на котором он ездит, и гордится этим. У кого кожаных платов больше всех, тот считается самым доблестным мужем. (3) Многие из них делают из содранной кожи верхние плащи с тем, чтобы носить, сшивая их, словно овчины. Многие, обдирая у вражеских трупов кожу с правых рук вместе с ногтями, делают из нее обтяжку колчанов. Кожа человека и крепкая, и блестящая; пожалуй, она сверкает белизной больше всех кож. (4) Многие снимают с людей всю кожу целиком и, растянув ее на палках, возят на лошадях. 65. Это установлено у них таким вот образом. С самими же черепами — не всех, но самых ненавистных врагов — они поступают следующим образом: каждый, отпилив часть [черепа] ниже бровей, вычищает его. И если это бедный человек, то, обтянув [череп] снаружи только сырой бычьей кожей, он так им и пользуется. Если же это богатый человек, то он обтягивает [череп] сырой бычьей кожей и, отделав золотом внутри, пользуется им как чашей¹³. (2) Делают они это и с [черепами] родственников, если у них была с ними тяжба, и если они одержали верх над ними перед царем. Если к [скифу] приходят гости, с которыми он считается, он приносит эти черепа и добавляет при этом, что, будучи ему родственниками, они вступили с ним в войну и что он одержал над ними победу. Они называют это доблестью. 66. Один раз в год каждый начальник округа в своем округе наполняет вином кратер, из которого пьют скифы, убившие врагов. А те, кто этого не совершит, не вкушают этого вина, но, презираемые, сидят отдельно. Это у них величайшее бесчестие. А все те из них, кто убили очень многих мужей, имеют по два килика и пьют из обоих.

Интересно, как Геродот, отмечая «странный» для греков обычай хвастаться черепами своих родственников, в тяжбе с которыми

extravagant Scythian custom // *Anabasis. Studia classica et orientalia*. 2012. Vol. 3. P. 49–73 (с литературой); А.А. Сеницын считает, что еще до Геродота в Афинах знали об этом обычае скифов, в частности, в «Эномае» Софокла он видит упоминание таких полотенец (Frag. 473. TGF IV, Radt Σκυθιστί χειρόμακτρον ἔκκεκαρμένος (сог. ἐκδέδαρμένος) — «По-скифски на ручник остриженный» или «Содравши волосы для ручников на скифский манер»).

¹³ Обычай изготавливать чаши из черепов врагов известен у многих народов мира, в частности, у жителей Ливии, галлов, кельтов, фракийцев, славян и др.

они победили, заканчивает этот рассказ иронической ремаркой: «Они называют это доблестью».

Близкое описание воинственности скифов дает спустя пять веков римский автор Помпоний Мела, который, несомненно, пользовался описанием Геродота как источником (см. II, 12–13).

В связи с воинственностью скифов находится и другая яркая черта — их непобедимость¹⁴, о которой писал уже Эсхил (Eumen. 700–703), сравнивая скифов со спартамцами. Легенды о непобедимости скифов питались несколькими эпизодами их истории. Один из них — владычество скифов на протяжении 28 лет над мидийцами и другими народами Малой Азии в 70-х гг. VII в. до н.э. Геродот рассказывает о вторжении скифов в Малую Азию таким образом (I, 103–106):

103... И когда он [Киаксар¹⁵], победив ассирийцев в битве, осаждал Нин, в его [владения] вступило огромное войско скифов, которых вел царь скифов Мадий, сын Протогия¹⁶; они вторглись в Азию, изгнав киммерийцев из Европы. Увлеченные преследованием бегущих киммерийцев, они таким образом достигли Мидийской страны. 104. ... Здесь мидийцы, вступив со скифами в бой и потерпев поражение в битве, лишились власти, а скифы завладели всей Азией. 105. Отсюда они пошли на Египет. Когда они достигли Сирийской Палестины, Псамметих¹⁷, царь Египта, встретив их, дарами и мольбами убедил далее не продвигаться. 106. В течение двадцати

¹⁴ Подробнее об этой традиции в восприятии греков см.: Мелокова А.И. Античная литературная традиция о скифской непобедимости // КСИИМК. 1949. Вып. 30; Тахтаджян С.А. АΜΑΧΟΙ ΣΚΥΘΑΙ Геродота и последующая идеализация скифов Эфором // Эпюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 43–52; Первалов С.М. Секреты скифской непобедимости: *Ab ovo* // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Мат-лы конф. 26–28 октября 2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 73–77.

¹⁵ Киаксар — царь Мидии (625–585 гг. до н.э.).

¹⁶ Этот предводитель скифов отождествляется с известным из ассирийских источников царем скифов Партагуа (Бартагуа).

¹⁷ Псамметих I — египетский царь 26-й династии (663–609 гг. до н.э.), принимавший активное участие в политике ближневосточных и малоазийских государств.

восьми лет¹⁸ скифы властвовали над Азией, и за это время они, преисполненные наглости и презрения, все опустошили.

Помпей Трог подвел итог превосходству скифов в разные исторические моменты (Юстин 2, 3):

Владычества над Азией скифы добивались трижды; сами они постоянно оставались или не тронутыми, или не побежденными чуждым владычеством. (2) Персидского царя Дария они с позором выгнали из Скифии¹⁹; (3) Кира перерезали со всем войском²⁰; (4) Зопириона, полководца Александра Великого, точно так же уничтожили со всей армией; (5) оружие римлян узнали только по слухам, но не почувствовали... (7) Все племя отличается выносливостью в трудах и на войне и необычайной телесной силой; они не приобретают ничего такого, что боялись бы потерять, а оставаясь победителями, ничего не желают, кроме славы... (пер. В.В. Латышева).

Причины непобедимости скифов, по представлениям древних греков, заключались в их образе жизни и способах ведения войны. Геродот таким образом формулирует причину их непобедимости, каковую он считает самым значительным достижением скифов (IV, 46):

2. У скифского племени одно самое значительное из всех человеческих дел устроено самым мудрым образом сравнительно со всем, что нам известно, а все прочее я не одобряю. Самое же значительное их достижение состоит в том, что никто из тех, кто вторгся к ним, не может спастись бегством, а если они не пожелают, чтобы их обнаружили, захватить их невозможно: (3) ведь они не основывают ни городов, ни укреплений, но все они, будучи конными стрелками, возят свои дома с собой, получая пропитание не от плуга, а от разведения домашнего ско-

¹⁸ У исследователей нет единодушия в вопросе о том, с какого года следует отсчитывать эти 28 лет — с 623, 616, 612 или с другого года (см. подробнее: *Доватур А.И. и др.* Народы нашей страны в «Истории» Геродота. С. 179–180).

¹⁹ Имеется в виду неудачный поход персидского царя Дария I на Скифию в 512 г. до н.э.

²⁰ Речь идет о походе против среднеазиатских варварских племен саков (скифов) персидского царя Кира II Великого, в ходе которого он погиб в 529 г. до н.э.

та; жилища у них на повозках. Как же им не быть непобедимыми и недоступными для нападения?

Тактика ведения военных действий при нападении превосходящих сил противника заключалась, как это было в войну с Наполеоном 1812 года, в отступлении, неожиданных локальных атаках на противника, в уничтожении при отступлении всего провианта, а затем, когда враг начинает отступать, — в преследовании его²¹. Все эти приемы были с успехом использованы в войне против персидского царя Дария I, который, желая за что-то наказать скифов, вторгся в 512 г. до н.э. на территорию Скифии. От Геродота мы узнаем, что на военном совете скифы «решили ни в коем случае не давать открытого сражения, поскольку... союзники к ним не присоединились, но, постепенно отходя и угоняя скот, засыпать колдцы и источники, мимо которых они будут проходить, истреблять растительность на земле...» IV, 120). Царь скифов Идантирс на вопрос Дария, почему он не вступает в открытое сражение с персами, ответил (*Herod. IV, 127*): «У нас нет ни городов, ни возделанной земли, и боязнь, что они буду захвачены и разорены, не заставляет нас скорее вступать с вами в сражение».

Когда же персидское войско стало отступать, скифы (*Herod. IV, 128*)

решили больше не водить персов из стороны в сторону, но нападать на них всякий раз, как те будут добывать продовольствие. Итак, подстергая [воинов] Дария, добывавших продовольствие, они исполняли принятое решение. (3) Конница скифов всегда обращала в бегство конницу [врага], а спасшиеся бегством всадники персов устремлялись к пехоте, и пехота приходила [им] на помощь. Скифы же, отбросив конницу, поворачивали назад, боясь пехоты. Подобные нападения скифы совершали и по ночам...

Применялись и всякие военные хитрости (*Herod. IV, 130*):

Всякий раз, когда скифы видели, что персы пришли в замешательство, то, для того чтобы они дольше оставались в Скифии, а оставаясь, мучились, лишённые всего необходимого, [скифы] поступали следующим образом: оставят часть своего скота с пастухами, а сами, не спеша, отступят в другую область, пер-

²¹ См.: *Перевалов С.М. Секреты скифской непобедимости. С. 77.*

сы же, придя, захватывают скот и, захватив, приободряются от совершенного.

Также в образе жизни скифов видел причину их непобедимости Николай Дамасский («Свод странных обычаев», 3):

Млекоеды, скифский народ, не имеют домов, как и огромное количество скифов, и питаются только кобыльим молоком, из которого, делая сыры, едят и пьют, и поэтому с ними весьма трудно бороться, так как они повсюду имеют с собой пищу. Они-то и Дария обратили в бегство (пер. В.В. Латышева)

Любопытно, что даже в эпиграфических памятниках Северного Причерноморья можно найти свидетельства веры в скифскую непобедимость; см., например, знаменитый херсонесский декрет конца II в. до н.э. в честь Митридатова полководца Диофанта²², который помог херсонеситам дать отпор наседавшим крымским скифам. В декрете сказано, что «когда скифский царь Палак внезапно напал на него с большим полчищем, он, поневоле приняв битву, обратил в бегство скифов, считавшихся до тех пор непобедимыми» (пер. В.В. Латышева). Итак, северочерноморские греки повторяют (или знали всегда?) общегреческий миф о скифской непобедимости!

Как известно, основу скифского войска составляла конница лучников²³ со своей особой тактикой ведения военных действий: налетев на врага, сделать вид, что убегаешь, но при этом, повернувшись на коне назад, убивать на полном скаку противника из лука (см. Илл. 9, с. 150).

Обычно такая тактика называлась «парфянским выстрелом» и приписывалась парфянам, с которыми римлянам приходилось вступать в сражения, но и скифам такая тактика была хорошо знакома²⁴. Это отмечает Плутарх, описывая битву римлян с парфянами при Каррах (Cras. 24):

...Парфяне, разомкнувшись, начали издали со всех сторон пускать стрелы, почти не целясь (римляне стояли так скученно

²² IOSPE, I2, 352. См. подробнее: *Тахтаджян С.А.* АΜΑΧΟΙ ΣΚΥΘΑΙ. С. 43.

²³ См. подробнее: *Черненко Е.В.* Скифские лучники. Киев, 1980.

²⁴ Эта тактика была характерна для многих кочевников-лучников Великой степи, включая тюркские народы.

и тесно, что и умышленно трудно было промахнуться), круто сгибая свои тугие большие луки и тем придавая стреле огромную силу удара. Уже тогда положение римлян становилось бедственным: оставаясь в строю, они получали рану за раной, а пытаясь перейти в наступление, были бессильны уравнивать условия боя, так как парфяне убегали, не прекращая пускать стрелы. В этом они после скифов искуснее всех; да и нет ничего разумнее, как, спасаясь, защищаться и тем снимать с себя позор бегства (пер. В.В. Петуховой, обработка перевода С.С. Аверинцева).

Илл. 9.

Изображение так называемых «киммерийских» лучников на этрусской вазе VI в. до н.э.

В диалоге Платона «Лахет» (176 191a-b) Сократ сообщает Лахету, что «скифы, говорят, столько же сражаются посредством бегства, как и посредством преследования».

Соответственно этому античные авторы отмечали быстроту и горячность скифских лошадей. Так, Страбон пишет (VII, 4, 8): «У всех скифских и сарматских племен есть обычай холостить лошадей, чтобы сделать их более послушными; ибо лошади у них хотя и не велики, но очень горячи и неукротимы». Недаром македонский царь Филипп, сражавшийся со скифским царем Атеем, после победы над скифами в качестве контрибуции увел в Македонию 20 тысяч кровных кобылиц для воспроизведения породы (*Justin.* 2, 16).

Лук как неперменный атрибут скифского воина²⁵ также был хорошо известен грекам и римлянам. Уже Эсхил в «Прометее Прикованном» (ст. 711) упоминает скифов, «вооруженных дальнo-бойными луками (ἐκθβόλοις τόξοισιν ἐξήρτυμένοι)». О скифских гибких стрелах Эсхил говорит также в «Хоэфорах», 160–161: Σκυθικὰ παλίντονα βέλῃ. Таким образом, уже в середине V в. до н.э. греки были знакомы с формой двусоставного скифского лука, который стал столь известен, что форму Черного моря сравнивали с ним. Так, Аммиан Марцеллин во второй половине IV в. н.э. свидетельствует (XXII, 8, 10):

Все береговое плавание по его (Понта Эвксинского. — *А. П.*) как бы островной окружности, простирающееся на 23 тысячи стадий, как утверждают Эратосфен, Гекатей, Птолемей и другие наиболее точные изыскатели такого рода сведений, образует, по согласному свидетельству всех географов, вид скифского лука, натянутого тетивою (пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни).

Уподобление формы Черного моря скифскому составному луку (см. Илл. 10, с. 152), в котором южное побережье Черного моря принималось за его тетиву, а Крым — за углубление в костяной или деревянной конструкции лука, было широко распространено в античной географии (см. помимо свидетельства Аммиана Марцеллина также: *Sall. Hist. Fr.* 41; *Strabo*, II, 5, 22; *Mela*, I, 102; *Plin.* NH IV, 76; *Val. Flacc.* IV, 728; *Dionys. Perieg.* 157–163)²⁶.

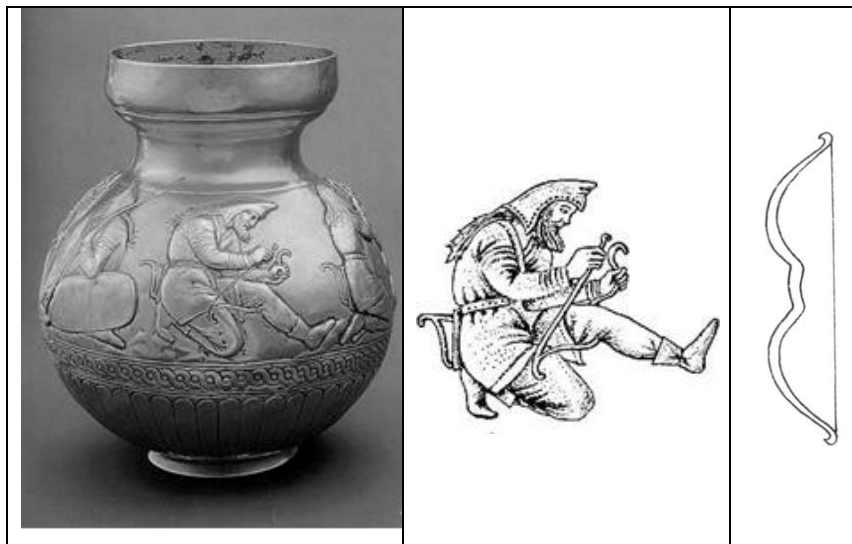
Вспомним также этногенетическую легенду о происхождении скифов от Геракла (*Herod.* IV, 10), оставившего своим детям лук, который стал принадлежать его младшему сыну Скифу — он единственный смог его натянуть.

²⁵ Как считают исследователи, «лук скифского типа позволял выпускать до 10–12 стрел в минуту с расстояния в 100–120 м» (*Перевалов С.М.* Секреты скифской непобедимости. С. 76.)

²⁶ Подробнее об этом уподоблении см.: *Илюшечкина Е.В.* «Скифский лук» как модель для ориентации в пространстве // ДГ, 2003 год. М., 2005. С. 73–82; *Dan A.* The Black Sea as a Scythian Bow // *Exploring the Hospitable Sea. Proceedings of the International Workshop on the Black Sea in Antiquity held in Thessaloniki, 21–23 September 2012* / Ed. by M. Manoledakis. Oxford, 2013. P. 39–57.

Ктесий в «Истории Персии» (Fr. 29 Müller) рассказывает о том, как скифский царь Скифарб²⁷ и Дарий...

послали друг другу луки: скифский лук оказался крепче²⁸. Поэтому Дарий обратился в бегство, перешел через мосты и поспешно разрушил их прежде, чем переправилось все войско. Оставленные в Европе 80 000 были перебиты Скифарбом... (пер. В.В. Латышева).

Илл. 10.

Изображение скифа, натягивающего лук, на электровой вазе IV в. до н.э. из кургана Куль-Оба.

Кстати, в античности существовало также мнение, что некий «скиф Тевтар, пастух Амфитриона, научил Геракла стрелять из лука и даже отдал ему свой лук...» (Schol. Ad Lycophr. Alex. 56).

²⁷ Поскольку такого имени не дает ни один другой источник, предполагают, что Ктесий по ошибке образовал имя собственное Скифарб из слова «скифарх» (σκυθάρης), то есть «начальник скифов». У Геродота в диалог с Дарием вступает скифский царь Идантирс (см. *Herod. IV*, 126–127).

²⁸ Соревнование в крепости луков также осталось неизвестным Геродоту.

Это мнение явно противоречит легенде о том, что Геракл был прародителем скифов и что его сын Скиф смог натянуть Гераклов лук.

О том, что эллины хорошо знали, как обращаются скифы с луком, свидетельствует замечание Платона в «Законах» (VII, 5, 795a) об обычае скифов, «которые не натягивают лук [только] левой [рукой], а правой только накладывают стрелу, но одинаково применяют обе [руки] для обоих [действий]».

Надо сказать, что «воинственные» скифы, вооруженные луком, стали рано знакомы афинянам не понаслышке. Уже в V в. до н.э. они появляются на улицах Афин — центра эллинской цивилизации — в качестве... полицейских! Подробнее это факт рассматривается ниже в разделе 6.6.

6.3. Жестокость и грубость нравов

Выше мы уже не раз в описаниях скифов и их обычаев и нравов замечали, кроме собственно воинственности скифов, еще и представление о них как о жестоких и грубых варварах в противоположность цивилизованным грекам и римлянам²⁹. Это чувствовалось даже на бытовом уровне. Так, в трагедии Еврипида «Медея» Ясон в ответ на упреки «варварки» Медеи в плохом отношении к ней при том, что ради Ясона она бросила родину и семью, отвечает, что она должна быть благодарна ему за то, что он приобщил ее — варварку — к греческим нравам (Med. 529–531).

Так же и в трагедии Сенеки «Федра» (v. 660) Федра, обращаясь к Ипполиту, отринувшему ее любовные притязания, констатирует: «На твоём греческом лице видна скифская суровость (*Scythicus rigor*)» (пер. В.В. Латышева). Федра явно противопоставляет суровость нравов скифов-варваров греческой приветливо-

²⁹ Подробнее об этой оппозиции, основанной на греческой *ταπεινά*, см.: Суриков И.Е. Роль категории полиса в формировании дихотомии «цивилизация — варварство» в античной Греции // *Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт* / Отв. ред. В.П. Буданова. М., 2012. С. 53 и след. См. также: *Замятин Д.Н.* Образ Скифии: Пространство и наследие // *Скифия: Образ и историко-культурное наследие*. С. 38: «Нет сомнений, что образ Скифии является центральным для понимания философской и культурологической проблемы взаимоотношений цивилизации и варварства, периодически актуализируемым европейской культурой в широком смысле...».

сти и великодушию. Сходным образом и Филострат в «Письмах», 5, обращаясь к юноше, говорит: «Скажи, откуда ты, юноша, столь сурово относящийся к любви? ... Ты кажешься мне скифом и варваром, явившимся от известного алтаря и негостеприимных жертв»³⁰ (пер. В.В. Латышева).

Интересно, что если первоначально греческие авторы отмечали исконную жестокость скифов, то далее, в рамках идеализации скифов как добрых варваров в соответствии с теорией губительно-го влияния цивилизации на варварский мир, скифов стали также упрекать в порче нравов. Так, Страбон, рассказав о падении нравов эллинской цивилизации и положительных нравах скифов, замечает (VII, 3, 7):

Такая испорченность нравов в значительной степени проникла к варварам, между прочим и кномадам. Последние со времени знакомства с морем сразу сделались хуже: стали разбойничать, убивать иностранцев и, вступая в сношения со многими народами, перенимают от них роскошь и торгашество; хотя это, по видимому, и способствует смягчению дикости, однако портит нравы и на место простодушия, о котором мы только что говорили, вводит коварство (пер. С.В. Мирошникова).

Еще страшнее о скифской испорченности пишет Афиней в «Пире» (XII, 27):

Сначала один только скифский народ пользовался общими законами; затем они снова сделались «несчастнейшими из всех смертных» вследствие своих насильственных поступков (δὴ τῆν ὄβριν): они предались роскоши, как никто другой, вследствие удач во всем, богатства и прочего благосостояния. Это очевидно из остающейся до сих пор одежды и образа жизни их старейшин. Предавшись же роскоши и устремившись к ней первыми из всех людей, они дошли до такой степени жестокости (ὄβρις), что у всех людей, с которыми они вступали в сношения, стали обрезать концы носов... Они над всеми господствовали так надменно, что рабское служение у них, для всех соединенное со слезами, разгласило и в последующих поколениях, что значило «выражение от скифов» (τῆν ἀπὸ Σκυθῶν ῥῆσιν). Итак, вследствие множества постигших их несчастий, так как они от печали [уничтожили] удобства жизни и обреза-

³⁰ Имеется в виду алтарь Артемиды в Скифской Таврии (Крым), на котором приносили в жертву иноземцев.

ли кругом волосы, все чужие [народы] назвали стрижку всего народа, [делаемую] в знак несчастья ἀλεσκούβου (оскифиться) (пер. В.В. Латышева).

Итак, в греческом языке отразились понятия, порожденные именем «скиф», и они были явно негативного свойства. Еще несколько таких выражений мы встретим ниже.

Интересно, что Павел Орозий в V в. н.э. приписал жестокость и воинственность скифов иноземному влиянию (I, 4, 1–3):

За 1300 лет до основания Рима царь ассирийцев Нин... поднявшись с юга от Красного моря, на крайнем севере опустошил и покорил Эвксинский Понт и [научил] варваров-скифов, дотоле невоинственных и безвредных, не умевших проявлять свою жестокость, познать свои силы и пить уже не молоко животных, а кровь человеческую, наконец, научил побеждать поражениями (пер. Г.Г. Зоргенфрея).

Юлий Фирмин Матерн, христианский писатель первой половины IV в. н.э. («О заблуждениях языческих религий», 15), сомневается в мудрости скифа Абариса (см. о нем ниже), что должно было проистекать из общего варварства и жестокости скифов:

Послушайте также, что такое кумир Паллады. Это — изображение, сделанное из костей Пелопа; сделал его, по преданию, скиф Абарис. Итак, сообразите, каково то, что посвятил варвар скиф. Есть ли у скифов что-либо установленное человеческим разумом, и это дикое и всегда действовавшее с жестокою и бесчеловечною свирепостью племя могло ли найти что-либо правильное в установлении религиозных верований? ... (пер. В.В. Латышева).

* * *

Одним из пороков, приписывающихся скифам, было знаменитое скифское пьянство, ставшее своего рода клише в античной поэзии, литературе, даже в изобразительном искусстве. Еще греческий поэт VI в. до н.э. Анакреонт остерегал сотрапезников не вести себя на пиру, как скифы (57):

Ну, друзья, не будем больше
С таким шумом и ораньем (πατάγω τε καλαλητῶ)
Подражать попойке скифской (Σκυθικήν πόσιν)
За вином, а будем тихо

Пить под звуки сладких гимнов
(пер. В.В. Латышева).

Скифам приписывался обычай пить вино, не разбавляя его водой, как это делали греки. Геродот (VI, 84) рассказывает примечательный с этой точки зрения анекдот о помешательстве спартанского царя Клеомена (конец VI – начало V в. до н.э.)³¹:

Сами спартиаты говорят, что Клеомен впал в умопомешательство вовсе не по воле божества, но что вследствие общения со скифами он стал пить цельное (то есть не смешанное с водою. — *А. П.*) вино и от этого сошел с ума... Говорят, что, когда скифы пришли... [в Спарту], Клеомен слишком часто бывал в их обществе и, дружа с ними более чем следовало, научился от них пить цельное вино; от этого, как полагают спартиаты, он и сошел с ума. С тех пор, как они сами говорят, когда захотят выпить менее разбавленного [вина], то употребляют слово «подскифь» (налей по-скифски) (ἐπισκυβίσι).

Этот же глагол употребляет Афиней («Пир», X, 29), говоря о желающих выпить менее разбавленное вино.

Античный схолиаст «Илиады» (ad II. IV, 23), объясняя значение причастия σκυζομένη, пишет: «гневающаяся; ибо самые вспльчивые [люди] называются скифами»³².

Возможно, образ пьющих скифов сложился в материковой Греции и там стал своего рода клише в результате контактов с причерноморскими греками, продававшими много вина скифам, как показывают многочисленные находки винной тары в скифских захоронениях. Это вино поступало из Северной Эгеиды в обмен, вероятно, на зерно, вывозимое из Северного Причерноморья. Скифы, в отличие от греков, чье повседневное питье состояло из разбавленного вина, могли пить его, как это делаем мы сейчас, нераз-

³¹ О недостоверности этого предания см.: *Печатнова Л.Г.* Спартанские цари. М., 2007. С. 128–131.

³² *Scholia Graeca in Homeri Iliadem ex codicibus aucta et emendata* / Ed. Guil. Dindorfius. Oxonii, 1875. Vol. I. P. 169. Такую же этимологию глагола σκυζεσται приводит Евстафий в своем комментарии к II. VIII, 460.

бавленным и не повседневно, пользуясь для утоления жажды другими жидкостями (водой, молоком, кумысом)³³.

Впрочем, обычай пить вино неразбавленным приписывался и другим «варварам». Так, Платон упоминает в этой связи скифов, персов, карфагенян, кельтов, иберов и фракийцев³⁴.

* * *

Нецивилизованность скифов подчеркивает другой схолиаст Гомера, видя ее в их непонимании музыки (ad II. X, 224): «...скиф, конское ржание поставивший выше лучшей музыки, у древних порицается за свое варварское суждение...»³⁵.

Называние «скифом» было, по-видимому, оскорбительным. Так, аттический оратор Динарх в 324 г. до н.э. назвал Демосфена, у которого предполагалась бабка скифянка (Эсхин, «Против Ктесифонта», 171), «презренным и сущим скифом» (I. «Речь против Демосфена», 15), а другой оратор этого времени Эсхин в своей речи (II. «О неправильно проведенном посольстве», 78) называет Демосфена, обращаясь прямо к нему, «происходящим от матери из кочевых скифов». В одном из отрывков «Надгробной речи», приписываемой Демосфену, тот якобы, «когда кто-то упрекнул его в происхождении от матери скифянки, ответил: “Не удивительно ли тебе, что сын скифянки и варварки оказался таким добрым и кротким?”» (*Rutilius I, 2, 9*).

Пример с обвинением Демосфена в нечистоте происхождения отражает, по мнению И.Е. Сурикова, формирование после Греко-персидских войн нового «резко негативного, презрительного отношения к варварам»³⁶. До этого все было по-другому: «Греков в эпоху, о которой идет речь (V в. до н.э. — *A. II.*), ни в малейшей мере не интересовало происхождение матерей тех или иных личностей; вполне достаточно было, чтобы отец являлся эллином. Упомянем, в частности, что матерью знаменитого афинского полководца V в. до н.э. Кимона... была фракиянка Гегесипила. При-

³³ Подробнее об этом см.: *Porucznik J.* The image of a “drunken Scythian” in Greek tradition // *Proceedings of the 1st Annual International Interdisciplinary Conference, АПС 2013, 24–26 April, Azores, Portugal.* Lissabon, 2013. P. 710–714.

³⁴ *Plato.* Legg. I, 637 d-e. То же о германцах пишет Тацит (*Germ.*).

³⁵ *Anecdota Graeca e codd. manuscriptis bibliothecae regiae Parisiensis / Ed. J.A. Cramer.* Oxonii, 1841. Vol. III. P. 86.

³⁶ *Суриков И.Е.* Роль категории полиса. С. 63.

нижало ли это его хоть в какой-то степени? Конечно, нет. ... Повторим и подчеркнем еще раз мысль, которая представляется нам исключительно важной и принципиальной: греки не были расистами, пресловутые “вопросы крови” их совершенно не волновали»³⁷. Демосфена, как мы видели, пытались принизить из-за происхождения даже не от матери, а от бабки-скифянки... Видимо, скифы, в отличие, скажем, от фракийцев, воспринимались бóльшими варварами.

Хорошо характеризует античное представление о жестокости и вероломстве скифов ремарка Павла Орозия, когда он пишет о том, что (V, 4, 12) «[Консул Фабий] позволил себе поступок, достойный проклятия даже с точки зрения крайних варваров Скифии, не говоря уже о верности и умеренности римлян» (пер. Г.Г. Зоргенфрея).

Гневливость варваров вообще и скифов в частности также была общим местом в характеристике северных варваров. Сенека, анализируя понятие «гнев», призывает посмотреть на «свободные племена, которые крайне вспыльчивы, как, например, германцы и скифы» (Dial. IV, II, 15, 1).

* * *

У раннехристианских писателей дикость скифов становится показателем того, до какой степени бесчеловечности дошло человечество, пока не услышало слова Христа³⁸. Евсевий в конце IV – начале V в. отмечает (Ер. 60, 4): «Дикость бесов и множество одетых в звериные шкуры народов, которые некогда приносили людей в жертву останкам умерших, переменили свой скрежет на сладкую песнь креста, и единый голос всего мира есть Христос». В связи с этим стали меняться представления о противопоставлении греко-римской цивилизованности и варварского мира. Уже в I в. н.э. апостол Павел в «Послании к Колоссянам» (3) говорит о христианине, который должен отказаться от человеческих пороков (гнева, злобы, лжи, злоречия, любостяжания и т.д.) и духовно

³⁷ Там же. С. 54.

³⁸ См.: *Замятин Д.Н.* Образ Скифии С. 38–39: «... Именно христианство по-настоящему способствовало онтологическому “ускорению” формирования этого мифа (о варварстве скифов. — *А. П.*), размещая его в своем эсхатологическом поле мифов».

обновиться (10–11) — «по образу Создавшего его, где нет ни Елина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос»³⁹. Варвар и скиф здесь явно противопоставляются, как противопоставляются предшествующие и последующие парные члены перечисления⁴⁰. Таким образом, скиф, приобщившийся к христианству, покидает варварство и все присущие ему пороки. Амвросий Медиоланский подчеркивает, что «римлянин, даг, сармат, вандал, гунн, гетул, гарамант, аламанн, саксон и галавл — все ходят по одной земле, небо для всех одно, один и океан, который окружает наш [земной] круг» (*Contra Symm.* II, 808–811).

В то же время один из первых отцов церкви Тертуллиан (около 160–230 г. н.э.), чтобы оттенить злокозненность и преступность своего оппонента в богословских вопросах Маркиона, происходившего из черноморской Синопы, дает такую характеристику нравов обитателей Понта (*Adversus Marcionem*, I, 1):

... Обитали там (в Понте. — *А.П.*) племена самые жестокие, если только обитают на повозке. Местопребывание — неопределенное, жизнь — грубая, похоть — безразличная и большей частью нагая, даже тогда, когда [ее] скрывают, повесив на ярме колчаны, которые должны предостерегать, чтобы кто-либо случайно не помешал. Итак, они не краснеют даже перед своим оружием. Трупы родителей, изрубленные вместе с [мясом] животных, они пожирают на пиру, [смерть тех], которые умерли не таким образом, чтобы быть годными в пищу, — проклятая. Даже женщины не смягчаются полом в пользу стыдливости: они вырезают груди, исполняют работу секирами, желают лучше воевать, чем выходить замуж. Суровость даже в климате: нет никогда ясного дня, солнце никогда не бывает ярко, один [только] воздух — туман, целый год — зима, всякий ветер — Аквилон, влага появляется [только] от огня, реки не могут течь ото льда, горы увеличиваются в высоту от снегов.

³⁹ ...κατ' εἰκόνα τοῦ κτίσαντος αὐτόν, ὅπου οὐκ ἔνι Ἑλλήν καὶ Ἰουδαῖος, περιτομῆ καὶ ἀκροβυστία, βάρβαρος, Σκύθης, δοῦλος, ἐλεύθερος, ἀλλὰ [τὰ] πάντα καὶ ἐν πᾶσιν Χριστός.

⁴⁰ Подробное исследование этого места в «Послании к Колоссянам» см.: *Weiß A. Einführung*. S. 23–26. Автор, полемизируя с предшествующей литературой, также приходит к выводу, что понятия «скиф» и «варвар» здесь не синонимы, а антонимы.

Все коченеет, все цепенеет. Ничто там, кроме дикости, не пылает, той, разумеется, дикости, которая дала сценам пьесы о жертвоприношениях тавров, о любви колхов, о распятиях кавказских. Но у Понта нет ничего грубее и печальнее, чем то, что там родился Маркион, [который] отвратительнее скифа, непостояннее гамаксобия, бесчеловечнее массагета, смелее амазонки, темнее тумана, холоднее зимы, обманчивее Истра, круче Кавказа... (пер. В.В. Латышева).

Так традиционная оппозиция «цивилизация / варварство» превращается под пером Тертуллиана в оппозицию «ортодоксия / гетеродоксия»⁴¹.

* * *

Жестокости и свирепости скифов было обьязано, по представлениям античных авторов, первое название Черного моря — «Понт Аксинский», по-гречески Ἰαζεινός, что означает «Негостеприимное море»⁴²; это произошло якобы из-за опасностей, происходящих из суровости местного климата и грубых нравов варваров (в основном, скифов), а затем, по мере освоения его берегов, получило на-

⁴¹ См. об этом тексте: *Weiß A. Einführung. S. 29.*

⁴² Аксенский, или Аксинский (от греч. Ἰαζεινός или Ἰαζηνός) означает по-гречески, действительно, «Негостеприимный». В современной науке это название считается переосмыслением местного иранского (скифского) названия **akšaina* — «черный, темный, синий» (теория М. Фасмера: *Vasmer M. Ost-europäische Ortsnamen: 1. Das Schwarze Meer // Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Series I. Vol. I, 3. S. 3–4*; см. также: *Ельницкий Л.А. Северочерноморские заметки (по следам новых публикаций и исследований). IV. О наименовании Черного моря в древности // ВДИ. 1950. № 1. С. 194–197; Hirt H. Schwarzes und Rotes Meer // Hirt H. Indogermanica. Forschungen über Sprache und Geschichte Alteuropas. Halle, 1940. S. 259–260; Schmitt R. Considerations of the Names of the Black Sea // Hellas und der griechische Osten. Festschrift Peter R. Franke. Saarbrücken, 1996. P. 219–224; Mason R.A. The Ancient Sources on the History, Geography and Ethnography of Ukraine. Latin Authors. Part One: Authors of the Republic and Early Principate to the Death of Domitian. Vancouver, 2008. P. 452; ср.: *Смолин В.Ф. К вопросу о названии Черного моря в древности // ИТУАК. 1916. Вып. 53. С. 90 и след.*) В последнее время М.Д. Бухарин критически пересмотрел эту теорию, не видя в иранских языках соответствующих корней и отрицая наличие у иранцев такой модели цветообозначения, в которой бы «северный» равнялся «черному» (*Бухарин М.Д. Происхождение понятия «Красное море» // ВДИ. 2009. № 3. С. 47–52.*)*

звание «Понт Эвксинский» (Εὐξείνως), «Гостеприимное море»⁴³. Это мнение было широко распространено в античном обществе (см.: *Pindar. Pyth. IV, 203; Eurip. Iphig. Taur. 218; 438; Cicero. De re publ. III, 9, 15; Ovid. Tr. IV, 4, 56–60 etc.; Mela I, 102; Plin. NH IV, 76; Ammian. Marcel. XVI, 33* и др.). У истоков этого представления о форме Черного моря стоял, по словам Аммиана Марцеллина, Гекатей, о котором говорилось, что он усовершенствовал карту мира Анаксимандра. По мнению М.В. Скржинской, «это может рассматриваться как свидетельство достаточно определенного представления о контурах северного побережья уже на древнейших картах»⁴⁴.

В рассказе Лукиана «Токсарис, или дружба», посвященном дружбе у греков и скифов, отмечается (3):

Они (Орест и Пилад, отправившиеся в плавание в Черное море. — *А. П.*) не были поражены страшными рассказами о нем (Черном море. — *А. П.*), не испугались его прозвания — он назывался «негостеприимным», вероятно, потому, что кругом жили дикие племена (пер. П.И. Прозорова).

Чуть ниже (8) Лукиан устами грека Мнесиппа передает расхожее в Греции представление о нравах скифов:

Я только никогда не думал, что у скифов так высоко ценится дружба, потому что на основании как остальных слухов о них, так и того, что они поедают своих умерших родителей⁴⁵,

⁴³ Эвксинский (от греч. Εὐξείνως) — букв. «Гостеприимный». Это название Черного моря объяснялось переменной имени «Аксинский» (Негостеприимный) на его антоним после освоения греками Черного моря в процессе колонизации; см. слова Страбона, передающего мнение Аполлодора: «... в те времена это море (Черное. — *А. П.*) было недоступно для плавания и называлось Негостеприимным (Αξείνως) из-за бурь и дикости обитавших вокруг него племен, и в особенности скифских..., впоследствии же оно было названо Гостеприимным (Εὐξείνως), когда ионийцы основали на его побережье города...» (VII, 3, 6). М.Д. Бухарин сомневается, что такая перемена названия могла произойти в столь короткое время, ведь уже Пиндар, Геродот и Еврипид знают оба названия (*Бухарин М.Д. Происхождение. С. 50–51*).

⁴⁴ *Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. Научно-популярное издание. СПб., 1998. С. 16.*

⁴⁵ О поедании своих родителей, сваренных вместе с мясом животных, рассказывает Геродот, приписывая этот обычай исседонам и массагетам (I, 216; IV, 26). Эти племена тоже часто считались скифскими, и в другом

я предполагал, что они, как люди негостеприимные и дикие, постоянно пребывают во вражде, гневе и распрях, а дружба у них не бывает даже между самыми близкими людьми (пер. П.И. Прозорова).

Здесь Лукиан замечательно характеризует широко распространенную в античности отрицательную оценку скифских нравов; при этом все последующее повествование — это противопоставление ей идеализирующей картины скифского варварства, которая после Эфора стала равноправной оценкой скифского мира, а для Лукиановой новелистики — основой морализаторской идеологии⁴⁶.

6.4. Близость к природе: идеализация образа скифа⁴⁷

В ответе скифа Токсариса на выпад грека Мнесиппа — при всей беллетристичности рассказа Лукиана — содержится апология скифов и скифского общества (7):

... Итак, знай, что скифы не признают ничего выше дружбы, что скиф ничем так не гордится, как участием в трудах и опасностях друга, а равно и нет у нас большего позора, как показаться изменником в дружбе (пер. П.И. Прозорова).

Сам Мнесипп с удивлением отмечает наряду с воинственностью скифов еще и красноречие своего собеседника (8):

Следовательно, Токсарис, скифы были не только искусными стрелками и превосходили других в военном деле, но, кроме

своем сочинении «О печали по умершим» (21) Лукиан прямо говорит, что «эллины сжигают своих покойников, ... а скиф съедает их».

⁴⁶ Ср.: *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературных и археологических. Л., 1925. С. 11–12: «Картина таврической Скифии и Боспора, даваемая Лукианом, идет в колее кинической идеализирующей и романически-новеллистической трактовки варваров, типичной для истории эллинизма. Доминирующей ноткой в ней является противопоставление скифской свободы, очевидно, рабству эпохи эллинизма и римской империи, политическая свобода скифов».

⁴⁷ Существует большая литература, посвященная этой теме, см., например: *Riese A.* Die Idealisierung der Naturvölker des Nordens in der griechischen und römischen Literatur. Frankfurt, 1875; *Иванчик А.И.* «Млекоеды» и «абии» «Илиады». Гомеровский пассаж в античной литературе и проблемы возникновения идеализации скифов // ДГ, 1996–1997 гг. М., 1999. С. 7–45 с литературой.

того, отличаются наибольшим умением говорить убедительно: по крайней мере, и мне, до сих пор думавшему иначе, самому теперь кажется, что вы вполне справедливо воздаете Оресту и Пилладу божеские почести (пер. П.И. Прозорова).

В античности, основываясь на разобранном выше тексте Гомера о «дивных доителях кобылиц млекоедах и абиях, справедливейших из людей», историки и философы довольно рано стали идеализировать скифов, приписывать им черты «доброго варвара» (*noble savage*)⁴⁸. Последовательно и ярко развил эту теорию историк Эфор в IV в. до н.э.⁴⁹, давший пример идеализации скифов в моральном и социальном плане как кочевников, сохраняющих вдали от развращенной цивилизации высокие моральные качества, мудрость и добродетели:

По словам Эфора, другие писатели рассказывают только об их (скифов. — *А. П.*) дикости, так как знают, что страшное и удивительное внушает страх; однако, говорит он, следовало бы также передавать и противоположные факты и брать их за образец для подражания... Затем Эфор приводит причину, почему они ведут скромный образ жизни, не склонны к стяжательству и не только в отношениях друг с другом соблюдают хорошие обычаи (так как у них все общее, даже женщины, дети и вся семья), но и чужеземцам их не одолеть и не победить: ведь у них нет имущества, ради которого их стоило бы обратиться в рабство... (сохранилось у Страбона, VII, 3, 9; пер. Г.А. Стратановского).

Интересно, что Эфор в своем «скифском» дискурсе как бы отталкивается от мнения «других писателей», которые, вероятно, намеренно нагнетали страшные стороны (*δεινόν*) скифского Nomadизма, чтобы сделать чтение их произведений интересным (*θαυμάσιον*).

⁴⁸ История возникновения этой тенденции от Гомера до Эфора подробно исследована А.И. Иванчиком (см.: «Млекоеды»).

⁴⁹ Еще до Эфора в V в. до н.э. Херил из Самоса характеризовал Nomadов как людей, придерживающихся законов и права (*ἄνθρωποι νόμιμοι* — *Strabo* VII, 3, 9). Об идеализации скифов у Эфора см.: *Тухтаджан С.А.* Скифы Эфора: Источники идеализации. Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. СПб., 2001.

Положительная характеристика Эфора оказала мощное влияние на последующие описания скифов⁵⁰. Неиспорченность нравов людей, далеких от цивилизации и ее пороков⁵¹, отсутствие стяжательства, справедливость во всем, кротость, мягкость характера, «коммунистический» уклад жизни и т.д. стали доминирующим мотивом в идеализации скифов начиная с IV в. до н.э.⁵². Ярko звучит эта морализаторская нота в сравнительном описании пороков цивилизации и преимуществ простой жизни у Страбона (VII, 3, 7):

... Что же удивительного, если, имея в виду, что у нас нередко бывают несправедливости в торговых договорах, Гомер называет справедливейшими и дивными мужами тех (то есть скифов. — *А. П.*), которые совсем не занимаются торговыми делами или составлением капитала, но всем владеют сообща, кроме мечей и чаш для питья, и даже жен и детей считают об-

⁵⁰ М.И. Ростовцев так охарактеризовал вклад Эфора в античную науку: «Его материал... — из вторых рук, притом материал, несомненно, устаревший. Но Эфор подошел к этому материалу с особой точки зрения и оказал в этом отношении гибельное влияние на всю позднейшую географо-этнографическую и историческую литературу... Он, спекулируя на плохом знакомстве своих современников со скифами и на отсутствии живого к ним интереса, создал из этнографического материала ионян ряд идеализирующих образов отдельных диких народов. Для этой цели Эфор использовал преимущественно скифов, создав из них тип идеальных номадов...» (*Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. С. 5–6).

⁵¹ Ср. типологически близкую эволюцию отношения французов к аборигенам Нового света в XVI в. — от подчеркивания дикости, кровожадности и необразованности местных варваров к пониманию их особенности и даже идеализации «добраго дикаря», лишённого пороков цивилизации Старого света (см. подробнее: *Окунева О.В.* Варвар и/или «добрый дикарь»: представления о бразильских индейцах во Франции XVI в. // *Цивилизация и варварство.* С. 129–149). Эта эволюция характерна для всей эпохи Просвещения, когда эпитет варвара «дикий» становится синонимом «природного, естественного».

⁵² Б. Беблер высказывает осторожное предположение, что образ «справедливых, не подверженных коррупции» скифов, которые в V–IV вв. до н.э. исполняли в Афинах полицейские функции, мог повлиять на формирование идеализации скифов в греческой философии и историографии (*Bäbler B.* *Bobbies or Boobies? The Scythian Police Force in Classical Athens // Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century B.C. – First Century A.D.)* / Ed. by D. Braund. Exeter, 2005. P. 122).

щими согласно с учением Платона. Эсхил также явно согласен с Гомером, говоря о скифах: «но питающиеся кобыльим сыром и пользующиеся хорошими законами скифы». Такое мнение и теперь еще существует у эллинов. Действительно, мы их считаем прямодушными, совсем бесхитростными и гораздо более нас умеренными и довольными своим положением. Надо сказать, что наш образ жизни почти у всех произвел перемену к худшему, внося роскошь, страсть к удовольствиям и для удовлетворения этих страстей множество безнравственных средств к обогащению... (пер. С.В. Мирошникова).

Следует отметить, что греки, оказывается, еще при Страбоне, то есть на рубеже эр, продолжали идеализировать скифов, опираясь на гомеровские слова о северных варварах, хотя сам Гомер едва ли вкладывал такие оценочные смыслы в свои слова.

Греческий историк I в. до н.э. Николай Дамасский дает некую квинтэссенцию теории идеализации скифов, показывая расхожие в его время представления о скифах («Свод странных обычаев», 3 = *Io. Stob. Anth.* III, 1, 200):

... Млекоеды, скифский народ, не имеют домов, как и огромное большинство скифов, и питаются только кобыльим молоком, из которого, делая сыры, едят и пьют, и поэтому с ними весьма трудно бороться, так как они повсюду имеют с собою пищу. Они-то и Дария обратили в бегство. Они также весьма справедливы, имея общее имущество и женщин, так что старших себя считают отцами, младших — сыновьями, а сверстников — братьями... У них, как говорят, неизвестен ни завидующий, ни ненавидящий, ни боящийся, благодаря общности жизни и справедливости. У них женщины не менее воинственны, чем мужчины, и в случае надобности воюют вместе с ними... (пер. В.В. Латышева).

Римские поэты продолжили эту греческую линию идиллического отношения к скифам. Так Гораций пишет (*Сарм.* III, 24, 9–24):

(9)... Лучше живут степные скифы, у которых по обычаю кибитки [несут на себе] переносные дома... (15) Там невинная жена заботится о лишившихся матери пасынках, с большим приданым не властвует над мужем (20) супруга и не верит холеному любовнику. У [них самое] важное приданое — родительская честь и определенное договором целомудрие, боящееся чужого мужчины; (24) там нельзя грешить под страхом смерти... (пер. В.В. Латышева).

Среди положительных качеств скифов отмечалась их любовь к родителям и предкам вообще. Валерий Максим (I в. н.э.), основываясь на рассказе Геродота об ответе скифского царя Идантирса Дарию⁵³, развивает тему любви к родителям как образец для подражания всех людей (Мемог. V, 4, 5–6):

... (5) Я охотно свидетельствую о любви скифов к родителям. [Далее следует пересказ переписки Дария и Идантирса]... Этим одним столь благочестивым ответом суровое варварское племя искупило себя от всякого обвинения в дикости. Итак, первая и лучшая наставница благочестия — природа, которая, не нуждаясь ни в помощи голоса, ни в применении грамоты, собственными силами молча вливает любовь к родителям в сердца детей... (6) Ибо кто мог научить так отвечать Дарию народ, кочующий на повозках, скрывающийся в лесных чащах и питающийся, подобно зверям, мясом растерзанного скота? (пер. В.В. Латышева).

Интересно, что идея близости к природе как положительное явление могла вкладываться греками в уста скифского мудреца Анахарсиса. При этом его (как бы варварские) высказывания, по словам Диодора, вызвали ироническую реакцию у лидийского царя Креза, который и сам выступал у греков как образец восточного деспотизма и, значит, варварства (см.: *Diodor. IX, 26, 2–5*):

(2) К нему (то есть Крезу. — *А. П.*) прибыли скиф Анахарсис, Биант, Солон и Питтак⁵⁴, которых он на пирах и в собраниях отличал величайшими почестями, показывая им свои богатства и могущество его власти. (3)... Крез, показав им благополучие своего царства и количество покоренных народов, спросил Анахарсиса, как старейшего из мудрецов, какое из живых существ он считает храбрейшим. Анахарсис сказал, что самых диких животных, ибо они одни мужественно умирают за свою свободу. (4) Крез, полагая, что он ошибся и что на второй вопрос даст угодный ему ответ, спросил, какое из живых существ считает он справедливейшим. Тот снова ответил, что самых диких животных, так как они одни живут по природе, а не по

⁵³ *Herod. IV, 127*: «Если же тебе нужно во что бы то ни стало спешно вступить в битву, то у нас есть отчие могилы. (3) Попробуйте найти их и попытайтесь разрушить, и тогда вы узнаете, будем ли мы сражаться из-за могил или не будем».

⁵⁴ Наиболее почитаемые в Греции мудрецы.

законам: природа же, по его словам, есть создание божества, а закон — установление человека, и справедливее пользоваться тем, что открыто богом, а не человеком. (5) Тогда царь, желая высмеять Анахарсиса, спросил, не суть ли звери мудрейшие существа. Мудрец, согласившись с этим, объяснил, что предпочитать истину природы истине закона есть основной признак мудрости. Тогда царь с насмешкой сказал, что его ответы основаны на скифском звероподобном воспитании... (пер. П.И. Прозорова с дополн. В.В. Латышева).

Благочестивость и справедливость номадов, происходящую от отсутствия частной собственности, вслед за Эфором подчеркивает Псевдо-Скимн (850–859):

По ту сторону Пантикапа⁵⁵ живет племя лимнеев⁵⁶ и многие другие племена, не названные собственными именами, а называемые вообще номадскими; они весьма благочестивы, ни один из них никогда не нанесет обиды живому существу. Они возят с собою кибитки, как говорит Эфор, и питаются молоком и скифским доением кобылиц, живут они так, что считают имущество и весь семейный строй общим. И мудрец Анахарсис, по словам [Эфора], происходил из самых благочестивых номадов (пер. И.И. Бережкова).

Замечательное сравнение греческой цивилизации и нравов «природных» варваров встречаем у Помпея Трога (см.: *Iust.* II, 2, 10–15):

Эта (скифская. — *А. П.*) воздержанность произвела у них и справедливость нравов, именно отсутствие страсти к чужому... О, если бы у остальных смертных была бы подобная умеренность и воздержание от чужого; конечно, не столько войн происходило бы во все века и во всех землях, железо и оружие не похищали бы больше людей, чем естественные условия их судеб. Весьма удивительным кажется, что сама природа дает им то, чего греки не могут достигнуть путем длинной науки мудрецов и наставлений философов, и что необразованное варварство при сравнении оказывается выше образованных нравов: настолько первым полезнее незнакомство с пороками, чем последним знание добродетели (пер. В.В. Латышева).

⁵⁵ О реке Пантикапе см.: *Herod.* IV, 18; 19; 47.

⁵⁶ По-греч. «озеряне», вероятно, жители Меотийского «озера», как называли в античности Азовское море. Из других источников неизвестны.

Даже знаменитое скифское пьянство может в определенном контексте отрицаться. Так, Евстафий в комментариях к «Илиаде» (I, 9) приводит изречение Анахарсиса, «который на вопрос, почему у скифов нет флейтистов, сказал: потому что нет и виноградных лоз... Ближе было бы сказать, что у скифов нет и пьянства, и вина...». В то же время Анахарсис как скиф мог выступать и носителем этого скифского порока: Клавдий Элиан в «Пестрых рассказах», II, 41 сообщает: «И Анахарсис, говорят, очень много выпил у Периандра⁵⁷, привезя с собой с родины эту [способность]: ведь [именно] скифам свойственно пить цельное вино».

Естественно, не надо забывать, что идеализация скифов вызвана, в первую очередь, разочарованием античного общества в тех ценностях, которые раньше представлялись характерной чертой «правильной» жизни⁵⁸.

6.5. Мудрость скифов

В предыдущем тексте речь шла о мудрости скифов и, в частности, одного из самых знаменитых скифов — мудреца Анахарсиса⁵⁹.

Уже Геродот писал (IV, 46):

Понт Эвксинский, куда готовился совершить военный поход Дарий, сравнительно со всеми другими странами населен са-

⁵⁷ Коринфский тиран (625–585 гг. до н.э.).

⁵⁸ См.: *Иванчик А.И.* Античная литературная традиция // Античное наследие Кубани. В трех томах / Под ред. академика Г.М. Бонгард-Левина, В.Д. Кузнецова. М., 2010. Т. I. С. 348: «Эфор, вовсе не заботясь об исторической достоверности, приписал скифам созданную им социальную утопию. Разумеется, эфоровское описание скифов должно использоваться как источник сведений об истории греческих социальных идей, а вовсе не о социальном устройстве реальных скифов».

⁵⁹ Об Анахарсисе в античной литературной традиции см.: *Heinze R.* Anacharsis // *Philologus*. 1891. Bd. 50. S. 458–468; *Куклина И.В.* Анахарсис // ВДИ. 1971. 3. 113–125; *Kindstrand J.E.* Anacharsis. The Legend and the Apophtegmata (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Graeca. Vol. 16). Uppsala, 1981; *Скржинская М.В.* Скифия. С. 101–106; *Кузнецова Т.М.* Анахарсис и Скил // КСИА. 1984. Вып. 178. С. 11–16; *Ungefähr-Kortus C.* Anacharsis, der Typus des edlen, weisen Barbaren. Frankfurt et al., 1996; *Schubert Ch.* Anacharsis der Weise. Nomade, Skythe, Grieche (Leipziger Studien zur klassischen Philologie 7). Tübingen, 2010; *Kath R., Rücker M.* Die Geburt der griechischen Weisheit oder: Anacharsis, Skythe und Grieche. Halle, 2012.

мыми невежественными племенами; исключение составляют скифы. Ведь нет ни одного племени у Понта, которое бы выдавалось мудростью, и мы не знаем ни одного ученого мужа, кроме скифского племени и Анахарсиса.

Парадоксальность появления мудреца среди невежественных варваров осознавалась уже самими греками и римлянами. Так, римский писатель Апулей в своем произведении «О магии» отмечает (XXIV, 446): «У глупейших скифов родился мудрец Анахарсис...» (“*Apud socordissimos Scythas Anacharsis sapiens natus est...*”).

Согласно Геродоту (IV, 76–77), Анахарсис принадлежал царскому скифскому роду и даже приходился с отцовской стороны дядей знаменитому царю скифов Идантирсу, отразившему нападение Дария. Анахарсис «посетил многие земли и в каждой из них воспринял много мудрого». Путешествие знатного скифа в Грецию (он бывал в Афинах, Спарте, Малой Азии) состоялось, по мнению античных авторов, во времена Солона⁶⁰, возможно около 594 г. до н.э. В Греции Анахарсис не только сам учился эллинской мудрости, но и принес много новых знаний, так что иногда его включали в число легендарных «семи греческих мудрецов». Анахарсису приписывалось множество изобретений (*Strabo* VII, 3, 9):

...Эфор относит к этому племени (скифов. — *А. П.*) и Анахарсиса, называя его мудрым: по его словам, он был признан даже одним из семи мудрецов за необыкновенную воздержанность и разум. Он называет его изобретениями горящий трут, двузубый якорь и гончарный круг⁶¹ (пер. С.В. Мирошникова).

Вообще скифам, как и другим «варварам», было принято приписывать многие изобретения. Так, Плиний Старший пишет (VII, 197–201):

197. Аристотель считает, что скиф Лид⁶² показал, как спаивать и плавить медь⁶³, а Феофраст⁶⁴ — что [это сделал] фригиец Де-

⁶⁰ См., например: *Diog. Laert.* I, 8, 101–102.

⁶¹ Изобретение гончарного круга приписывают Анахарсису также Сенека со ссылкой на Посидония (*Epist.* 30) и Диоген Лаэртский в биографии Анахарсиса (I, 8, 105).

⁶² Здесь возможны два перевода: лидиец Скиф и Лид скиф. Последнее более вероятно, так как Плиний берет свои сведения непосредственно у гре-

ла⁶⁵. 198. Производство железа придумали циклопы, гончарное дело — афинянин Кореб, а гончарный круг — скиф Анахарсис, согласно другим, — коринфянин Гипербий. 201. [Одни] говорят, что лук и стрелы изобрел Скиф, сын Юпитера, другие, что стрелы изобрел Перс, сын Персея.

Популярность образа Анахарсиса была на протяжении всей античности весьма велика, о нем оставили отзывы около 70 античных авторов, ему приписывались мудрые изречения, из которых до нас дошло около 50⁶⁶. «Его варварское происхождение давало возможность критиковать греческие обычаи с кажущейся объективностью, хотя большинство его взглядов имеет прямые параллели с высказываниями греческих философов. В формировании литературного образа Анахарсиса решающую роль сыграли софисты и киники IV–III вв. Последние идеализировали варварские народы, живущие якобы в согласии с природой»⁶⁷. И действительно, киническая философия особенно интенсивно эксплуатировала образ Анахарсиса для пропаганды своих ценностей; большинство «писем» Анахарсиса датируются концом IV–III в. до н.э.⁶⁸. Так, шестое письмо Анахарсиса, обращенное к некоему царскому сыну, противопоставляет роскошь и пустоту «цивилизованной» жизни простоте и разумности «варварского» образа жизни:

У тебя флейты и кошельки, а у меня — стрелы и лук. Поэтому, естественно, что ты — раб, а я свободен, и у тебя много врагов, а у меня — ни одного. Если же ты хочешь, отбросив серебро,

ческих авторов, которые на первое место ставили имя собственное, а на второе — слово, обозначающее этническую принадлежность.

⁶³ Об открытии спаивания и плавки меди написано в книге «О чудесных слухах» (De mir. ausc. 62), приписываемой Аристотелю, хотя имя изобретателя там и не называется.

⁶⁴ Феофраст — греческий писатель и ученый (372–287 гг. до н.э.).

⁶⁵ Сочинения Аристотеля и Феофраста, на которые ссылается Плиний, не сохранились. Надо полагать, что Плиний использовал здесь упоминаемый Диогеном Лаэртским, Клементом Александрийским и другими античными авторами труд Феофраста «Об открытиях», где содержались подобные сведения.

⁶⁶ Они собраны в книге: *Kindstrand J.E. Anacharsis*. См. также: *Reuters F.H. Die Briefe des Anacharsis*. Berlin, 1963.

⁶⁷ *Скрябинская М.В.* Скифия. С. 104–105.

⁶⁸ *Reuters F.H. Die Briefe*. S. 1–5.

носить лук и колчан и жить со скифами, то и у тебя будет то же самое (пер. В.В. Латышева).

Мудрость Анахарсиса в глазах Цицерона была следствием как раз образа жизни «естественного» варвара, находящегося вдали от соблазнов цивилизации (Tusc. V, 32, 90):

Или скиф Анахарсис мог считать деньги ни за что, а наши философы не могут сделать это. Известно его письмо, [изложенное] в следующих словах: «Анахарсис Ганнону [желает] здоровья. Мне одеянием служит скифский плащ, обувью — кожа [моих] подошв, ложем — земля, приправой к кушанью — голод, питаюсь я молоком, сыром и мясом. Поэтому приходи ко мне, как к человеку, полному спокойствия. А те блага, которыми ты наслаждался, подари или своим согражданам, или бессмертным богам (пер. В.В. Латышева).

Наиболее подробно об Анахарсисе рассказал Диоген Лаэртский (начало III в. н.э.), посвятивший в своей книге «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» целую главу «Скифу Анахарсису» (I, 8, 101–105). Рассказывая о его способе философствования, Диоген отмечает: «Отличаясь свободой речи, он подал повод к образованию пословицы о «скифском образе речи — τῆν ἀλὸ Σκυθῶν ῥῆσιν» (101). Вот несколько примеров его красноречия и мудрости, приведенные Диогеном (103):

Анахарсис сказал, что виноградная лоза приносит три кисти: первую — удовольствия, вторую — опьянения, третью — отращения. Он же выразил удивление тому, что у эллинов состязаются художники, а судят их не художники. На вопрос, как можно не сделаться пьяницей, он сказал: «если иметь перед глазами безобразия пьяных»... Узнав, что корабль имеет в толщину четыре пальца, он сказал, что на столько плывущие в нем удалены от смерти (пер. В.В. Латышева).

Образ Анахарсиса — скифского варвара-мудреца среди греков — пользовался в западноевропейской культурной традиции большой популярностью, особенно после появления в 1778 г. в Париже книги Жан-Жака Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию в середине IV в. до н.э.»⁶⁹, в которой рассказы-

⁶⁹ *Barthélemy J.-J. Voyage du jeune Anacharsis en Grèce dans le milieu du quatrième siècle avant l'ère vulgaire. Paris, 1778.*

вается о 26-летнем путешествии Анахарсиса по странам античного мира и о его впечатлениях о культуре и истории греческого общества. Книга была очень быстро переведена на основные европейские языки и вознесла образ Анахарсиса на высокий пьедестал. «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина тоже испытали влияние труда Бартеlemi — там также речь идет о поисках идеалов истинного просвещения, о вере в прогресс цивилизации.

* * *

Кроме Анахарсиса, большой славой в Греции пользовался некий маг и волшебник Абарис, который признавался то гипербореем, то скифом.

Первым его упомянул еще Пиндар (fr. 270), следующим — Геродот, который при этом признается, что рассказы о нем существовали и до его времени и что он сам не верит в существование Абариса (IV, 36):

Сказанного о гипербореях достаточно. Ведь рассказа об Абарисе, которого считают гипербореем, я не привожу. О нем говорят, будто он носил по всей земле стрелу, ничем не питаюсь.

Тем не менее в античной литературе, как это было и с Анахарсисом, Абарис стал весьма популярной фигурой. Время его жизни различные авторы определяли по-разному — от VIII до VI в. до н.э. Абарис будто бы обладал даром предвидения, он предсказывал землетрясения, чуму, чудесные небесные явления, а однажды даже отвратил чуму от Лакедемона. Его считали то учителем Пифагора, то его учеником, то его ипостасью. Абарису так же, как и Анахарсису, приписывались некоторые апокрифические сочинения, в частности, поэма о путешествии Аполлона к гипербореем.

Наиболее подробно об Абарисе рассказал Ямблих в сочинении «О жизни Пифагора» (XIX, 91):

Из страны гипербореев прибыл Абарис, жрец чтимого там Аполлона, приближавшийся уже к старости и весьма опытный в священнослужении, на возвратном пути из Эллады на родину... Попав проездом в Италию и увидев Пифагора, Абарис вполне уподобил его богу, которому служил жрецом... Он дал Пифагору стрелу, с которой вышел из святилища и которая могла быть ему полезной для преодоления встречающихся

трудностей при стольких препятствиях: сидя на ней, он переправлялся через непроходимые места, как, например, реки, озера, болота, горы и т. п. и во время путешествий, как гласит молва, совершал очищения и изгонял моровые болезни и поветрия из городов, приглашавших его на помощь в таких случаях (пер. В.В. Латышева).

Современные исследователи считают Абариса первым шаманом, принесшим в Грецию шаманскую экстатическую мистику⁷⁰. В связи с этим важным является замечание М. Элиаде о существовании шаманских ритуалов очищения с помощью дыма от конопля в скифских погребальных церемониях, описанных Геродотом (IV, 71–75)⁷¹.

Античными авторами подчеркивалось красноречие Абариса, как и Анахарсиса. Хорошо сказал об этом Гимерий (IV в. н.э.) в двадцать пятой речи «К комету Урсикию» (2):

Говорят, что мудрец Абарис был родом гиперборей, а по языку эллин; по одежде и внешнему виду — скиф, но чуть только пошевелит языком, — его слова казались исходящими из среды Академии и самого Ликея... (пер. В.В. Латышева).

Страбон, который считает Абариса скифом, связывает популярность его и других скифских мудрецов с идеализированными чертами скифского народа (VII, 3, 8):

...И Анахарсис, Абарис и некоторые другие скифы, им подобные, пользовались большой славой среди эллинов, ибо они обнаруживали характерные черты своего племени: любезность, простоту, справедливость (пер. С.В. Мирошникова).

Страбон упоминает, помимо Анахарсиса и Абариса, еще и «некоторых других скифов, им подобных», которые «пользовались большой славой среди эллинов». К сожалению, античная традиция не донесла до нас их имен. Тем не менее, очевидно, такие визиты были вполне возможными, коль скоро в романической литературе мы встречаем подобные пассажи (Лукиан, «Скиф, или гость», 1):

⁷⁰ См., например: *Элиаде М. Шаманизм. Архаические техники экстаза.* Киев, 2000. С. 360 (пер. с англ. издания 1964 г.).

⁷¹ Там же. С. 363–364.

Анахарсис не первый прибыл из Скифии в Афины, руководимый желанием познакомиться с эллинской образованностью: раньше его прибыл Токсарис⁷², муж мудрый, отличавшийся любовью к прекрасному и стремлением к благороднейшим знаниям, но происходивший не из царского рода и не из «колпаконосцев»⁷³, а из толпы простых скифов, каковы у них так называемые «восьминогие», то есть владельцы пары быков и одной повозки. Этот Токсарис даже не возвратился в Скифию, а умер в Афинах и немного спустя даже был признан героем; афиняне приносят ему жертвы как иноземному Врачу⁷⁴: это имя получил он, будучи признан героем. Быть может, не лишним будет объяснить причину этого наименования, а также включения в число героев и признания его за одного из Асклепиадов⁷⁵, чтобы вы узнали, что не одним скифам свойственно превращать людей в бессмертных и посылать к Замолксису⁷⁶, но что и афинянам можно обоготворять скифов в Элладе... (пер. В.В. Латышева).

6.6. Внешний облик скифов

Внешний облик скифов — их костюм, головные уборы, причёски — известен нам как по литературным источникам, так и по изображению их на аттических вазах (которых насчитывается уже более 60 077), на ювелирных изделиях, саркофагах, даже в скульптурах, которые зачастую реалистически, с большими подробностями рисуют скифов. Античной иконографии населения Скифии по-

⁷² Это имя использовано Лукианом для обозначения скифа также в диалоге «Токсарис, или дружба». Ни один античный автор не упоминает его, кроме Лукиана. Само имя связано с греческими обозначениями лука (τόξον) и лучника (τοξότης), что выдает вымышленный характер «скифского» имени (лук со стрелами были известны как атрибут скифского вооружения).

⁷³ Так могли обозначаться служители Великой матери Кибелы, носившие высокий колпак. Возможно, здесь имеется в виду сословие скифских жрецов энареев, описанное Геродотом (I, 105).

⁷⁴ Наряду с Аполлоном-Врачом, культ которого был широко распространен в древней Греции.

⁷⁵ То есть потомков легендарного врача Асклепия.

⁷⁶ Замолксису, которому поклонялись геты, каждые пять лет приносили в жертву «вестника», который должен был сообщить ему об их просьбах (подробнее см. у Геродота, IV, 94–96).

⁷⁷ *Синицын А.А.* Софокл. С. 279.

святили свои работы многие исследователи⁷⁸. Их выводы сильно расходятся.

В этом разделе я хотел бы указать на те различия, которые обнаруживаются во внешнем облике скифов, «увиденных» в Афинах, с одной стороны, и отображенных на местной северочерноморской пластике, с другой.

Предполагается, что воинственные скифы, вооруженные луком, стали знакомы афинянам не понаслышке весьма рано. Частые изображения скифских лучников (или тех, кого за них принимают) появляются, начиная с VI в. до н.э., на аттических вазах («в характерном скифском облачении: в остроконечной шапке, в коротком полукафтани и длинных штанах, плотно облегающих тело и нередко расшитых каким-либо орнаментом, с колчаном на левом боку, с луком, а иногда и топориком (*sagaris*) в руках»⁷⁹). Это приводит исследователей к выводу о том, что «скифский элемент играл в жизни афинского общества и государства весьма заметную роль»⁸⁰.

⁷⁸ Vos M.F. *Scythian Archers in Archaic Attic Vase-Painting*. Groningen, 1963; Raeck W. *Zum Barbarenbild in der Kunst Athens im 6. und 5. Jahrhundert v. Chr.* Diss. Bonn, 1981; Lissarrgue F. *L'autre guerrier. Archers, peltastes, cavaliers dans l'imagerie attique*. Paris; Rom, 1990. P. 125–149. Из отечественных работ см.: Скржинская М.В. Герои киммерийских и скифских легенд в греческой поэзии и вазовой живописи VII–VI вв. до н.э. // ВДИ. 1986. № 4. С. 84–94; Она же. Скифия. С. 209–261; Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? I // ВДИ. 2002. № 3. С. 33–55; Она же. Кем были «скифские» лучники на аттических вазах эпохи архаики? II // ВДИ. 2002. № 4. С. 23–42; Ivanchik A. Who were the 'Scythian' archers on archaic attic vases? // *Scythians and Greeks: Cultural Interactions in Scythia, Athens and the Early Roman Empire (Sixth Century B.C. – First Century A.D.)* / Ed. by D. Braund. Exeter, 2005. P. 100–114; Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М., 2006. С. 47–83. Изображениям скифов в аттической пластике посвящена также часть работы: Bähler B. *Fleissige Thrakerinnen und wehrhafte Skythen. Nichtgriechen im klassischen Athen und ihre archäologische Hinterlassenschaft*. Stuttgart und Leipzig, 1998. S. 165–181.

⁷⁹ Фролов Э.Д. Скифы в Афинах // ВДИ. 1998. № 1. С. 136.

⁸⁰ Фролов Э.Д. Скифы в Афинах. С. 135; Она же. Скифы в Афинах (по изображениям на аттических черно- и краснофигурных вазах) // История и культура древних и средневековых обществ. Сборник научных статей, посвященный 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. СПб., 1998. С. 132–140; Она же. Полицейская служба в демократическом полисе: скифы в Афинах // Фролов Э.Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. СПб., 2004. С. 195–220. См. также: Braund D. *Scythian Archers, Athenian Democracy and*

Предполагается, что скифы во время появления и бытования их изображений на аттических вазах (а это примерно 530–490 гг. до н.э.) служили наемниками во вспомогательном войске афинян⁸¹.

Но и позже афиняне имели возможность наблюдать скифов. По некоторым сведениям афинских ораторов⁸², скифские лучники — государственные рабы — стали после 480 г. до н.э. исполнять полицейские функции в Афинах, и их насчитывалось 300 человек. Они жили в своих кибитках у агоры, позже — на холме Ареса. Их образы были любимыми мишенями для осмеяния в афинской комедии. Так, они выведены на сцену в комедиях Аристофана «Ахарняне», «Всадники», «Лисистрата» и «Женщины на празднике Фесмофорий» как глупые, нелепые люди, разговаривающие при этом на ломаном греческом языке⁸³. Тем не менее, считается, что для большинства средиземноморских греков⁸⁴ (в основном афинян) далекие загадочные скифы, о которых писали Эсхил и Геродот, именно здесь были доступны для непосредственного знакомства и восприятия⁸⁵.

a Fragmentary Inscription from Erythrae // Античный мир и Византия. К 70-летию В.И. Кадеева. Харьков, 1997. С. 48–56; *Скржинская М.В.* Скифия. С. 150–155.

⁸¹ См.: *Vos M.F.* Scythian Archers. P. 39, 61, 80–81; *Скржинская М.В.* Скифия. С. 138, 217.

⁸² *Andocid.* III, 5; *Aeschin.* II, 173. См. также: Schol. ad Aristoph. Acharn. 54; *Suda* s.v. τοξόται.

⁸³ См. анализ литературной традиции и материальных свидетельств о скифах-полицейских, кроме указанных в сносках 79–80: *Plassart A.* Les archers d’Athènes // *Revue des Études Grecques.* 1913. Vol. 26. P. 151–213; *Hall E.* The Archer Scene in Aristophanes’ *Thesmophoriazusae* // *Philologus.* 1989. Bd. 133. P. 38–54; *Sier R.* Die Rolle des Skythen in den *Thesmophoriazusen* des Aristophanes // *Zum Umfang mit fremden Sprachen in der griechisch-römischen Antike* / Hrsg. von C.W. Müller et al. (Palingenesia 36). 1992. S. 63–83; *Braund D.* Scythian Archers. С. 48–56; *Скржинская М.В.* Скифия. С. 150–155; *Bäbler B.* Bobbies or Boobies? P. 114–125; *Синицын А.А.* Софокл. С. 269–292 (с литературой).

⁸⁴ От греков, столкнувшихся со скифами в Северном Причерноморье в процессе Великой греческой колонизации, практически не осталось письменных свидетельств, поэтому мы не можем судить об их отношении к скифам. Лишь иногда мы можем предполагать, что в тех или иных свидетельствах о скифах в сочинениях «средиземноморских» авторов отразились какие-то сведения «черноморских» греков.

⁸⁵ См., например: *Bäbler B.* Fleissige Thrakerinnen. S. 165–167.

Как же выглядели скифы в глазах афинян⁸⁶?

Постоянным элементом «скифского» костюма, как его рисуют в материковой Греции, была остроконечная шапка («фригийский колпак»). Она встречается уже в первой трети VI в. до н.э. на знаменитой «вазе Франсуа», на которой на верхнем поясе изображена сцена Калидонской охоты. Среди участников охоты есть три лучника, стреляющие с колена из лука, с именами Эвтимах, Киммерий и Токсамис (см. Илл. 11–12, с. 177–178); в двух последних некоторые исследователи видят киммерийца и скифа⁸⁷.

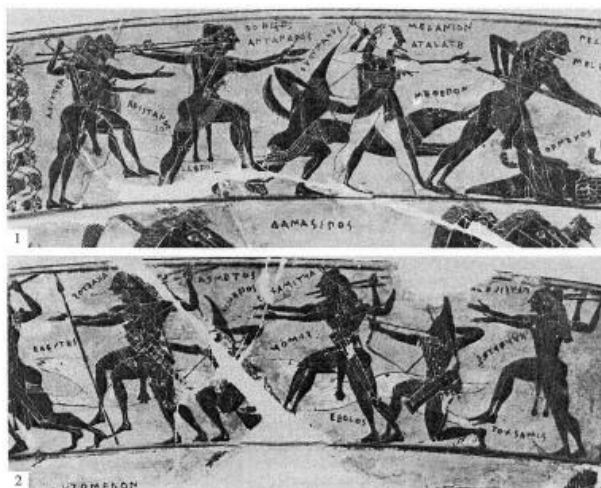
Илл. 11.

«Ваза Франсуа» VI в. до н.э.

⁸⁶ Речь идет об аттических вазах с середины VI в. (540–530 гг.) и до 490 г. (*Vos M.F.* Scythian Archers. P. 39, 80–81; *Скржинская М.В.* Скифия. С. 138, 217; *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 23), то есть к моменту, когда в Афинах появились скифские полицейские, «скифы» перестали изображаться в местной вазописи.

⁸⁷ *Скржинская М.В.* Скифия. С. 200–203; см. критику этой позиции: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники I. С. 45–51. Интересно отметить, что и сама М.В. Скржинская признает, что мастер, создавший эту вазу, «афинянин Клитий в первой трети VI в. не мог видеть живых киммерийцев, так же как и скифов», и что он «нарисовал скифа Токсамиса внешне неотличимым от двух других восточных лучников, одетых в греческие хитоны и схематично переданные высокие шапки» (*Скржинская М.В.* Скифия. С. 202–203 и 209).

Скифа в национальной одежде видят и на краснофигурной аттической тарелке конца VI в. до н.э. из Британского музея с росписью Эпиктета; кроме шапки предполагаемый скиф носит облегчающий костюм с пестрыми шароварами — типичным элементом

Илл. 12.

Фрагмент «Вазы Франсуа».

одежды ираноязычного варвара. Этот скиф⁸⁸ держит колчан со стрелами и лук и запечатлен убегающим и вытаскивающим из колчана стрелу (см. Илл. 13, с. 179).

Проанализировав аттические вазовые изображения предполагаемых скифов, М.В. Скржинская делает следующий вывод о скифском костюме VI в., который могли наблюдать греческие вазописцы, видя скифов⁸⁹, составлявших, предположительно, в это время

⁸⁸ М.В. Скржинская считает, что здесь изображен не скиф, а амазонка, признавая при этом, что костюм амазонки совпадает с костюмом скифов (Там же. С. 210).

⁸⁹ Скржинская М.В. Скифия. С. 209: «Около 530 г. разные художники одновременно начинают писать скифов с натуры...»; ср. также: Vos M.F. Scythian Archers. P. 43: «Attic vase-painters daily saw this costume and depicted it from nature».

вспомогательное войско у афинян: «Его верхняя часть состояла из рубашки, отороченной или сшитой из тканей с различной окраской и орнаментом. Рубашка запахивалась крест-накрест, образуя у шеи острый вырез; низ рубашки заправляли в облегающие шаровары... либо носили на выпуск... При любом из видов ношения рубашки ее закрепляли на талии туго облегающим поясом. Всю одежду спереди и сзади покрывал орнамент, возможно, вышитый или сделанный аппликацией из кусочков цветной материи и кожи»⁹⁰.

Еще интереснее форма скифской шапки: «Скифская шапка, сшитая из плотной кожи, не только согревала в холодную погоду, но и защищала голову и шею от легкого оружия, брошенного с расстояния... Скифские шапки отчасти напоминают наши ушанки, так как имеют два боковых уха, в случае надобности завязывающиеся под подбородком; третье ухо опускается на шею. Как и на современных ушанках, уши скифских шапок можно было поднять и завязать наверху, что видно на ряде рисунков»⁹¹.

Илл. 13.

Краснофигурная аттическая тарелка конца VI в. до н.э.

⁹⁰ Скржинская М.В. Скифия. С. 216. См. также о «скифском» costume: Vos M.F. Scythian Archers. P. 40–51; Raeck W. Zum Barbarenbild.

⁹¹ Скржинская М.В. Скифия. С. 216–217.

На краснофигурной амфоре из Мюнхена (2308)⁹² мы видим подобные изображения двух лучников в типичном «скифском» одеянии, выступающих в виде помощников облачающегося в доспехи гоплита (см. Илл. 14).

Илл. 14.

Краснофигурная амфора из Мюнхена.

См. также типичную «скифскую» одежду на вазе из Вюрцбурга (L 507) художника Клеофрада (см. Илл. 15, с. 181) и замечательного конного «скифа» на амфоре из Рима (V. Guilia 50559) (см. Илл. 16, с. 182).

В отличие от предшествующих исследователей, А.И. Иванчик вслед за Ф. Лиссаргом⁹³ считает, что в основе образа «скифоидного» лучника в аттической вазописи лежат впечатления не от контактов с реальными скифами, а от военных столкновений греков с мидийской, а позже ахеменидской армией⁹⁴; сам «скифский»

⁹² *Lissarrgue F. L'autre guerrier. Fig. 18.*

⁹³ См. *Ibid.* P. 103, 106, 111–114, 125–149; *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. I. С. 33–55; *Он же.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 23–42; *Ivanchik A.* Who were the 'Scythian' archers. P. 100–114.

⁹⁴ Впрочем, сам Иванчик отмечает общие черты «одежды, характерной для нескольких иранских народов, в том числе скифов, саков, да и самих ми-

костюм был лишь признаком второстепенности изображаемого персонажа⁹⁵. Одежда, изображенная на лучниках, была характерна как для скифов, так и для мидийцев⁹⁶; прямая связь между «скифской» одеждой и скифским этносом отсутствует; «говоря об изображении лучников в аттической вазописи, следует исходить из того, что в эпоху их создания никаких контингентов скифов или

Илл. 15.

Краснофигурная ваза из Вюрцбурга.

дийцев (башлыки или остроконечные колпаки, штаны, мягкие сапоги, кафтаны)» (*Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 31).

⁹⁵ *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. I. С. 54: «... так называемый “скифский” костюм для аттических вазописцев и их клиентов не был указанием на этнос персонажей. В аттической иконографии архаической эпохи он служил лишь признаком их статуса. Если основные эпические герои изображались в виде гоплитов, то костюм “скифского” лучника указывал на статус героя второго ранга». См. также: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 31.

⁹⁶ См., впрочем, критику отождествления этих «скифов» с мидийцами и персами: *Яценко С.А.* Костюм древней Евразии. С. 60: «... анализ как собственно персидского костюма, так и мидийских элементов в ахеменидском костюме этого времени ... не подтверждает эту версию».

других варваров в Афинах не было, что полностью согласуется со свидетельствами письменных источников»⁹⁷. «В любом случае представляется методически неверным использовать аттическую вазопись как материал для восстановления костюма скифов, саков, мидийцев или любого другого реального народа»⁹⁸. Для нас важен итог критического подхода Иванчика: «Прогресс в этой области, на мой взгляд, может быть достигнут лишь в результате независимой от ваз реконструкции этих костюмов на основе надежно привязанных к определенному этносу свидетельств (для скифов это должны быть, скажем, данные археологии и скифские каменные изваяния, а также изображения на произведениях причерноморской торевтики IV в. до н.э. ...). Сопоставление этих независимых

Илл. 16.

Изображение конного «скифа» на амфоре из Рима.

⁹⁷ Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники. II. С. 31.

⁹⁸ Там же. С. 41–42. Ср. однако: Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 47 о своем исследовании: «Проделанная выше работа позволяет теперь без особых усилий выделять на греческой вазописи и предметах торевтики собственно этнических персов от изображений так называемых “условных варваров” в мифологических сценах троянского цикла, в сценах битв с амазонками и т.п.».

реконструкций с изображениями на аттических вазах, возможно, прольет дополнительный свет на вопрос о том, костюм какого конкретного народа послужил основой для формирования образа лучника в аттической вазописи архаической эпохи»⁹⁹.

Собственно, здесь мы хотим представить некоторые наблюдения над возможной трансформацией облика скифов, запечатленного в VI–V вв. в Афинах и в IV в. в Северном Причерноморье¹⁰⁰.

На мой взгляд, одежда и внешний облик скифов на изображениях на ювелирных изделиях, изготовленных греческими мастерами Северного Причерноморья или, возможно, мастерами из других эллинских городов¹⁰¹ в IV в. до н.э., то есть спустя несколько десятилетий «после исчезновения изображений с натуры скифских героев в аттической вазовой живописи»¹⁰², оказываются несколько иными. Поскольку эти изображения делались на предметах, найденных в основном в скифских погребениях, можно сделать вывод, что и изготавливались они по заказу скифов. Это предполагает, на мой взгляд, большую реалистичность в передаче внешнего облика скифов.

Самое раннее изображение скифа в Северном Причерноморье¹⁰³ мы имеем на золотом гребне из кургана Солоха конца V – начала IV в. до н.э. (см. Илл. 17, с. 184). По мнению А.Ю. Алексева, в этом кургане были погребены скифские цари, одним из которых был, возможно, известный нам из Геродота Октамасад¹⁰⁴.

⁹⁹ *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. II. С. 42.

¹⁰⁰ Наиболее глубоко исследовавший костюм скифов Северного Причерноморья С.А. Яценко насчитывает около 45 работ, посвященных этой теме (*Яценко С.А.* Костюм древней Евразии. С. 10).

¹⁰¹ На этом настаивает М.В. Скржинская (Скифия. С. 240–260; см. с. 260: «...глядя на ювелирные произведения со скифскими сюжетами, мы видим Скифию глазами эллинов из разных частей Греции»).

¹⁰² Там же. С. 223.

¹⁰³ Здесь я ограничусь лишь несколькими самыми яркими примерами изображений скифов. Подробно об иконографии северочерноморских скифов и каталог изображений скифов см.: *Яценко С.А.* Скифский мужской костюм на предметах греко-скифской торевтики IV в. до н.э. (к вопросу об этнографизме изображений) // Вестник Шелковского пути. Археологические источники. М., 1993. Вып. I. С. 304–338; *Он же.* Костюм древней Евразии. С. 47–83 с подробной литературой вопроса.

¹⁰⁴ *Алексеев А.Ю.* Хронология Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб., 2003. С. 231–235.

Илл. 17.

Изображение скифа на золотом гребне из кургана Солоха
конца V – начала IV в. до н.э.

Обратим внимание на дату — это изделие было изготовлено практически одновременно с аттическими вазами, на которых облик скифов был иным! И этот образ будет доминирующим в последующей торевтике Северного Причерноморья.

Одно из самых знаменитых изображений скифов (скифских царей?) дает серебряная чаша IV в. до н.э. из кургана Гайманова могила (см. Илл. 18, с. 185).

Подробно изображена бытовая жизнь скифов¹⁰⁵ и их внешний облик на серебряной вазе IV в. до н.э. из кургана Чертомлык (см. Илл. 19–20, с. 185–186) и на золотой пекторали того же времени из кургана Толстая могила (см. Илл. 21–22, с. 186–187).

Шедевром «греко-скифского» искусства является электроваза IV в. до н.э. из кургана Куль-Оба, на которой также изображе-

¹⁰⁵ Хотя Д.С. Раевский и призывает «трактовать все без исключения “сцены из жизни скифов” как воплощения определенных мифических сюжетов и, следовательно, как ценнейший источник для реконструкции скифского мифологического комплекса» (Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 28), это не мешает нам видеть в изображениях скифов реальные черты их физического облика.

ны сцены из жизни скифов: они натягивают луки и лечат друг друга (см. Илл. 23, с. 187).

Илл. 18.

Серебряная чаша IV в. до н.э. из кургана Гайманова могила.

Илл. 19.

Серебряная ваза IV в. до н.э. из кургана Чертомлык.

Илл. 20.
Фрагмент вазы из Чертомлыка.

Илл. 21.
Золотая пектораль IV в. до н.э. из кургана Толстая могила.

Илл. 22.

Фрагмент пекторали из Толстой могилы.

Илл. 23.

Электровая ваза IV в. до н.э. из кургана Куль-Оба.

Хотя М.В. Скржинская считает, что «по сравнению с изображениями на вазах рубежа VI–V вв. мужской костюм (скифов) мало изменился...»¹⁰⁶, мне кажется, что есть существенные различия в облике скифов в Афинах и в Северном Причерноморье. Если в первом случае «скифы» выступают часто как безбородые, гладко выбритые люди¹⁰⁷, то во втором случае они почти все изображаются с длинной бородой и усами, с прямыми волосами до плеч с челкой на лбу¹⁰⁸, редко в шапке (башлыке), да и то уже, как правило, без остроконечных выступов на ней¹⁰⁹. Обтягивающее афинских скифов странное «трико»¹¹⁰ превращается в довольно широкие штаны со многими складками¹¹¹. Поверх рубашек скифы носят теперь

¹⁰⁶ Скржинская М.В. Скифия. С. 225.

¹⁰⁷ Ср. свидетельство Псевдо-Гиппократ (De aere. 26) о том, что у скифов не растет борода; см. в этой связи: *Bähler B. Fleissige Thrakerinnen*. S. 170 о том, что Псевдо-Гиппократ дает здесь “völlig verzerrte Darstellung dieser Barbaren”.

¹⁰⁸ См. о прическах скифов: *Rolle R. Haar und Bartracht der Skythen // Gold der Steppe / Hrsg. von R. Rolle*. Neumünster, 1991. S. 115–126. См. также: Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 78: «Как сообщают Клемент Александрийский (Clement. Pedag. III. 3. 24) и Лукиан (Luc. Tox. 51), обычно скифы носили длинные волосы, которые были “рассыпаны по плечам” (Seneca. Epist. moral. XX. 7)».

¹⁰⁹ Скржинская М.В. Скифия. С. 227: «Остроконечные выступы на шапках... к IV в. вышли из моды». С.Я. Яценко также отмечает, что «при сравнении со скифскими материалами V–IV вв. до н.э. очевидно, что ни один из типов головных уборов (в аттической вазописи. — А. П.) не известен в более позднее время» (Костюм древней Евразии. С. 58).

¹¹⁰ Ср. Иванчик А.И. Кем были «скифские» лучники. II. С. 33: «...штаны и кафтан часто сливаются в своеобразное облегающее трико (реальное существование подобной одежды трудно предполагать), обувь практически никогда не изображается». Ср. описание персидских штанов у С.А. Яценко (Костюм древней Евразии. С. 40): «Штаны — *anaxurides* были узкими и длинными (Xen. Kyr. VIII. 3.13)». Замечу, однако, что в цитированном месте Ксенофонта сказано только, что «на Кире были еще анаксириды красного цвета».

¹¹¹ Ср. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 54: поясная одежда у архаических скифов «представлена у обоих полов широкими шароварами»; с. 75: «Судя по изображениям на греко-скифской торевтике, где штаны часто показаны с характерными складками, они часто делались из плотных тканей». Впрочем, Яценко считает, что «утрировано облегающий характер кафтана и штанов» в аттической вазописи следует отнести к элементам стилизации» (Там же. С. 61).

куртки, иногда типа кафтана¹¹², подпоясанного кушаком, ходят в сапогах из мягкой кожи без твердой подметки¹¹³ (см. Илл. 24).

Кстати, к афинским изображениям скифов, проанализированным М.В. Скржинской, следует добавить две погребальные мраморные статуи третьей четверти IV в. до н.э., найденные в 1863 г. в афинском районе Керамик и показывающие наряд и вооружение скифов¹¹⁴ (см. Илл. 25, с. 190).

Илл. 24.

Реконструкция внешнего облика скифского воина
Северного Причерноморья.

¹¹² Ср. Там же. С. 58 — о вазовых изображениях: «Одежда этого типа (халата. — А.П.) длиной до середины голени отмечена пока на одном изображении персонажа в группе стоящих варваров».

¹¹³ Скржинская М.В. Скифия. С. 225. Об обуви скифов см. специальную работу: Ключко Л.С. Скифская обувь // Советская археология. 1992. № 1. С. 26–33. Ср. Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 54: «Невысокие сапоги от середины голени и выше хорошо известны в это время (архаики в Северном Причерноморье. — А. П.)», то есть практически в то же время, когда афинские художники изображали «скифов» на своих вазах в основном босыми.

¹¹⁴ См. их описание и атрибуцию как «скифских»: Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen. S. 174–180; 260–261 и фото 13 a-b и 14 a-b, 13 а с литературой. На нашей иллюстрации показаны два ракурса одной статуи, лучше сохранившейся (13 a-b). Оба памятника хранятся в Национальном музее в Афинах (823 и 824).

Илл. 25.

Мраморные статуи третьей четверти IV в. до н.э. из Афин.

Эти изображения можно считать появлением в Афинах «настоящего» северочерноморского образа скифов¹¹⁵. Фигуры одеты в до колен доходящие халаты типа кафтана с открытым спереди воротом, с длинными узкими рукавами, с ремнем на поясе и в длинные, довольно широкие штаны¹¹⁶. Одна из фигур, которая сохранилась лучше, показывает, что правой рукой лучник касается чехла для лука, в левой руке он держал, по-видимому, бронзовый лук (об этом свидетельствует круглое отверстие в ладони). Одежда этих скифов гораздо ближе иконографии северочерноморских изображений, нежели аттической вазописи. По-видимому, этому способствовали тесные контакты Афин с Северным Причерноморьем в IV в. до н.э.¹¹⁷

¹¹⁵ Б. Бэблер считает, что эти скульптуры “die skythische Tracht und Bewaffnung mit grosser Genauigkeit zeigen” (*Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen. S. 173*).

¹¹⁶ Я бы не согласился здесь с описанием Б. Бэблер штанов как “enge Hosen” (*Bäbler B. Fleissige Thrakerinnen. S. 175*).

¹¹⁷ Боспорские Спартокиды в IV в. до н.э. поставляли в Афины огромное количество зерна. Так, только в 356 г., по свидетельству Демосфена («Против Лептина», 31–32), они продали Афинам 400 000 медимнов зерна (16 380 т).

Таким образом, мне кажется, можно констатировать некоторую трансформацию облика скифов от Афин VI–V вв. до н.э. до Северного Причерноморья IV в. К такому же выводу приходит и С.А. Яценко: «... в целом анализ серии афинских изображений... демонстрирует *разительные отличия* костюмного комплекса персонажей от более позднего — скифского “классического” V–IV вв. до н.э.»¹¹⁸ (курсив автора).

Объяснений такой трансформации может быть несколько:

1. В VI–V вв. до н.э. скифы, которые присутствовали в Афинах, выглядели несколько иначе, чем скифы IV в., изображения которых происходят из Северного Причерноморья¹¹⁹, в том числе и потому, что в жарких Афинах они не могли носить одежду, соответствующую сравнительно холодному климату Северного Причерноморья¹²⁰. Правда, этому объяснению противоречит тот факт, что именно в афинских изображениях («в жару») все скифы носят теплые шапки (по Скржинской, они «напоминают наши ушанки»),

¹¹⁸ Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 59. Яценко считает, что этот костюм более свойствен так называемым «сакским» ираноязычным племенам и более того, «можно без особых сомнений говорить об отсутствии близкого этнического родства между “скифами” Северного Причерноморья двух эпох — VII–VI и V–IV вв. до н.э.»; второй период связан с приходом в Северное Причерноморье новой волны скифских кочевников (Там же. С. 50–51).

¹¹⁹ Ср.: Там же. С. 55 об «афинских скифах»: «Если это действительно скифы, то очевидно, что они быстро утратили некоторые, не обязательные в далеком и чужом большом городе традиции, связанные с национальной одеждой и прическами. Пешие стрелки часто изображаются *босыми* и немного реже — *не подпоясанными* (что для кочевников во все времена было не вполне прилично)».

¹²⁰ См., например: Vos M.F. Scythian Archers. P. 58 об изображении на афинских вазах «скифских лучников» обнаженными или в греческих хитонах: “Possibly in the hot Greek summers the barbarians themselves changed to Greek dress”; см. также p. 59: “...the Scythian dress, which is practical for nomadic horsemen in Scythia, but would be absurd in the hot Greek climate”; Скржинская М.В. Скифия. С. 217: «...в Греции летом в жару скифы, вероятно, отказывались от своей национальной, слишком теплой одежды». Ср. также: Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 60: «...у нас нет никаких оснований утверждать, что скифы, ставшие на многие годы жителями такого крупного города, как Афины, не могли (по своей воле или по воле афинских правителей) изменить частично тактику своего боя и экипировку (пеший бой во многих ситуациях; частое хождение босиком и т.п.)».

и это часто является единственным признаком «скифости», а в черноморских сюжетах («в холода») скифы, как правило, просто-волосы.

2. За век изменилась скифская мода — скифы стали иначе одеваться¹²¹ и отрастили бороды¹²².

3. «Афинские скифы» отражают облик скифов первой волны миграции в Северное Причерноморье, а более поздние черноморские изображения рисуют скифов, появившихся в результате второй волны миграции (теория «двух Скифий»)¹²³. Тем самым признается этнографическая точность и достоверность обеих групп памятников.

4. *A priori* предполагая, что изображения скифов в Причерноморье должны были быть более реалистичными¹²⁴, чем аттические, логично усомниться в портретном реализме изображения облика скифов в аттической вазопиcи. В таком случае правы оказываются «скептики», отказывающие аттическим «скифам» в их «скифости». Да и в самом деле, когда в полном «скифском» облачении высту-

¹²¹ Ср. цитированное выше высказывание М.В. Скржинской об остроко-нечной шапке, «к IV в. вышедшей из моды».

¹²² А.Ю. Алексеев, отмечая, что «ранние скифы носили усы и брили бороду, тогда как скифы времени Геродота (и позднее) как будто бы носили и усы и бороды», не берется достоверно судить, «что же именно отражает трансформация традиции изображения европейских скифов — просто ли изменение моды у одного народа или хотя бы частичную смену населения» (Алексеев А.Ю. Хронология Европейской Скифии. С. 175).

¹²³ Яценко С.А. Костюм древней Евразии. С. 51–54, 60, 107; развернутое обоснование этой теории со ссылкой на книгу С.А. Яценко см.: Алексеев А.Ю. Хронология Европейской Скифии. С. 168–193.

¹²⁴ С.А. Яценко говорит в этом случае о «достоверно скифских персонажах» (Костюм древней Евразии. С. 59–60). См. также: Русяева М.В. Золотой предмет ритуально-культурного назначения из кургана Передериева Могила // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Материалы научной конференции. СПб., 1999. С. 214 «о стремлении торевтов к этнографическому реализму, который ярко воплотился на многих изделиях и стал одной из характерных черт эллино-боспорского искусства». Ср. противоположную точку зрения «о стремлении (торевтов) — А.П. не столько передать реалии, сколько воспроизвести тип условного “фольклорного” скифа», высказанную Е.А. Савостиной в том же сборнике «дожиной страниц» ранее (Греческая торевтика на «скифские» темы: заметки о стиле скульптурного декора // Там же. С. 202).

пает сам Гектор в качестве «лучника» (см., например, на чернофигурной гидрии из Мадрида¹²⁵ — Илл. 26), то сомнительными кажутся попытки в каждом персонаже, одетом в пестрое трико и фригийский колпак, видеть скифа. Я считаю, что более убедительно выглядит эта последняя версия.

Илл. 26.

Чернофигурная гидрия из Мадрида (Гектор стоит первым слева).

* * *

Греческий философ и оратор Дион Хрисостом, посетивший в конце I в. н.э. Ольвию и описавший свои встречи с ольвиополиитами, однажды упоминает «варварский» наряд жителей города, а именно при описании одного из них — Каллистрата, который только что вернулся в Ольвию в полном вооружении и на коне после несения военной службы вне города (Orat. Borysth. XXXVI, 7):

Он был опоясан большим всадническим мечом, одежду его составляли шаровары и прочее скифское убранство (ἀναξυρίδας εἶχε καὶ τὴν ἄλλην στολὴν Σκυθικὴν), на плечах был небольшой тонкий черный плащ, какой обыкновенно носят борисфениты. И другая одежда у них по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое, как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов (пер. В.В. Латышева).

¹²⁵ № 10920. CVA. Espagne. 1. Madrid. 1. 1931. Pl. 10, 2. Подробнее об этом образе см.: *Иванчик А.И.* Кем были «скифские» лучники. I. С. 36–37.

Такое специальное внимание к необычному костюму всадника показывает, что он не был типичным и общераспространенным в жизни греческого города.

Конечно, «скифская» одежда у греков Северного Причерноморья отнюдь не литературный вымысел. Надгробные рельефы с изображением боспорян римского времени также показывают распространение среди греков кочевнического костюма (как правило, у вооруженных всадников), который включал в себя штаны типа персидских шаровар¹²⁶ (см. Илл. 27 с изображением всадников на погребальных рельефах из Пантикапея-Керчи первых веков новой эры).

Илл. 27.

Погребальные рельефы из Керчи первых веков н.э.

¹²⁶ См., например: *Блаватский В.Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. С. 44. Илл. 18, 20, 62, 63; *Давыдова Л.И.* Боспорские надгробные рельефы V в. до н.э. – III в. н.э. Каталог выставки. Л., 1990. Илл. 43, 45–52; *Соколов Г.И.* Искусство Боспорского царства. М., 1999. С. 375, 435 и илл. 265, 266, 268, 270, 312; *Kreuz P.-A.* Die Grabreliefs aus dem Bosporianischen Reich. Leuven; Paris; Walpole (Ma), 2012 (Colloquia Antiqua 6). Abb. 64, 65, 67, 74, 77, 78, 81, 89, 91, 94, 96 и многие другие.

Не стоит, однако, полагать, что такая одежда была повседневной, как кажется некоторым исследователям. Судя по рельефам и словам Диона, она использовалась в основном в зимнее время и только в коннице, перенявшей наряду с одеждой многие приемы ведения войны и типы вооружения у местной, более развитой конницы кочевнических племен¹²⁷. Такое заимствование греками форм одежды и оружия, наиболее пригодных для местного климата и приемов ведения войны с конными кочевниками, присуще, вероятно, любым периферийным городам, живущим в непривычных климатических условиях и в окружении местных племен¹²⁸. Кстати, штаны как скифская одежда упоминаются Геродотом (IV, 71) и Псевдо-Гиппократом (*De aere*. 22) именно в контексте их наездничества.

Описание костюма Каллистрата завершается упоминанием черного плаща и другой одежды черного цвета «по примеру одного скифского племени, которое, как ... кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов». Если учесть, что меланхлены впервые были упомянуты Геродотом и их локализация связана, как правило, с Восточным Приазовьем и Северным Кавказом, следует приписать происхождение черного цвета ольвийского костюма от племени меланхленов начитанности самого Диона¹²⁹.

¹²⁷ См.: *Горнчаровский В.А.* Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003. С. 32–47.

¹²⁸ См.: *Bäbler B.* Behoste Griechen im Skythenland: Erscheinungsformen und Wahrnehmung antiker Kultur in ihren Grenzbereichen // *Dion von Prusa. Menschliche Gemeinschaft und göttliche Ordnung: Die Borysthenes-Rede / Eingeleitet, übersetzt und mit interpretierenden Essays versehen von Heinz-Günther Nesselrath, Balbina Bäbler, Maximilian Forschner und Albert de Jong.* Darmstadt, 2003. S. 121. Б. Беблер совершенно справедливо указывает на необходимость приспособления греков к условиям своей новой страны, которые диктовались климатом, окружением и необходимостью часто пользоваться лошадьми.

¹²⁹ Уже Э. Миннз заметил это: «Дион выводит его [черный костюм] от меланхленов, которые никогда не жили где-нибудь поблизости от Ольвии» (*Minns E.H.* Scythians and Greeks. A Survey of Ancient History and Archaeology on the North Coast of the Euxine from the Danube to the Caucasus. Cambridge, 1913. P. 467). Подробнее об этом пассаже Диона см.: *Подосинов А.В.* Сведения Диона Хрисостома о варваризации Ольвии в I в. н. э. и данные археологии и эпиграфики // *Аристей. Вестник классической филологии и античной истории.* 2012. Т. VI. С. 161–162.

Глава 7

«СКИФИЯ» КАК ОБОЗНАЧЕНИЕ НЕСКИФСКИХ КУЛЬТУР

Мы уже отмечали, что «скифскими» назывались на протяжении всей античности не только собственно скифы, но и соседние с ними племена, проживавшие там одновременно со скифами.

Название «Скифия» после первого века нашей эры, когда самих скифов почти не оставалось, стало прилагаться к другим этносам, жившим в Северном Причерноморье — сарматам, аланам, готам, печенегам, болгарам, хазарам, наконец, к славянам, в частности, к русским.

Уже Помпоний Мела в I в. н.э. перечисляет, следуя Геродоту, почти все племена Скифии — аримаспов, эсседонов, агафирсов, савроматов (II, 2), при этом он называет и скифов, но только как аримаспов. В II, 4 он даже упоминает базилидов и номадов, которые у Геродота обозначали этнических скифов, но Мела не называет их скифами. Название «Скифия» звучит у Мелы всего два раза и именно в географическом смысле: при описании Борисфена, «великолепнейшей реки Скифии» (II, 6), и при упоминании Истра как границы между Скифией и остальными народами (II, 8). Мела, таким образом, одним из первых авторов зафиксировал момент, когда Скифия становится географическим традиционным названием Восточной Европы, хотя собственно скифов там географ практически не отмечает.

Традиционные, ставшие стереотипными, характеристики скифского уклада и образа жизни стали переноситься и на другие народы, появившиеся в Восточной Европе позже. Так, Аммиан Марцеллин рассказывает об аланах практически то же, что Геродот о скифах (XXXI, 2, 18–23):

(18) У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках

с изогнутыми покрывками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой [место], они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут, свои, так сказать, города, расположенные на повозках. На них мужчины соединяются с женщинами, на них рождаются и воспитываются дети; это их постоянные жилища, и, куда бы они ни пришли, то [место] и считают родным очагом. (19) Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми. Там есть вечнозеленые равнины вперемежку с рощами плодовых деревьев; поэтому, куда бы они ни переселялись, они не терпят недостатка ни в пище для себя, ни в корме для скота; это производит влажная почва и большое количество протекающих там рек. (20) Все, что по возрасту и полу непригодно для войны, держится около кибиток и занимается мирными делами; а молодежь, с раннего детства сроднившись с верховой ездой, считает позором ходить пешком; все они вследствие разнообразных упражнений являются дельными воинами...

(22) Как мирный образ жизни приятен людям спокойным и тихим, так им доставляют удовольствие опасности и войны. У них считается счастливым тот, кто испускает дух в сражении, а стариков или умерших от случайных болезней они преследуют жестокими насмешками, как вырождков и трусов; они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых. (23) У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют (пер. В.В. Латышева).

Конечно, можно сказать, что все номады Восточной Европы в основных своих чертах хозяйствования, в быту, в военном деле и других сферах жизни должны были иметь сходные характеристики. Тем не менее, совершенно очевидно использование Аммианом Марцеллином геродотовской традиции изображения скифов¹,

¹ См. также: *Ермолова И.Е.* Скифия в «Деяниях» Аммиана Марцеллина // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Мат-лы конф. 26–28 октября

ставшей основой любого изображения восточноевропейского варвара-кочевника.

7.1. Скифия и Сарматия

Как хорошо известно из литературных и археологических источников, начиная с III в. до н.э. в Северное Причерноморье вторглись орды сарматов, родственных скифам (они были также ираноязычными кочевниками). Под ударами сарматов территория Скифии сократилась до низовьев Днепра и Крыма. С этого времени сарматы стали военно-политической реальностью.

Римляне, столкнувшись на Дунайском лимесе с сарматскими племенами, предпочитали говорить уже не о Скифии, а о Сарматии. Название «Скифия» осталось в памяти греков, в том числе византийского периода, в большей мере, чем в римской.

Иосиф Флавий в своем сочинении «Об иудейской войне» (VII, 4, 3) таким образом сочетает имена скифов и сарматов:

Одновременно с упомянутым выше восстанием германцев² до римлян дошло [известие] о скифской дерзости. Те из скифов, которые зовутся сарматами, в большом числе тайно переправились через Истр в Мезию и потом, обрушившись с большой силой, вследствие совершенной неожиданности нападения, убивают многих из римлян, стоявших гарнизоном, и умерщвляют выступившего [им] навстречу и храбро сражавшегося консульского легата Фонтея Агриппу³; они пронеслись по всей побежденной стране, уводя и унося все, с чем ни встречались (пер. А.И. Малеина).

В этой связи замечательна ремарка «антиквара» Плиния Старшего, «задвигающего» древних скифов на дальнюю окраину Восточной Европы⁴ (NH 4, 80–81):

2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 34–36.

² Восстание германцев произошло в начале царствования императора Веспасиана около 69 года.

³ Фонтей Агриппа был в 58 г. *consul suffectus* вместе с Валерием Мессалой Корвином.

⁴ Ср. *Скржинская М.В.* Скифия в «Естественной истории» Плиния Старшего // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 97–101.

К северу от Истра (Дуная. — *А. П.*), вообще говоря, все племена считаются скифскими, но прибрежные местности занимали разные племена, то геты, у римлян называемые даками, то сарматы, или, по-гречески, савроматы, и из их числа гамаксобии, или аорсы, то небогатые, рабского происхождения скифы, то трогодиты, затем аланы и роксоланы... Агриппа⁵ сообщает, что вся эта область от Истра до Океана в длину — 1200 миль⁶, в ширину от пустынь⁷ Сарматии до реки Вистлы — 396 миль⁸. Название «скифы» постоянно переходило на сарматов и германцев. Это древнее наименование закрепилось только за теми, которые, будучи самыми дальними из этих народов, живут почти неизвестные остальным смертным.

Последняя фраза Плиния объясняет все последующие идентификации как «скифов» новых и новых народов, приходящих в Европу по евразийскому степному коридору.

Агриппа в качестве еще одной территориальной единицы к востоку от описанного только что региона и Днепра помещает Сарматиию вместе со Скифией Таврической (Хорография, 20):

Длина Сарматии, Скифии Таврики и всей области от реки Борисфен — 980 миль, ширина — 716, как сообщает М. Агриппа. (*Plin.* NH IV, 91).

⁵ О Марке Випсании Агриппе (63–12 гг. до н.э.) см. в I Главе, а также: *Daniel R. M. Vipsanius Agrippa*. Diss. Breslau, 1933; *Hanslik R. Agrippa 2* // RE. Bd. IX. A. 2. 1961. Sp. 1226–1275; *Подосинов А.В.* Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. С. 34–61 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁶ 1200 миль = 1776 км.

⁷ Как указывалось выше, слово «пустыня» (*deserta*) употребляется здесь в значении «безлюдная, ненаселенная оседлыми народами местность». До прихода сарматов эта «пустыня» называлась «скифской» или «гетской». *Deserta Sarmatiae* подразумевают, по-видимому, степи Северо-Западного Причерноморья между Дунаем и Днепром, населенные кочевниками, где их и локализируют древние авторы (ср., например: *Strabo*, VIII, 3, 14; 17).

⁸ 396 миль = 586 км. Й. Парч (*Partsch J.* Die Darstellung Europa's in dem geographischen Werke des Agrippa. Ein Beitrag zur Geschichte der Erdkunde. Breslau, 1875. S. 75) считает цифровые данные здесь безнадежно испорченными, в то время как Деглефсен (*Detlefsen D.* Ursprung, Einrichtung und Bedeutung der Erdkarte Agrippas. Berlin, 1906. S. 5–36) предполагает, что Плиний перепутал здесь местами длину и ширину региона. Подробное обсуждение этого текста Агриппы см. в издании его фрагментов в книге: *Подосинов А.В.* Восточная Европа. С. 54–56.

Описание этой области в таком же составе (Сарматия, Скифия, Таврика) в Div. 15, восходящем к «Хорографии» Агриппы, наглядно показывает, как Агриппа членил всю ойкумену на 24 региона. Несмотря на обычно большое доверие к данным Агриппы, Плиний в данном месте сразу после ссылки на Агриппу пишет: «я считаю измерение в этой части земли неточным», и оно, конечно, не могло быть точным, так как высчитывалось исходя более из умозрительных, теоретических соображений, нежели из фактических знаний. Новаторству Агриппы следует приписать обозначение северочерноморской территории не только как Скифии, как это было распространено в предшествующей литературе, но и как Сарматии — это уже реалия I в. до н.э.

Относительно понимания *Scythia Taurica* существует два мнения: часть исследователей рассматривает их как два самостоятельных топонима, другие видят в *Taurica* определение к *Scythia* (= Скифия Таврическая). Для последнего понимания есть серьезные исторические резоны: как уже указывалось, к I в. до н.э. северочерноморская Скифия под ударами сарматских племен резко сократила свою территорию и осталась практически в рамках Крыма и части Нижнего Поднепровья. Отождествление скифов с таврами было широко распространено у античных авторов этого и более позднего времени; для обозначения таврических скифов возник даже особый этноним «тавроскифы» или «скифотавры»⁹.

Понятие Сарматии как большой страны, расположенной восточнее Германии на пространстве от Балтийского моря до Истра, заменившее собой старое, столь же расширительное понятие Скифии, восходя ко времени Агриппы, встречается также у Помпония Мелы, хотя сам он представляет все несколько иначе. Так, между Германией и Сарматией Агриппа помещал еще Дакию. Мела ни разу не упоминает Дакию в своей «Хорографии», а вместо нее помещает Сарматию (ср. I, 19 и III, 25). Название *Sarmatia* впервые зафиксировано именно Мелой (III, 33–35):

Сарматия более широкая во внутренней своей части, чем у моря; отделенная от следующих [земель] рекой Вистулой, она,

⁹ Ταυροσκύθαι (Tauros kythae) — *Jul. Capit. Anton. Pius*, III, 9 9; *Treb. Poll. Val.* XXII, 4, 1; *Ptol.* III, 5, 11; Σκυθοταῦροι (Skythotauri) — *Plin. NH* IV, 85; *Arrian.* PPE 30. См.: *Соломоник Е.И.* Про значения термина «тавроскифи» // Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1962. Вып. XI. С. 153–157.

отступая назад [от побережья], тянется до реки Истр¹⁰. Народ [Сарматии] образом жизни и вооружением наиболее близок парфянскому, но нравы у них более суровые, как и более суров климат. 34. У них нет городов и даже постоянных мест жительства. В зависимости от пастбищ, а также от наступлений или отступлений врага, они передвигаются, живя постоянно в своих лагерях и перевоза с собой все свое имущество. [Народ] воинственный, свободолюбивый, необузданный и до того дикий и свирепый, что даже женщины у них воюют вместе с мужчинами. Чтобы они были более способны [к войне], им с рождения выжигают правую грудь¹¹. Вследствие этого руке при отсутствии груди удобнее наносить удары, а грудь становится мужской. 35. Девочки должны у них стрелять из лука, ездить верхом и охотиться; обязанность достигших зрелости девушек — убить врага, так что преступлением считается не убить никого, и это наказывается безбрачием.

Отметим, что описание нравов сарматов практически повторяет «Скифский логос» Геродота, относящийся именно к скифам.

Птолемей вообще не находит места ни скифам, ни Скифии в Восточной Европе. Вся эта территория изображена на двух картах — Европейской Сарматии и Азиатской Сарматии (напомню, что границей Европы и Азии считался Дон-Танаис). Вот как он рисует границы Европейской Сарматии (III, 5, 1–6) (см. Илл. 28, с. 202):

(1) Европейская Сарматия ограничивается на севере Сарматским океаном по Венедскому заливу¹² и частью неизвестной земли... (4) [Восточный] же предел Сарматии проходит по меридиану, проведенному через истоки реки Танаиса... (5) С запада Сарматия ограничивается рекой Вистулой, частью Германии, лежащей между ее истоками и Сарматскими горами, и самими горами, о положении которых уже сказано¹³.

¹⁰ Дунай как южная граница Скифии выступал еще у Геродота (IV, 99–101).

¹¹ Эта особенность приписывалась обычно амазонкам и савроматам, по легенде, происходившим от первых.

¹² Имеется в виду восточная оконечность Балтийского моря, возможно, Рижский залив.

¹³ О Сарматских горах (отроги Карпат) Птолемей писал в II, 11, 4.

(6) Южную границу составляют: язиги-метанасты¹⁴ от южного предела Сарматских гор... до начала горы Карпата¹⁵... и соседняя Дакия около той же параллели до устья реки Борисфена... (пер. И.П. Цветкова).

Илл. 28.

Карта Европейской Сарматии по Птолемию.

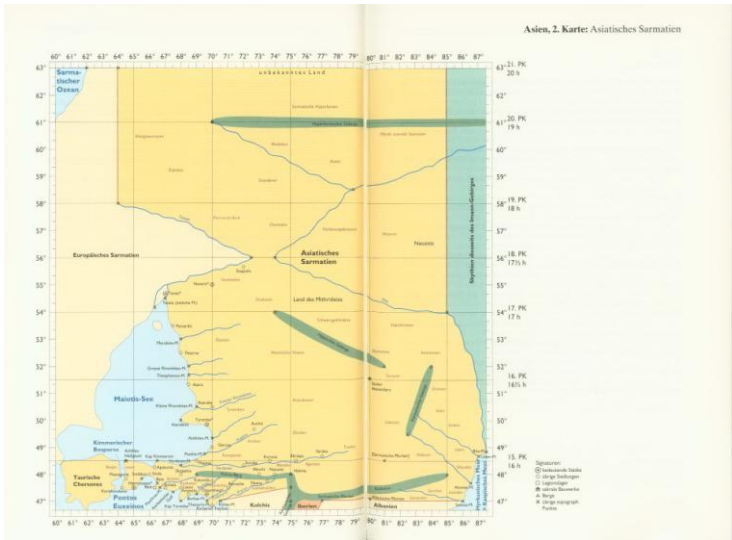
Азиатская Сарматия, по Птолемию, занимает территорию к востоку от Дона до реки Ра-Волги (V, 9, 1–12) (см. Илл. 29, с. 203):

(1) Азиатская Сарматия ограничивается с севера неизвестной землей¹⁶; с запада — Европейской Сарматией до истоков реки Танаиса и самой рекой Танаисом до впадения ее в Меотийское озеро, а также восточной частью Меотийского озера, от Танаиса

¹⁴ «Метанасты» по-гречески означает «бродячие, переселенцы». Языги — сарматское племя, дальше всех продвинувшееся на запад.

¹⁵ Это первое в географической литературе упоминание Карпатских гор.

¹⁶ Птолемей, таким образом, не доводит территорию Азиатской Сарматии до Северного океана, как это было с Европейской Сарматией.

Илл. 29.

Карта Азиатской Сарматии по Птолемию.

до Киммерийского Боспора... (7) С юга [Азиатская Сарматия ограничивается] частью Эвксинского Понта, [простирающейся] отсюда до реки Корака¹⁷, и пограничной чертой Колхиды, Иберии и Албании, [идушей] отсюда до Гирканского, или Каспийского, моря... (12) С востока [Азиатская Сарматия ограничивается начинающейся] отсюда частью Гирканского моря... [Она ограничивается также] и Скифией, [простирающейся] вдоль реки Ра¹⁸ до поворота, находящегося под 85° – 54° , и вдоль [идушего] отсюда меридиана до неизвестной земли (пер. П.И. Прозорова).

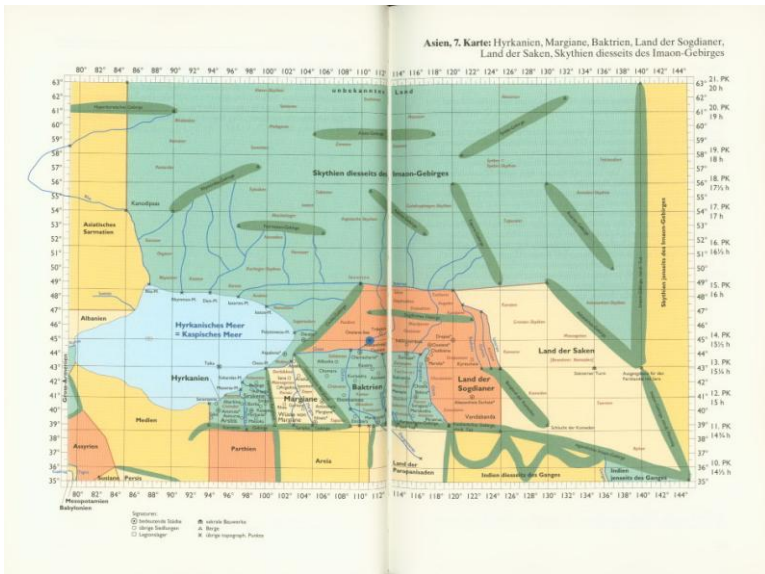
Как видно из последней фразы, Азиатская Сарматия граничит на востоке со Скифией. В соответствии со словами Плиния, что скифское наименование, сменившись на сарматское, «закрепилось только за теми, которые, будучи самыми дальними из этих наро-

¹⁷ Вероятно, эту реку следует отождествить с совр. рекой Кодор или Бзыбь.

¹⁸ Сведения Птолема о Волге-Ра являются самыми ранними в античной литературе.

дов, живут почти неизвестные остальным смертным», и, вероятно, не без влияния старого представления о том, что среднеазиатские номады родственны скифам, Птолемей помещает Скифию в Азии (в современном понимании). При этом некоторые традиционные, известные еще со времен Геродота, наименования «скифских» племен присутствуют на территории Птолемеевых Сарматий — гиперборей, амазонки, гиппоподы, меланхлены, гелоны и однажды даже скифы, но с добавлением (скифы-алауны).

Всю Северную Азию до Серики (Китая) занимают у Птолемея две Скифии — «до Имава» (см. Илл. 30) и «за Имавом» (см. Илл. 31, с. 205); под Имавом понимались, по-видимому, горы Тянь-Шаня.

Илл. 30.

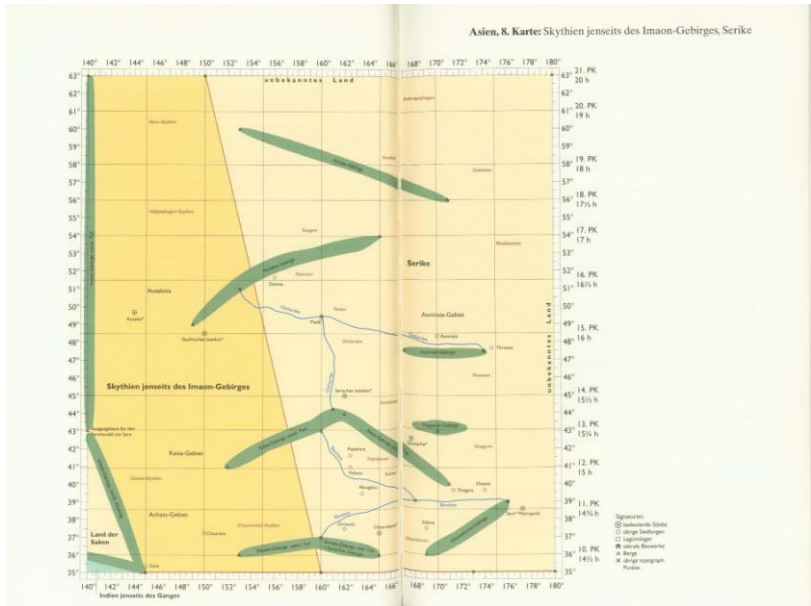
Карта Скифии «до Имава» по Птолемею.

Скифия занимает, таким образом, место в Северной Азии между Сарматией и Серикой (VII, 5, 2):

Часть нашей обитаемой земли ограничивается... с севера соединяющимся океаном, окружающим Бретанские острова и самые северные [части] Европы, так называемым Дукали-

донским и Сарматским, и неизвестной землей, прилежащей к самым северным странам Великой Азии, к Сарматии, Скифии и Серике (пер. А.И. Малеина).

Так кардинально Птолемей изгнал Скифию из Европы!

Илл. 31.

Карта Скифии «за Имавом» по Птолемию.

Такая локализация Скифии станет в Западной Европе после знакомства с наследием Птолея в начале XVI в. обычной в картографической практике.

7.2. Готы как скифы

В 238 г. н.э. на территорию Римской империи впервые напали готы, пришедшие в Северное Причерноморье с берегов Балтики. Сообщение греческого автора Дексиппа является одним из первых известий о готах. И вот как это событие отражено в его «Хронике»:

Фр. 14 Dindorf (= Capitolin. Max. et Balb.16). При них (при Максиме и Бальбине. — *А. П.*)¹⁹ карпы воевали с мисийцами²⁰; к тому времени относится начало скифской войны²¹ и разрушение Истрии²² или, как говорит Дексипп, Истрийской общины...

Фр. 16 (a Dindorf) (= Georg. Sync. P. 376a). Скифы, называемые готами, большой массой переправившись при Деции²³ через реку Истр, подвергли опустошению подвластную римлянам страну; они победили мисийцев, бежавших в Никополь²⁴. Выступивший против них Деций, как рассказывает Дексипп, перебил их тридцать тысяч, [но затем] был разбит в битве, так что потерял взятый ими Филиппополь²⁵ и множество фракийцев было перебито. При возвращении скифов в свои [пределы] этот самый Деций богоборец²⁶ [снова] напал на них, но был убит вместе с сыном ночью при Абрите²⁷ [или] так называемом Темброниевом форуме, и скифы возвратились [домой] со множеством пленников и добычи... (пер. В.В. Латышева).

Итак, готы нападают на римскую территорию, и эта война называется «Скифской». Более того, мы видим, что Дексипп в цитируемом тексте прямо идентифицирует готов со скифами («скифы, называемые готами»), еще дважды обозначив их как скифов. С этого времени стало традиционным называть готов скифами. Так, Евсевий Кесарийский рассказывает об императоре Констан-

¹⁹ То есть в 238 г. н.э.

²⁰ Жители римской провинции Нижняя Мисия (Мезия) на Нижнем Дунае.

²¹ Так называлась война с готами, см.: *Буданова В.П.* Этнонимия племен Западной Европы: Рубеж античности и средневековья. М., 1991. С. 81–84.

²² Истрия — греческий город в низовьях Дуная на месте совр. селения Истере.

²³ Кай Мессий Квинт Траян Деций — римский император (249–251 гг.), погибший в сражении с готами в июне 251 года.

²⁴ Никополь у Неста, основанный Траяном в память о своих дакийских победах, расположен в среднем течении реки Нест около совр. болгарского города Готце Делчев.

²⁵ Филиппополь, основанный Филиппом I Македонским в 341 г. до н.э., находится на месте совр. болгарского города Пловдив.

²⁶ Деций был известен своими преследованиями христиан, начатыми в 249 г. (см.: *Euseb. Hist. eccl. VI, 41, 9–10*).

²⁷ Укрепление в Малой Скифии на Нижнем Дунае.

тине, что тот «первый возложил иго власти на скифов и савроматов, не привыкших к рабству, и заставил их против воли признать римлян своими господами»²⁸, при этом известно, что речь идет именно о готах²⁹. Наверняка, готов имел в виду Евсевий, когда писал (Prepar. evang. I, 46, 6):

... Обычай всех народов, даже тех, которые прежде были дикими и варварскими, облагорожены... только из Его (Христа. — А. П.) слов и распространившегося по всей вселенной учения его; так, ни принявшие его учения персы не вступают в браки с матерями, ни скифы не едят людей благодаря дошедшему и до них слову Христа... (пер. В.В. Латышева).

Итак, только христианство избавило варваров (= скифов) от их жестокости и дикости.

Известно, что на I Вселенском Соборе в Никее в 325 г. присутствовал и «епископ скифский», под которым принято понимать Феофана Готского³⁰.

Филосторгий (368–440) в «Церковной истории» II, 5 под 337 г. упоминает епископа готов Ульфилу, который «из живших за Истром скифов (которых древние [называли] гетами, а [наши] современники называют готами) переселил на римскую [землю] большое количество людей, изгнанных с родины за благочестие». Он же в XI, 8 рассказывает о некоем Трегибальде, который был «родом скиф из так называемых ныне готов; ибо эти скифы делятся на множество разных племен».

Прямо о Скифии как стране, где живут готы и давны (даки?), говорит Эпифаний (IV в. н.э.): «Скифией древние обыкновенно называют всю северную страну, где живут готы и давны»³¹.

Зосим во второй половине V в. в «Новой истории» в подробнейшем рассказе о нападениях готов на восточнопонтийские, малоазийские, иллирийские, эллинские и италийские города называет

²⁸ *Евсевий*. О жизни блаженной памяти василевса Константина 4, 5.

²⁹ См., например: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2010. Т. II: Византийские источники / Сост. М.В. Бибиков. С. 18.

³⁰ *Евсевий*. О жизни блаженной памяти василевса Константина III, 7; *Сократ*. Церковная история I, 8; см.: Древняя Русь. Т. II. С. 17.

³¹ *Эпифаний*. О 12 камнях, вставленных в наперснике [перво]священника 234а.

их почти везде скифами. Однажды он раскрывает их этнический облик, перечислив готов, боранов, уругундов и карпов (I, 27). В другом месте (I, 42) он упоминает скифов, которые, соединившись с герулами, певками и готами, собрались у реки Тиры (совр. Днестр). В третьем (IV, 25) он называет среди «живших выше Истра скифов» готов и таифилов. В любом случае под скифами здесь следует понимать германские племена Восточной Европы, возглавляемые готами. Именно на скифов-готов напали только что появившиеся в северочерноморских степях гунны (IV, 20).

Вслед за греческими авторами римские писатели тоже называли готов скифами. Так в сборнике “*Scriptores historiae Augustae*” Юлий Капитолин в биографии «Два Галлиена», 5 сообщает:

... Когда Валериан³² был в плену... готы, или скифы (*Gothi sive Scythae*), имя которых, как сказано выше, придано готам, заняли Фракию, опустошили Македонию, осадили Фессалонику... 6. Между тем скифы, то есть часть готов, опустошали Азию³³. 11. ...Скифы вторглись в Каппадокию. Там они взяли города и долго вели войну с переменным успехом, а затем направились в Вифинию... 13. ... Между тем скифы, переправившись на судах через Эвксин, вошли в Истр и причинили много бедствий в римских пределах... Произошло сражение близ Понта, и варвары были побеждены византийскими вождями. Также и в морской войне готы потерпели поражение под предводительством Венериана³⁴... Тогда скифы опустошили Кизик и Азию, затем всю Ахайю. ... Между тем Галлиен... выступил против готов, блуждавших по Илирику, и случайно истребил очень многих. Получив известие об этом, скифы, сделав укрепление из повозок, попытались бежать через гору Гессак. Затем Маркиан в войне, веденной с переменным счастьем, всех скифов [изгнал] ...³⁵, что возбудило всех скифов к восстанию (пер. В.В. Латышева).

Чередование скифского и готского этнонимов в рассказе Юлия Капитолина весьма показательно.

³² Валериан — римский император в 253–259 гг., отец Галлиена, попал в 259 г. в персидский плен и вскоре был казнен.

³³ Вторжение готов в Малую Азию произошло в 257 году.

³⁴ Битва произошла, по-видимому, в 267 году.

³⁵ В тексте лакуна.

Требеллий Поллион (Div. Claud. 6) после рассказа о готах таким образом перечисляет «скифские» племена:

Наконец, разные скифские народы, именно: певки, грутунги, автроготы, тервинги, визы, гипеды, а также кельты и ерулы, каждая добычи, вступили в Римские пределы и произвели там сильное опустошение... (пер. В.В. Латышева).

Не совсем понятно, кого имел в виду Синесий, автор конца IV — начала V в., когда он сетовал³⁶:

Всякий мало-мальски зажиточный дом (у ромеев. — *А. П.*) имеет скифского раба; и столярник, и пекарь, и водонос у каждого скиф, и из числа свиты носящие на плечах низкие складные стульчики для того, чтобы господам можно было садиться на улицах, — все скифы, так как это племя искони признано способным и наиболее достойным служить римлянам (пер. В.В. Латышева).

Возможно, Синесий вспоминает и напоминает о том, как когда-то скифы были предметом работорговли (выше упоминались скифы — государственные рабы в Афинах, исполнявшие функции полицейских), однако Синесий говорит о современной ему действительности³⁷, и кто эти рабы-скифы, если не готы, не ясно.

Наименование готов скифами, таким образом, продолжило традицию рассматривать все племена Северного Причерноморья как скифские. Несомненно, наряду с географическим фактором здесь свою роль играло также противостояние варвара и цивилизованного римлянина и та опасность, которую несли с собой новые орды для римской цивилизации. Хорошо об этих сменяющих друг друга врагах римлян сказал Амвросий Медиоланский (Expos. Ev. Luc. XXI, 9): «Хунны восстали на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сармат. Даже нас изгнания готов сделали в Иллирике изгнанниками из отечества, и еще нет конца» (пер. А.И. Малеина).

В начале V в. Павел Орозий рассказывает о страшном разорении Италии в 405–406 гг. готами под руководством «язычника и скифа» Радагайса (Hist. VII, 37, 4–5):

³⁶ *Синесий*. О царской власти к императору Аркадию 15.

³⁷ В другом месте Синесий опять говорит еще раз о современных ему рабах-скифах: «... И у меня, и у многих других в городе есть рабы скифы, носящие длинные волосы по скифскому обычаю» (*Синесий*. Похвала плешивости 13).

Радагайс, самый страшный из всех древних и теперешних врагов, внезапно напал и наводнил всю Италию; говорят, что в его народе было более двухсот тысяч готов. Этот, сверх того, что он имел невероятное множество людей и неукротимую доблесть, был язычник и скиф. Он, как это в обычае у такого рода варварских племен, обещал всю кровь римского рода выпить в честь своих богов (пер. Г.Г. Зоргенфрея).

7.3. «Скифы» как обозначение кочевых и оседлых народов Восточной Европы в послеевангельское время

Как выше не раз отмечалось, уже в античности «скифами» могли называть и другие народы, появлявшиеся в степях Восточной Европы. Этот стереотип часто встречается в византийской и западноевропейской литературе, которая касалась этой части Европы.

7.3.1. Византийская традиция

Континуитет культурной и государственной традиции, существовавший в Восточной Римской империи, которая плавно, без особых катаклизмов, переродилась в то, что мы сейчас называем Византией, обусловил долгую традицию именования византийскими авторами Восточноевропейского региона Скифией, а его жителей — скифами³⁸. Большую роль в распространении и удержании этой «скифской» традиции играла ученая антикизация и архаизация, свойственная многим византийским интеллектуалам.

О «скифской» принадлежности гóтов мы уже говорили в предыдущем разделе. Но и прочие народы могли называться скифами. Так, апостол Андрей проповедовал христианство «в Скифии»³⁹, а Константин Великий «покорил всю Скифию, лежащую к самому северу и разделенную на множество разных варварских наро-

³⁸ Бибииков М.В. BYZANTINOROSSICA. Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. I. С. 31: «... Традиционным при описании “варварского” мира в византийской историографии становится еврипидовская тема вероломства, коварства “скифов” и — одновременно — геродотовский мотив их нравов, наивности, неспорченности “цивилизацией”». См. также: Бибииков М.В. К изучению византийской этнонимии // Византийские очерки. М., 1982. С. 148–159; Бибииков М.В. «Скифы» в византийской традиции // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 13–16.

³⁹ Евсевий. Церковная история III, 1.

дов»⁴⁰. Понятно, что за этими «Скифиями» могли скрываться самые различные земли и народы Черного моря.

По мнению Аполлинария Сидония, ужасное племя гуннов вышло из «Скифской земли», там, «где падает с Рифейских скал белый Танаис, несущийся с Гиперборейских гор, под осью Медведицы» (Carm. II, 235–298).

Киррский епископ Феодорит, живший в первой половине V в., в своей «Церковной истории» (V, 36) сообщает о царе гуннов Роиле (или Руасе, или Руе) как о владыке скифов:

...Роил, предводитель кочевых скифов, перейдя через Истр с огромнейшими полчищами, грабил и опустошал Фракию и грозил осадить, немедленно взять и разрушить царственный город... (пер. В.В. Латышева).

Приск Панийский (V в.), рассказывая об истории гуннов, повествует о съезде гуннов в 434 г. у города Марг, куда «собрались и царские скифы» («Готская история», 1). Приск упомянул их и в другом месте, назвав имена их предводителей — Басих и Курсих, когда рассказывал о пробе сил в борьбе гуннов с Мидией (8), и в IV, 14, описывая дары Аттилы — коней и звериные меха, «которыми украшаются царские скифы». Вероятно, под «царскими скифами» понималась правящая верхушка гуннов, дружина Аттилы, которая выполняла те же функции, что и «царские скифы» Геродота, (IV, 20) и «язиги-сарматы, так называемые царские» Страбона (VII, 17). Любопытно в этой связи рассуждение Зосимы, описывающего вторжение на территорию скифов (= готов) нового народа (Nov. hist. IV, 20):

Их называли уннами (= гуннами); остается неизвестным, следует ли называть их царскими скифами, или признать за тех курносых и бессильных людей, которые, по словам Геродота, жили по Истру, или они перешли в Европу из Азии (пер. В.В. Латышева).

В «Стратегиконе» Маврикия под скифами, чье военное дело описывается весьма подробно, подразумеваются евразийские гунно-тюркские кочевники, о чем говорят позднейшие уточнения в тексте⁴¹.

⁴⁰ *Евсевий*. О жизни блаженной памяти василевса Константина 1, 8.

⁴¹ См.: *Шувалов П.В.* Разные псевдо-скифы в «Стратегиконе» Маврикия // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 111–116.

Прокопий Кесарийский в VI в. в трактате «О постройках» (7, 16–18) пишет, что он собирается рассказать о постройках «в стране скифов», чтобы сделать «эти места свободными от нападений и злоумышлений славян». Здесь он различает, как мы видим, скифов и славян. Под скифами он, вероятно, понимает местное население Крыма — давнего места пребывания таврических скифов (тавроскифов), страдавших от набегов славян. Интересно, что в другом своем произведении — «Воине с готами» — он прекрасно отдает себе отчет в архаичности имени «скифы» (IV, 5):

По ту сторону Меотийского Болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы... значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов. В прежние времена они назывались также скифами, так как все те племена, которые занимали эти местности, назывались общим именем скифов; некоторые из них назывались савроматами, меланхленами («чернонакидочниками») или каким-либо другим именем (пер. С.П. Кондратьева).

С появлением в Северном Причерноморье славян и варягов, проводивших агрессивную политику и составлявших угрозу Византии, скифами начали именоваться и они. В византийских источниках X в. иногда встречается применительно к руси наименование *οἱ βόρειοι Σκύθαι* — «северные скифы»⁴².

Никита Давид Пафлагон в начале X в. в «Житии Игнатия» (21, 14–19) сообщает о походе руси на Константинополь, который совершил «...запятнанный убийством более, чем кто-либо из скифов, народ, называемый Рос, по Эвксинскому Понту»⁴³. В «Хронографии» Продолжателя Феофана (около 950 г.) говорится о «набеге росов (это скифское племя, необузданное и жестокое), которые опустошили ромейские земли, сам Понт Эвксинский предали огню и оцепили город»⁴⁴. Имеется в виду осада византийской столицы в июне 860 года.

Лев Диакон во второй половине X в. в «Истории» описывает сложные взаимоотношения Византии с русским князем Святославом (Сфендославом), который оказывается вождем росов в Ски-

⁴² Бибииков М.В. BYZANTINOROSSICA. С. 541.

⁴³ Древняя Русь. Т. II. С. 135.

⁴⁴ Там же. С. 177.

фии, которых Лев Диакон называет то скифами, то тавроскифами, то таврами; см. например (V,1):

... Тем временем, пока император совершал все это в Сирии и в Византии, патрикий Калокир, посланный к тавроскифам по его царскому приказу, прибыл в Скифию, завязал дружбу с катархонтом тавров (Сфендославом = Святославом. — *А. П.*), совратил его дарами и очаровал лстивыми речами — ведь все скифское племя необычайно корыстолюбиво, в высшей степени алчно, падко и на подкупы, и на обещания... (пер. М.М. Копыленко).

Иоанн Скилица (вторая половина XI в.) в «Синописе» назвал Святослава Игоревича (Сфендослава) «правителем Росии», но далее он часто называет росов скифами⁴⁵.

Позже пришла очередь называться скифами новым «варварам» — тюркоязычным народам, появившимся в Северном Причерноморье, — печенегам и половцам.

Иоанн Киннам (вторая половина XII в.) в I книге своей «Истории» под 1121–1122 гг. говорит о переходе через Дунай скифов, под которыми все комментаторы понимают печенегов, а в III книге под 1148 г., говоря о «скифах», он имеет в виду уже куманов-половцев⁴⁶.

Подводя итоги рассмотрения византийских представлений о северных скифах как варварах, процитирую вывод, сделанный М.В. Бибиковым: «...значащими элементами “варварского” мира оказываются отсутствие и дискретность общественной стратификации, оцениваемой как бессистемность социального устройства..., бедность и невежество..., невоздержанность..., воинственность и жестокость..., порождающая многочисленные сопоставления мира “варваров” с миром диких зверей..., неизменные орудия быта и военного снаряжения... и одновременно экзотическая чистота и девственность человеческих отношений, отмечаемая в других случаях, идиллическое миролюбие и беззаветная веселость...»⁴⁷.

⁴⁵ Там же. С. 219–233.

⁴⁶ Там же. С. 253, 258. Точно так же Никита Хониат под 1122 г. называет скифами печенегов, а под 1155 г. — половцев (Там же. С. 276, 279).

⁴⁷ Бибиков М.В. «Скифы» в византийской традиции. С. 15–16.

Таким образом, можно заметить, что представления о скифах, как и о других северных варварах, в Византии были во многом продолжением античной традиции.

7.3.2. Западноевропейская средневековая традиция

Такой же антикизирующей и архаизирующей учености обязаны упоминания скифов и Скифии в литературной традиции западного средневековья, в которой были тесно переплетены греко-римские и библейские географические данные. Наиболее популярны в это время были труды Плиния, Солина, Саллюстия, Макробия, Феликса Капеллы, Юлия Гонория, Курция Руфа, Юстина и других⁴⁸.

Большую роль в сохранении и передаче последующим векам античного историко-географического наследия сыграл Павел Орозий, чей труд «Истории против язычников» (начало V в.) дал изложение истории человечества от сотворения мира до времени жизни автора. При этом он использовал массу древних источников и в тех частях своей истории, где речь шла о древних временах, в большой степени придерживался старых, ставших стереотипными, представлений, в том числе, об этногеографии Восточной Европы; в рассказах же о недавних событиях он сочетал древнюю номенклатуру с более актуальными данными. Так, описывая страны в Северной Европе с востока на запад, он упоминает только Аланию, Дакию (она же и Готия) и Германию. Место Скифии, таким образом, заняла Алания, что было актуально для первых веков новой эры. В другом же месте он называет аланов, гуннов и готов «скифскими» племенами (VII, 34, 5):

Феодосий энергично напал на те великие скифские племена, наводившие ужас на всех предков, которых избегал даже Александр Великий, как свидетельствовали Помпей и Корнелий, теперь же, по уничтожении римского войска, отлично снабженные римскими лошадьми и оружием, именно аланов, гуннов и готов, и победил их во многих больших сражениях (пер. Г.Г. Зоргенфрея).

⁴⁸ Подробный анализ традиционных данных о Восточной Европе в западноевропейских литературных и картографических источниках XII–XIII вв. см.: *Chekin L.S. Lower Scythia in the Western European Geographical Tradition at the Time of the Crusades // Harvard Ukrainian Studies. 1991. Vol. 15. 3/4. P. 289–339.*

Знает Орозий и о переходе скифского этнонима в сарматский, когда пишет, что Константин Великий «уничтожил храбрейшие и многочисленные племена готов в самом лоне варварской земли, то есть в стране сарматов» (VII, 28, 29).

Лионский епископ Евхерий в середине V в. в I книге «Наставлений» указывает, в согласии со своими греческими коллегами, что апостол «Андрей умягчал проповедью скифов» (3).

Иордан, который в VI в. написал историю готов, дошедших в своем движении из Скандинавии до Северного Причерноморья, дает вполне архаическое описание уже давно не существующей здесь Скифии (Гетика, 31):

... Скифия, вытягиваясь в длину и развертываясь в ширину, имеет с востока серов, живущих у самого ее начала на берегу Каспийского моря; с запада — германцев и реку Вистулу; с севера она охватывается океаном, с юга — Персией, Албанией, Иберией, Понтом и нижним течением Истра, который называется также Данубием от устья своего до истока (пер. Е.Ч. Скржинской).

Описав границы Скифии (а это вся Восточная Европа от Германии до Каспийского моря), Иордан начинает перечислять с запада на восток ее племена (33–37): «В Скифии первым с запада живет племя гепидов»; далее следуют даки, венеты (склавлены и анты), видиварии, эсты, акациры, болгары, гунны. А где же в Скифии сами скифы? Их нет, но есть Скифия, понимаемая как территория Восточной Европы. Поэтому о готском короле Германарихе, покорившем во второй половине IV в. н.э. многие племена Восточной Европы, Иордан мог с полным правом сказать (120): «Он властвовал, таким образом, над всеми племенами Скифии и Германии как над собственностью».

В картине мира Равеннского анонима, сочинившего около 700 г. «Космографию», нашлось место и для Скифии, и для Сарматии (I, 12):

В шестом часу ночи находится страна скифов⁴⁹, откуда вышел род склавинов⁵⁰; но и † ититы и † химабы тоже вышли из

⁴⁹ Географические приметы этой «страны скифов» (*patria Scytharum*) позволяют локализовать ее на севере континентальной Европы за Дунаем к востоку от Дании и к западу от Вислы.

них⁵¹. Позади находится океан, недоступный для судоходства. В седьмом часу ночи находится страна сарматов. Из этой страны вышло племя карпов⁵², которое имело склонность и способности к ведению войн; за этой страной — недоступный для судоходства океан... В десятом часу ночи находится огромная, тянущаяся на большое расстояние пустыня, которая называется пустынной <и древней> Скифией; перед ней, или же сбоку, обозначают племя газов⁵³.

В одном месте Равеннский аноним называет Скифию «Великой» (IV, 1):

В доле же Яфета, сына Ноя, которую философы назвали Европой, располагаются следующие страны: страна, которая называется Скифией и представляет собой, в основном, пустыню. Ее называют также Великой Скифией.

Упомянутое здесь название «Великая Скифия» (*Scythia Maior*) имеет своим истоком, по-видимому, «Гетику» Иордана, который в одном месте пишет, что территория Балканской Мезии, «восприняв имя от Великой Скифии (*a Magna Scythia*), ныне называется Малой Скифией (*Minor Scythia*)» (Get. 62). Считается, что до Иордана никто в античной литературе не знает названия «Великая Скифия»⁵⁴. Однако в византийских источниках термин «Великая Скифия» (Μεγάλη Σκυθία) встречается уже в IV в. в сочинении «О двенадцати камнях» епископа Епифания Кипрского, в сокра-

⁵⁰ Склавины Равенната, несомненно, то же, что упоминаемые Иорданом «склавлены» (Get. 34, 35, 119: *Scлавени*). Более того, указываемая Иорданом локализация склавенов между Новиетуном, Мурсианским озером, Днестром и Вислой (Get. 35) вполне согласуется с локализацией Скифии, откуда вышли склавины, в Равеннской «Космографии».

⁵¹ Рукописные «титить» и «химабы», не засвидетельствованные иными источниками, восстанавливаются большинством исследователей как «анты и венеды», неоднократно упоминаемые Иорданом также в сочетании с именем «склавины».

⁵² О карпах ср. *Iord. Get.* 91, откуда, Равеннат, по-видимому, заимствовал это известие.

⁵³ Под «газами» следует, очевидно, понимать «хазаров». Тогда это первое упоминание в Европе хазар.

⁵⁴ Подробнее см.: *Медведев А.П.* «Великая Скифия»: Критический анализ одного из понятий современной скифологии // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 64–67.

щенном виде включенном в сочинение «Вопросы и ответы» (Псевдо)-Анастасия Синаита в VII в. и переведенном в VI в. на латинский язык епископом Факундом.

Очевидно, эти тексты стали источником позднейших понятий «Великая Свитьод» древнескандинавских текстов⁵⁵ и «Великая Скуфь» древнерусских летописей⁵⁶. Уже в этногеографическом введении к «Повести временных лет» (XI–XII вв.) летописец сообщает, что территория, где жили славянские племена поляне, древляне, северцы, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, тиверцы, живущие по Бугу, Днестру и Дунаю, греками называлась «Великой Скуфью» («σα зваху ῶ Греκὴν Велиκαῆν Скуфῆν»). Так, скифская тема из греческой архаизирующей геополитической номенклатуры вошла в интеллектуальный обиход Древней Руси.

* * *

Одним из самых значительных авторитетов для всего западного средневековья во многих отраслях сохраненного культурного и научного знания античности был Исидор Севильский (около 560–636 гг.) — архиепископ Севильи, последний латинский отец церкви и основатель средневекового энциклопедизма⁵⁷. Его перу принадлежит произведение «Этимологии» или «Начала» — энциклопедия из 20 книг по всем отраслям знания, которая на протяжении всего средневековья была основой образования и источником разных сведений. Для самого Исидора таким источником была античная литература энциклопедического характера — труды Варрона, Цицерона, Саллюстия, Феста, Плиния Старшего, Сервия, Лактанция и других авторов.

Для нас большой интерес представляют тома IX («О языках, народах, царствах, военном деле, гражданах и семейных отношениях») и XIV («География»). Энциклопедия Исидора интересна нам не из-за обилия каких-то новых знаний (это компиляция из работ других авторов), а самим составом этих знаний, поскольку

⁵⁵ См. ниже в Главе 10.

⁵⁶ Подробнее см.: *Щавелев А.С.* От позднеантичного хоронима Μεγάλη Σκυθία к древнерусскому летописному этнохорониму «Великая Скуфь». Обзор текстов // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 117–125.

⁵⁷ См. о нем: *Уколова В.И.* Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М., 1989. С. 207–283.

именно из этого произведения много веков черпали свои знания о Восточной Европе западноевропейские писатели.

Перечислим главные сюжеты «скифской» истории, упомянутые Исидором:

Сами скифы, как и готы, происходят от мифического Магога (IX, 2, 27 и XVI, 3, 31).

Первым царем скифов был некий Тан, по которому была названа река Танаис, текущая с Рипейских гор, разделяющая Европу и Азию и впадающая в Понт Эвксинский (XIII, 21, 24).

Бактрийцы — скифы, бежавшие с родины (IX, 2, 5 и 43).

Парфяне равным образом — выселившиеся из Скифии скифы, о чем свидетельствует скифская этимология слова «парфы» (*parthi*) — «изгнанники» (IX, 2, 44 и XIV, 3, 9).

Массагеты — племя также скифского происхождения (IX, 2, 63).

Скифским племенем являются и жители Албании, живущие в Малой Азии (?), происходящие от Ясона и рождающиеся с белыми волосами; серо-голубые зрачки их глаз позволяют им лучше видеть ночью, чем днем (IX, 2, 64).

В Скифии живут панотии (существа с длинными ушами, покрывающими все тело) и гиппоподы — существа с лошадиными ногами (XI, 3, 19 и 25).

Северный океан называется «Скифским» (XIII, 15, 2 и XIV, 3, 29).

Скифия когда-то простиралась от Индии до Германии и от Дуная до океана; позже ее границы сузились, и она тянулась от Восточного (Серского) океана до Каспийского моря (XIV, 3, 31).

В Европе первой страной с востока является Нижняя Скифия (*Scythia inferior*), простирающаяся от Меотийских Болот между Дунаем и Северным океаном вплоть до Германии; из-за варварства ее обитателей она называется также Барбарикой (*Barbarica*); у Меотийских болот находится Алания, затем Дакия, где и Готия, а затем Германия (XIV, 4, 3).

Во Фракии, которая занимала огромную территорию между Пропонтидой, Истром, Македонией и Эгейским морем, некогда (*olim*) жили бессы, массагеты, сарматы, скифы и другие многочисленные народы (XIV, 4, 6).

Вместе со скифами воюют их жены (VIII, 11, 50).

Скифские женщины основали царство амазонок (IX, 2, 62).

Среди скифских племен есть такие, кто возделывает землю, которая бывает там плодородной, а есть и такие, кто живет в дикости, поедая человеческую плоть и кровь (XIV, 3, 32).

В Скифии больше, однако, пустынных земель, в которых много золота и драгоценных камней; их стерегут грифы, поэтому они недоступны человеку (XIV, 3, 32).

В Скифии водятся также ляпис-лазули (кианеи) и чистейший хрусталь, отдающий голубишной или имеющий вкрапления сверкающего золота, и самый благородный в мире изумруд (из 12 существующих типов) (XIV, 3, 32 и XVI, 7, 2; 9, 7).

Гора Кавказ, простирающаяся от Индии до Тавра, везде называется по-разному, а самая высокая часть, расположенная к востоку, называется из-за белизны снега «Кавказом», так как на восточном языке (*orientali lingua*) «кавказум» (*Caucasum*) означает «белый», то есть покрытый толстым снегом. Прилегающие к Кавказу скифы называют его «Кроакасим» (*Croacasim*), так как «казим» (*casim*) означает у них белизну или снег (XIV, 8, 2).

В Скифии находятся также Гиперборейские горы, названные так потому, что «за» (*super, id est ultra*) ними дует Борей (XIV, 8, 7).

Большинство этих «скифских» сюжетов мы уже встречали выше у других античных и раннесредневековых авторов — они составляют стандартный набор характеристик скифской природы, географии и нравов. Некоторые же нуждаются в комментарии.

Так, версия происхождения скифов и готов от Магога заимствована из Библии (Быт 10, 2), где Магог выступает как второй сын Иафета и родоначальник некоторых народов, в частности, скифов; так считал еще в I в. н.э. Иосиф Флавий (*Jud. Ant.* I, 6, 123: «Магог поселил названных по его имени магогов, которых эллины называют скифами»; см. также: *Ieronim. Lib. hebraic. quaest. in genesim*, XX, 2; *Ps.-Eucher. Comm. in genesim*, X, 1). Присоединение готов к роду Магога произошло, по-видимому, в результате отождествления готов и скифов.

Сведения Исидора о первом скифском царе скифов Тане перекликаются с сообщением Помпея Трога о скифском царе Танае (*Tanaos*), который в своих походах будто бы доходил до Египта

(*Just.* I, 1, 4), и с легендой Псевдо-Плутарха о Танаисе, сыне Бероса и одной из амазонок, который от несчастной любви бросился в Амазонскую реку, и она с тех пор стала называться его именем (*Ps.-Plut. De nomin.* XIV, 1).

Этимологические изыскания Исидора по поводу названия Кавказа явно имеют своим истоком фразу Плиния Старшего: «Скифы же сами [называют] ... гору Кавказ — Кроукасисом, то есть “белоснежным” (“*Scythae ipsi... Caucasum montem Croucasim [appellavere]*”» (NH VI, 50). Вероятно, заимствование из Плиния произошло все же через посредство Гая Юлия Солина, который в первой половине III в. н.э. скомпилировал многие данные Мелы и Плиния и пользовался большой популярностью в средние века (см. о Кроукасисе: *Collect.* XLIX, 6).

Упоминание Исидором фантастических панотиев и гиппоподов восходит к описанию Помпония Мелы (III, 56):

Я нахожу не только в баснях, но и у авторов, которым не зазорно следовать⁵⁸, что на этих [островах]⁵⁹ живут ... гиппоподы с лошадиными ногами и панотии, которым одеянием служат только большие, обволакивающие все тело уши, — другой одежды у них нет.

Гиппоподов (греч. Ἴπποπόδες — букв. «лошадиногогие») упоминают также Дионисий Перизетт (310), Юлий Гонорий (29), Плиний (NH IV, 95) и Солин (XIX, 6–8). Предполагают, что под этим именем могут скрываться северные лапты, передвигавшиеся по снегу на лыжах, что могло повлиять на возникновение образа лошадиногогих людей⁶⁰. *Panotios* означает по-гречески «всеушный». Их упоминают в близком Меле контексте также Плиний и Солин.

Что касается минералов, добываемых в Скифии: лапис-лазури (*cyaneus lapis*), хрусталя (*crystallus purissimus*) и изумруда (*smaragdus*),

⁵⁸ Ф. Гизингер (*Gisinger F. Pomponius Mela // RE. 1952. Bd. XXI. 2. Sp. 2381*) предполагает здесь в качестве источника Ксенофонта Лампсакского — греческого географа III в. до н.э., которого упоминает в рассказе об этой местности Плиний (NH IV, 95).

⁵⁹ Острова в Балтийском море напротив сарматов.

⁶⁰ *Svennung J. Skandinavien bei Plinius und Ptolemaios. Kritisch-exegetische Forschungen zu den ältesten nordischen Sprachdenkmälern. (Scrifter utgivna av K. humanistiska vetenskapssamfundet i Uppsala. 45). Uppsala, 1974. S. 13.*

то источником Исидора здесь был, по-видимому, Плиний⁶¹, посвятивший несколько книг своей «Естественной истории» минералам, драгоценным металлам и камням:

XXXIII, 161: Лазурь — это песок. Ее исстари существовало три вида: египетская — наиболее ценная; скифская, которая легко растворяется и при растирании принимает четыре оттенка — более светлый и более темный, более густой и более слабый; и еще кипрская, предпочитаемая ей⁶².

См. также XXXVII, 65:

Их [изумрудов] двенадцать видов: самые благородные — скифские, названные по тому племени, где их находят. Ни у каких [других] нет более глубокого цвета и меньше всего изъянов. Насколько изумруды стоят выше драгоценных камней, настолько скифский [выше] прочих изумрудов... 119: о «киане», который несколько выше из-за голубого цвета был присоединен к разряду яшм. Наилучший — скифский, затем — кипрский, наконец — египетский...

Интересно географическое расположение Скифии у Исидора. Он фиксирует три исторические стадии в распространении скифской территории: сначала она простирается от Индии до Германии, позднее от Дальнего Востока до Каспийского моря (то есть лежит в Азии, как у Птолемея), затем он описывает ее почти в Геродотовых границах — от Меотиды до Дуная, хотя уже и в обновленном варианте, зафиксированном Агриппой, Мелой и Плинием: не просто до Дуная, а до Германии, да еще и до Северного океана, как у Птолемея.

Как и многие римские авторы (см. выше), Исидор уже не видит в современной ему «Скифии» этнических скифов. Об этом говорит чередование областей Скифии — Алании, Дакии, Готии, а также обобщенное название Скифии — «Барбарика», в которой

⁶¹ Ср.: *Solin. Collect.* XV, 28–29.

⁶² Сообщение Плиния о лазури (*caeruleum*, греч. κίανος) представляет пересказ сведений Феофраста (*De lapid.* VIII, 31, 37–58), который выделял такие же три вида этого минерала и отдавал также предпочтение кипрскому. Речь идет об азурите, основном карбонате меди, или о ляпис-лазури (подробнее см.: *Таронян Г.А.* Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., предисл. и примеч. М., 1994. С. 217–219).

существует множество варваров (см. выше подобную же картину Европы у Павла Орозия).

Примечательно название этой Скифии — «Нижняя» (*inferior*). Античные авторы, в частности, Птолемей, могли членить территорию Сарматии (которая заняла место Скифии в Северном Причерноморье) на Азиатскую и Европейскую, располагая последнюю к западу от Дона и Меотиды, а Скифию в Азии на «Скифию до Имава» и «Скифию за Имавом». Если первое членение было безразличным к позиции наблюдателя, то второе уже предполагало взгляд с запада на восток. Что же могла означать у Исидора «Нижняя» Скифия?

В рамках классической системы ориентации «нижняя (*inferior*)» и «верхняя (*superior*)» части страны обычно означали (совершенно некартографически), соответственно, ее прибрежную область и область, лежащую в глубине материка⁶³. Так, например, «Нижней Германией (*Germania inferior*)» называли северную, приморскую часть Германии, а южную, далекую от моря, — «Верхней Германией (*Germania superior*)»⁶⁴. В случае с «Нижней Скифией» едва ли можно предположить, что здесь имелась в виду Скифия, прилегающая к Черному морю, в отличие от некоторой другой, «материковой», хотя бы потому, что Исидорова Скифия простирается от Дуная до Северного океана (“*a Maeotidis paludibus incipiens inter Danubium et Oceanum septentrionalem usque ad Germaniam porrigitur*”), и севернее ее не может быть другой — «Верхней» — Скифии.

Можно предположить иной — картографический — взгляд на расположение Скифии. Как известно, средневековые карты были ориентированы на восток⁶⁵ и, соответственно, некоторые области могли обозначаться «выше» по карте, то есть восточнее, а некоторые — «ниже», то есть западнее. Тогда «Нижнюю Скифию» Иси-

⁶³ См.: Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. М., 1978. С. 31. *Он же*. Из истории античных географических представлений // ВДИ. 1979. № 1. С. 153.

⁶⁴ Существовали также Верхние и Нижние Сирия, Египет, Македония, Мавретания, Галатия, Фригия и др.

⁶⁵ См.: Подосинов А.В. Ориентация древних карт: (С древнейших времен до раннего средневековья) // ВДИ. 1992. № 4. С. 64–74.

дора можно понимать как «Западную» (Европейскую), с (в данном случае молчаливым) признанием существования Азиатской (в духе Птолемея) Скифии, которая могла называться «Верхней». Напомним, что во многих местах «Гетики» старшего современника Исидора Иордана исследователи уже давно усматривают использование восточноориентированной карты⁶⁶.

На средневековых картах мира часто отмечается «Скифия Нижняя»⁶⁷. Такая надпись есть на Оксфордской Т-О карте XI в., на которой нет изображений, а все пространство карты занимает текст. В Азии между Бактрией и Гирканией упомянута Скифия (*Scithia*), а в Европе самой первой на востоке — Нижняя Скифия (*Scithia inferior*)⁶⁸. Так же и на Ватиканской псевдо-исидоровой карте начала IX в., на которой большинство легенд почерпнуто из Орозия и Исидора, встречаются обе Скифии — просто Скифия в Азии и Нижняя Скифия в Европе⁶⁹. На Мюнхенской карте XII в. нет азиатской Скифии, но в Северном Причерноморье присутствует *Scitia inferior*⁷⁰. На Псалтырной карте XIII в. в Азии названа *Sithia superior*, там же *Sithia inferior*, а в Европе просто *Scicia*⁷¹. На картах с изображением апостолов XI–XII вв. есть обе Скифии — *superior* в Азии и *inferior* в Европе⁷².

Интересно, что в «Орозии короля Альфреда» (конец IX в.) Скифия к востоку от Каспийского моря называется «Старой» Скифией (*ealda Scipbia*), а к западу — просто Скифией⁷³.

⁶⁶ См.: Иордан. О происхождении и деяниях гетов. Примеч. 36, 48–49, 84, 102, 106: «Иордан имел перед глазами карту, ориентированную на восток. Поэтому, глядя на восток, он, конечно, определил северный склон Карпат как левый (“sinistrum latus”»).

⁶⁷ См.: Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999.

⁶⁸ Там же. С. 57.

⁶⁹ Там же. С. 115–118.

⁷⁰ Там же. С. 123.

⁷¹ Там же. С. 132.

⁷² Там же. С. 164–165.

⁷³ См.: Матузова В.И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 19.

* * *

О том, как «работало» наследие Исидора в последующие века, можно судить по труду Бартоломея Английского (первая половина XIII в.) «О свойстве вещей» (“*De proprietatibus rerum*”) — энциклопедии, состоящей из 19 книг, содержащих сведения из самых разных областей средневековой науки⁷⁴. Источниками Бартоломея были Аристотель, Геродот, Плиний Старший, Павел Орозий и, конечно, Исидор Севильский. Вот как выглядит текст некоторых фрагментов энциклопедии Бартоломея⁷⁵:

2. Гиперборейскими горами называются горы Скифии, ибо за ними восток Борей, как говорит Исидор в книге XIV⁷⁶... Многие земли Скифии плодородны, но и многие необитаемы. Ведь, хотя во многих местах горы Скифии (Скифии. — *A. II.*) изобилуют золотом и драгоценными камнями, доступ к ним людей почти закрыт из-за свирепости грифов. В этих горах (таятся) наилучшие смарагды, и чистейшие кристаллы поступают из гор Скифии⁷⁷.

7... Первая же часть Европы — нижняя Скифия, которая, начинаясь от Меотийских озер, тянется между Данубием и Северным океаном до Германии, как говорит Исидор в книге XV⁷⁸. И эта земля из-за варварских народов особо называется Барбарией, а всего народов, как говорит Орозий, 54⁷⁹. Среди них первой является Алания, протянувшаяся до Меотийских озер⁸⁰.

⁷⁴ Публикацию фрагментов латинского текста энциклопедии, содержащих информацию о Восточной Европе, а также их русский перевод и комментарий см.: Матузова В.И. Английские средневековые источники. С. 69–96.

⁷⁵ Нумерация и перевод фрагментов В.И. Матузовой.

⁷⁶ Ср. *Isid. Etym.* XIV, 8, 7: “Hyperborei montes Scythiae dicti, quod supra, id est ultra eos flat Boreas”.

⁷⁷ Ср. *Isid. Etym.* XIV, 3, 32: “Scythiae plures terrae sunt locupletes; inhabitabiles tamen plures, nam dum in plerisque locis auro et gemmis affluent, gryphorum inmanitate accessus hominum rarus est. Smaragdis autem optimis haec patria est: cyaneus quoque lapis et crystallus purissimus Scythiae est”.

⁷⁸ На самом деле в XIV.

⁷⁹ См. *Oros.* I, 53: “sunt gentes LIII”.

⁸⁰ Ср. *Isid. Etym.* XIV, 4, 3: “Prima Europae regio Scythia inferior, quae a Maeotidis paludibus incipiens inter Danubium et Oceanum septentrionalem usque ad Germaniam porrigitur; quae terra generaliter propter barbaras gentes, quibus inhabitatur, Barbarica dicitur. Huius pars prima Alania est, quae ad Maeotidis

Итак, Бартоломей, аккуратно пересказывая (переписывая) Исидора, упоминает также Нижнюю Скифию. Кажется, у Бартоломея наконец-то проясняется значение эпитета «нижний». В нескольких местах его энциклопедии звучит удивительный глагол «спускаться, нисходить, опускаться» (*descendere*) по отношению к европейской территории от Скифии до Испании и Галлии:

5. ... Европа начинается от реки Даная (Дона. — *A. П.*), нисходя (*descendens*) к западу по Северному океану, и простирается до самых границ Испании.

7. О Европе пишет и Орозий⁸¹, говоря, что области и народы Европы начинаются у Рифейских гор и Меотийских озер, расположенных на востоке, нисходя (*descendentes*) к западу по побережью Северного океана до самой Галлии, Бельгии и реки Рена, которая находится у Океана ... Исидор же в книге XV говорит, что она (Европа) начинается у реки Танаис, нисходя (*descendens*) к западу по Северному океану до самых границ Испании...⁸².

Заметим, что ни у Орозия, ни у Исидора не встречается выражения «нисходя — *descendens*» в описании Европы⁸³ (у Орозия нет и «Нижней Скифии»). Бартоломей вставляет это слово в цитаты из их произведений, домысливая значение слова «нижний». Возникает вопрос — если Восточная Европа по отношению к Западной находится выше, то как могло получиться, что Скифия — самая восточная часть Европы — называется «Нижней»? Объяснение дают два следующих текста Бартоломея:

13. Паннония — это провинция Европы, которая, некогда занятая гунами, от этого народа в просторечии названа Унгарией.

paludes pertingit; post hanc Dacia, ubi et Gothia; deinde Germania, ubi plurimam partem Suevi incoluerunt”.

⁸¹ Ср. *Oros.* I, 52: “A montibus Riphæis ac flumine Tanai Maeotisque paludibus, quae sunt ad orientem, per litus septentrionalis oceani usque ad Galliam Belgicam et flumen Rhenum, quod est ab occasu, deinde usque ad Danuvium, quem et Histrum vocant, qui est a meridie et ad orientem directus, Ponto accipitur...”.

⁸² *Isid.* Etym. XIV, 4, 3; текст см. выше.

⁸³ Правда, однажды, объясняя античные названия Адриатического и Тирренского морей как «Верхнее (*Superum*)» и «Нижнее (*Inferum*)», Исидор говорит прямо, что восток (с Адриатикой) выше, чем запад (с Тирренским морем): “... a positione coeli ut Superum et Inferum mare, quod sit oriens superior, occidens inferior” (Etym. XIII, 16, 7).

И она, по Орозию, двойная, то есть Великая и Малая⁸⁴. Ибо великая находится в *верхней (Ulterior) Сирии* (Скифии. — А. П.), расположенной за Меотийскими озерами, откуда гуны в (поисках) мест охоты впервые вышли...

20. Сифия — огромная область. *Ее верхняя (superior) часть расположена в Азии, а нижняя (inferior) — в Европе*. И эта нижняя (Скифия), начинаясь между Меотийскими озерами и Северным океаном, тянется до самой Германии, как говорит Исидор в книге XIV. Первой частью ее является Алания, затем — Меотийские озера, затем — Готия, Датия, Реция затем — Германия.

Теперь все встает на свои места. «Верхняя (или Дальняя) Скифия», по Бартоломею, находится в Азии, за Меотийскими озерами; из нее когда-то действительно вышли гун(н)ы (или венгры-угры). Становится понятным название «Нижняя Скифия», коль скоро поверхность земли понижается с азиатского востока к европейскому западу. Мне неизвестны другие тексты в средневековье, где понятия «Верхняя» и «Нижняя» Скифии были бы столь же четко объяснены.

Причин такого восприятия расположения Скифии и «понижения» поверхности земли с востока на запад может быть три: 1) локализация на востоке Евразии высоких гор (Кавказа, Тавра, Гиперборейских, Рифейских и других горных массивов); 2) восточная ориентация карт, при которой Азия расположена «выше» Европы (см. об этом выше); 3) непосредственное географическое ощущение жителя Западной Европы «ближе» расположенной местности как находящейся «ниже», при этом «дальше — (*ulterior*)» = «выше».

Интересно в этой связи, что Бартоломей, дважды упоминая «Верхнюю Скифию», дает разные эпитеты: в 13-м фрагменте — *ulterior*, в 20-м — *superior*. Последнее название вполне логично как противопоставление Скифии «нижней (*inferior*)»: *superior* и *inferior* всегда выступают парой. Слово же *ulterior* я бы не стал переводить как «верхняя», так как оно обычно выступает в связке с *citerior*, и оба они означают «ближняя» и «дальняя»⁸⁵. Таким образом, Барто-

⁸⁴ У Орозия нет ни названия Унгарии, ни деления ее на Великую и Малую.

⁸⁵ Так, были известны *Citerior* и *Ulterior* Испания, Азия, Индия; их значение определялось позицией наблюдателя, см.: Подосинов А.В. Картографический принцип. С. 27.

ломей «проговаривается» — для него «Нижняя Скифия» является «Ближней», а значит, третий вариант объяснения тоже присутствует в логике Бартоломея.

Как бы то ни было, античные «Европейская Скифия (Сарматия)» и «Азиатская Скифия (Сарматия)» теперь могли называться «Нижней» и «Верхней» Скифией⁸⁶.

Заметим также, что в 10-м и 11-м фрагментах Бартоломей называет Литву (*Lectonia*) и Ливонию (*Livonia*) «провинциями Скифии» (*provinciae Scythiae*) — новые имена в старой упаковке!

Известный хронист конца IX – начала X в. Регинон записывает в своей «Хронике» под 889 г., что из Скифии под давлением печенегов вышли венгры, прибывшие позже в Паннонию. Описание Скифии здесь строится на текстах Юстина и Павла Диакона⁸⁷. Итак, снова в Скифии живут и из Скифии выходят народы, никак не связанные со скифским этносом.

* * *

Ученое исидоровское изображение Скифии попало даже в поэтические сочинения средневековья. В стихотворной на старофранцузском языке «Хронике герцогов Нормандских» Бенуа де Сент-Море (около 1175 г.) дается описание Европы такого содержания⁸⁸:

257 В начале моего сочинения
Мне нужно рассказать,
Как расположена Европа,
260 Отделенная от других частей [света]...
264 Я могу вполне правдиво рассказать вам то,
Что первая область,
Упоминание о которой и чье название я нашел,
Это Сис, называемая нижнею (*Sice la basse*, то есть
Скифия Нижняя. — *А. П.*),
И она начинается и сосредоточена
У Меотийских озер,
270 Которые полны великих чудес...
282 И она очень большая, а не маленькая,

⁸⁶ См. также: *Chekin L.S. Lower Scythia*. P. 289–339.

⁸⁷ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. IV: Западно-европейские источники / Сост., пер., коммент. А.В. Назаренко. С. 45.

⁸⁸ *Матузова В.И. Английские средневековые источники*. С. 241.

- В ней достаточно племен и народов.
 Они многочисленны и чрезвычайно жестоки:
 285 Живут там ситы (*li Sit i sunt*), вольный народ,
 Близ болот и озер,
 Где много страшных чудес...

* * *

Завершая это краткое рассмотрение «скифской» темы в западноевропейском средневековье, сошлюсь на один показательный случай: в 1051 г. французский король Генрих I женился на Анне, дочери киевского князя Ярослава Мудрого, а в Вандомских анналах XII в. под этим годом имеется следующая запись: «Генрих, король французский, взял в жены рыжую скифянку (*Scithicam et Rufam*)»⁸⁹. А.В. Назаренко полагает, что *Rufam* написано, вероятно, по недоразумению вместо *Rus(s)am*. В любом случае, с точки зрения анналиста, Русь находилась в Скифии!

* * *

Названия «Сарматия» и «сарматы» так же, как и все «скифское», надолго пережили собственно сарматский этнос; так, например, в Польше и в Украине в XVI–XVIII вв. существовало этнокультурное движение «сарматизм», в рамках которого шляхта возводила свое происхождение к сарматам, отделяя тем самым себя от славян и литовцев. Сарматизм включал в себя особый род одежды (жупан), манеры, искусство (сарматский портрет) и архитектуру. Географически и исторически такое понимание Сарматии восходило к труду Птолемея, который локализовал ее как раз в этих местностях (см. выше). Примечательно, что в 1677 г. турецкий султан, назначая Ю. Хмельницкого гетманом в Немирове, даровал ему также титул князя (властителя) Сарматийского, что должно было означать признание автономности его страны⁹⁰.

* * *

В этой связи стоит также упомянуть сочинение польского историка и географа Матвея Меховского (1457–1523) «О двух Сар-

⁸⁹ Древняя Русь. Т. IV. С. 102, примеч. 6.

⁹⁰ Флоря Б.Р. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. С. 582–587.

матиях»⁹¹, где он рассматривает современную ему историю Восточной Европы и, в частности, Руси.

«В предисловии и первой главе Трактата автор ставит себе задачей кратко описать, открыть науке и миру страны, в его время именовавшиеся, по Птолемию, Сарматией Европейской и Сарматией Азиатской, то есть территории Восточной Европы между Вислой и Доном, с одной стороны, и между Доном и меридианом Каспийского моря, с другой»⁹².

В трактате упоминаются более двадцати античных и средневековых авторов от Геродота до Флавия Блонда. Матвей, практически первым в западноевропейской историографии дал читателям актуальные сведения об этом регионе, энергично протестуя против фантастических сведений древних авторов о Восточной Европе, отвергая их рассказы о блаженных гиперборейцах, аримаспах и грифонах, о двухголовых и одноглазых людях, о песьеголовых, об ужасах зимы, о Рифейских и Гиперборейских горах, приводя при этом русские названия тех рек, которые все знали из Птолемея⁹³ (Введение):

Множество писателей в своих изысканиях и открытиях изобразило весь свет, но Сарматии, как неизвестные, они обошли молчанием и пропустили. У тех же, кто позаботились хоть что-нибудь об этих странах оставить потомству в своих сочинениях или стихах, говорится неясно и (вследствие древности) все темно, как в полночь. Еще более недопустимо то, что они от себя прибавили много выдумок и запутанных, никуда не годных басен. Так, будто бы за Сарматиями у Северного океана находятся Елисейские поля: климат там самый мягкий, жизнь вечная, полная мира и всякой прелести; когда же по истечении многих столетий людям там надоест скучная старость, они бросаются с утесов в океан, чтобы утонуть и избежать полной старости. Затем там же предполагали место рождения амброзии, сладкой на вкус и благоуханной: ею будто бы, как в раю, подкрепляются местные жители. Там же будто бы в безмерном

⁹¹ Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. Первое издание: Tractatus de duabus Sarmatiis Asiana et Europiana et de contentis in eis. Cracoviae, 1517.

⁹² Аннинский С. Предисловие // Матвей Меховский. Трактат. С. 10.

⁹³ Дитмар Б. Трактаты о двух Сарматиях Матвея Меховского // Землеведение. 1928. Вып. 30. 4. С. 63–75.

множестве есть и золото, веселящее сердце человека, но рыть и уносить его мешают страшные хищные птицы — гриффы: они нападают на людей и коней, поднимают их на воздух и сбрасывают вниз. Далее, говорят, что там звезды, солнце, луна и прочие светила всегда остаются на небе и непрерывно светят, делая погоду мягкой и приятной. Все это — сплошные выдумки, в действительности не существующие ни там, ни где бы то ни было.

Современные очковтиратели (*frapatores*) полагают, что страшный татарский народ, живущий в степях Азиатской Сарматии, живет там искони, от начала веков, а между тем это новый и пришлый народ, переселившийся в Сарматию Азиатскую с востока около трехсот лет тому назад или немного больше, а до тех пор неизвестный. Об этом я скажу в начале моего сочинения. Утверждали также, что в тех северных областях находятся известнейшие в мире горы Рифейские и Гиперборейские, а из них вытекают не менее славные реки, описанные и воспетые космографами и поэтами: Танаис, Борисфен Большой и Малый и величайшая из рек Волга.

Все это далеко от истины, и нелишним будет, основываясь на опыте (всеобщем учителе), опровергнуть и отвергнуть это, как невежественное и непроверенное сообщение. Мы знаем и своими глазами видим, что вышеупомянутые три реки (действительно крупные), Борисфен, Танаис и Волга, начинаются и текут из Московии, а Малый Борисфен, называемый у Аристотеля Гипанисом или иначе Малым Борисфеном, берет начало в верхней Руссии, а затем впадает в Большой Борисфен, соединяясь с ним. Что там нет гор, называемых Гиперборейскими, Рифейскими и Аланскими, это мы точнее точно знаем и видим, как и то, что вышесказанные реки возникли и имеют истоки на равнине.

Вот почему, ученейший владыка⁹⁴, я хочу самым правдивым образом рассказать твоему преподобию и об этом и о многом другом, что есть в Сарматиях.

В XV–XVIII вв. на западноевропейских географических картах название «Скифия» постепенно сменяется на название «(Ве-

⁹⁴ Матвей обращается во Введении к Станиславу Турсону, епископу Ольмуцскому.

лика) Тартария», «выступая в некоторой степени синонимом и коррелятом образа Скифии»⁹⁵.

* * *

Что же касается «скифской» темы, то следует несколько слов сказать о труде Андрея Лызлова «Скифская история», написанном в 1692 году.

Лызлов, русский дворянин, получил хорошее образование, знал польский и латинский языки. В книге использованы русские летописи, материалы из различных архивов (в том числе польских и литовских), а также античных и современных ему авторов (см. в конце его оглавления: «Книги историй, от них же сия История сочинися и написася: Степенная, Хронограф, Синописис, Летописец, История, жития святых. Бороний, Плиinius, Курций Квинт, Длугош, Меховский, Кромер, Стрийковский, Бельской, Гвагнин, Ботер»⁹⁶).

В самом начале Лызлов, вспоминая две античные этногенетические легенды происхождения скифов, вписывает в географию Скифии, наряду с легендарными народами античности, также и современные народы — русских, татар и др.:

Глава первая. Диодор Сикулюс, историк вельми старовечный, иже писал книги о деяниях разных народов во время кесаря Августа, поведает скифом начало имети от Скифа, первого князя их, рожденнаго от Еови и девицы. Иже бяше до пупа человек, останок же его наподобие б змии обретается, такожде и матерь Скифову, самородно из земли своая произведшуся. О сем иныя летописцы сумневаются и глаголют, что бы то за дивы были? [Ибо о таковых, кроме Мелюзины морской, не обретается.] И мнят повесть то быти лживую или басни в себе содержащую. Иныя историки глаголют, яко Скифия названа есть от Скифа, сына Геркулесова, и есть двояка: едина европейская, в ней же мы жителствуем, тоест москва, россиане, литва, волохи и татарове европския. Вторая ассийская, в ней же вси скифския народы обитают, от полунощи на восток сидящая. Сии ассийския скифи премного разплодишася и раз-

⁹⁵ См.: *Замятин Д.Н.* Образ Скифии: Пространство и наследие // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 41.

⁹⁶ *Андрей Лызлов.* Скифская история / Отв. ред. Е.В. Чистякова. Подг. текста, коммент. и аннот. список имен А.П. Богданова. М., 1990. С. 7.

личными именованиями прозвашася. Едини тауресы, иже у горы Таурус жителствуют, инии агатырси, еще эсседони [иже родителем своим вместо земли в себе чинили погребение, ибо мертвых их ядыху] и массагеты, арисмани, сакеви или саги. Сии вси скифийские народы бяху потаени и незнаеми греком и латинником. Границы же скифийския з запада от реки Дону [а Ботер, описатель всего света, полагает от Волги, еже и приличнее имать быти]. Навосток солнца до пределов хийских, иже со Индию. С полудня от моря Меотскаго, то есть Азовскаго, и Каспийскаго, то есть Хвалисскаго. На полночь даже до океана скифийскаго Ледоватаго⁹⁷.

Лызлов, таким образом, повторяет идею о двух Скифиях — Европейской и Азиатской, распределяя там древние и новые народы и отдавая дань античной литературной традиции о Скифии.

⁹⁷ Там же. С. 8–9.

Глава 8

ОБРАЗ СКИФИИ В АНТИЧНОСТИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя историю литературной традиции о Скифии как стране, расположенной в Восточной Европе и Северном Причерноморье, можно следующим образом охарактеризовать образ этого региона, сложившийся к концу античности в представлении образованного человека, хотя основные его черты были выработаны греками в VII–V вв. до н.э.

Скифия — это в принципе малоизвестная часть ойкумены, находящаяся на крайнем севере. Она ограничивалась, в представлении античных географов и историков, с севера Ледовитым океаном (чисто умозрительная граница, обусловленная теоретическим постулатом об опоясывающем сушу Океане), с востока — рекой Танаис (Доном), затем Меотийскими болотами (Азовским морем) и Киммерийским Боспором (Керченским проливом). Южной границей ее служил Понт Эвксинский (Черное море). На севере Скифии и всей Восточной Европы локализовались так называемые Рифейские (или Рипейские) горы, которые тянулись в широтном направлении (возможно, искаженное представление об Урале). Предполагалось (например, Аристотелем), что с этих гор берут свое начало и текут на юг великие реки Танаис (Дон), Борисфен (Днепр), Гипанис (Южный Буг) и некоторые другие (позже стала известна Волга — Ра). Впрочем, существовала также «озерная» теория их истоков (Геродот).

Климат в «Скифии» считался чрезвычайно холодным и едва пригодным для проживания, здесь постоянно шел снег. За Рифейскими горами шесть месяцев длилась ночь и шесть месяцев день. «Скифские холода» стали нарицательными для характеристики этого региона.

Далеко на севере у Рифейских гор греки и римляне размещали мифические народы «блаженных» гипербореев и воинственных амазонок, южнее — одноглазых аримаспов, аримфеев и исседонов. Далее, ближе к Северному Причерноморью жили уже лучше знакомые античному миру скифские и сарматские племена, рано пришедшие в соприкосновение с античной цивилизацией. «Скифия» как топоним, покрывающий собой всю территорию Восточной Европы, со временем сменилась на «Сарматия» благодаря вытеснению скифских племен сарматскими, произошедшему в последних веках до новой эры. Среди скифов различали племена царских скифов, скифов-земледельцев, близкие им племена агафирсов, невров, андрофагов (антропофагов), меланхленов и некоторых других. С сарматским этносом связывали древних савроматов, собственно сарматов, аорсов, сираков, роксоланов, аланов и других. В Крыму (Херсонесе Таврическом) жили тавры, на берегах Азовского моря — меоты, синды и другие племена. Позже в Северном Причерноморье появились готы, гунны и славяне (склавины, венеды, анты).

Параллельно со Скифией реальной очень скоро в сознании античного человека возникает Скифия как символ кочевнической Евразии. Были выработаны основные характеристики скифов, которые потом будут почти автоматически переноситься на все новые и новые орды кочевников Евразии, появляющиеся в поле зрения античных и средневековых авторов: они — кочевники, живущие в кибитках и не имеющие городов, питающиеся молоком и мясом скота, очень воинственны (даже их женщины) и потому непобедимы, жестоки, коварны и нецивилизованны, то есть скиф выступал как варвар *par excellence*. С другой стороны, очень рано получил развитие и иной — идеализирующий — взгляд на скифаварвара и скифа-кочевника: они простодушны, лишены жажды наживы, мудры, самоотверженны, верны дружбе и клятве и т.д. Примечательно, что обе характеристики просуществовали много столетий параллельно одна другой. Легенды рассказывают, что выходцами из Восточной Европы были гиперборей Абарис и скиф Анахарсис, почитавшиеся в древней Греции мудрецами и изобретателями многих вещей. Весьма рано складываются своего рода клише в описании скифов-варваров, воспроизводящиеся далее на протяжении многих веков как стереотипные топосы «варварства»

вообще, даже если они противоречили реальным сведениям о том или ином народе.

Когда в последние века до новой эры в степях Северного Причерноморья скифов сменили сарматы, а затем появились готы и гунны, несущие смерть и разорение северным пределам античного мира, этот регион стал восприниматься как источник появления на свет все новых и новых враждебных античной цивилизации «варварских» народов. Пришедшие сюда позже славянские, тюркские, финно-угорские, монгольские народы еще долго (вплоть до Нового времени) могли называться скифами (или сарматами), что было проявлением архаизирующей традиции.

Античному человеку было известно также о существовании в Северном Причерноморье на границе со Скифией очагов античной цивилизации — около двух десятков греческих городов, среди которых самыми известными были Фанагория, Пантикапей, Херсонес, Ольвия, Тира. Эта узкая прибрежная полоска античной культуры казалась далекой периферией ойкумены. Жителей этих греческих городов считали подверженными сильной варваризации.

С Восточной Европой образованные греки и римляне связывали и целый ряд широко известных в античности мифологических сюжетов, имен и событий, среди которых заметное место занимали скифы. Таковы, например, миф о прикованном на Кавказе («в далекой скифской стране») Прометее, сказание о походе аргонавтов в Колхиду за золотым руном, сюжет о крымском царстве таврского царя Тоанта, жрицей которого была дочь Агамемнона Ифигения, и о прибытии в Крым Ореста, брата Ифигении, и его друга Пилада, предание о посмертной жизни Ахилла в Северном Причерноморье и т.д. Эти сюжеты много раз разрабатывались античными писателями, поэтами, живописцами, философами, этнографами и были известны каждому более или менее образованному человеку.

Таким в целом был образ Восточной Европы в сознании античного человека, унаследованный многими поколениями европейцев и с трудом изживавшийся уже в Новое время.

Тем не менее, образ Скифии и скифов на протяжении веков, постепенно трансформируясь, приобретал все новые символические значения. Интересно, что и в России он оказался востребованным даже в XIX–XX вв. Как отмечают исследователи, «не-

смотря на очевидный анахронизм, образ Скифии и “скифского” уже в XIX в. оказался созвучным национальному самосознанию и стал формой выражения определенных идей в российском обществе... Особенно ярко это проявилось в публицистике и художественной литературе (прежде всего в поэзии) конца XIX – начала XX в., в эпоху революций и социальных перемен, создавших по сути образ нового революционного человека, новую мифологию и новую духовность, отождествленную с неким “скифским” началом...»¹.

* * *

Хорошую поэтическую сводку черт этого образа дал Валерий Брюсов в 1916 году в стихотворении «Мы — скифы»:

Мы — те, об ком шептали в старину,
С невольной дрожью, эллинские мифы:
Народ, взлюбивший буйство и войну,
Сыны Геракла и Ехидны, — скифы.

Вкруг моря Чёрного, в пустых степях,
Как демоны, мы облетали быстро,
Являясь вдруг, чтоб сеять всюду страх:
К верховьям Тигра иль к низовьям Истра.

Мы ужасали дикой волей мир,
Горя зловеще, там и здесь, зарницей:
Пред нами Дарий отступил, и Кир
Был скифской на пути смирен царицей.

¹ *Алексеев А.Ю., Королькова Е.Ф.* Скифия и скифское в русском искусстве XIX – начала XX века // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. Мат-лы конф. 26–28 октября 2015 года / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2015. С. 3; см. также: *Солнцева Н.М.* Скиф и скифство в русской литературе // Историко-культурное наследие: Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. № 4. С. 147–159; *Замятин Д.Н.* Образ Скифии: Пространство и наследие // Скифия: Образ и историко-культурное наследие. С. 40: «Образ Скифии, скифского, скифов в русской культуре ассоциируется с молодостью, свежей кровью, энергией дикого напора, жизненной неудержимой силой, далекой от застоявшихся, затхлых, загнивающих форм старящейся древней культуры».

Что были мы? — щит, нож, колчан, копьё,
Лук, стрелы, панцырь да коня удила!
Блеск, звон, крик, смех, налет, — все бытие
В разгуле бранном, в пире пьяном было!

Лелеяли нас вьюга да мороз:
Нас холод влѣк в метельный вихрь событий;
Ножом вино рубили мы, волос
Замѣрзших звякали льдяные нити!

Наш верный друг, учитель мудрый наш,
Вино ячменное живило силы:
Мы мчались в бой под звоны медных чаш
На поясе, и с ними шли в могилы.

Дни битв, охот и буйственных пиров,
Сменяясь, облик создавали жизни...
Как было весело колоть рабов,
Пред тем, как зажигать костѣр на тризне!..

В курганах грузных, сидя на коне,
Среди богатств, как завещали деды,
Спят наши грозные цари; во сне
Им грезятся пиры, бои, победы.

Но, в стороне от очага присев,
Порой, когда хмелели сладко гости,
Наш юноша выделявал для дев
Коней и львов из серебра и кости.

Иль, окружив сурового жреца,
Держа в руке высоко факел дымный,
Мы, в пляске ярой, пели без конца
Неистово-восторженные гимны!

Глава 9

СКИФИЯ АДАМА БРЕМЕНСКОГО

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА

Адам Бременский, автор знаменитой хроники «Деяния архиепископов гамбургской церкви» (1070-е гг.)¹, был, перефразируя Жака ле Гоффа, подлинным интеллектуалом XI века, который подражал древним, питался ими, взгромоздился им на плечи². Мало кто из средневековых историков был столь хорошо знаком с письменными источниками, как магистр Адам Бременский. Его географические горизонты оказались гораздо шире горизонтов хорошо известных ему античных авторов, хотя многие его географические образы и представления сформировались именно на основе античной традиции. В этой главе мы посмотрим, как видоизменилась под пером Адама *Скифия* античных источников и какие к этому имелись основания.

В труде Адама (авторском тексте и схолиях, ни одна из которых — в интересующем нас случае — не принадлежит перу самого Адама) «скифские имена» представлены этнонимом *скифы* (*Scythae, Scytae, Scitae*) (3+1 употребления), хоронимами *Скифия* (*Scythia, Scithia, Scitia*) (3+3) и *Скифские области* (*Scithicae regiones*) (1+0), гидронимами *Скифское море* (*pelagus Scythicum / Sciticum, mare Scythicum / Scithicum*) (3+2), *Скифские, или Меотийские, болота* (*Scyticae paludes, Scithicae vel Meoticae paludes*) (2+1), названием

¹ См.: Назаренко А.В. Адам Бременский. «Деяния гамбургских архиепископов» (1070-е гг.) // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. М., 2010. Т. IV: Западноевропейские источники / Сост., пер., коммент. А.В. Назаренко. С. 122–151.

² *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в средние века / Пер. А. Руткевича. Долгопрудный, 1997.

Скифский берег (*Scithicum littus*) (1+1); также в цитате из Лукана фигурирует *скифская Диана* (*Scythica Diana*) (1+0). Тематически можно выделить четыре блока информации, в которых используется «скифская лексика».

* * *

Первая группа «скифских» фрагментов невелика. Это литературные аллюзии или прямые цитаты. Так, в главе II, 50 Адам пишет о епископе Унване, что тот, «будучи мужем славнейшим», «следовал примеру святого Ангария, а также некоего Теотима, епископа *скифов* из “Церковной истории”»³, демонстрируя свое знакомство с «Церковной историей в трех частях» (IX, 47) Кассиодора (около 487–578 гг.). В главе IV, 44, в пространной характеристике северных народов, Адам, среди прочего, пишет: «[И] се: ужасная страна эта, всегда недоступная из-за почитания идолов, *чей лик не добрей, чем у скифской Дианы*, теперь, забыв природную жестокость, допускает везде проповедников истины, разрушив жертвенники ложных богов, воздвигает здесь и там церкви, и все [в ней] дружно превозносят имя Христа»⁴. Выделенный мною оборот — «чей лик не добрей, чем у скифской Дианы» — заимствован Адамом у римского поэта I в. н.э. Лукана (*Phars. I, 446*), где полностью фраза звучит так: «Также и те, что привыкли поить че-

³ Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви / Пер. В.В. Рыбакова // Немецкие анналы и хроники X–XI столетий. М., 2012. С. 355–356 (далее — Адам, с указанием страниц; курсив в цитатах здесь и далее мой. — Т.Д.); “Unwanus igitur cum esset vir nobilissimus, aequè nobilem ac sufficientem liberalitati suae sortitus est episcopatum, in quo et magnitudinem animi posset ostendere et necessitati ecclesiae simul prodesse. [...] Credo etiam secutus exemplum sancti Angarii et cuiusdam in Ecclesiastica Hystoria Theotimi, Scytarum episcopi, quorum alter legitur incredulos reges donis placasse, alter vero barbaros natura feroces epulis muneribusque mansuefecisse laudatur” (Латинский текст приводится по изданию: Adam Bremensis Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum / V. Schmeidler // MGH SRG. Hannover; Leipzig, 1917. P. 111; далее — Адам, с указанием страниц).

⁴ Адам. С. 447; “Ecce patria illa horribilis, semper inaccessa propter cultum ydolorum, — ‘et Scythicae non mitior ara Dianae’, deposito iam naturali furore praedicatores veritatis ubique certatim admittit, destructisque demonum aris ecclesiae passim eriguntur, et nomen Christi communi ab omnibus effertur preconio” (Adam. P. 280).

ловеческой кровью // Еза ужасный алтарь или дикого в злобе Тевтата, // Иль Тараниса, чей лик не добрей, чем у скифской Дианы»⁵.

* * *

Вторая группа «скифских» фрагментов, на которой мы остановимся, связана с норвежским конунгом Харальдом Суровым Правителем (1046–1066) и относится ко времени его службы в дружине византийского императора (около 1034–1043 гг.). В главе III, 13 Адам сообщает, что «некий Харальд, брат короля-мученика Олава, еще при жизни брата покинул родину [и] изгнанником отправился в Константинополь. Там он сделался рыцарем императора [и как предводитель] участвовал во многих битвах с сарацинами на море и [со] *скифами* на суше, прославившись храбростью и весьма разбогатев. [...]»⁶. А в III, 17, порицая жестокость этого короля, Адам припоминает его прежние военные успехи: «он уже прежде вел много войн с варварами в Греции (Византии. — *Т. Д.*) и областях *Скифии*»⁷.

Можно сравнить сведения Адама с рассказами других источников о Харальде и попытаться понять, кого Адам обозначил этнонимом *скифы*. Византийский полководец XI в. Кекавмен в «Советах и рассказах», вопреки целому ряду неточностей, дает достойное внимания описание пребывания Харальда в Византии, чему он, как следует из его текста, был очевидцем, и указывает на два военных предприятия Харальда (которого он называет *Аральт*) на службе у Михаила Пафлагонянина — поход на «Сицилию (ибо там находились ромейские военные силы, ведя войну на острове)» и подавление «мятежа Деляна в Болгарии» и покорение Болгарии⁸.

⁵ *Марк Анней Лукан*. Фарсалия, или Поэма о гражданской войне / Пер. Л.Е. Остроумова. М.: Л., 1951. Кн. I. Ст. 444–446. С. 19–20: “et quibus inmitis placatur sanguine diro / Teutates horrensque feris altaribus Esus / et Taranis Scythicae non mitior ara Dianae”.

⁶ Адам. С. 379; “Haroldus quidam, frater Olaph regis et martyris, vivente adhuc germano patriam egressus Constantinopolim exuli abiit. Ubi miles imperatoris effectus multa prelia contra Sarracenos in mari et Scitas in terra gessit, fortitudine clarus et divitiis auctus vehementer” (Adam. P. 153–154).

⁷ Адам. С. 381; “Erat [autem] vir potens et clarus victoriis, qui prius in Grecia et in Scythiae regionibus multa contra barbaros prelia confecit” (Adam. P. 159).

⁸ Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца XI века / Подгот. текста, введ., пер. и коммент. Г.Г. Литаврина. М., 1972. С. 283, 285.

Саги о конунге Харальде, основанные на скальдических стихах и устной традиции, повествуют об участии Харальда в военной операции против пиратов в Эгейском море, в византийской военной экспедиции на Сицилии, в подавлении восстания Деляна в Болгарии и о путешествии Харальда в Иерусалим. Саги также сообщают, что он провел «много зим в Африке». Снорри Стурлусон, в частности, пишет: «отправился он тогда со своим войском на запад в Африку, которую вэринги называют Серкландом»⁹. *Серкланд* древнескандинавских источников обычно трактуется как «Земля сарацин» — название некоторых областей в Северной Африке и Передней Азии¹⁰. Сигфус Блэндаль, однако, отмечает, что *Серкланд* не может в этом контексте обозначать Африку, поскольку в греческих источниках нет сведений о каких-либо экспедициях в Африку во время правления Михаила IV. Но поскольку, утверждает он, этноним *Serkir* нередко употребляется в древнескандинавских источниках как синоним *арабов* или арабо-говорящих народов, не будет большим допущением заключить, что скальдические строфы, на которых основано это известие саг, относятся к византийско-арабским военным действиям в Малой Азии, каких было немало в годы правления Михаила IV¹¹. Итак, участие Харальда в двух кампаниях за время его византийской службы (на Сицилии и в Болгарии) отмечают и Кекавмен, и саги. На участие Харальда в подавлении весной-летом 1041 г. восстания Деляна в Болгарии указывает, кроме того, и прозвище, данное Харальду скальдом Тьодольвом Арнорссоном, *Bolgara brennir* «уничтожитель болгар». Одна из версий чуда святого Олава в битве с язычниками (сохранившаяся в «Гнилой коже» и «Хульде») тоже трактуется как отражение участия отряда Харальда в подавлении восстания Деляна. С этим военным предприятием связывают и руниче-

⁹ *Snorri Sturluson*. Heimskringla / Bjarni Aðalbjarnarson (Íslenzk fómrit. B. XXVIII). Reykjavík, 1951. Bls. 74.

¹⁰ *Baetke W.* Wörterbuch zur altnordischen Prosaliteratur. 4. Aufl. B., 1987. S. 57; *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson.* An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 523; *Metzenthin E.M.* Die Länder- und Völkernamen im altisländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941. S. 94–95.

¹¹ *Sigfús Blöndal.* The Varangians of Byzantium. An aspect of Byzantine military history / Translated, revised and rewritten by Benedikt S. Benedikz. Cambridge, 1978. P. 60–62, 66.

скую надпись на пирейском льве, перечисляющую ряд имен, среди которых фигурирует имя Харальда Высокого¹². Болгарская кампания в свете сказанного предстает как самое широко известное военное предприятие Харальда. Как указывает М.В. Бибииков, в большинстве текстов конца X – начала XI в. «“скифами” византийцы именовали болгар»¹³. Скорее всего, в соответствии с присущим античности противопоставлением скифов (то есть северных варваров) и средиземноморской цивилизации, а также с вытекающей отсюда «византийской архаизирующей традицией»¹⁴, Адам обозначил термином *скифы* тех противников империи, с которыми довелось сражаться Харальду, а именно болгар.

* * *

Третья группа «скифских сюжетов» — повествование о миссионерской деятельности гамбургско-бременского архиепископа Унни (916–936). Ему посвящена заключительная часть книги первой (гл. 54–63)¹⁵, в которой рисуется предыстория северной миссии во времена Каролингов: говорится об основании северной миссии и первом путешествии Ангария, об основании, подъеме и закате Гамбургского архиепископства, об объединении Бремена с Гамбургом и, наконец, о миссии архиепископа Унни. Этот ранний период представлен как время противостояния христиан и северных язычников, преимущественно датчан. Дания выступает в книге первой как цель христианской миссии и как основное пространство, на котором разворачиваются события¹⁶. Адам, естественно, пишет об этом времени ретроспективно. Однако имеется

¹² Подробнее и литературу см.: Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. Тексты, перевод, комментарий. Издание второе, в одной книге, исправленное и дополненное. М., 2012. С. 471–474 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

¹³ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой, А.В. Подосинова. М., 2010. Т. II: Византийские источники / Сост. М.В. Бибииков. С. 187.

¹⁴ Бибииков М.В. Византийские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 80.

¹⁵ Унни также упоминается в гл. I книги II.

¹⁶ Garipzanov I. Christianity and Paganism in Adam of Bremen's Narrative // Historical Narratives and Christian Identity on a European Periphery: Early History Writing in Northern, East-Central, and Eastern Europe (c. 1070–1200) / Ed. by I. Garipzanov. Turnhout, 2011. P. 13–29.

целый ряд современных / близких событиям источников, на основании которых с уверенностью можно говорить о том, что вскоре после похода Генриха I Птицелова (934 г.) началась миссионерская деятельность в северных странах, куда был направлен архиепископ Унни, скончавшийся там, согласно «Корвейским анналам» (“*Annales Corbeienses*”), в 936 г.¹⁷. На какие источники опирался в этой части своего рассказа Адам? В главе I, 35, говоря о том, что «святой Римберт сидел XXIII года», он отмечает, что «годы его [епископства] и [время] кончины его предшественника *мы узнали из одного сборника (computus), полученного из Корвеи*»¹⁸. На этом основании В. Трильмих заключил, что «из Корвеи он велел доставить себе более подробные, чем те, что дошли до нас, анналы»¹⁹. В главе I, 52, упомянув восшествие (в 911 г.) на престол Восточно-Франкского королевства Конрада I, Адам пишет: «До этого времени и доведена “История франков”. [То,] что мы намереваемся писать дальше, *мы узнали из разных других нелживых книг. А кое-что по нашей просьбе рассказал нам светлейший король данов [Свен Эстридсен]*»²⁰. В главе I, 54 рассказ об Унни Адам начинает такими словами: «Архиепископ Унни сидел XVIII лет. Годы его [жизни] и [время] кончины я узнал [там же,] где и раньше. Братья помнят, что, когда умер Регинвард, клир и народ избрали [на его место] настоятеля бременского капитула Лейдрада. Он, используя Унни в качестве капеллана, явился ко двору. Но король Конрад, вдохновленный, как полагают, свыше, презрев важного Лейдрада, вручил пастырский жезл [совсем еще] ребенку Унни, которого заметил стоящим позади [Лейдрада]. Папа Иоанн X, как

¹⁷ *Annales Corbeienses*, a. 936 // MGH SS. T. 3. 1839. S. 4.

¹⁸ Адам. С. 318; “*Sanctus Rimburtus sedit annos XXIII. Annos eius et obitum decessoris sui repperimus in quodam compoto a Corbeia delato*” (Adam. P. 38).

¹⁹ Трильмих В. «Деяния епископов гамбургской церкви» Адама Бременского / Пер. с нем. и дополн. И.В. Дьяконова // *Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский*. Славянские хроники. М., 2011. С. 499 (*Trillmich W. Adam von Bremen. Bischofsgeschichte der hamburgener Kirche // Quellen des 9. und 11. Jahrhunderts zur Geschichte der hamburgersichen Kirche und des Reiches*. Berlin, 1961. Bd. II).

²⁰ Адам. С. 326; “*Nactenus etiam Francorum tendit Historia. Quae deinceps dicturi sumus, in aliis et aliis repperimus non mendacibus libris. Aliqua vero recitavit nobis clarissimus rex Danorum ita rogantibus...*” (Adam. P. 52–53).

указано в привилегии, даровал ему, [Унни,] паллий»²¹. Остальные отсылки к источникам на протяжении означенных глав таковы: «мы благоговейно пересказываем всё это для [членов] нашей церкви и истинно так, как сообщил нам один епископ данов, муж сведущий» (I, 57), «говорят» (I, 59), «как пишут» (I, 60), «от многократно упоминавшегося короля данов Свена мы узнали, что...» (I, 61), «...о которых упоминается в “Деяниях святого Ансгария”» (I, 61)²². Как видим, Адам соединяет в своем изложении событий материал многочисленных устных и письменных источников, по возможности оговаривая их использование, он творчески подходит к сбору источников и их осмыслению.

Скифия и *скифы* упоминаются в этом сюжете следующим образом.

В главе I, 60, в рассказе о том, как Унни — по стопам Ансгария — переплыл Балтийское море и приехал в Бирку, «город готов», Адам сообщает, кем регулярно посещается это торговое поселение: «В это место, так как оно является самым надежным в приморских областях Свеонии, имеют обыкновение регулярно съезжаться по разнообразным торговым надобностям все суда данов, или норманнов, равно как и склавов и сембов, [там] также [бывают] другие народы Скифии»²³. Весьма велика вероятность того, что этот фрагмент Адам выстраивал, основываясь на «Житии святого Ансгария», чья миссия к свеям (свеонам) привела его в первую очередь именно в Бирку. Сходный перечень народов мы

²¹ Адам. С. 327–328; “Unni archiepiscopus sedit annos XVIII. Annos eius obitumque ut supra cognovi. Memoriae traditum est a fratribus, cum Reginwardus transisset, Leidradum, Bremensis chori prepositum a clero et populo electum. Qui hoc Unni pro capellano utens ad curiam venit. Rex autem Conradus divino, ut creditur, spiritu afflatus, contempta Leidradi specie parvulo Unni, quem retro stare conspexerat, virgam pastorem optulit. Cui etiam papa Iohannes decimus, ut privilegium indicat, palleum dedit” (Adam. P. 55).

²² Адам. С. 328–330; “Haec omnia referente quodam episcopo Danorum, prudenti viro, nos veraciter ut accepimus, sic fideliter ecclesiae nostrae tradimus”; “fertur”; “ut legimus”; “Accepimus a sepe dicto rege Danorum Suein”; “de quibus in Gestis sancti Ansgarii legitur” (Adam. P. 57–59).

²³ Адам. С. 329; “Ad quam stationem, quia tutissima est in maritimis Suevoniae regionibus, solent omnes Danorum vel Nortmannorum itemque Sclavorum ac Semborum naves aliique Scithiae populi pro diversis commerciorum necessitatibus sollempniter convenire” (Adam. P. 58).

находим в словах Римберта, которыми открывается житие: «Начинается книга, содержащая житие, или деяния и кончину, Ангария, первого архиепископа нордальбингов и легата святой папской кафедры к свеонам и данам, а также славам и остальным народам северных стран, до сих пор придерживающимся языческого обычая»²⁴.

Что дало Адаму основание заменить «народы северных стран» Римберта на «народы Скифии»? Вне сомнения, восприятие северных земель как Скифии было унаследовано Адамом из хорошо известных ему трудов античности и раннего средневековья. Исследователи Адама подчеркивают, что «то, что он черпал информацию... из античных произведений и данных поэзии, соответствовало практике его времени. Так, у него встречаются цитаты из Саллюстия, Горация, Вергилия, Лукана...»²⁵. А знаток античной Скифии М.В. Скржинская подчеркивает, что «для большинства античных писателей Скифия — это символ крайнего севера, “ледяная, заснеженная страна”, о которой мало что известно рядовому греку и римлянину, не знающему многих трудов историков и географов. С таким образом Скифии, имеющим мало общего с реальной страной», можно, по ее свидетельству, встретиться «у прославленных римских поэтов Вергилия, Горация, Проперция и даже у Овидия»²⁶. Итак, литературные познания Адама могли сформировать тот образ *Скифии*, к народам которой, как следует из главы I, 60, он относит и свеев (жителей Свеонии), и датчан, и норвежцев, и славян, и пруссов, то есть весь европейский север вокруг Балтийского моря (о котором речь у нас пойдет ниже)²⁷.

В главе I, 62 Адам рассказывает о том, как Унни заболел и умер в Бирке, тело его погребли там же, а голову привезли в Бре-мен, в собор св. Петра. Далее, еще раз упомянув кончину пропо-

²⁴ Житие святого Ангария, написанное Римбертом и еще одним учеником Ангария / Пер. В.В. Рыбакова // Из ранней истории шведского народа и государства. Первые описания и законы. М., 1997. С. 30–31.

²⁵ *Трильмих В.* «Деяния епископов гамбургской церкви» Адама Бременского. С. 499–500.

²⁶ *Скржинская М.В.* Скифия глазами эллинов. СПб., 2001. С. 9.

²⁷ Адаму следует и схолиаст (IV, 21, Schol. 130): «Данов, свеонов, норманнов и прочие народы Скифии римляне именовали гиперборейями» (Адам. С. 433); «Dani, Sueones et Nordmanni et reliqui Scithiae populi a Romanis Yperborei vocantur» (Adam. P. 250).

ведника, Адам уточняет ее место и время: «Скончался же он, завершив путь подвига доброго, в *Скифии*, как пишут, в СМXXXVI год от воплощения Господня, в IX [год] индикта около середины сентября. Это был первый год [правления] Оттона Великого, CXLVIII [год] после смерти первого бременского епископа святого Виллехада»²⁸. Вряд ли стоит думать, что здесь (с интервалом в одну главу и в рамках одного сюжета) *Скифия* употреблена Адамом в ином, более узком, значении (а именно как наименование Швеции), и тем более без соответствующих оговорок подменять один хороним другим, как это сделано в английском переводе памятника²⁹. При том, что в следующей главе — последней главе книги первой (I, 63) — Адам, наставляя нерадивых епископов, лишний раз подчеркивает, что архиепископ Унни, преодолев великие опасности моря и суши, «объехал [области] диких северных народов» со своей миссией и «умер на краю земли»³⁰, положив жизнь свою за Христа. Напомним, что, согласно Адаму, Унни, собравшись «объехать просторы своего диоцеза», начал свой миссионерский подвиг в Дании, где «привлек своей проповедью» короля Харальда Гормссона, так что тот позволил ему «публично исповедовать христианство» и он «обошел все острова данов, благовествуя язычникам слово Божье»³¹. Соответственно, в глазах Адама не Швеция была целью христианской миссии архиепископа Унни, а в главе II, 1 Адам вновь назовет Унни «легатом к скифам», то есть к се-

²⁸ Адам. С. 330; “Obiit autem peracto boni certaminis cursu in Scitia, ut scribitur, anno dominicae incarnationis DCCCCXXXVI, indictione IX, circa medium Septembrem. Hic est annus Ottonis Magni primus, a transitu sancti Willehadi primi Bremensis episcopi CXLVIII” (Adam. P. 60).

²⁹ *Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen* / Tr. with an Introduction and Notes by F.J. Tschan, with a new Introduction and Selected bibliography by Th. Reuter. N.Y., 2002. P. 53: “Unni died in Sweden”.

³⁰ Адам. С. 331; “...cum per tanta pericula maris et terrae feroces aquilonis populos ipse pertransiens ministerium legationis suae tanto impleret studio, ut in ultimis terrae finibus expirans animam suam poneret pro Christo” (Adam. P. 60).

³¹ Адам. С. 328–329 (I, 58, 59); “...latitudinem suae diocesis per se ipsum elegit circuire”, “...filiium autem regis Haroldum sua dicitur praedicatione lucratus. Quem ita fidelem Christo perfecit, ut christianitatem, quam pater eius semper odio habuit, ipse haberi publice permitteret, quamvis nondum baptismi sacramentum percepit. [...] Cuius etiam fultus adiutorio et legato omnes Danorum insulas penetravit, euangelizans verbum Dei gentilibus et fideles, quos invenit illic captivatos, in Christo confortans” (Adam. P. 57–58 [I, 58, 59]).

верным народам, а Ф. Чан вновь переведет это так, что “Unni was on his mission to the Swedes”³². Мы же на основании этого блока информации остановимся на том выводе, что *Скифия* для Адама — как следствие его высокой образованности — синоним *северных земель*, хотя *его* северные земли лежат гораздо севернее тех, которые замыкали горизонт античного мира.

* * *

Четвертая (и последняя) тематически вычленяемая группа «скифских» фрагментов связана с именованием и описанием Балтийского моря. Адам называет его *Балтийским морем*³³, *Варварским морем*, *Скифским морем*, а также *Скифскими, или Меотийскими, болотами, Гетскими пустынями* или *Скифским берегом*.

Упомянув в главе II, 18 *Скифское море* как границу Саксонии, Адам ссылается на свой источник знаний об этом море («О природе этого моря кратко пишет Эйнхард в “Деяниях Карла”, когда говорит о Склаванской войне») и в главе II, 19 приводит из него пространную цитату: «От Западного океана, — говорит он, — на восток простирается некий залив, на неизвестную притом длину, ширина же [его] нигде не превышает ста миль, а во многих местах, как обнаруживается, [даже] меньше. Вокруг этого залива обитают многие народы. Ведь северное побережье и все острова на нем занимают даны и свеоны, которых мы именуем норманнами. Южный же берег населяют склавы и разные другие народы, среди которых самые главные — [как раз те,] на кого король тогда пошел войной — вильцы, которых он разбил и покорил за один поход, который он совершил самолично, так что они ко всему прочему решили [также] никоим образом не отказываться исполнять [королевские] повеления»³⁴. Любопытно, что *Балтийское море* Адам

³² *Adam of Bremen. History of the Archbishops of Hamburg-Bremen / Tr. by F.J. Tschan. P. 54.*

³³ «Кстати говоря, Адам — первый, кто употребляет название “Балтийское море” — *mare Balteum*)» (*Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. С. 275.*)

³⁴ Адам. С. 337–338; “De cuius freti natura breviter in Gestis Karoli meminit Einhardus, cum de bello diceret Sclavanico”; “Sinus, ait, quidam ab occidentali oceano orientem versus porrigitur, longitudinis quidem incerta, latitudinis vero, quae nusquam C milia passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multae circumsident nationes. Dani siquidem ac Sueones, quos

называет здесь *Скифским* и дословно цитирует далее Эйнхарда³⁵, который не дает этому морю вообще никакого названия, да и скифов на его берегах не помещает — о скифах у Эйнхарда речь вообще не идет нигде. Однако, согласно Эйнхарду, «северное побережье и все острова на нем занимают даны и свеоны», а, как мы видели выше, Адам уже обозначил миссию архиепископа Унни к северным народам (конкретнее — как раз к данам и свеям) как проповедь слова Божьего *скифам*. Значит, для Адама насельники данной области — не *норманны*, как их называет Эйнхард, но *скифы*, а море, на берегах которого они живут, — *Скифское*. Ниже, в главе IV, 10, Адам озвучит этот способ именованя водных пространств по обитателям прилегающих территорий, причем применительно именно к Балтийскому морю: «Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах»³⁶. Соответственно, и в II, 18 *Скифское море* — термин Адама (а не его источника)³⁷, что подтверждается его комментариями в двух следующих главах, где он лишний раз подчеркивает, что это было описание Эйнхарда, а дальше он будет

Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et aliae diversae incolunt nationes, inter quos vel precipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Wilzi. Quos ille una tantum et quam per se gesserat, expeditione ita contudit ac domuit, ut ulterius imperata facere minime rennuendum iudicaretur” (Adam. P. 74–75).

³⁵ Ср.: Эйнхард. Жизнь Карла Великого / Пер. с лат. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 18: «От западного океана на Восток протянулся некий залив, длина которого неизвестна, а ширина не превышает сто тысяч шагов, хотя во многих местах он и более узок. Вокруг него живет множество народов: даны, так же как и свеоны, которых мы называем норманнами, владеют северным побережьем и всеми его островами. На восточном берегу живут славяне, эсты и различные другие народы, между которыми главные велабаты, с которыми тогда Карл вел войну. Всего лишь одним походом, которым он сам руководил, Карл так разбил и укротил [велабатов], что в дальнейшем те считали, что им не следует более отказываться от исполнения приказов [короля]».

³⁶ Адам. С. 426; “idemque mare Barbarum seu pelagus Sciticum vocatur a gentibus, quas alluit, barbaris” (Adam. P. 238).

³⁷ Впрочем, термин *Скифское море* (но не Балтийское) есть у Лукана в «Фарсалии» (I, 18: *Scythicus Pontus*). Вслед за Адамом *Скифское море* (= Балтийское) — у Оттона Фрайзингенского (сер. XII в.); у Хельмольда из Бозау (до 1177 г.) — прямое заимствование из Адама.

говорить от себя (II, 20: «Это он. Мы же, коль скоро столько раз [уже] заходила речь о склавах, полагаем, что будет нелишним, если мы скажем...»), и тут же называет северной границей Склавании («обширной области Германии», населенной «винулами») *Скифское море* (II, 21)³⁸.

Еще одна характеристика Балтийского моря в тексте Эйнхарда породила, на мой взгляд, еще одну ментальную конструкцию Адама, в которой путем логических размышлений он соединил конкретный источниковый материал со своими абстрактными литературными познаниями. Я имею в виду приводимые Адамом в II, 19 слова Эйнхарда о том, что «от Западного океана... на восток простирается некий залив, на неизвестную притом длину». В главе IV, 10, применяя, как он сам говорит, «способ разъяснения», то есть излагая «более полно» то, что Эйнхард «обрисовывает вкратце», Адам так трактует название этого моря: «Этот залив [местные] жители называют Балтийским, потому что он тянется на большое расстояние через скифские области вплоть до Греции, наподобие пояса. Его также именуют морем Варварским или Скифским по варварским народам, которые обитают на его берегах»³⁹. Действительно, лат. *balteus* — это «пояс», и такое народно-этимологическое толкование Адама вполне понятно⁴⁰. Почему залив тянется «через *скифские* области» и называется *Скифским морем*, — мы выше выяснили. Но почему «вплоть до Греции»? Причем, это — не разовая оговорка: в IV, 1 сообщается, что из Шлезвига «обыкновенно отправляются корабли в Склаванию, либо в

³⁸ Адам. С. 338; “Haec ille; nos autem, quoniam mentio Sclavorum totiens incidit, non ab re arbitramur, si de natura et gentibus Sclavaniae historico aliquid dicemus compendio, eo quod Sclavi eo tempore studio nostri pontificis Adaldagi narrantur ad christianam religionem fere omnes conversi”; “Sclavania igitur, amplissima Germaniae provintia, a Winulis incolitur, qui olim dicti sunt Wandali... Eius latitudo est a meridie in boream, hoc est ab Albia fluvio usque ad mare Scythicum” (Adam. P. 75–76).

³⁹ Адам. С. 426; “Sinus ille ab incolis appellatur Balticus, eo quod in modum baltei longo tractu per Scithicas regiones tendatur usque in Greciam, idemque mare Barbarum seu pelagus Sciticum vocatur a gentibus, quas alluit, barbaris” (Adam. P. 238).

⁴⁰ Ср.: *Svennung J.G.A. Belt und Baltisch: Ostseeische Namenstudien mit besonderer Rücksicht auf Adam von Bremen. Uppsala, 1953 (Uppsala Universitets Årsskrift, 4).*

Сведию, либо в Семланд *вплоть до Греции*»⁴¹; в IV, 16 — что с острова Борнхольм плывут «к варварам и в Грецию», а в Курланд съезжаются «со всего света... за пророчествами, а больше всего из Испании и Греции»⁴².

Отвергая весьма правдоподобные возможные объяснения, А.В. Назаренко подчеркивает, что поскольку «картина мира» средневекового человека «покоилась на традиции и авторитете», ему «было крайне трудно вообразить, что на земле есть уголок, о котором ничего не написано у Плиния, Солина, Орозия, Исидора и т.п.». Так и Адам нашел по данному вопросу авторитетное суждение римского ученого-компилятора V в. н.э. Марциана Капеллы, «что “Меотийские болота” (античное название Азовского моря) являются “заливом Северного океана”. Результатом стало прямое отождествление Балтики и Меотиды со ссылкой на Марциана, фундаментальное для всей географической картины Адама Бременского»⁴³. Менее категоричен (и, как мне представляется, гораздо более близок к истине) автор был в более ранней своей работе: одной из причин уникального для средневековой географической литературы отождествления Балтики и Меотиды он назвал контаминацию сведений информаторов-современников с данными ученой традиции (и в частности, того же Марциана — *De Nuptiis*. VI, 619), а главной — противоречивость реальной информации Адама, согласно которой можно было доплыть на восток и до Руси, и до Греции⁴⁴. В приведенной же формулировке из работы 1999 г. акценты у А.В. Назаренко, по моему мнению, несколько смещены. Во-первых, *не* при отождествлении Балтики и Меотиды Адам ссылается на Марциана⁴⁵. Приведем цитату из Адама: «Вот то, что я

⁴¹ Адам. С. 421; “Ex eo portu naves emitti solent in Sclavianiam vel in Suediam vel ad Semland usque in Greciam” (Adam. P. 228).

⁴² Адам. С. 429; “ad barbaros et in Greciam”; “A toto orbe ibi responsa petuntur, maxime ab Hispanis et Grecis” (Adam. P. 243–244).

⁴³ Назаренко А.В. Западноевропейские источники. С. 276.

⁴⁴ Назаренко А.В. Реальность и ученая традиция в представлениях Адама Бременского (XI в.) о Северной и Восточной Европе // XI Всесоюзная конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. Тез. докл. М., 1989. Ч. 1. С. 114–115.

⁴⁵ Кстати заметим, что представление о Меотиде как о заливе Северного океана Адам мог обнаружить и в другом своем источнике — «Фарсалиях» Лукана (*Phars.* III, 277).

хотел сказать об этом Балтийском, [или Варварском,] заливе. Я не встречал о нем никаких упоминаний ни у кого из ученых [мужей], кроме как у одного, о котором мы писали выше, у Эйнхарда. Полагаю, что древние [римляне] знали это море под именами Скифских, или Меотийских болот, “гетских пустынь”, а также “скифского берега”, который, по словам Марциана, “густо населен множеством разнообразных варваров”. “Там, — пишет он, — геты, даки, сарматы, аланы, {неутры,} гелоны, антропофаги, троглодиты”» (IV, 20)⁴⁶. Во-вторых, Адам упомянул в этом абзаце одного лишь Марциана, но, как отмечают издатели, переводчики и комментаторы его текста, Марциану здесь принадлежат слова о варварах, населяющих *скифский берег*, и следующее далее их перечисление (De Nuptiis. VI, 663); *Гетскую пустыню* Адам заимствовал из «Георгик» Вергилия (III, 462), *Меотийские болота* — у Орозия (I, 2, 5.52) или у Иордана (38; 44). *Скифских болот* нет ни в одном известном источнике Адама, однако стоит обратить внимание на рассказ Иордана (38) о начальном расселении готов («Мы читали, что первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Меотийского болота; второе — в Мизии, Фракии и Дакии; третье — на Понтийском море, снова в Скифии...»⁴⁷), где в связь поставлены *Скифская земля* и *Меотийское болото*. Именно этот, не упомянутый Адамом (однако выявляемый исследователями) источник, и мог дать ему основание для «сотворения» *Скифских*

⁴⁶ Адам. С. 431; “Haec habui, quae de sinu illo Baltico [vel Barbaro] dicerem, cuius nullam mentionem audivi quempiam fecisse doctorum nisi solum, de quo supra diximus, Einhardum. Et fortasse mutatis nominibus arbitror illud fretum ab antiquis [Romanis] vocari paludes Scithicas vel Meoticas, sive deserta Getharum, aut litus Scithicum, quod Martianus ait confertum esse multiplici diversitate barbarorum. Illic, inquit, Gethae, Daci, Sarmatae, Alani, [Neutri,] Geloni, Antropofagi, Trogoditae” (Adam. P. 248–249). Аналогично у схолиаста (IV, 10, Schol. 116): «Восточное море, море Варварское, море Скифское или море Балтийское — [это] одно и то же море, которое Марциан и [другие] древние римляне называют Скифскими, или Меотийскими, болотами, Гетскими пустынями или Скифским берегом» (С. 426–427); “Mare orientale seu mare Barbaricum sive mare Scithicum vel mare Balticum unum et idem mare est, quod Marcianus et antiqui romani Scithicas vel Meoticas paludes sive deserta Getharum aut Scithicum litus appellant” (Adam. P. 237).

⁴⁷ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. “Getica” / Вступ. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. 2-е изд. СПб., 1997. С. 68.

болот⁴⁸, тождественных, с одной стороны, его собственному Скифскому морю (то есть Балтийскому), а с другой стороны, — Меотиде античных авторов.

В результате Шлезвиг, Борнхольм, Юмне (Волин)⁴⁹, «Острогард России»⁵⁰ и Греция оказались для Адама маршрутами одного водного пути. Я с известной долей скептицизма отношусь к утверждению, что «наряду с реальной топографией, где Русь замыкает Балтику с востока, возникает своеобразная “теневая” топография, в которой Меотида как бы спроецирована на Балтийское море, а Греция — на Русь»⁵¹. Скорее, на мой взгляд, стоит говорить не о некоей «проекции», словно бы подразумеваемая при этом современную карту, а, напротив, принимать ментальную карту ученого клирика, не совершавшего дальних плаваний, как смешение сведений, добытых путем не только основательного изучения всех доступных ему сочинений, но и обстоятельных расспросов современников. Именно эти расспросы, и в первую очередь его скандинавских информантов, должны были приоткрыть перед Адамом ту отразившуюся в памятниках древнескандинавской письменности картину мира, в которой ойкумена делилась на четыре четверти — южную, северную, западную и восточную⁵². Эти четверти можно

⁴⁸ Ср. также II, 22: «[...] река Одер [...] В ее устье, омывающем Скифские болота...» (Адам. С. 339); “In cuius ostio, qua Scyticas alluit paludes...” (Adam. P. 79).

⁴⁹ «По ту сторону [области] лютичей, которые по-другому именуются вильцами, течет река Одер, самая благодатная река страны Славании. В ее устье, омывающем Скифские болота, прославленный город Юмне, [Волин,] предоставляет варварам и грекам, которые находятся в округе, [свою] весьма часто посещаемую гавань» (II, 22. Адам. С. 339); “Ultra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurit, ditissimus amnis Sclavaniae regionis. In cuius ostio, qua Scyticas alluit paludes, nobilissima civitas Iumne celeberrimam prestat stationem barbaris et Graecis, qui sunt in circuitu” (Adam. P. 79).

⁵⁰ «Направив паруса от этого города, [Юмне,] на XIV день достигаешь Острогарда России, главным городом (либо — митрополией. — В. Р.) которой является Киев, соперничающий с властью Константинополя, преславная гордость Греции» (II, 22. Адам. С. 340); “Ab ipsa urbe vela tendens XIII^{cimo} die ascendes ad Ostrogard Ruzziae. Cuius metropolis civitas est Chive, aemula sceptri Constantinopolitani, clarissimum decus Greciae” (Adam. P. 80).

⁵¹ Назаренко А.В. Западноевропейские источники. С. 277.

⁵² Подробнее см.: Джаксон Т.Н. Ориентационные принципы организации пространства в картине мира средневекового скандинава // Одиссей. Человек в истории. 1994. М., 1994. С. 54–64.

представить как четыре сектора земного круга (*kringla heimsins*) с центром либо на северной оконечности датских островов, либо в Южной Скандинавии⁵³. Дания и Германия относятся к южной четверти; Норвегия и Финнмарк — к северной; западная четверть — это вся Атлантика — Англия, Исландия, Оркнейские и Шетландские острова, Франция, Испания и даже Африка; восточная четверть — все земли по берегам Балтийского моря, которое в древнескандинавской письменности носило название Восточного моря (*Eystrasalt* или *austan haf*), и земли в глубине Восточной Европы. На востоке тем самым оказывались Швеция, земли финнов, эстов, куршей, карел, прибалтийских славян, Польша, Русь, а также Константинополь и Рим, куда ездили «Восточным путем»⁵⁴. Движение из одной области в другую определялось не по реальным показаниям компаса, а в соответствии с принятыми наименованиями этих областей, то есть направление движения было выражено в терминах цели. Так, плавание из Швеции в Данию было плаванием «на юг», потому что Дания принадлежала южному сектору ментальной карты, либо путешествием «с востока», поскольку Швеция относилась к восточному сектору. Движение в пределах четвертей тоже описывалось в соответствии не с показаниями компаса, а с названиями четвертей. Скажем, движение внутри восточной четверти, из одной точки в любую другую, почти всегда обозначалось как движение «на восток» (или «с востока»). Именно такое мировидение, подкрепленное к тому же знанием о существовании активно функционирующего водного пути, по которому можно добраться «из варяг в греки», и должно было, на мой взгляд, найти отражение в труде Адама Бременского в форме *Балтийского моря / Скифского моря / Скифского болота / Меотийского болота*, ведущего от Скандинавии далеко на восток, вплоть до Руси и Греции.

⁵³ См.: Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Норвегия глазами древних скандинавов: к вопросу о специфике древнескандинавской ориентации по странам света // Другие средние века: К 75-летию А.Я. Гуревича. М.; СПб., 2000. С. 113–132.

⁵⁴ См.: Джаксон Т.Н. «Восточная часть мира»: ментальная карта средневекового скандинава // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. 3. С. 62–66.

* * *

Итак, отвечая на поставленный в начале главы вопрос, как видоизменилась под пером Адама *Скифия* античных источников и какие к этому имелись основания, надо, в первую очередь, констатировать, что она значительно протянулась (или даже несколько сместилась) к северу, поскольку и сам бременский каноник Адам жил много севернее своих ученых предшественников, и географические горизонты за разделяющие их века сильно раздвинулись, в частности, в северном направлении. Тем не менее, *Скифия* осталась для Адама синонимом *северных земель*, хотя и более северных, чем те, что замыкали горизонт античного мира. *Скифия* также сохранила в качестве составляющей своего значения «инаковость, варварство», что позволило Адаму обозначить этим географическим термином земли противников Византийской империи — болгар, с одной стороны, и территории северных язычников, являвшиеся объектом миссионерской деятельности гамбургско-бременского архиепископства, — с другой. Как следствие перечисленных причин, античная *Скифия*, в представлении Адама, увеличила свою территорию настолько, что включила в себя также обширные циркумбалтийские территории. По имени насельников-скифов Адам обозначил Балтийское море как *Скифское море*. И самым естественным образом это *Скифское море*, или даже *Скифское болото*, протянулось через всю «новую» («увеличенную») *Скифию* (так сказать, «из варяг в греки»), соединяя — в духе античной традиции — в общий водный массив северные воды (*Северный океан* древних, *Балтийское море* Адама) и Меотиду⁵⁵, которая составляла один бассейн с Понтом (Черным морем), Пропонтидой (Мраморным) и Внутренним (Средиземным) морем. Так, творчески переосмыслив книжное знание и устную информацию, высокообразованный интеллектуал XI века создал свою новую *Скифию*.

⁵⁵ См.: Подосинов А.В. Античные и раннесредневековые представления о речных путях, соединяющих бассейны Балтийского и Черного морей // Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., 2007. С. 40–42.

Глава 10

СКИФИЯ ЗАПАДНО-СКАНДИНАВСКИХ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Памятники древнескандинавской письменности многочисленны и многоплановы. В их число входят скальдические стихи, рунические надписи, историографические сочинения, исландские саги — родовые, королевские, о епископах, о древних временах и др., норвежские гомилиарии и жития святых, перевод / переложение Библии, исландские географические сочинения, исландские анналы. За исключением рунических надписей (по преимуществу шведских) и отчасти саг о древних временах, эти сочинения принадлежат к исландско-норвежскому, или западно-скандинавскому, кругу.

Скифия в древнескандинавских письменных памятниках упоминается нечасто и во вполне ограниченном круге источников, а именно в тех сочинениях, которые ориентированы на европейскую античную и раннесредневековую ученость, а также на христианскую литературу. Порой в этих работах можно встретить вот такое пояснение к топониму *Скифия*: «Скифия, которую мы называем Великой Свитьод»¹, а в переводных текстах или в переработках / пересказах античных сочинений *Скифия* оригинала по-

¹ Postola sögur. Legendariske fortællinger om apostlernes liv, deres kamp for kristendommens udbredelse samt deres martyrdød / C.R. Unger. Christiania, 1874. S. 736: “Scitia... er af sumum mönnum er kölluð *Sviþjóð hin mikla*”; Alexanders saga. Islandsk Oversættelse ved Brandr Jónsson (Biskop til Holar 1263–64) / Finnur Jónsson. Copenhagen, 1925. S. 125: “Sithia. þat kalla sumir *Sviþjóð ena miclo*”; Stjórn. Gammelnorsk bibelhistorie fra verdens skabelse til det babyloniske fangenskab / C.R. Unger. Christiania, 1862. S. 78: “Scithia er uær köllum *miklu Suiþjóð* uar fordum eitt stort land. kallat sua af Magog einum syni Japheth...”.

рой просто заменяется на *Великую Свительд*². Попробуем последовательно разобраться в том, как возник хороним *Великая Свительд*, как, кем и почему он был поставлен в связь со *Скифией*, а также выявить европейские источники, из которых исландско-норвежские авторы могли черпать информацию о Скифии.

10.1. Великая, или Холодная, Свительд

Прежде всего необходимо обратить внимание на то, что *Свительд* без эпитета *Великая* — *Svíþjóð* — это основное и весьма часто используемое в древнескандинавских текстах на древнеисландском языке имя Швеции (в латиноязычных сочинениях — *Suethia, Svetia, Svecia*)³, а *Свительд* с эпитетом *Великая* — *Svíþjóð hin mikla* — обозначение прародины скандинавов в излагаемой в этих источниках эвгемеристической легенде о заселении Скандинавии выходцами из Азии, согласно которой предками шведских и норвежских конунгов оказываются языческие боги во главе с предводителем асов Одином, а путь их лежит из *Великой Свительд* в *Свительд* (которая в одном географическом трактате даже называется *Малой Свительд*)⁴. Как это сформулировал В. Бэтке, скандинавский эвгемеризм, будучи частью «ученой праистории» (*die gelehrte Urgeschichte*), не имел ничего общего ни с религией, ни с мифологией; он не был и эвгемеризмом в прямом смысле слова, поскольку не боги низводились до людей, а, напротив, реальные люди (конунги) возводились к богам⁵. Вместе с тем, по устоявшемуся на сегодняшний день мнению, «мигранты» из Азии в изложении Снорри (особенно в «Младшей Эдде», но также и в «Саге об Инглингах») — это не боги, а «земные асы», люди, владеющие тайнами колдовства, прорицатели и чародеи, выдаю-

² Harty L. Andreas saga postola. Ph. D. diss. University of Otago, Dunedin, N. Z., 1970. P. 1–2: “En þá er postolarnir skiptuðusk til landa, þá fór Andreas postoli fyrst til *Svíþjóðar hinnar miklu* at færa þar Guð i margfaldan ávöxt sinna kenninga”.

³ См., например: Metzenthin E.M. Die Länder- und Völkernamen im alt-ländischen Schrifttum. Pennsylvania, 1941.

⁴ AM 194 8vo: “*Svíþjóð in minni*”. См.: Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты, перевод, комментарий. М., 1986. С. 77, 79 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

⁵ Baetke W. Die Götterlehre der Snorra-Edda // Baetke W. Kleine Schriften. Weimar, 1973. S. 216–224.

щие себя за богов⁶. Вероятно, специфику скандинавского эвгемизма следует объяснять тем, что Óдн и другие асы уже более не были настоящими богами для исландцев XII–XIII вв., хотя мифы о языческих богах были в это время еще хорошо известны⁷, и Снорри «смотрел на традицию извне, глазами “ученого” (‘a mythographer’, как его называют в современных работах)»⁸.

В начальных главах «Саги об Инглингах», первой саги «Круга земного» Снорри Стурлусона (около 1230 г.), разворачивается «миграционное повествование». Прародину скандинавов, Великую Свитьод, Снорри помещает таким образом, что она располагается одновременно и в Европе, и в Азии, ибо через нее протекает разделяющая Европу и Азию река Танаис, или Танаквисл:

К северу от Свартахав (Черного моря. — Т. Д.) простирается Свитьод Великая, или Холодная. [...] С севера, с гор, лежащих за пределами всех населенных мест, течет через [Великую] Свитьод река, правильное название которой Танаис (Дон. — Т. Д.). Раньше она называлась Танаквислом, или Ванаквислом. Она впадает в Свартахав. [Область] по Ванаквислу звалась тогда Ваналандом, или Ванахеймом. Эта река разделяет трети света. Восточная называется Азией, а западная — Европой⁹.

⁶ См.: Faulkes A. Pagan sympathy: attitudes to heathendom in the Prologue to *Snorra Edda* // *Edda: A Collection of Essays* / R.J. Glendinning, H. Bessason. Manitoba, 1983. P. 283–316; *Idem*. Descent from the gods // *SS*. 1984. Vol. 56:2. P. 92–124; *Chunies Ross M.* The myth of Gefjon and Gylfi and its function in *Snorra Edda* and *Heimskringla* // *ANF*. 1978. B. 93. P. 149–165; *McTurk R.* Fooling Gylfi: Who Tricks Who? // *Alvissmál*. 1994. Nr. 3. P. 3–18; *Abram Chr.* *Gylfaginning* and early medieval conversion theory // *SBVS*. 2009. Vol. XXXIII. P. 5–24.

⁷ См.: *Стеблин-Каменский М.И.* Снорри Стурлусон и его «Эдда» // *Младшая Эдда*. С. 203–207.

⁸ *Смирницкая О.А.* Литературное сознание исландцев XII–XIII вв. и проблемы становления жанровых форм // *Проблемы жанра в литературе средневековья*. М., 1994. Вып. I. С. 113–114.

⁹ *Snorri Sturluson.* *Heimskringla 1* / Bjarni Aðalbjarnarson (ÍF. 1941. B. XXVI). Bls. 9–10: “En norðan at Svartahafi gengr Svíþjóð in mikla eða in kalda. [...] Ór norðri frá fjöllum þeim, er fyrir útan eru byggð alla, fellr á um Svíþjóð, sú er at réttu heitir Tanais. Hon var forðum kǫlluð Tanakvísl eða Vanakvísl. Hon kǫmr til sjávar inn í Svartahaf. Í Vanakvíslum var þá kallat Vanaland eða Vanaheimr. Sú á skilr heimsþriðjungana. Heitir fyrir austan Ásía, en fyrir vestan Európa” (здесь и далее, если не указано, чей, — перевод мой).

Великая Свительд совпадает частично либо включает в себя лежащее к востоку от *Танаиса* жилище асов, *Асаланд*¹⁰; столица *Асаланда*, *Асгард*, находится, как можно понять из рассказа *Снорри*, в *Великой Свительд*. И именно из *Асгарда* *Óдин* отправляется в северную часть земли:

Но так как *Óдин* был провидцем и колдуном, он знал, что его потомство будет жить в северной части земли. Тогда посадил он своих братьев *Ве* и *Вили* [правителями] над *Асгардом*, а сам пустился в путь, и с ним все дии и много другого народа. Затем отправился он на север, к морю, и поселился на одном острове. Там теперь зовется *Óдинсей* на *Фьоне*. [...] Затем послал он *Гевьон* на север через пролив на поиски земель. Тогда пришла она к *Гюльви*, и дал он ей пашню. Тогда отправилась она в *Йотунхейм* и произвела там на свет от одного великана четырех сыновей. Она превратила их в быков и запрягла их в плуг, и выпалаха землю в море и на запад, напротив *Óдинсей*, и зовется этот [остров] *Селунд*. На нем она и жила с тех пор. На ней женился *Скьёлд*, сын *Óдина*. Они жили в *Хлейдре*. А там теперь озеро, или море. Оно называется *Лёг* (*Меларен*. — *Т. Д.*). Заливы в *Лёге* похожи на мысы *Селунда*. Так сказал *Браги Старый*: [следует скальдическая строфа]. А когда *Óдин* узнал, что на востоке у *Гюльви* есть хорошие земли, отправился он туда, и заключили они с *Гюльви* мир, так как *Гюльви* понял, что ему не достанет сил противостоять *Асам*. [...] *Óдин* поселился у озера *Лёг*, там, где теперь зовется *Старые Сигтуны*, и устроил там большое капище, и совершал там жертвоприношения по обычаю *Асов*¹¹.

¹⁰ Ibid. Bls. 11: “Fyrir austan Tanakvísl í Ásía var kallat Ásaland eða Ásaheimr, en höfuðborgin, er var í landinu, kǫlluðu þeir Ásgarð“ («[Земля] в Азии к востоку от Танаквисла звалась Асаландом, или Асахеймом, а главный город, который был в той стране, называли они Асгардом»).

¹¹ Ibid. Bls. 14–16: “En fyrir því at Óðinn var forspár ok fjǫlkunnigr, þá vissi hann, at hans afkvæmi myndi um norðrhálfu heimsins byggva. Þá setti hann bræðr sína, Vé ok Víli, yfir Ásgarð, en hann fór ok díar allir með honum ok mikit fólk annat. [...] Þá fór hann norðr til sjávar ok tók sér bústað í ey einni. Þar heitir nú Óðinsey í Fjöni. Þá sendi hann Gefjun norðr yfir sundit í landaleitan. Þá kom hon til Gylfa, ok gaf hann henni eitt plógsland. Þá fór hon í Jotunheima ok gat þar fjóra sonu við jǫtni nǫkkurum. Hon brá þeim í yxnalíki ok færði þá fyrir plóginn ok dró landit út á hafit ok vestr gegnt Óðinsey, ok er þat kǫlluð Selund. Þar byggði hon síðan. Hennar fékk Skjǫldr, son Óðins. Þau bjoggu at Hleiðru. Þar er vatn eða sjár

Снорри прямо не говорит, что скандинавская *Свитьод* «Швеция» получила имя от *Великой Свитьод*, однако на это недвусмысленно указывает весь ход его повествования. Зависимость *Свитьод* от *Великой Свитьод* подчеркивает и тождественная им пара топонимов *Маннхейм* («Жилище людей») — *Годхейм* («Жилище богов»): «Эту Свитьод называли Маннхеймами, а Великую Свитьод называли Годхеймами. О Годхеймах рассказывали многое»¹².

Нарушив хронологию, я сначала изложила сюжет по «Саге об Инглингах». Сделала я это намеренно, чтобы суть легенды стала ясна читателю. Однако не Снорри Стурлусону принадлежит ее авторство. Создателем переселенческой легенды А. Хойслер¹³ по праву считает основоположника исландской историографии Ари Мудрого (1067/68–1148), в чьей «Книге об исландцах» (1123–1133 гг.) «конунг свеев» Ньёрд называется вторым — вслед за «конунгом тюрков» Ингви¹⁴ — в весьма любопытном генеалогическом перечне, начинающемся с легендарных правителей Инглингов и завершающемся именем самого автора «Книги об исландцах»:

Вот имена предков Инглингов и людей из Брейдафьорда (Широкого Фьорда. — *Т. Д.*): 1. Ингви, конунг тюрков. 2. Ньёрд, конунг свеев. 3. Фрейр. 4. Фьельнир... 36. Геллир, отец Торкеля, отца Бранда и Торгильса, моего отца, а я называюсь Ари¹⁵.

При таком порядке перечисления имен и таких характеристиках легендарных конунгов свеи (одно из двух основных племен древней Швеции) «приобретают» азиатскую прародину. Согласно

eptir. Þat er kallat Løgrinn. Svá liggja firðir í Leginum, sem nes í Selundi. Svá kvað Bragi inn gamli [...]. En er Óðinn spurði, at góðir landskostir vǫru austr at Gylfa, fór hann þannok, ok gerðu þeir Gylfi sætt sína, því at Gylfi þóttisk engi kraptr til hafa til mótstöðu við Ásana. [...] Óðinn tók sér bústað við Løginn, þar sem nú eru kallaðar fornu Sigtúnir, ok gerði þar mikit hof ok blót eptir síðvenju Ásanna”.

¹² Ibid. Bls. 22: “Þessa Svíþjóð kǫlluðu þeir Mannheima, en ina miklu Svíþjóð kǫlluðu þeir Goðheima. Ór Goðheimum sǫgðu þeir mǫrg tíðendi”.

¹³ Heusler A. Die gelehrte Urgeschichte im altisländischen Schrifttum. Berlin, 1908. S. 39.

¹⁴ Ср. последовательность правителей в «Саге об Инглингах»: Óðinn, Ньёрд из Ноатуна, Фрейр (=Ингви-Фрейр), Фьельнир...

¹⁵ Íslendingabók / Jakob Benediktsson (ÍF. 1968. B. I). Bls. 27–28: “Þessi eru nofn langfæðga Ynglinga ok Breiðfirðinga: i. Yngvi Tyrkjakonungr. ii. Njorðr Svíakonungr. iii. Freyr. iiiii. Fjøltnir... xxxvi Gellir, faðir þeira Þorkels, föður Brands, ok Þorgils, föður míns, en ek heitik Ari”.

А. Хойслеру, Ари был знаком с хроникой Фредегара Схоластика «О деяниях франков» (VII в.), где выходцы из Трои, прежде чем попасть на Дунай, пересекают Азию. Ари, по мнению Хойслера, мог отождествить слова *Áss* (имя скандинавских богов) и *Asia* и сделать из этого соответствующие выводы. Справедливо наблюдение Ф.Б. Успенского, что «генеалогический “автограф” Ари является одним из самых ранних, если не первым свидетельством того, что уже в начале XII в. эвгемеристическое предание, трактующее языческих богов как исторических персонажей, в том или ином виде было известно исландцам»¹⁶.

Самое раннее упоминание *Свитьод Великой, или Холодной*, в исландских источниках содержится в «Саге о Скьельдунгах». Сага представляла собой историю легендарных датских конунгов от основателя династии, носящей его имя, — Скьельда, сына Одина, — до Горма Старого (ум. около 940 г.). Ее оригинальный текст не сохранился (за исключением исландского фрагмента, носящего условное название “*Sögubrot af fornkonungum*”, «Фрагмент о древних конунгах»), но авторы саг и историки XIII–XVI вв. использовали ее в качестве источника, что позволяет реконструировать сагу, и в первую очередь по ее латинскому переложению в “*Rerum Danicarum fragmenta*” Арнгрима Йонссона (около 1568–1648 гг.), который, как показали исследования, близко следовал своему источнику¹⁷. Очевидно, сага была записана не позднее 1220 г., а предположительно — в 1180–1200 гг. Автор ее не известен. В качестве источника автор саги использовал, в первую очередь, устную традицию, но также скальдические и эдические песни; кроме того, он мог знать не сохранившиеся родословные датских конунгов, написанные первыми исландскими историками Сэмундом Мудрым (ум. в 1133 г.) и Ари Мудрым (1067/68–1148), и целый ряд иностранных сочинений и среди них «Историю бриттов» Гальфрида Монмутского (1140-е гг.). В переложении Арнгрима сага начинается следующим образом:

¹⁶ Успенский Ф.Б. Манифестация авторства в «Книге об исландцах» священника Ари Торгильссона // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. XV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 15–17 апреля 2003 г. Мат.-лы конф. М., 2001. С. 257.

¹⁷ *Bjarni Guðnason. Um Skjöldungasögu. Reykjavík, 1963.*

Норвежские «комментарии» историю Дании начинают не с Дана, как Саксон Грамматик, а с некоего Скьёльда, сына Одина (обычно его называют Отином). Сообщается, что этот Óдин, придя из Азии и подчинив местных жителей, стал властвовать над самой северной частью Европы (Саксонией, Данией, Швецией). При этом он отдал Данию (которая тогда еще не имела этого имени) своему сыну Скьёльдуду, а Швецию — сыну Ингону. И отсюда те, которые сейчас называются данами, назывались когда-то от Скьёльда Скьёльдунгами, так же как и свецы от Ингона Инглингами. Самой же Швеции (именно так она называется) имя дано от имени тех областей, откуда Óдин со своими впервые вышел. Тех, что лежат к северу от Меотийского болота и которые древние скандинавы называли Свитьод Великой, или Холодной...¹⁸.

Автор саги, в отличие от Ари, не упоминает никаких *тюрков*, но называет азиатскую прародину скандинавских богов *Свитьод Великая, или Холодная*. Два последних предложения этого пассажа, описывающие происхождение имени Швеции, написаны на разных языках. В латинский текст Арнгрима Йонссона вплетается фраза на датском (вторая), включающая в себя два топонима, совершенно очевидно восходящих к латинской (античной) и древнескандинавской традициям, соответственно. По замечанию М.И. Стеблин-Каменского, с XVI в., когда начала складываться датская нация, датский язык стал вытеснять латынь; в XVII в. «нередко в письменном языке латынь и датский язык беспорядочно чередовались»¹⁹. Именно с таким явлением мы и имеем дело в данном фрагменте. Что касается географических названий, то античные авторы помещали к северу от *Меотийского болота*, то

¹⁸ Skjöldunga saga // Danakonunga sǫgur / Bjarni Guðnason (ÍF. 1982. B. XXXV). Bls. 4: “Rerum Danicarum historiam Norvegorum commentarii, non à Dan, ut Saxo Grammaticus, sed à Scioldo quodam Odini (qvem vulgo Othinum) filio ordiuntur. Tradunt enim Odinum illum ex Asia a<d>ventantem, magis septentrionalis Evropæ (Saxonîæ, Daniæ, Sveciæ), domitis incolis, adeptum esse imperium Daniamqve (qvæ tum tamen eo nomine caruerit) Scioldo, Sveciam Ingoni filiis assignasse. Atqve inde à Scioldo, qvos hodie Danos, olim Skioldunga fuisse appellatos, ut et Svecos ab Ingone Inglinga. Ipsi autem Sveciæ (sic specialius dictæ) de nomine earum regionum nomen inditum, unde Odinus cum suis primum emigravit. Huilche sson ligger norden for palude Moeotide, og de gammel Norshe kallede Su<i>thiod hin Store eller Kolde...” (пер. лат. текста А.В. Подосинова).

¹⁹ Стеблин-Каменский М.И. История скандинавских языков. М.; Л., 1953. С. 60.

есть от Азовского моря, *Скифию*, и именно эти области, по утверждению саги, древние норвежцы называли *Свитьод Великой, или Холодной*, и именно от этих областей получила свое имя *Svecia* (Швеция). Похоже, что автор этой версии «Саги о Скъёльдунгах» не увидел генетической связи между *Швецией* и *Свитьод Великой, или Холодной*, оригинального текста, а потому первую дал в латинском варианте как *Svecia*, вторую же передал в приближении к древнеисландскому — *Su[fi]thiod hin store eller kalde*. Можно все же смело утверждать, что в исландском тексте топоним *Svíþjóð* использовался в обоих случаях. Обратим внимание на мнение В. Бэтке, который полагает, что «“Сага о Скъёльдунгах” связывает Великую Свитьод с Великой Скифией»²⁰. Действительно, на это указывает как минимум ее помещение «к северу от Меотийского болота (Азовского моря. — Т. Д.)».

Снорри Стурлусон, вне сомнения, был знаком с «Сагой о Скъёльдунгах»: он явно опирался на нее в своей «Эдде», а в 29-й главе «Саги об Инглингах» даже содержится непосредственная ссылка на эту сагу²¹. Скорее всего, позаимствовав ее из «Саги о Скъёльдунгах», Снорри развил дальше эвгемеристическую легенду о заселении Скандинавии — сначала в «Младшей Эдде», а затем уже в «Саге об Инглингах». Сколь бы странным это ни казалось, но в двух сочинениях, приписываемых Снорри, нет единообразия в трактовке прародины скандинавов²². Видимо, поначалу следуя Ари, который превратил Ингви в *конунга тюрков*, Снорри в Прологе к «Эдде» называет именно *Тюркланд* родиной Одина и его потомства:

Одину и жене его было пророчество, и оно открыло ему, что его имя превознесут в северной части света и будут чтить превыше имен всех конунгов. Поэтому он вознамерился отправиться в путь,

²⁰ Baetke W. Die Götterlehre der Snorra-Edda. S. 218. Указание на существование в античности термина «Великая Скифия» содержится у Равеннского анонима (см. выше с. 216).

²¹ Snorri Sturluson. Heimskringla 1. Bls. 57: «Frá þessi orrostu er langt sagt í Skjöldunga sögu» («Об этой битве подробно рассказывается в саге о Скъёльдунгах»).

²² Ср.: Rowe E.A. Historical Invasions / Historiographical Interventions: Snorri Sturluson and the Battle of Stamford Bridge // Mediaevalia. 1994. Vol. 17. P. 160–163.

оставив Тюркланд. Он взял с собою множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин, и много драгоценных вещей²³.

Здесь же — в Прологе — *Тюркланд* поставлен в связь с *Троей*, которая стала известна на скандинавском Севере благодаря рыцарской саге, «Сага о троянцах»²⁴. Эта сага даже до нашего времени дошла более чем в десятке рукописей, так что вполне велика вероятность ее широкой известности и в средневековой Исландии. Исследователи вычлняют три редакции саги и считают, что они восходят к некоему общему тексту, созданному в начале XIII в. и представлявшему собой прозаическое переложение на древнеисландском языке утраченного ныне латинского перевода (V или IV в. н.э.) греческого сочинения “De excidio Troiae historia” («Повести о гибели Трои», возможно, I в. н.э.), приписываемого Дарету Фригийскому.

Вблизи середины земли был построен град, снискавший величайшую славу. Он назывался тогда Троя, а теперь Тюркланд²⁵.

Однако в одном из разделов «Младшей Эдды» — «Видении Гюльви», где излагаются скандинавские мифологические представления об устройстве мира, — *Троя*, в свою очередь, отождествлена с *Асгардом* (но не с *Тюркландом*):

Вслед за тем они (О́дин и его братья. — *Т. Д.*) построили себе град в середине мира и назвали его Асгард, а мы называем его Троя²⁶.

²³ *Snorri Sturluson*. Edda. Prologue. Gylfaginning. P. 5. 18–23: “Óðinn hafði spádóm ok svá kona hans, ok af þeim vísindum fann hann þat at nafn hans mundi uppi vera haft í norðrhálfu heimsins ok tignat um fram alla konunga. Fyrir þá sœk fýstisk hann at byrja ferð sína af Tyrklandi ok hafði með sér mikinn fjöldu liðs, unga menn ok gamla, karla ok konur, ok höfðu með sér marga gersemlika hluti”. Пер.: Младшая Эдда. С. 13 («Страна Турков» перевода заменена мною на «Тюркланд»). — *Т. Д.*

²⁴ См.: *Eldevik R.* Trójumanna saga // MSE. P. 658–659.

²⁵ *Snorri Sturluson*. Edda. Prologue. Gylfaginning. P. 4. 27–28: “Nær miðri veröldinni var gort þat hús ok herbergi er ágætast hefir verit, er kallat var Troja. Þat köllum vér Tyrkland”. Пер.: Младшая Эдда. С. 12 («Страна Турков» перевода заменена мною на «Тюркланд»). — *Т. Д.*

²⁶ *Snorri Sturluson*. Edda. Prologue. Gylfaginning. P. 13. 9–10: “Þar næst gerðu þeir sér borg í miðjum heimi er kallaðr er Ásgarðr. Þat köllum vér Troja”. Пер.: Младшая Эдда. С. 26.

В своем следующем сочинении — «Круге земном» (в «Саге об Инглингах») — Снорри называет уже только *Асгард* (вне связи с Троей) отправной точкой путешествия Одина на север. Мы видим, что здесь Снорри следует «Саге о Скьельдунгах», но у него есть и отголоски исходной версии Ари Мудрого:

Большой горный хребет тянется с северо-востока на юго-запад. Он отделяет Великую Свитьод от других стран. К югу от этих гор недалеко до Тюркланда. Там у Одина были большие владения.

Он (Свейгдир. — Т. Д.) побывал в Тюркланде и в Великой Свитьод и встретил там многих своих родичей²⁷.

При том, что Снорри придерживается в «Саге об Инглингах» версии «Саги о Скьельдунгах», топоним *Великая Свитьод* образован им хотя и по той же модели, но с использованием иного второго компонента: *Svíþjóð hin stóra* в «Саге о Скьельдунгах» и *Svíþjóð hin mikla* в «Саге об Инглингах». Расхождение в семантике синонимичных прилагательных *stórr* и *mikill* («большой, великий»), а именно бóльшая метафористичность прилагательного *stórr*²⁸, характеризует различие в отношении авторов названных саг к «Великой Свитьод». Так, автор «Саги о Скьельдунгах» видел «величие» азиатской *Великой Свитьод* в том, что она является прародиной скандинавских богов. Снорри Стурлусон, стремившийся рационализировать миф, из «великой, значительной» сделал *Великую Свитьод* «великой, огромной».

Великую Свитьод, однако, называть «народной этимологией» было бы неверно: «ученое» имя *Великая Свитьод* попадает в «местный, народный» ряд лишь потому, что отождествляется с «книжной» *Великой Скифией* и занимает на карте место этой последней. На искусственный характер рассматриваемого топонима указывает, кроме всего прочего, и тот факт, что *Великая Свитьод* по способу образования не входит ни в один исконно скандинавский

²⁷ *Snorri Sturluson*. Heimskringla 1. Bls. 14: “Fjallgarðr mikill gengr af landnorðri til útsuðrs. Sá skilr Svíþjóð ina miklu ok önnur ríki. Fyrir sunnan fjallit er eigi langt til Tyrklands. Þar atti Óðinn eignir stórar”; Bls. 27: “Hann kom út í Tyrkland ok í Svíþjóð ina miklu ok hitti þar marga frændr sína”.

²⁸ *Cleasby R., Gudbrand Vigfusson*. An Icelandic-English Dictionary. Oxford, 1957. P. 427, 596.

топонимический ряд²⁹. Упоминаемые Снорри в этом же контексте *Великий Серкланд* и *Великий Блаланд*, скорее всего, изобретены им для того, чтобы образовать названия, однотипные с *Великой Свитьод*, создать для нее своего рода топонимический ряд и тем самым еще более «заземлить» легендарное обиталище богов. В то же время в сочетании со *Свитьод* украшающий эпитет *Великая* служит в рамках «ученой предыстории» (термин А. Хойслера)³⁰ лишь для различения «прародины» (*Великая Свитьод*) и родины (*Свитьод*) скандинавов.

Тем не менее время от времени в историографии предпринимались попытки доказать, что этот рассказ имеет под собой историческую основу. Одна из них была сделана Б. Салином в 1904 г.³¹, но его идеи не были поддержаны другими исследователями, которые предпочли принять точку зрения Жоржа Дюмезиля, согласно которой Снорри изначально помещает асов и ванов на побережье Черного моря и в устье Танаиса не на основании туманных воспоминаний о каком-то переселении, готском или каком-либо еще, и не на основании знания о большом торговом пути из Крыма в Скандинавию, а в силу звукового сходства слов *Ass* и *Asia*³². Э. Фолкс подчеркивает, что хотя та особенность искомой переселенческой легенды, что в ней боги выступают инициаторами переселения, и наводит на мысль, будто эта легенда содержит туманные воспоминания о какой-то реальной миграции, происходившей в доисторические времена, однако ошутимое в легенде воздействие на нее ученых континентальных традиций не позволяет рассматривать ее иначе, чем как очень необычную имитацию этих традиций³³. Тем не менее в 2000 г. известный норвежский путешественник Тур Хейердал осуществил археологические раскопки в Азове, чтобы обосновать свое предположение, что Один был историческим конунгом, который мигрировал из

²⁹ Термин «топонимический ряд» принадлежит В.А. Никонову (см.: *Никонов В.А. Закон ряда в географических названиях // Onomastica. Kraków, 1958. R. 4. Z. 1. S. 57–73.*

³⁰ *Heusler A. Die gelehrte Urgeschichte.*

³¹ *Salin B. Die altgermanische Tierornamentik. Berlin, 1904.*

³² См.: *Dumézil G. De nordiska gudarna. Stockholm, 1962. S. 26–27.*

³³ *Faulkes A. Descent from the gods. P. 123.*

района сегодняшнего Азова где-то в I в. до н.э.³⁴. Ошибочность этой теории была всесторонне продемонстрирована в рецензии норвежских филологов, историков и археологов³⁵. Ни у *Великой Свитьод*, ни у *Асгарда* никогда не было и не могло быть никакой постоянной локализации. Они представляют собой часть мифа, и все усилия, направленные на то, чтобы локализовать *Асгард* (не говоря уже об основанной исключительно на звуковом совпадении «привязке» его к Азову, впервые упомянутому, согласно Макс Фасмеру, в XVII веке), обречены на полную неудачу. Попытку вновь обосновать «мотив северо-причерноморской прародины» скандинавов «памятью о миграциях на север некоторых восточно-германских племен после нашествия гуннов (возможно, какие-то части готов) и в ходе Великого переселения народов (Герулы)», а также тем, что он мог «актуализироваться в эпоху викингов многочисленными походами на Русь и в Византию», недавно предприняла Е.А. Мельникова³⁶. К сожалению, тезисность изложения не позволяет принять либо отвергнуть выводы исследовательницы. Расхождения в локализации *Асгарда* («Обиталища асов») у Снорри видятся мне результатом его исканий и его стремления опереться на различные источники. Такого рода ментальные конструкции (а Снорри здесь не одинок) можно расценивать лишь как весьма отдаленное эхо какого-то древнего знания (напомним отмеченное выше замечание В. Бэтке о том, что «Сага о Скъьльдунгах» все-таки связывает *Великую Свитьод* с *Великой Скифией*³⁷).

10.2. Скифия у Теодорика Монаха

Самое раннее в древнескандинавской литературе отождествление *Скифии* и *Светии* (*Швеции*) обнаруживаем в Прологе к написанной в 1177–1180 гг. латиноязычной «Истории о древних

³⁴ Heyerdahl T., Lillieström P. Jakten på Odin. På sporet av vår fortid. Oslo, 2001.

³⁵ Hovdhaugen E., Keller Ch., Mundal E., Stalsberg A., Steinsland G. // MM. 2002. No. 1. S. 98–109.

³⁶ Мельникова Е.А. Легенда об азиатской прародине в средневековой Скандинавии // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Мат-лы международной науч. конф. М., 2008. 359–361.

³⁷ См. выше примеч. 20.

норвежских королях» (“*Historia de antiquitate regum Norwagiensium*”) Теодорика Монаха³⁸. Определив свою задачу как краткое изложение истории древних норвежских королей от Харальда Прекрасноволосого, Теодорик указывает на исландцев с их поэтической памятью о прошлом как на свой основной источник информации («...нам удалось узнать, прилежно опрашивая тех, чья память об этом, как полагают, особенно крепка, кого мы называем исландцами и кто постоянно вспоминает об этом в своих древних песнях»). Далее он приводит свидетельства двух средневековых континентальных авторов о северных народах:

Гуго, блаженной памяти каноник [из аббатства] Святого Виктора в Париже, ученейший во всех отношениях муж, так упоминает о нашем народе в своей хронике: Норманны, говорит, отплыли из *Нижней Скифии* (под которой он, без сомнения, имеет в виду *Верхнюю [Скифию]*, которую мы называем *Швецией*), подошли на кораблях к Галлиям и, проходя по реке Сене, все разорили огнем и мечом. Также монах Сигиберт из Жамблу так пишет в своей хронике: Норманны, говорит, свирепейший северный народ, подойдя к Галлиям на боевых кораблях, вошли в реку Луару и дошли до самого Тура, все опустошая. Итак... из этого ясно, что еще прежде времен Харальда [Прекрасноволосого] были в этой стране мужи, крепкие в ратном деле, но... память о них стерло отсутствие летописцев³⁹.

³⁸ Theodrici monachi *Historia de antiquitate regum Norwagiensium* // *Monumenta historica Norvegiæ: Latinske kildeskrifter til Norges historie i middelalderen* / G. Storm. Kristiania, 1880. Все цитаты из труда Теодорика даны в переводе А.В. Бусыгина. Пользуюсь случаем поблагодарить его за предоставленный мне не опубликованный еще перевод этого памятника.

³⁹ *Ibid.* S. 3–4: “Hugo bonæ memoriæ canonicus Sancti Victoris Parisiis, vir undecunque doctissimus, ita meminit gentis nostræ in chronica sua: Northmanni, inquit, de Scythia inferiori, illam procul dubio volens intelligi superiorem, quam nos Suethiam appellamus, egressi, classe advecti Gallias intrantesque per Sequanam fluvium omnia depopulati sunt ferro et flamma. Sigibertis quoque Gyemblacensis monachus in chronica sua ita scribit: Northmanni, inquit, aquilonaris gens atrocissima, advecti in Gallias longis navibus intraverunt Ligerim fluvium et Thurones usque pervenerunt omnia vastantes. Liquet itaque, virorum optime, ex his fuisse etiam ante tempora Haraldi in hac terra in bellicis rebus potentes viros, sed ut diximus, illorum memoriam scriptorum inopia delevit”.

Сведений о Теодорике (*Theodoricus monachus*) немного, и существующие в науке суждения о нем откровенно гипотетичны. Скорее всего, он был норвежцем. Его считают либо монахом-бенедиктинцем Нидархольмского монастыря около Тронхейма в Норвегии (ставшего с середины XII в. резиденцией архиепископа и важнейшим культурным центром страны), либо каноником-августинцем. Очевидно лишь то, что он был приверженцем архиепископа Эйстейна Эрлендссона (1161–1188) и был связан с центром латинской культуры в Нидаросе (Тронхейме)⁴⁰. Велика вероятность того, что Теодорик учился за границей, скорее всего во Франции⁴¹, в августинском монастыре Сен-Виктор в Париже, где находился и архиепископ Эйстейн. Эйстейну, *Augustinus Nidrosiensis archiepiscopus*, посвящена «История» Теодорика, а возможно даже, что она написана по его заказу.

Образованность Теодорика не вызывает сомнений. Исследователями установлено, что, помимо Священного писания, Теодорик упоминает и цитирует в своем труде целый ряд античных и раннесредневековых писателей (Платона, Горация, Овидия, Плиния Старшего, Лукана, Евсевия Кесарийского, блаженного Августина, блаженного Иеронима, Боэция, Иордана, Исидора Севильского, Беду Достопочтенного, Павла Диакона, Сигеберта из Жамблу, Гуго Сен-Викторского и др.), кроме чего, имеется вероятность, что им был использован еще ряд текстов, авторы которых не названы в его сочинении⁴². Исследователи отмечали ориентированность Теодорика на французское историописание, и в частности на труды историков, вышедших из сен-викторской школы⁴³.

Письменных источников, свидетельствующих о прошлом норвежцев, в распоряжении Теодорика оказалось не так уж много.

⁴⁰ См.: Бусыгин А.В. Монах Теодорик и его «История о древних норвежских королях» (Проблемы источниковедения) // ДГ, 1999 год. М., 2001. С. 86–92.

⁴¹ Johnsen A.O. Om Theodoricus og hans *Historia de antiquitate regum Norwagiensium*. Oslo, 1939 (NVAOA. 1939. No 3); Mortensen L.B. The Nordic Archbishoprics as Literary Centres around 1200 // Archbishop Absalon of Lund and His World / K. Friis-Jensen, I. Skovgaard-Petersen. Roskilde, 2000. P. 133–157.

⁴² Johnsen A.O. Om Theodoricus.

⁴³ Ibid.; Bagge S. Da boken kom til Norge. Oslo, 2001. S. 220–221.

С сочинением Адама Бременского «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» (1070-е гг.), уже за век до Теодорика «включившим» скандинавские страны и народы в контекст европейской истории и послужившим главным источником и образцом для другой норвежской латиноязычной хроники третьей четверти XII в. — анонимной «Истории Норвегии» (написанной, правда, не в Тронхейме, а в восточной Норвегии), — Теодорик, как полагают исследователи, знаком не был⁴⁴. Поэтому он обращается к известиям двух хронистов, повествующих о набегах норманнов (как в Западной Европе именовали скандинавов) на территорию франков. Сигеберт из Жамблу (1030–1112 гг.) сообщает о нападении викингов на город Тур, каковые имели место в 853 и 903 гг. Другой пересказанный Теодориком текст приписывается не Гуго Сен-Викторскому (около 1096–1141 гг.), как утверждает Теодорик, а его ученику, Рикару Сен-Викторскому (около 1123–1173 гг.), французскому мистика и толкователю священного писания, настоятелю монастыря Сен-Виктор в Париже. Обратимся непосредственно к этому тексту:

Во время правления Карла Простоватого норманны, по происхождению даны, под водительством некоего Роллона, выйдя из Нижней Скифии и переплыв океан, хотя и раньше частенько как пираты тревожили по тем же берегам океана Германию с Галлией, вторглись в Галлию в той ее части, которая обращена к Британии⁴⁵.

Итак, Рикар Сен-Викторский говорит о событиях двухвековой давности, а именно о том, как в 911 г. датский викинг по имени Хрольв (Роллон) получил в лен по договору с Карлом Простоватым земли в нижнем течении Сены, что привело к основанию

⁴⁴ “He would almost certainly have used Adam of Bremen had he known of him” (*Mortensen L.B.* Introduction // *Historia Norwegie* / I. Ekrem, L.B. Mortensen. Tr. by P. Fisher. Copenhagen, 2003. P. 20–21).

⁴⁵ *Richard de Saint-Victor. Liber exceptionum / Texte critique avec introduction, notes et tables publiés par J. Châtillon.* Paris, 1958. P. 212: “Hac preterea tempestate, regnante Karolo Simplici, Normanni, origine Dani, duce quodam Rollone nomine, a Scitia inferiore egressi atque per Oceanum vecti, cum sepe numero tam ante Germaniam quam Galliam more piratico per eadem Oceani littora excurrentes infestassent, tandem egressi Galliam, qua parte Britanniam respicit, pervaserunt” (пер. А.В. Подосинова).

герцогства Нормандия. Можно высказать предположение относительно источника этого места в тексте богослова из монастыря Сен-Виктор на том основании, что здесь содержится не совпадающая дословно (то есть не являющаяся прямой цитатой), но полностью отвечающая мысли Адама Бременского характеристика норманнов как пиратов, нападавших на Германию и Галлию. См. у Адама в главе IV, 44:

[И] се: это свирепое племя данов, или норманнов, или свеонов, которое, по словам святого Григория, «не умело ничего, кроме как скрежетать зубами “вар-вар”, уже давно научилось воспевать “аллилуия” во славу Божью». [И] се: этот народ пиратов, некогда, [как] пишут, опустошавший все области Галлии и Германии, ныне довольствуется [тем, что сидит] в своих пределах, глаголя вместе с апостолом: «Не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» и «веруем, что увидим благость Господа на земле живых»...⁴⁶.

Источником мог быть как текст Адама Бременского, так и общий с ним источник («...[как] пишут...»). Однако родина норманнов обозначается у Рикара как *Скифия* тоже вполне в духе Адама Бременского (к народам *Скифии* этот последний относит и свеев, и датчан, и норвежцев, и славян, и пруссов, то есть весь европейский север вокруг Балтийского моря)⁴⁷. Отметим еще, что использование Рикаром применительно к Дании топонима *Нижняя Скифия* вполне вписывается в средневековую традицию, по которой хронисты, вслед за Исидором Севильским, различали *Нижнюю* (европейскую) *Скифию* и *Верхнюю* (азиатскую) *Скифию*.

Изменения, внесенные при пересказе в это сообщение Теодориком, весьма примечательны, как можно видеть из приводимого ниже сопоставления их текстов.

Рикар Сен-Викторский

...норманны, по происхождению даны, под водительством некоего Роллона, выйдя из *Нижней Скифии* и

Теодорик

Норманны... отплыли из *Нижней Скифии* (под которой он, без сомнения, имеет в виду

⁴⁶ Адам С. 447. См. фрагмент, выделенный курсивом, в латинском оригинале: “Ессе populus ille pyraticus, a quo totas olim Galliarum et Germaniae provintias legimus depopulatas” (Adam. P. 280).

⁴⁷ Подробнее см. в Главе 9.

переплыв океан, хотя и раньше частенько как пираты тревожили по тем же берегам океана Германию с Галлией, вторглись в Галлию в той ее части, которая обращена к Британии. *Верхнюю [Скифию], которую мы называем Швецией*), подошли на кораблях к Галлиям и, проходя по реке Сене, все разорили огнем и мечом.

Итак, Теодорик заимствует из своего источника *Скифию*, но это совсем другая *Скифия* — не *Нижняя*, а *Верхняя*. Причем у него здесь не случайная оговорка: напротив, он уверен, что Гуго (= Рикар), говоря о *Нижней Скифии*, имеет в виду *Верхнюю Скифию*. Теодорик также опускает присутствующую в его источнике расширительную характеристику тех *норманнов*, которые совершили нападение на Галлию из Скифии: он не уточняет, что их предводителем был некий Ролло, а главное — он не пишет, что эти *норманны* были *по происхождению даны*. Да он и не мог этого написать, поскольку в его сознании *Скифия* соединяется со Швецией: «которую мы называем *Светией (Швецией)*», — подчеркивает он, тем самым по сути меняя этнос *норманнов*, которые в результате оказываются не *данами*, а *свеями (шведами)*.

Но кто такие «мы», от чьего имени говорит Теодорик? Дважды встречаем у него точно такой же оборот при разъяснении топонимов: «...король Магнус... достиг островов, которые *мы называем* Бреннэйяр» (гл. 22), «Корнубия, которую *мы называем* Бретланд» (гл. 31). Несколько раз в аналогичной ситуации он упоминает свой «родной язык» (*materna lingua*), уточняя, что остров Свёльд «находится около Славии, которую *мы называем на родном языке* Винндландией» (гл. 14), что вандалов «*мы на называем на родном языке* виндами» (гл. 24) и что Олав Харальдссон, возвращаясь в Норвегию, «пристал сперва к некоему острову, который *на нашем родном языке называется* Сэла...» (гл. 15). Дальнейший комментарий Теодорика особо примечателен: «...Сэла, что *истолковывается на латынь* как “благоденствие”, без сомнения предвещающая будущую святость этого мужа...». Итак, Теодорик противопоставляет свой родной язык и латынь. Топонимы *Бреннэйяр*, *Бретланд*, *Сэла* нам известны из древнеисландских саг, но Теодорик дает понять, что его родной язык — не исландский, поскольку он не отождествляет себя с исландцами, а подчеркивает их инакость. Выше уже был процитирован

фрагмент Пролога, где Теодорик рассказывает, как он собирал информацию о норвежских королях, «прилежно опрашивая тех, чья память об этом, как полагают, особенно крепка, *кого мы называем исландцами*». Практически ту же формулировку Теодорик повторяет в гл. 1, говоря, что он тщательно расспрашивал «тех, *кого мы обычно называем исландцами*; ведь они, как известно, в сравнении со всеми северными народами были, вне сомнений, всегда и более сведущими и более любознательными в делах такого рода». Исландский язык Теодорик воспринимает как отдельный язык. Так, в рассказе о том, как Олав Трюггвасон направлял проповедников христианства в Исландию, встречаем такой его комментарий: «И вот, на следующее лето король послал священника Термона, которого *на своем родном языке они звали Тормодом*» (гл. 12). Теодорик, вне всякого сомнения, норвежец, он пишет свою историю древних норвежских королей, как он заявляет в Прологе, с целью «вверить памяти потомства то, пусть небольшое, [что относится] к *нашим предкам*».

Возвращаясь к скифской проблематике и к пересказу Теодориком пассажа из Рикара Сен-Викторского, мы можем отметить, что «История о древних норвежских королях» Теодорика Монаха является самым ранним из дошедших до нас сочинений исландско-норвежского круга, где имеет место отождествление *Скифии* и *Светии (Швеции)*, для чего автору приходится в значительной степени исказить свой источник. И хотя абсолютно справедлива мысль А.В. Бусыгина, что выбор Теодориком латинского языка (вместо норвежского) повлек за собой «антиклизацию топонимов», что «в соответствии с традициями античной и раннехристианской географии Дания превращается под пером Теодорика в Дакию, а Швеция — в Верхнюю Скифию»⁴⁸, дело здесь не в том, что *Suethia* как следствие антиклизации и известной фонетической и/или графической близости превращается в *Scythia*, а в том, что *Suethia (Svetia)* вообще *появляется* в этом тексте, потому что в источнике упоминалась *Scythia*. А происходит это по той причине, что, как утверждает Теодорик, норвежцы называли («которую мы называем») Швецию (лат. *Suethia*, дисл. *Svíþjóð*) *Верхней Скифией* (лат. *Scythia superior*). Надо думать, что не у всех норвежцев в послед-

⁴⁸ Бусыгин А.В. Монах Теодорик. С. 91–92.

ней трети XII в. возникала такая ассоциация, но в ученой среде, к которой принадлежал Теодорик, вполне могла бытовать какая-то легенда, соединяющая два этих имени.

Как кажется, указать на интересующую нас легенду совсем не сложно. Думаю, что это — рассмотренная выше эвгемеристическая легенда о заселении Скандинавии, отразившаяся в целом ряде памятников древнескандинавской письменности. Самый ранний из дошедших до нас источников, в котором она присутствовала (хотя мы и знаем его в значительно более позднем латинском пересказе), — «Сага о Скъёльдунгах», которая дает дополнительное подтверждение того, что в Норвегии к последней трети XII в., видимо в ученой среде, была в обращении «легенда о происхождении» (*narrative of origin*), соединившая в своей ткани античность и средневековье, реальную географию и географию ученую. А на письме первым из известных нам древнескандинавских авторов *Скифию* и *Свитьод* соединил Теодорик Монах. Что заставило его заменить *Scythia inferior* на *Scythia superior*, можно только догадываться. На мой взгляд, здесь имеет место очень тонкая игра слов ученого норвежца: ведь *Scythia superior* прочитывается не только как *Верхняя Скифия* (*superior* —верху расположенный, выше находящийся), но и — в контексте переселенческой легенды — как *Прежняя Скифия* (*superior* — предшествующий, предыдущий, прежний, истекший)⁴⁹.

10.3. Скифия = Великая Свитьод

Начнем с «саг об апостолах» (*postola sögur*), особой разновидности исландских «религиозных» саг, куда также входят жития святых («саги о святых» — *heilagra manna sögur*) и которые, скорее всего, имел в виду автор древнеисландского «Первого грамматического трактата» (первая половина XII в.), когда упомянул среди уже существующей к его времени литературы *þýðingar helgar* «священные разъяснения»⁵⁰. Саги об апостолах,

⁴⁹ Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е перераб. и доп. М., 1976. С. 982.

⁵⁰ *Hreinn Benediktsson. The First Grammatical Treatise: Introduction, Text, Notes, Translation, Vocabulary, Facsimiles. Reykjavík, 1963.*

естественно, основаны на житиях апостолов⁵¹, которые пришли в Исландию и Норвегию, как считается, вскоре после принятия христианства, то есть в начале XI века. Они прочно укоренились и принадлежат к одним из первых текстов, переведенных с латыни на древнеисландский язык. Самое раннее собрание «саг об апостолах» находим в AM 645 4to (около 1220 г.), а самое полное — в рукописи “Codex Scardensis” (около 1360 г.)⁵².

В «Саге о двух апостолах Филиппе и Якобе» встречаем сообщение о проповеди апостола Филиппа в Скифии:

Святой Филипп, апостол нашего Господа Иисуса Христа, отправился после Его вознесения в эти земли, которые зовутся *Скифия*, и проповедовал там знания и правую веру в течение двадцати лет⁵³.

Если мы сравним это место в саге с его источником — «Апостольской историей» Псевдо-Авдия, — то увидим, что *Скифия* исландской саги соответствует *Скифии* латинского текста:

А после вознесения Спасителя блаженный Филипп в течение двадцати лет непрерывно проповедовал Евангелие язычникам в *Скифии*⁵⁴.

Однако не все упоминания Скифии в латинских житиях апостолов и святых, попав из них в исландские саги, сохранились

⁵¹ На сегодня в распоряжении исследователей имеется большая коллекция апокрифических деяний и страстей, которая, как предполагается, была составлена Авдием около 600 г. и издана В. Лациусом в 1552 г. на основе двух рукописей, которые, однако, были дополнены и исправлены самим Лациусом, так что этот текст часто называют «Апостольской историей» (*Historia Apostolica*) Псевдо-Авдия.

⁵² См.: *Turville-Petre G. Origins of Icelandic literature. Oxford, 1953. P. 128–130; Wolf K. Postola sögur // Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia / Ph. Pulsiano et al. N.Y.; L., 1993. P. 511–512; Roughton Ph. Stylistics and sources of the postola sogur in AM 645 4to and AM 652/630 4to // Gripla. 2005. Vol. XVI. Bls. 7–50.*

⁵³ *Postola sögur. S. 740: “Heilagr Philippus postole guds drottins vórs Jesus Cristz fór eftir uppstigning hans til þess landz, er Scithia heitir, ok kendi þar kenningar ok retta tru .xx. vetr”.*

⁵⁴ *Liber decimus: De rebus a Beato Philippo Apostolo gestis // Codex Apocryphus Novi Testamenti / J.A. Fabricius. Hamburg, 1719. II. 738: “Post adscensionem vero Salvatoris beatus Philippus per annos viginti instanter praedicavit Gentibus per Scythiam Evangelium”* (пер. А.В. Подосинова).

там в неприкосновенности. Дело в том, что в раннесредневековой исландской культуре шел ярко выраженный процесс отторжения латинской книжности, признаком которого было «не только преобразование (трансформация, проч.) жанрово-стилистических разновидностей, чуждых исландской литературе, в саги, но и очевидное предпочтение переводов-интерпретаций при очень незначительном количестве буквальных переводов»⁵⁵. Более того, переводчики латинских текстов нередко трансформировали личные имена, такие как имена классических богов, и некоторые топонимы таким образом, чтобы они «вызывали у людей, воспитанных в северной традиции, более очевидные ассоциации. Скажем, в “Саге о [папе] Клементе” (относящейся к сагам о святых. — Т. Д.) Тор, Один и Фрейя (боги скандинавского пантеона. — Т. Д.) заменили собою Юпитера, Геркулеса и Венеру»⁵⁶. Вместо латинских географических имен исландские переводчики использовали топонимы местного происхождения⁵⁷: именно это — вне всякого сомнения — произошло и со *Скифией*.

Возьмем несколько примеров из «Саги об апостоле Андрее». Основой для саги послужили как «Апостольская история» Псевдо-Авдия, так и ее источник — «Книга о чудесах блаженного апостола Андрея», созданная Григорием Турским (около 539–594 г.) путем переработки «Деяний Андрея» (начало III в.). В «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (около 260–340 г.) читаем о том, что Андрей проповедовал в Скифии:

⁵⁵ *Логутенкова Т.Г.* Специфика усвоения книжной культуры в средневековой Исландии // Скандинавские чтения 1998 года. СПб., 1999. Ср.: *Clunies Ross M.* Medieval Icelandic textual culture // *Gripla*. 2009. Vol. XX. P. 163–181, где речь идет о том, что если мы хотим составить четкую картину всего спектра древнеисландской литературной продукции, то мы должны признать, что большая ее часть является результатом перевода (в самом широком смысле этого слова) и, соответственно, передачи текстов одной культуры (а именно культуры средневекового латинского христианского мира) посредством другой культуры, народной исландской; такое посредничество, конечно же, предполагает культурную трансформацию, которая, в свою очередь, часто ведет к культурной апроприации.

⁵⁶ *Turville-Petre G.* Origins of Icelandic literature. P. 129.

⁵⁷ *Pritsak O.* The Origin of Rus'. Vol. I: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. Cambridge, Mass., 1981. P. 506–507.

Святые же апостолы и ученики Спасителя рассеялись по всей земле. Фоме, как повествует предание, выпала по жребию Парфия, Андрею — *Скифия*, Иоанну — Асия, там он жил, там в Эфесе и скончался⁵⁸.

В «Саге об апостоле Андрее» имеется сходный текст, однако местом проповеди Андрея названа не *Скифия*, а *Великая Свитьод*:

И когда апостолы рассеялись по всей земле, апостол Андрей отправился сначала в *Великую Свитьод*, чтобы там принести Господу многообразные плоды своей проповеди⁵⁹.

В «Апостольской истории» Псевдо-Авдия описывается путешествие Андрея из Nikeи в Никомедию, а затем в Константинополь:

...и так апостол, отправившись из Никомедии, сел на корабль и, войдя в Геллеспонт, поплыл по проливу, чтобы прибыть в Византий⁶⁰.

Тот же сюжет присутствует в «Саге об апостоле Андрее», но в рассказе имеется вставка, объясняющая, что такое *Хеллеспонт* (*Hellespontus*). Это древнее имя пролива Дарданеллы у средневековых авторов не всегда, по мнению исследователей, было связано со Средиземноморьем⁶¹. Похоже, что и автор саги (= переводчик) отождествил его с древнескандинавским гидронимом *Эллипалтар* (*Ellipaltar*), обозначающим Азовское море, в которое впадает Танаис (Дон), протекающий по Великой Свитьод (то есть по Скифии):

⁵⁸ Электронный ресурс [режим доступа: <http://khazarzar.skeptik.net/books/eusebius/he/index.html>, дата обращения — 30.10.2016].

⁵⁹ Harty L. Andreas saga postola. P. 1–2: “En þá er postolarnir skiptuðusk til landa, þá fór Andreas postoli fyrst til *Svíþjóðar hinnar miklu* at föra þar Guð i margfaldan ávöxt sinna kenninga”.

⁶⁰ Liber tertius: De gestis Beati Andreae Apostoli // Codex Apocryphus Novi Testamenti (Acta Apostolorum Apocrypha, sive Historia certaminis apostolici adscriptis Abdiae primo, ut ferunt, Babyloniae Episcopo, et distributi in libros decem) / J.A. Fabricius. Hamburg, 1719. II. 466–467: “...egressus itaque Nicomediae Apostolus, navem conscendit, ingressusque Hellespontum, fretum navigabat, ut veniret Byzantium” (пер. А.В. Подосинова).

⁶¹ Подробнее см.: Джаксон Т.Н., Подосинов А.В. Топонимия на перекрестке культур: древнескандинавское название Азовского моря и устная традиция // ДГ, 2011 год. М., 2013. С. 165–191.

Из Никеаборга отправился святой Андрей к морю и намеревался пересечь море, которое называется Хеллеспонт. Это море разделяет две трети мира — Азию и Европу, так как к северу [от него] лежит Греция, а к югу — Азия Бóльшая. Это море завершает собою Средиземное море, образуя залив в Великой Свитьод. В этот залив впадает из Великой Свитьод река, которая зовется Танаис или Танаквисл (Дон. — *Т. Д.*), и делит этот водный поток ранее названные трети земли. А когда апостол Андрей поднялся на борт корабля со своими людьми, вознамерились они отплыть в Миклагард (Константинополь. — *Т. Д.*), который в то время назывался Византием⁶².

Наряду с сохранением в своем тексте *Скифши* латинского оригинала или ее «молчаливой» заменой на *Великую Свитьод* исландские авторы саг нередко объясняли своим читателям, видимо, предполагая их незнакомство с древним географическим термином, что такое *Скифия*:

Скифия... которую некоторые люди называют *Великой Свитьод*⁶³.

Этот пример взят из еще одной «саги об апостолах» (точнее — об апостоле Филиппе), однако ту же картину мы наблюдаем и в са-гах иных видов, в основе которых лежит латинская христианская книжно-письменная традиция.

«Сага об Александре» представляет собой прозаический перевод латинской эпической поэмы об Александре Македонском «Александреида» Вальтера Шатильонского (“*Alexandreis*”, около 1184 г.), выполненный священником Брандом Йонссоном (который впоследствии стал епископом в Холаре) по приказу норвежского короля Магнуса Исправителя Законов (1263–1280), предположительно во время его пребывания в Норвегии в 1262–

⁶² Postola sögur. S. 361–362: “Fra Niceaborg for heilagr Andreas til siofar ok ætlaði at sigla yfir haf, þat er kallað er Hellispontus. Þetta haf skilr .ii. þriðjunga heimsins Asiam ok Europam, þviat firir norðan er Grikland, en firir sunnan Asia hin meiri. Þetta haf gerir enda a miðiarðarsionum með sinum botni i *hinni miklu Svíþjóð*. I þenna botn fellr ofvan af *Svíþjóð hin mikla* aa, er heitir Tanais eðr Ta[na]lqvi[s], ok gerir þetta vatnfall þar umskifti aa fyrir saugðum heimsins þriðjüngum. Nu sem Andreas postoli stigr a skip með sinum maunnum, ætluðu þeir at sigla til Miklagarðz, er i þann tima var köllut Bizancium”.

⁶³ Ibid. S. 736: “*Scitia*... er af sumum mönnum er kölluð *Svíþjóð hin mikla*”.

1263 г. (основная из пяти рукописей саги датируется около 1280 г.). Ученый исландец середины XIII в. дает в своем переводе точно такое же пояснение к хорониму *Скифия*, что и авторы саг об апостолах:

Скифия, которую некоторые люди называют *Великой Свителью*⁶⁴.

Библия в полном объеме, как полагают исследователи, не переводилась в Исландии и Норвегии на народные языки вплоть до XVI в., однако в составе компиляций до нас дошли значительные фрагменты Ветхого Завета в переводах на норвежский язык, датированных XIII – началом XIV в. и известных под названием “*Stjórn*” («Руководство»)⁶⁵. Из пролога следует, что работа велась под покровительством норвежского короля Хакона Магнуссона (1299–1319). На основании языковых данных принято считать, что части Библии были впервые переведены в первой половине XII в., более или менее окончательный вид текст приобрел около 1250 г., а затем перевод был подвергнут нескольким переработкам в сторону расширения и пополнения его дополнительными материалами⁶⁶. Начальная часть «Руководства» (включающая в себя «Бытие» и первые восемнадцать глав «Исхода») «представляет собой не столько перевод Библии, сколько основанную на ней компиляцию, в которой библейская история дополнена значительными уточнениями и комментариями, а также совершенно посторонними сведениями»⁶⁷. Экзегетический материал по большей части почерпнут из «Схоластической истории» (“*Historia scholastica*”) Петра Коместора (ум. 1178 или 1198 г.) и «Историчес-

⁶⁴ Alexanders saga. Islandsk Oversættelse ved Brandr Jónsson (Biskop til Holar 1263–64) / Finnur Jónsson. Copenhagen, 1925. S. 125: “Sithia. þat kalla sumir Svíþjóð ena miclo”.

⁶⁵ О «Руководстве» см.: *Svanhildur Oskarsdóttir*. On Iceland / Fondness for Stories: Medieval Bible Translations // The City and the Book. International Congresses in Florence’s Certosa 30, 31 May, 1 June 2001. Proceedings. Section IV: The Bible in England and Iceland — Электронный ресурс [режим доступа: <http://www.florin.ms/aleph4.html>, дата обращения — 30.10.2016]; *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 139–150.

⁶⁶ Ниже я даю свой перевод фрагментов «Руководства», но учитываю комментарии к его изданию Е.А. Мельниковой.

⁶⁷ Kirby I.J. Bible Translation in Old Norse. Genève, 1986. P. 52.

кого зеркала» (“Speculum historiale”) Винсента из Бове (1190–1264 гг.), равно как из «Образа мира» (“Imago mundi”) Гонория Августодунского (первая половина XII в.). Автор был также знаком с трудами Августина (354–430 гг.), Григория Великого (около 540–604 гг.) и «Этимологиями» (“Etymologiae”) Исидора Севильского (около 560–636 гг.), и в тексте имеются ссылки на эти источники. Любопытно, что в одной из трех рукописей, сохранивших «Руководство», его текст помещен непосредственно перед исландским переводом Саллюстия и Лукана, «Алексаидрой», а также «Сагой об иудеях» — компиляцией, основанной на Маккавейских книгах, «Схоластической истории» Петра Коместора и «Иудейской войне» Иосифа Флавия. Вне всякого сомнения, составители этой рукописи рассматривали «Руководство» тоже как историческое сочинение. Действительно, Библейские тексты воспринимались как источник по ранней истории человечества и включались в более объемные компиляции, которые должны были, по замыслу их составителей, соединить вместе доступные знания о древнем мире.

Скифия оригинальных текстов во многих случаях заменяется в «Руководстве» на *Великую Свитьод*, и вот, что мы узнаем об этой территории.

В соответствии с широко распространенным в античной и средневековой литературе представлением о том, что *Парфия* была заселена из *Скифии*, составитель «Руководства» сообщает, что Парфию заселили парфяне из *Великой Свитьод*. Похоже, что перед нами перевод из Исидора, лишь содержащий замену *Скифии* на *Великую Свитьод*⁶⁸:

Stjórn

Isid. Etym. XIV, III, 9

Parthiam tok þat folk undir sik er Parthi uoru kalladir. þeir komu af hinni miklu Suiþioð ok kölludu sua landit af sinu nafni.

Parthiam Parthi ab Scythia venientes occupaverunt, eamque ex suo nomine vocaverunt.

⁶⁸ М. Клунис Росс отмечает, что даже близкий перевод демонстрирует, как проходила культурная апроприация (*Clunies Ross M. Medieval Icelandic textual culture*. P. 171).

Парфию заселил тот народ, который звался парфами; они пришли из *Великой Свитьод* и назвали так землю по своему имени⁶⁹.

Парфию заселили парфы, пришедшие из Скифии, которые назвали ее по своему имени⁷⁰.

Явно следуя Исидору, составитель «Руководства» изображает Парфию (состоящую из восемнадцати царств) и *Великую Свитьод* (*Скифию*) как пограничные земли:

Stjórn

Atian konungariki eru i Parthia allt fra þeirri strönd sem kallaz Kaspium litus ok til *micklu Suiþjóðar*.

Восемнадцать царств находится в Парфии, на всем протяжении от того залива, который зовется Каспийским морем, вплоть до *Великой Свитьод*⁷¹.

Isid. Etym. XIV, III, 9

Regna in ea decem et octo sunt, porrecta a Caspio litore usque ad terras Scytharum.

В ней находится восемнадцать царств, протянувшихся от Каспийского побережья вплоть до земель скифов.

Составитель «Руководства» четко артикулирует отождествление *Скифии* и *Великой Свитьод*, а также, сильно сокращая описание Исидора, называет в качестве ее границы Гирканию, включая в нее тем самым области Южного Прикаспия:

Stjórn

Scythia er uær köllum *miklu Suiþjóð* uar fordum eitt stort land. kallat sua af Magog einum syni Japheth. eptir þi sem segiz. Henni liggir aafast þat land er Hircania heitir.

Isid. Etym. XIV, III, 31

Scythia sicut et Gothia a Magog filio Iaphet fertur cognominata. Cuius terra olim ingens fuit; nam ab oriente India, a septentrione per paludes Maeotides inter Danubium et Oceanum usque ad Germaniae fines porrigebatur. Postea vero minor effecta, a dextra orientis

⁶⁹ Stjórn. Gammelnorsk bibelhistorie fra verdens skabelse til det babyloniske fangenskab / C.R. Unger. Christiania, 1862. S. 72. Cp.: Solin, p. 59; Vinc. Spec. hist. LXV.

⁷⁰ Перевод фрагментов «Этимологий» Исидора здесь и ниже выполнен А.В. Подосиновым.

⁷¹ Stjórn. S. 72. Cp.: Vinc. Spec. hist. LXV.

parte, qua Oceanus Sericus tenditur, usque ad mare Caspium, quod est ad occasum; dehinc a meridie usque ad Caucasi iugum deducta est, cui subiacet Hyrcania ab occasu habens pariter gentes multas, propter terrarum infecunditatem late vagantes.

Скифия, которую мы зовем *Великой Свитьод*, была в древности великой страной, названной так по Магогу, одному из сыновей Иафета, как было сказано ранее. Она граничит с землей, прозываемой Гирканией⁷².

Говорят, что Скифия, как и Готия, названа по Магогу, сыну Иафета. Ее территория когда-то была огромной; ведь она простиралась с востока от Индии, с севера через Меотийские болота между Данубием и Океаном вплоть до пределов Германии. Однако позже она стала меньше, [простираясь] от правой части востока, где тянется Серский Океан, вплоть до Каспийского моря, которое находится к западу [от нее]. Отсюда она с юга тянется вплоть до хребта Кавказа, под которым находится Гиркания, имеющая с запада также многие племена, кочующие на большом пространстве вследствие неплодородности земли.

Следуя Исидору, составитель «Руководства» объясняет незаселенность многих земель в Скифии тем, что там обитают страшные грифоны⁷³:

⁷² Stjórn. S. 78. Ср.: Vinc. Spec. hist. LXVIII.

⁷³ Е.А. Мельникова (*Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. С. 149, примеч. 23; С. 66–67, примеч. 8, 9), однако, полагает, что, вслед за Винсентом из Бове, он переносит на Скифию легенды, связанные с Индией, а из Исидора приводит в параллель еще и другой фрагмент — Isid. Etym., XIV, III, 7: “Ibi sunt et montes aurei, quos adire propter dracones et gryphas et inmensorum hominum monstra impossibile est” («Там есть и золотые горы, к которым подойти невозможно из-за драконов, грифонов и чудовищно огромных людей»).

Stjórn

Isid. Etym., XIV, III, 32

J fyrr nefndri *Sithia* eru morg ríki ok þó flest ubýgd. Þíat í marga þá stadi sem yfrin gnott er af gulli ok gimsteinum. fær sealldan edr alldrígí madr komit sakir orma ok mikilleika gríphorum.

Scythiae plures terrae sunt locupletes, inhabitabiles tamen plures; nam dum in plerisque locis auro et gemmis affluent, gryphorum inmanitate accessus hominum rarus est.

В ранее названной *Скифии* есть много государств, и все же много больше незаселенных [земель], так как во многие те места, которые изобилуют золотом и драгоценными камнями, редко или никогда не заходили люди, опасаясь змей и огромных грифонов⁷⁴.

Многие земли Скифии плодородны, однако многие необитаемы. Ведь хотя во многих местах они изобилуют золотом и драгоценными камнями, люди редко заходят туда из-за свирепости грифонов.

При перечислении земель в Европе первой, то есть самой близкой к Азии, составитель «Руководства» называет *Нижнюю Скифию*, что указывает на присутствие на его ментальной карте и *Верхней Скифии*. Различение *Нижней*, европейской, и *Верхней*, азиатской, *Скифии* идет, как полагают исследователи, от Исидора Севильского (который, впрочем, тоже говорит только о *Нижней Скифии* — Isid. Etym., XIV, IV, 3–4) и широко распространено в средневековой хорографии⁷⁵. Эта *Нижняя Скифия* составителя «Руководства» тянется, как и у Исидора, от Меотийских болот (границы между Европой и Азией) вплоть до Германии, широкой полосой, лежащей между Дунаем и внешним северным Океаном:

⁷⁴ Stjórn. S. 79. Cp.: Vinc. Spec. hist. LXVIII.

⁷⁵ См., например, в трактате Бартоломея Английского «О свойствах вещей» (первая половина XIII в.) параграф «О Сифии»: “*Sithia* regio est maxima, cuius pars superior est in Asia, inferior vero prior est in Europa. Et haec inferior a Maeotidis paludibus incipiens inter Danubium et Oceanum septentrionalem usque ad Germaniam protelatur, ut dicit Ysidorus libro XIV” («*Сифия* — огромная область. Ее верхняя часть расположена в Азии, а нижняя — в Европе. И эта нижняя [*Скифия*], начинаясь между Меотийскими озерами и Северным океаном, тянется до самой Германии, как говорит Исидор в книге XIV»), см.: Матузова В.И. Английские средневековые источники. Тексты, перевод, комментарий. М., 1979. С. 79/86–87 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

Stjórn

Hit fyrsta land i Europa er *hin nedri Sithia*. huer er tiltekr ok upphefz af þeim storum stöduuautnum sem *Meotides* heita. ok liggir milli aarinnar Danubium er uær köllum Dynu ok nordanuerdz uthafsins allt til Germaniam.

Первая земля в Европе — это *Нижняя Скифия*, которая начинается у тех больших болот, что зовутся Меотидой, и тянется между рекой Данубий, которую мы называем Дуной, и северным океаном вплоть до Германии⁷⁶.

Составитель «Руководства», как и Исидор, называет три части Скифии — Аланию, Дакию и Готию:

Stjórn

Hinn fyrsti partr *Sithie* heitir *Alania*. þar næst *Dacia* oc *Gothia*. Næst fyrr nefndri *Scithie* er þat land er Germania heitir.

Первая часть Скифии зовется Аланией, далее находятся Дакия и Готия. Вслед за ранее названной Скифией лежит земля, которая зовется Германией⁷⁷.

Обратимся теперь к собственно географическим сочинениям.

Isid. Etym., XIV, IV, 3

Prima Europae regio *Scythia inferior*, quae a Maeotidis paludibus incipiens inter Danubium et Oceanum septentrionalem usque ad Germaniam porrigitur.

Первая область Европы — Нижняя Скифия, которая, начинаясь от Меотийских болот, простирается между Данубием и Северным океаном вплоть до Германии.

Isid. Etym., XIV, IV, 3

Huius pars prima Alania est, quae ad Maeotidis paludes pertingit; post hanc Dacia, ubi et Gothia; deinde Germania, ubi plurimam partem Suevi incoluerunt.

Ее первая часть — Алания, которая достигает Меотийских болот; за ней находится Дация, там же и Готия; затем Германия, большую часть которой заселили свевы.

⁷⁶ Stjórn. S. 82. Ср.: Vinc. Spec. hist. LXXI.

⁷⁷ Stjórn. S. 82. Ср. также у Гонория Августодунского: “In hac sunt istae provinciae, *Alania, Dacia, Gothia*” («В ней есть такие провинции: *Алания, Дакия, Готия*») (Hon., I, XXIII); ср. также у Бартоломея Английского: “Huius prima pars est *Alania*, deinde Maeotides paludes, deinde *Gothia, Dacia, Rhacia*, deinde *Germania*” («Первой частью ее является *Алания*, затем Меотийские озера, затем — *Готия, Дация, Реция*, затем *Германия*») (*Матузова В.И.* Английские средневековые источники. С. 79/87).

В четырех из них упоминается *Скифия / Великая Свитьод*: это — «Какие земли лежат в мире»⁷⁸ (вторая половина XIII – начало XIV в.), «Описание Земли II» (после середины XIII в.), «Описание Земли III» (не раньше конца XIII в.), «О заселении земли сыновьями Ноя» (существовало к началу XIV в.). Географические трактаты по большей части основаны на «Этимологиях» Исидора (VII в.) и «Об образе мира» Гонория Августодунского (первая половина XII в.), который, в свою очередь, восходит к Исидору. Среди источников географических сочинений также можно назвать «Руководство», «Сагу о троянцах» (XIII в.)⁷⁹, «Всемирную сагу» (древнеисландскую хронику мировой истории от Творения вплоть до XII в., датируемую около 1200 г.) и саги об апостолах. *Скифия / Великая Свитьод* локализуется авторами трактатов по-разному: если «О заселении земли сыновьями Ноя» называет ее два раза — при перечислении земель в Европе и в Азии, а «Какие земли лежат в мире» и «Описание Земли III» причисляют ее только к европейским землям, то «Описание Земли II» относит ее к Африке.

В трактате «О заселении земли сыновьями Ноя» *Великая Свитьод* упоминается как среди азиатских земель, так и среди европейских:

У Сима было пять сыновей, все они заселили Восточную половину мира, и их потомки вслед за ними. [...] Таковы страны в той части мира, где они жили: Индиаланд, Персия — там жил Елам; Ассириаланд — там жил Асур; Медиаланд, Халдеаланд — там жил Арфаксад; Албаниаланд — там правил Иллуди; Бактрия, Араня — там был Аран; Квеннланд, *Великая Свитьод*. [...] У Иафета было 7 сыновей. [...] Таковы страны в той части мира, которая называется Европой: *Великая*

⁷⁸ Все эти трактаты имеют условные названия, которые даны им Е.А. Мельниковой в ее публикации: *Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения.*

⁷⁹ Исследователи считают, что все три редакции саги восходят к некоему общему тексту, созданному в начале XIII в. и представлявшему собой прозаическое переложение утраченного ныне источника — широко известного в средневековой Европе латинского перевода (V или IV в. н.э.) греческого сочинения “De excidio Troiae historia” («Повести о гибели Трои», возможно, I в. н.э.), приписываемого Дарету Фригийскому.

Свитьод — там правил Магок⁸⁰; Кюльфингаланд, его мы называем Гардарики, — там был Мадай; Грикланд — там правил Иуван; Болгараланд — там был Фирак; Унгараланд, Саксланд, Фракланд, Спанланд — там был Фувал; Ромверьяланд, Данморк, Свитьод, Норвегия — там был Гомер; Галлия, Каппадокия — там был Масок⁸¹.

Е.А. Мельникова указывает, что отнесение *Великой Свитьод* к азиатским странам находится «в явном противоречии с другими географическими трактатами. [...] Видимо, это является результатом как существенной переработки основного источника (Исидора) и отхода от него, так и нечеткостью самого понятия “Великая Свитьод”, как правило, тождественного Скифии античных источников, но созданного чисто логическим путем и не опирающегося на реальные практические знания Земли»⁸². Выше, однако, уже шла речь о том, что со времен Исидора в западной историографии укоренилось разделение *Скифии* на *Нижнюю* и *Верхнюю* — то есть на европейскую (Isid. Etym., XIV, IV, 3) и азиатскую (Isid. Etym., XIV, III, 31, 32), а значит, автор сочинения «О заселении земли сыновьями Ноя» мог именно в этом последовать за Исидором.

В трактате «Какие земли лежат в мире» *Великая Свитьод* тоже названа дважды, но первый раз — как западная граница азиатских земель (то есть европейская территория), а второй раз — как земля в Европе:

⁸⁰ Ср. у Исидора: «Магог, от которого, как считается, ведут происхождение скифы и готы» (“Magog, a quo quidam arbitrantur Scythas et Gothos traxisse originem” — Isid. Etym., IX, II, 27).

⁸¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 133–134/135: “Séem atti V syni, þeir byggia allir austr-halfu heims ok þeira kynsmenn eptir þa. [...] Þessi ero þiödlönd i þeim hluta heimsins, er þeir bygdu: Indialand, Persidia, þar bygdí Elam, Assirialand, þar bygdí Assur, Medialand, Kalldealand, þar bygdí Arphaxath, Albanialand, þar réð Illudi, Bactria, Aranea, þar var Aran, Kvenna-land, *Sviþiöð en mikla*. [...] Iapheth atti vii syni [...] Þessi ero þiödlönd i þeim hluta heims, er Eyropa heiter: *Sviþiöð sum hinn micla*, þar réð Magoc, Kyflingaland, þath kyllum ver Gardariki, þar var Madai, Grikland, þar réð Iuban, Bolgara-land, þar var Tirac, Ungaraland, Saxland, Frakland, Spanland, þar var Tubal, Romverialand, Danmork, Sviþiöð, Noregr, þar var Gomer, Gallia, Capadocia, þar var Masoc”.

⁸² Там же. С. 137, примеч. 7.

А Великой Азии называются все те страны, которые перечислены от Индиаланда до сего места, и вплоть до *Великой Свитьод*. Всего в Азии насчитывается 406 стран, и это 27 языков. [...] В той части мира находится Европа, и самая восточная [ее часть] — *Великая Свитьод*. Туда приходил крестить апостол Филипп⁸³.

Вряд ли справедливо предположение Е.А. Мельниковой, что «составитель трактата перенес деятельность Филиппа в Великую Свитьод, как ближайшую к Азиатской трети область», вопреки тому, что «апостол Филипп по традиции, восходящей к Евсевию [...], проповедовал христианство в Азии»⁸⁴. Более вероятным представляется знакомство составителя трактата (вторая половина XIII – начало XIV в.) с саговой традицией об апостоле Филиппе (см. выше о «Житии Филиппа» Псевдо-Авдия как источнике появления *Скифии* в тексте исландской саги) и следование ей с заменой *Скифии* на *Великую Свитьод*. Итак, под *Великой Свитьод* этого географического сочинения явно понимается *Скифия*.

Точно так же и «Описание Земли III» определяет место проповеди Филиппа, а к тому же артикулирует отождествление *Скифии* и *Великой Свитьод*:

В Европе самая восточная [часть] — *Скифия*, которую мы называем *Великой Свитьод*. Там проповедовал апостол Филипп⁸⁵.

Явно выпадает из общего ряда «Описание Земли II», где *Скифия* отождествляется с *Великой Свитьод*, но при этом помещена в третью часть земли — Африку:

Африкой называется другая треть земли: в этой части находится Серкланд Великий, *Скифия*, то есть ныне — *Великая*

⁸³ Там же. С. 62/65: “En hit micla Asia ero kallað oll riki þau er told ero af India lande alt hingat til, oc þangat huerfr sum *Suiþioð hin micla*. Alsz ero told i Asia .cccc. oc .vi. þioð lond, en þat ero tungur .vij. oc .xx. [...] I þeim lut heimsens er Europa, oc er austast *Suiþioð hin micla*. Þangat kom at cristna Philippus postole”.

⁸⁴ Там же. С. 70, примеч. 48.

⁸⁵ Там же. С. 94/96: “J Europa er austaz *Cithia*, þat kollum uer *Suiþioð himu myclu*. Þar predicadi Philippus postuli”.

Свитьод, Пентаполис, Триполис, Византия, Картагина, Нумидия, Мавритания Сингитан и другая Мавритания⁸⁶.

Любопытно, что рядом с *Великой Свитьод* в перечне областей Африки появляется *Великий Серкланд*. Е.А. Мельникова полагает, что здесь «сказалось объединение различных и разновременных традиций», так что составитель трактата, «переместив Серкланд в Африку, механически перенес сюда и пограничную с ним Скифию»⁸⁷. Мне представляется, что наличие эпитета *Великий* при топониме *Серкланд* и соединение двух названных топонимов в тексте «Описания Земли II» не случайно: начальные слова этого сочинения («В начале этой маленькой книжки анналов мы должны немного написать о земном круге»⁸⁸) наводят на мысль о знакомстве его автора с «Кругом земным» Снорри Стурлусона (см. начальные слова «Саги об Инглингах»: «Круг земной, где обитает род человеческий, сильно изрезан заливами. Большие моря вдаются в землю из окружающего [ее] океана. Известно, что море тянется от Нёрвасунда и вплоть до Йорсалаанда. От этого моря отходит на северо-восток длинный залив, который называется Свартахав. [...] А к северу от Свартахав простирается *Свитьод Великая, или Холодная*. Некоторые считают, что *Великая Свитьод* не меньше *Великого Серкланда*, некоторые сравнивают ее с Великим Блаландом»⁸⁹).

Наконец, обратим внимание на исландскую карту с южной ориентацией, сохранившуюся в рукописи GkS 1812 III 4to и занимающую два листа фолио (5v-6r) в секции, датируемой 1225–

⁸⁶ Там же. С. 86/88: “Africa kallast annarr þriðjungr jarðar; i þeim hlut er Serkland it mikla, *Scitia*, þat er nu *Sviþjod hin mikla*, Pentapolis, Tripolis, Bizancia, Kartagina, Numidia, Mauritania Singitan, ok annat Mauritania”.

⁸⁷ Там же. С. 90.

⁸⁸ Там же. С. 86/87: “I upphafi þessa litla annalabæklings skulo ver skrifa nokkut litið af heimskringlunni”.

⁸⁹ *Snorri Sturluson*. Heimskringla 1. Bls. 9–10: “Kringla heimsins, sú er mannfólkit byggvir, er mjök vágskorin. Ganga höf stór ör útsjánum inn í jörðina. Er þat kunnigt, at haf gengr frá Nörvasundum ok allt út til Jörsalalands. Af hafinu gengr langr hafsbót til landnorðs, er heitir Svartahaf. [...] En norðan at Svartahafi gengr Sviþjóð in mikla eða in kalda. Sviþjóð ina miklu kalla sumir menn eigi minni en Serkland it mikla, sumir jafna henni við Bláland it mikla”.

1250 г. Это — «Большая карта с острова Видей»⁹⁰. Она не содержит контуров географических объектов, но включает в себя значительный объем географической номенклатуры — более 100 легенд, маркирующих расположение рек, гор, стран, областей, городов и народов. Л.С. Чекин относит ее к «картам Т с пространственной ориентацией названий»⁹¹. Но исландская карта, как подчеркивает Д. Кедвардс, содержит значительно больше географических названий, чем любая другая карта этой группы. Исследователь склонен считать, что исландские карты возникли в результате процесса неоднократного соединения информации из различных картографических, письменных и устных источников. По его мнению, эта карта могла быть скопирована с какого-то не дошедшего до нас европейского образца, но многочисленные надписи на древнеисландском языке, скорее всего, были сделаны уже в Исландии, поскольку многие из них — явно местного происхождения, особенно те, что относятся к Северной Европе⁹². В северо-восточной части Европы на карте встречается словосочетание *Scithia frigida* (см. Илл. 32, с. 289). Традиционно оно прочитывалось, как «Скифия холодная»⁹³, однако Л.С. Чекин, обратив внимание на присутствие термина *frigida* также среди надписей в азиатской части, поставил вопрос, «нельзя ли увидеть в этих легендах рудимент зональной структуры (холодная, *frigida*, зона)»⁹⁴.

⁹⁰ На листе 6v находится «Маленькая карта с острова Видей». Так обозначает эти две карты Д. Кедвардс в своей защищенной в Университете Йорка в 2014 г., но еще не опубликованной диссертации (*Kedwards D. Cartography and Culture in Medieval Iceland. PhD. University of York. English and Related Literature. September 2014. P. 151–172*). Пользуюсь случаем выразить автору сердечную благодарность за предоставленную мне возможность ознакомиться с текстом диссертации. Карта опубликована в: *Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 103–112; Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 64–66 (№ III.2.6; илл. 16) (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)*.

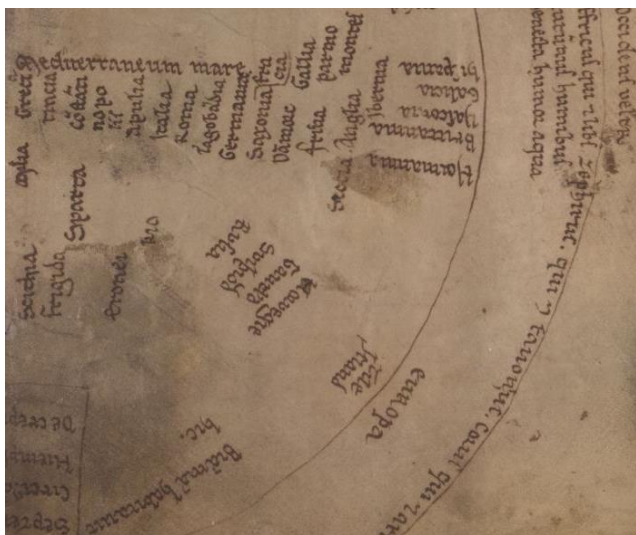
⁹¹ *Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. С. 58–66.*

⁹² *Kedwards D. Cartography and Culture in Medieval Iceland. P. 167.*

⁹³ *Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. С. 108; Pritsak O. The Origin of Rus'. Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1: Old Scandinavian Sources other than the Sagas. P. 516.*

⁹⁴ *Чекин Л.С. Картография христианского средневековья. С. 65.*

Д. Кедвардс соглашается, что двукратное употребление термина *frigida* могло бы указывать на его вспомогательную роль, но при этом полагает, что азиатская *frigida* — это *Phrygia*, историческая область в Малой Азии, упомянутая Исидором Севильским в «Этимологиях» (XIII, III, 41)⁹⁵. Разовьем его мысль дальше: соответственно, европейский термин *frigida* выступает определением к топониму *Scithia*, образуя словосочетание *Scithia frigida*. Для меня этот вывод представляется убедительным, поскольку *Scithia frigida* «Холодная Скифия» в таком случае оказывается обратным переводом топонима *Svíþjóð hin kalda* «Холодная Свитьюд», занимающего свое место на ментальной карте средневековых исландцев⁹⁶.

Илл. 32.

Европа на большой карте с острова Видей.

⁹⁵ Kedwards D. Cartography and Culture in Medieval Iceland. P. 170.

⁹⁶ Еще одно употребление этого последнего см. в «Пряди о Торлейве Ярловом Скальде», где скальд выдает себя за некоего Хулителя, сына Крикуна, родом из Холодной Свитьюд (Flateyjarbók. En Samling af norske Konge-Sagaer / Guðbrandr Vigfússon, C.R. Unger. Christiania, 1860. B. I. S. 232).

Итак, в нарративных древнескандинавских памятниках, а также на исландской географической карте *Скифия* не существует в отрыве от *Великой Свитьод*. В исландских географических сочинениях, равно как и в религиозной литературе, упоминание ее нередко сопровождается пояснением «которую мы называем Великой Свитьод» и подобными ему. Такого рода пояснительные конструкции встречаются в исландских текстах в тех случаях, когда используется «книжное» слово иностранного происхождения и его расшифровывают при помощи слова местного. Однако *Великую Свитьод*, как мы отмечали выше, трудно назвать широко распространенным «местным» топонимом: это — ученое имя, часть *gelehrte Urgeschichte*. Соответственно, и *Скифия* древнескандинавских источников — термин неоднозначный, отличающийся от *Скифии*, допустим, цитированного выше Бартоломея Английского и других европейских авторов XII–XIII веков. В средневековом исландском сознании *Скифия* постоянно отождествлена с *Великой Свитьод* (которая в большой группе источников выступает обозначением прародины скандинавских богов), а потому у нас нет оснований утверждать, что топоним имеет в источниках вполне конкретный смысл, что им обозначается, допустим, юго-восточная часть Европы, как топонимом *Нижняя Скифия* у Исидора и других авторов. И хотя в древнескандинавских источниках встречаются упоминания *Скифии* / *Великой Свитьод*, они не являются отражением сохраненного традицией древнего знания: они представляют собой лишь заимствования из трудов античных и раннесредневековых авторов — Августина, Григория Великого, Исидора Севильского, Гонория Августодунского, Петра Коместора, Винсента из Бове, — с одной стороны, и плод интеллектуальных усилий ученых исландцев — с другой.

Глава 11

СКИФИЯ В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКАХ

В арабскую литературу сведения о Скифии проникли в результате знакомства исламских авторов с произведениями античной географии. Рецепция античных представлений об ойкумене в сочинениях исламских ученых стала возможной благодаря тому, что на территории Халифата продолжал существовать целый ряд научных центров, известных еще с доисламских времен, — Александрия, Антиохия, Эдесса, Харран, Гундишапур и др. Благодаря арабскому завоеванию греко-эллинистических центров Сирии, Палестины, Ирана и Египта в Халифате появился весьма многочисленный слой образованных лиц, основной сферой деятельности которых были интеллектуальные занятия. Населявшие эти города греки, сирийцы и сабии становились придворными астрологами и врачами у мусульманских владык, занимали различные должности в государственном аппарате.

Еще в доисламские времена сирийские монахи-несториане заложили основы перевода сочинений греческих авторов. Свою переводческую деятельность сирийские христиане продолжали и после образования Халифата, дополнив ее еще одним звеном: переводом с сирийского на арабский язык. При халифах из династии Омейядов, в конце VII – первой половине VIII в., появились первые собственно арабские библиотеки — придворные и частные, но сведения о них очень скудны. Книжное собрание при дворе халифов-‘Аббасидов начало складываться в середине VIII в. при халифе ал-Мансуре (754–775) и впоследствии пополнялось другими халифами, в особенности Харуном ар-Рашидом (786–809). Переводческая деятельность всячески поощрялась вазиром из иранского рода Бармакидов, организовавшими в Багдаде библиотеку.

В IX–XI вв. центрами интеллектуальной жизни на исламском Востоке были учреждения, называвшиеся (в буквальном переводе с арабского) «домами мудрости» (*bayt al-ḥikma*) или «домами науки» (*dār al-‘ilm*). Такие заведения существовали в различных городах Халифата (Багдаде, Басре, Мосуле, Дамаске, Иерусалиме, Триполи, Каире) и содержались за счет казны, частных лиц или исламской общины. «Дома мудрости» являлись прежде всего библиотеками, где в распоряжение ученых предоставлялись книги, письменные принадлежности, жилье и денежное пособие.

Прообразом этих учреждений был «Дом мудрости» в Багдаде, созданный по распоряжению халифа ал-Ма’муна (813–833). В основу деятельности «Дома мудрости» ал-Ма’муна был положен принцип изучения и перевода трудов греческих философов и ученых. При унаследованной от Бармакидов библиотеке трудилась коллегия переводчиков и штат ученых, переписчиков и переплетчиков. Неоднократно снаряжались археографические экспедиции в Византию за греческими рукописями. За сравнительно короткое время были переведены на арабский язык произведения почти всех основоположников греческой науки — Гиппократа, Аристотеля, Эвклида, Архимеда, Клавдия Птолемея и многих других. Переведенные сочинения исчислялись сотнями названий¹. Переводы осуществлялись не только с греческого, но и с других языков — сирийского, пехлеви (официального языка сасанидского Ирана, или среднеперсидского), латинского. Всего известно до полусотни имен переводчиков VIII–X веков.

Исламские ученые, выбирая сочинения для перевода, интересовались, главным образом, работами античных авторов по естественным и точным наукам, а также прикладным отраслям знания — астрономии, математике, географии, агрономии, медицине и др. Художественные произведения античных авторов остались за пределами их внимания. Соответственно, образ Скифии, унаследованный исламской традицией от античности, был заведомо неполон и нашел отражение преимущественно в произведениях географического жанра.

¹ См.: Klein-Franke F. Die klassische Antike in der Tradition des Islam. Darmstadt, 1980; Gutas D. Greek Thought, Arabic Culture. The Graeco-Arabic Translation Movement in Baghdad and Early ‘Abbāsīd Society (2nd–4th/8th–10th centuries). London, 1998.

11.1. Рецепция географических сведений Птолемея исламскими учеными

Для современной историографии характерна проблематизация универсальной природы научного знания как такового и историко-географического знания, в частности. В последнее время появилось довольно много исследований, где на разном материале от античности до наших дней рассматриваются вопросы, связанные с региональными особенностями производства и циркуляции знания, и делается вывод о том, что производство и потребление знаний всегда было обусловлено не только временем, но и местом². Для современных историко-географических исследований характерна констатация наличия различных «пространств знания» (*spaces of knowledge*), в каждом из которых вырабатываются концепты и подходы, в содержательном плане совпадающие между собой только частично и поэтому значимые лишь в пределах определенного пространства³.

Специфику различных «пространств знания» ярко демонстрирует судьба птолемеевского наследия в Европе и на Ближнем Востоке. Картографические идеи александрийского астронома и географа II в. н.э. Клавдия Птолемея не были востребованы географией христианского средневековья, поскольку ее теоретической основой являлись библейские постулаты. Несмотря на сравнительно большое число сохранившихся греческих списков «Географического руководства» Птолемея, первые карты мира, построенные на предложенных им координатных принципах, появились в Европе лишь в XV веке. Вместе с тем наследие Птолемея в области астрономии и географии, начиная с IX в., активно разрабатывалось в мусульманском мире, где, в отличие от европейских стран, географическая наука имела ярко выраженную практическую направленность. Благодаря арабам сочинениями Птолемея заинтересовались и европейцы: первые латинские

² См., например: *Livingstone D. Putting Science in its Place: Geographies of Scientific Knowledge*. Chicago, 2003; *Historical geographies of science: Places, contexts, cartographies* // *British Journal for the History of Science*. 2005. Vol. 38. P. 1–12; *Raj K. Relocating Modern Science: Circulation and the Construction of Knowledge in South Asia and Europe, 1650–1900*. Hampshire, 2007.

³ *Geographies of Science* / Ed. by P. Meusburger, D.N. Livingstone, H. Jöns. Heidelberg, 2010.

переводы его трудов, появившиеся в Европе в конце XII в. (перевод «Альмагеста» Герардом Кремонским в 1175 г.), были сделаны именно с арабского языка. На выдающуюся посредническую роль исламских ученых, обеспечивших преемственность в развитии идей научной картографии, справедливо указывают историки науки и востоковеды⁴. В связи с тем, что внешний аспект деятельности астрономов и географов Арабского халифата (то есть их заслуги перед мировой наукой) достаточно разработан, хотелось бы привлечь внимание к внутренней стороне этого процесса — к специфике восприятия, а тем самым и развития идей Птолемея в рамках собственно исламского культурного круга.

Наряду с высокой ценностью знания самого по себе развитию географии в исламском мире весьма способствовала и рано обозначившаяся потребность в точном астрономическом знании (в частности, для определения времени пяти ежедневных молитв, начала и конца поста, а также направления на Мекку при закладке мечети и при молитве). Поэтому первыми арабскими учеными, проявившими интерес к идеям Птолемея, были астрономы. Их знакомству с сочинениями великого александрийца предшествовало индийское и иранское влияние, благодаря которому ученые Арабского халифата в VIII в. познакомились с составленными в Индии и Иране астрономическими таблицами (араб. *зйдж*), содержащими данные о движении небесных светил⁵. Несмотря на определенную практическую значимость подобных сведений, этим таблицам был присущ и серьезный недостаток — неразработанность методов теоретического анализа данных, на базе которого только и можно было бы самостоятельно развернуть дальнейшие астрономические наблюдения. Поэтому с IX в. на смену индо-иранскому влиянию на арабскую астрономию пришло увлечение греческой наукой,

⁴ *Saliba G.* Islamic Science and the Making of the European Renaissance. Transformations: Studies in the History of Science and Technology. Cambridge, Mass.; London, 2007.

⁵ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 66–68, 72–74; *Tibbets G.R.* The Beginnings of a Cartographic Tradition // *History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward.* Chicago; London, 1992. Vol. II, book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 93.

высшие достижения которой в области астрономии и картографии воплотились в трудах Птолемея.

Традиция комментирования, уточнения и переработки данных Птолемея привела к формированию особого направления в арабо-персидской географии — математической, или астрономической географии, за которой в арабской традиции закрепился в качестве названия греческий термин «география» (*джузрāфийā*), а также описательные наименования: «наука о долготах и широтах» (*‘илм ал-атвāl вā-л-а (рāд)*) и «наука об определении положения городов» (*‘илм тақвīm ал-булдāн*). Математическая география показывала, что мир может быть измерен, поименован, каталогизирован и потому контролируем.

Историками географии неоднократно высказывалось предположение, что сочинения, относящиеся к математическому направлению в арабской географии, составлялись как комментарий к несохранившимся картам, построенным исламскими учеными по птолемеевским образцам⁶. Правда, это предположение трудно проверить, ввиду отсутствия карт самого Птолемея, а также крайне малого числа дошедших до нас картографических фрагментов мусульманских географов-астрономов.

Ученым Халифата были известны два главных труда Птолемея: астрономический трактат «Большое построение» (*Μεγάλη σύνταξις*, получивший на арабской почве название *Ал-Маджистī*, в европейской передаче — «Альмагест»), и «Географическое руководство» (*Γεογραφικὴ ὑφήγησις*) с таблицами широт и долгот главнейших населенных пунктов мира. Оба произведения неоднократно переводились на арабский язык⁷, а также многократно комментировались и перерабатывались исламскими учеными, для которых идеи александрийского астронома стали отправной точкой собственных научных изысканий.

Изобретение в VIII в. планисферной астролябии и постройка в первой трети IX в. двух обсерваторий (в Багдаде и около

⁶ *Mžik H.* Ptolemaeus und die Karten der arabischen Geographen // Mitt. der k.k. Geographischen Gesellschaft in Wien. 1915. Bd. LVIII. S. 162–163; *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 95.

⁷ Сводку известных на сегодняшний день арабских переводов сочинений Птолемея см.: *Karamustafa A.T.* Introduction to Islamic Maps // History of Cartography. P. 10.

Дамаска) позволили вести самостоятельные астрономические наблюдения и перепроверять данные античных географов. Вслед за сооружением обсерваторий в Ираке и Сирии в X–XV вв. были построены обсерватории и в других областях исламского мира — в Каире, Хамадане, Исфахане, Мараге и Самарканде.

Основоположником астрономического направления в арабской географии был ал-Хорезми, автор географического сочинения «Книга картины Земли» (*Kitāb ṣūrat al-arḍ*), написанного между 836 и 847 гг. и сохранившегося в единственной рукописи 1037 года⁸. Сочинение ал-Хорезми представляет собой собрание таблиц, в которых указаны, в порядке климатов, названия городов, гор, очертания береговых линий морей и островов, описание озер и течения рек. Название каждого географического объекта сопровождается указанием его координат в градусах и минутах. Современные ему сведения ал-Хорезми приводит в основном для стран Халифата и тех территорий, с которыми арабы имели политические и торговые отношения, прежде всего — для областей Закавказья и Средней Азии. В описании же других стран значительную часть составляет птолемеевский материал.

В сочинении ал-Хорезми данные о Скифии появляются в разделе, озаглавленном «Места на карте, где описаны пределы стран». Там приведены координаты Азербайджана, Шаша, Дербенда, Германии, Сарматии, Крыма, а также двух «Скифий»:

Страна Асқұнийā — это земля тюрок (*ат-турк*), координаты ее центра — около 114 градусов ноля минут долготы и 57 градусов 30 минут широты. Страна Асқұсийā — это земля токуз-огузов (*ат-тузузуз*), координаты ее центра — около 143 градусов ноля минут долготы и 59 градусов 30 минут широты⁹.

Первая из указанных ал-Хорезми Скифий по своим координатам соответствует «Внутренней Скифии» (точнее — «Скифии внутри, или по сю сторону гор Имаус») Птолемея; вторая — его «Внешней Скифии» («Скифии вне горы Имаус»)¹⁰. Ал-Хорезми не

⁸ Das Kitāb Ṣūrat al-Arḍ des Abū Ġa'far Muḥammed Ibn Mūsā al-Ḥuwwārizmī / Hrsg. H. v. Mžik. Leipzig, 1926; *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 11–107.

⁹ Das Kitāb Ṣūrat al-Arḍ. S. 104–105 (перевод мой).

¹⁰ *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых. С. 97–98.

выделяет разных видов из массы тюркских народов, за исключением токуз-огузов, которых он помещает, судя по его координатным данным, к востоку от тюрков. По всей вероятности, под токуз-огузами ал-Хорезми подразумевал уйгуров Восточного Туркестана, сменивших на этой территории тюрков-шато, или же использовал этот этноним в качестве собирательного обозначения народов Центральной Азии.

11.2. Скифия в системе средневекового исламского землеописания

В историко-географической литературе последних лет уделяется большое внимание изучению представлений о географическом пространстве у тех или иных территориальных общностей людей в разные исторические периоды. В результате проблематизированы ключевые пространственные понятия и представления, которые традиционно воспринимаются как обозначения реально существующих физико-географических, историко-культурных и политико-административных объектов. «Регионы», «территории» и «границы» стали рассматриваться как социальные и ментальные конструкты, вызванные к жизни вполне определенными общественно-политическими причинами и культурными традициями. Можно назвать целый ряд монографий, где история того или иного региона рассматривается как его «изобретение» или «конструирование»¹¹.

¹¹ См., например: *Said E.W. Orientalism: Western Conceptions of the Orient.* New York, 1978 (пер.: *Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова.* СПб., 2006); *Inden R. Imagining India.* Cambridge, 1990; *Wolff L. Inventing Eastern Europe: The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment.* Stanford, 1994 (пер.: *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.* М., 2003); *Todorova M. Imagining the Balkans.* New York, 1997; *Neumann I.B. Uses of the Other: "The East" in European Identity Formation.* Minnesota, 1998 (пер.: *Нойманн И.Б. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей.* М., 2004); *Davidson P. The Idea of North.* London, 2005; *Locating Southeast Asia: Geographies of Knowledge and Politics of Space / Ed. by P.H. Kratoska, R. Raben, H.S. Nordholt.* Singapore, 2005; *Howarth D. The Invention of Spain: Cultural Relations between Britain and Spain, 1770–1870.* Manchester; New York, 2007; *Gerber H. Remembering and Imagining Palestine: Identity and Nationalism from the Crusades to the Present.* New York, 2008;

В рамках данного подхода термин «Скифия», как и многие другие общеупотребительные названия обширных территорий (например, «Восток», «Запад», «Европа», «Восточная Европа», «Балканы», «Индия», «Юго-Восточная Азия» и др.), является не столько нейтральным географическим понятием, сколько концептом, смысл которого можно раскрыть лишь в рамках тех дискурсивных практик, на базе которых складывались представления о том или ином физико-географическом и историко-культурном регионе.

В исламской географии сложилось свое особое представление о Скифии. Исламские географы сумели собрать колоссальный объем информации о населявших землю народах. Географический горизонт арабо-персидских ученых обнимал не только собственно мусульманские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Китай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание Центральной Африки оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX века¹². Однако значение средневековой мусульманской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их репрезентации.

Одним из источников средневековой исламской географии были сочинения античных ученых. При этом, заимствуя топонимы из античных землеописаний, исламские географы помещали их в новый смысловой и этногеографический контекст, что позволяло включать те или иные сведения греко-римских авторов в круг своей культуры.

Представление о Скифии арабы унаследовали от античных ученых и широко его использовали в географических произведениях самых разных жанров — в сочинениях по астрономической географии, в так называемых «Книгах путей и стран», основанных на маршрутных данных, в космографиях. Знакомство с термином «Скифия» проявляется уже в наиболее

Domains and Divisions of European History / Ed. by J.P. Arnason, N.J. Doyle. Liverpool, 2010; Cox K.L. *Dreaming of Dixie: How the South was Created in American Popular Culture*. Chapel Hill, NC, 2011; Fleet Ch.J., Wilkes M., Withers Ch.W.J. *Scotland: Mapping the Nation*. Edinburgh, 2011.

¹² Крачковский И.Ю. *Арабская географическая литература*.

ранних географических сочинениях на арабском языке, которые относятся к жанру астрономической географии, сформировавшемуся в результате переработок мусульманскими учеными сочинений Клавдия Птолемея.

По словам ал-Баттани (около 858–929 гг.), одного из крупнейших арабских астрономов и географов,

Земля делится на три части. Первая из них [простирается] от Зеленого моря¹³ со стороны севера и пролива¹⁴, который выходит из Понтоса в Великое море¹⁵, и от местности, что между озером Меотис к Понтосу. Границы этой области с запада и севера — Западное море¹⁶, оно же Океан¹⁷; с южной стороны — море Египта и Рума¹⁸; с восточной — Танаис и озеро Меотис. Эта земля похожа на остров; ее название — Европа. Вто-

¹³ «Зеленое море» — одно из наименований северной части Атлантического океана в средневековой исламской географии.

¹⁴ Араб. *халидж* («пролив», «залив», «канал»). Пролив Босфор, Мраморное море и пролив Дарданеллы представлялись арабо-персидским географам в виде единого «пролива» или «канала». Сходное представление, кстати сказать, бытовало и в Западной Европе, где проливы Босфор и Дарданеллы вместе с Мраморным морем со времен первого Крестового похода назывались «Рукавом Св. Георгия» (по монастырю Св. Георгия в константинопольском предместье Манганах, либо по арсеналу в крепости Константинополя, господствовавшей над Босфором) или просто «Рукавом» (см.: *Виллардуэн Ж.* Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М.А. Заборова. М., 1993. С. 33, 52, 56, 58, 61, 66, 68, 77–80, 88, 93, 98, 115, 116, 121–123, 251. Коммент. 285; *Робер де Клари.* Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М.А. Заборова. М., 1986. С. 31, 57, 78, 141. Коммент. 200), а также «Романским проливом» (*Клавихо Р.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406) / Пер., предисл. и коммент. С.И. Мироковой. М., 1990. С. 31–32).

¹⁵ «Великое море» — одно из наименований Средиземного моря в средневековой исламской географии.

¹⁶ «Западное море» — одно из наименований северной части Атлантического океана в средневековой исламской географии.

¹⁷ Как и многие другие арабские географы, ал-Баттани разделял воспринятое от греков представление о том, что землю окружал Мировой океан, называвшийся «Окружающим морем». Разные части этого «Окружающего моря», его «заливы», считались отдельными морями, соединенными друг с другом.

¹⁸ Рум — арабское название Византии. «Море Египта и Рума» — одно из наименований Средиземного моря в средневековой исламской географии.

рая часть [земли расположена] со стороны юга, от моря Египта до моря ал-Хабаша¹⁹. Границы этой области с запада — Зеленое море, с севера — море Египта и Рўма, с востока — ал-‘Арйш²⁰, с юга — море ал-Хабаша. Называется эта часть Ливия. Третья часть — все, что остается из обитаемой [части] земли до ее конечных пределов. Ее границы с запада — Танаис, река²¹, пролив, ал-‘Арйш и Айла²²; с юга — море Йемена²³ и Индии, с востока — конечные обитаемые пределы Китая в сторону востока и сам Китай. Называется эта часть [земли] Великая Азия²⁴.

Сообщения о Европе как о части света, подобные рассказу ал-Баттани, неоднократно встречаются в сочинениях различных арабо-персидских авторов X–XV вв.: в анонимном географическом трактате X в. «Пределы мира от востока к западу» (*Худūd ал-‘āлам мин маширик илā-л-магриб*)²⁵, у историка X в. Агапия Манбиджского²⁶, историка и географа XIII в. Хамдаллаха Казвини²⁷ и других²⁸.

¹⁹ *Ал-Хабаша* — обозначение темнокожего населения Северо-Восточной Африки в средневековой мусульманской географии. «Море ал-Хабаша» — одно из наименований Индийского океана.

²⁰ *Ал-‘Арйш* — город в Египте на побережье Средиземного моря.

²¹ Под «реккой» в данном случае, по всей вероятности, имеется в виду Керченский пролив, который средневековые моряки нередко принимали за устье Дона.

²² *Айла* — город на побережье Акабского залива Красного моря.

²³ «Море Йемена» — наименование Аравийского моря в средневековой исламской географии.

²⁴ Al-Battani sive Albatanii Opus Astronomicum / Arabice editum, Latine versum, adnotationibus instructum a C.A. Nallino. Mediolani, 1899–1907. P. 1–3. P. 27; *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. М., 1988. С. 144–145.

²⁵ *Ḥudūd al-‘Ālam*: «The Regions of the World»: A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D. / Transl. and explained by V. Minorsky. With the preface by V.V. Barthold transl. from the Russian. London, 1937. P. 82–83.

²⁶ *Kitāb al-‘Unwān*: Histoire universelle écrite par Agapius (Mahboub) de Menbidj / Éd. et trad. en français par A. Vasiliev // *Patrologia orientalis*. Paris, 1910–1912. T. V. P. 621.

²⁷ The geographical part of the *Nuzhat-al-Qulūb* composed by Ḥamd-Allāh Mustawfī of Qazwin in 740 (1340) / Ed. and transl. by G. Le Strange. Leyden; London, 1919. P. 23.

²⁸ Подробнее см.: *Nazmi A.* The Muslim Geographical Image of the World in the Middle Ages: A Source Study. Warsaw, 2007. P. 141–143.

В ряде случаев арабо-персидские ученые заменяли трехчастную схему деления земли на четырехчастную, согласно которой Азия, в свою очередь, подразделялась на две самостоятельные части — Скифию и Эфиопию. Так, основоположник жанра «книг о путях и государствах» ученый IX в. Ибн Хордадбех писал:

Обитаемая часть земли разделена на четыре части. В их числе Европа, в которой расположены ал-Андалус²⁹, [земли] ас-Сақāлиба³⁰, ар-Рўм, Фиранджа³¹, Танджа³², [и] так до рубежей Египта. Затем [идет] Ливия: в ней Египет, ал-Кулзум³³, ал-Хабаша, ал-Барбар³⁴ и то, что прилегает к ним, и Южное море³⁵; в этих странах нет ни кабанов, ни оленей, ни диких ослов, ни козлов; Эфиопия: Тихāма³⁶, Йемен, ас-Синд³⁷, ал-Хинд³⁸, ас-Сйн³⁹. Скифия: в ней Армения, Хорасан, земли тюрок и хазар⁴⁰.

Необходимость дать описание каждой из частей света с той или иной степенью подробности побуждала исламских авторов обращаться к другим принципам землеописания. Одним из способов членения поверхности Земли, использовавшихся ими,

²⁹ *Ал-Андалус* — арабское наименование мусульманской Испании.

³⁰ *Ас-Сақāлиба* — арабское наименование славянских народов.

³¹ *Фиранджа* — арабское наименование франков и их государства.

³² *Танджа* — г. Танжер, порт на территории совр. Марокко.

³³ *Ал-Кулзум* — город и крупный торговый порт на африканском берегу Красного моря, в 1,5 км от совр. Суэца.

³⁴ *Ал-Барбар* — арабское наименование автохтонного населения Северной Африки и африканского побережья совр. Аденского залива.

³⁵ «Южное море» — арабское наименование Индийского океана.

³⁶ *Тихāма* — прибрежная равнина вдоль красноморского побережья Аравии.

³⁷ *Ас-Синд* — арабское наименование Пенджаба.

³⁸ *Ал-Хинд* — арабское наименование Индии.

³⁹ *Ас-Сйн* — арабское наименования Китая.

⁴⁰ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Пер. с араб., коммент., исслед., указат. и карты Н. Велихановой. Баку, 1986. С. 124–125. Практически без изменений это описание воспроизводит географ начала X в. Ибн ал-Факих ал-Хамадани в своей книге: *Compendium libri Kitāb al-Boldān auctore Ibn al-Fakīh al-Hamadhāni quod edidit, indicibus et glossario instruxit M.J. de Goeje*. Lugduni-Bavorum, 1885. P. 6–7; *Cosmographie de Chems-ed-din Abou Abdallah Mohammed ed-Dimichqui: Texte arabe / Hrsg. A. Mehren*. Leipzig, 1923. S. 24.

были этногенеалогии. Этногенеалогические схемы существенно усложняли картину мира, делая границы между Европой, Азией и Африкой (Ливией) не столь четкими, как это предполагала трехчастная схема мироустройства.

На начальном этапе своего формирования исламские этногенеалогии опирались на несколько источников: на иранскую мифологическую традицию о разделении Земли между тремя сыновьями Фаридуна⁴¹; на собственно аравийские представления о легендарных прародителях арабов и о так называемых «исчезнувших народах» — *Ад*, *Самūd*, *Джурхум* и др.⁴²; на наследие античной этногеографии⁴³, а также на библейский рассказ о разделении Земли между потомками Ноя, к которым возводились генеалогии народов ойкумены⁴⁴.

В наиболее общем виде идея о разделении Земли между сыновьями Ноя отражена, к примеру, на двуязычной (с арабскими и латинскими легендами) андалузской карте VIII–IX вв., где обозначены Европа, Азия и Ливия, которыми владеют — соответственно — Иафет, Сим и Хам⁴⁵.

В таком виде трехчастная картина мира еще не теряла своей стройности, поскольку число сыновей Ноя и количество частей света в ней совпадали. Однако по мере уточнения, кто именно из потомков Иафета, Сима и Хама населял соответствующую часть света, в данной схеме мироустройства появлялись противоречия. Этногенеалогические таблицы средневековых мусульманских авторов, формируясь на стыке традиционных представлений об истоках этнического облика мира, с одной стороны, и новых сведений о различных народах Евразии — с другой, постоянно изменялись — как в отношении номенклатуры фигурирующих в них народов, так и по части определения связей между теми или иными этносами. В своих попытках упорядочить информацию о новых народах, с которыми вступали в контакт жители

⁴¹ *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 60–61, 157–158.

⁴² *Пиотровский М.Б.* Коранические сказания. М., 1991. С. 55–79.

⁴³ *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература. С. 48–49.

⁴⁴ Быт. 10.

⁴⁵ *Konovalova I.* Andalusian Map // *Chekin L.* Northern Eurasia in Medieval Cartography: Inventory, Text, Translation and Commentary (Terrarum orbis). Turnhout, 2006. P. 59–61.

Халифата, и непротиворечиво включить ее в систему представлений об этнополитической географии мира, мусульманские авторы столкнулись с необходимостью самостоятельно решать, к кому из сыновей Ноя следует возводить тот или иной этнос.

От внимания арабо-персидских авторов не укрылось известное противоречие между традиционным делением Иафетовой и Симовой части ойкумены на Европу и Азию соответственно и господствовавшими тогда представлениями о географическом размещении народов Евразии (включая мифологические, в реальном существовании которых, впрочем, никто не сомневался). В частности, апокалиптические Гог и Магог в средневековой христианской традиции считались обитателями северной части Азии⁴⁶, несмотря на то, что Магог, согласно Библии, был сыном Иафета⁴⁷ и потому должен был бы находиться, скорее, в Европе. Связываемая с Магогом Скифия имела весьма неопределенную локализацию, будучи помещаема и в Европе, и в Азии⁴⁸. Попытка преодолеть противоречия такого рода, по-видимому, побудила ученых Халифата отнестись к этногенеалогическим построениям с большей последовательностью, чем это делали европейские книжники.

Уже в первых мусульманских этногенеалогиях VIII в. (у Са'ида ибн Мусейба, Ибн ал-Мукаффа', Ибн Исхака, известных по ссылкам на них у более поздних авторов), обитателями Иафетовой части мира называются народы *Йаджудж* и *Маджудж* (библейские Гог и Магог), тюрки и славяне (*аҫ-ҫақалиба*)⁴⁹. Если славяне упоминались в числе потомков Иафета в силу того, что проживали в Европе, а *Йаджудж* и *Маджудж*

⁴⁶ Райт Дж.К. Географические представления в эпоху Крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе. М., 1988. С. 73–74, 256–257.

⁴⁷ Быт. 10, 2.

⁴⁸ Чекин Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 219–221.

⁴⁹ Annales quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at Tabari / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1879. Ser. I. T. I. P. 211; Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах: Статьи и разыскания А. Куника и В. Розена. СПб., 1878. Ч. I. С. 18; Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар*>: Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1973. Т. VIII. С. 25.

могли быть присоединены к последним по формальному признаку (Магог — сын Иафета), то уверенное причисление тюрок к яфетидам, по всей вероятности, являлось результатом умозаключений самих арабских авторов.

Коранические персонажи *Йәджүдж* и *Мәджүдж*, образы которых вошли в исламскую культуру через сиро-христианские легенды, где они оказались тесно связаны с мотивами «Романа об Александре», — занимали видное место в этногеографических представлениях исламского мира⁵⁰. Локализация этих враждебных людям народов и сдерживающей их напор стены расценивалась в Халифате как практическая проблема, для решения которой при аббасидском халифе ал-Васике (842–847), будто бы видевшем страшный сон о разрушении преграды, была даже снаряжена специальная экспедиция. Судя по ее маршруту, описанному в ряде арабских источников и ведущему, по мнению многих исследователей, в Среднюю Азию⁵¹, убежденность в реальном существовании такой стены в значительной степени основывалась на сведениях мусульманских купцов и путешественников о Великой Китайской стене, которая укрывала империю от набегов кочевников-тюрок. Все это должно было способствовать формированию в ученых кругах Халифата представлений о родстве *Йәджүджа* и *Мәджүджа* с тюркскими племенами.

К возведению родословной тюрок к Иафету могли подталкивать и унаследованные исламской наукой из античной географии сведения о Скифии, двойственность локализации которой (в Европе и Азии) позволяла априорно отнести населявшие ее народы к потомкам Иафета. Уже у мусульманских географов IX в. значительная часть жителей Скифии ассоциировалась с тюркскими племенами. Так, арабский географ IX в. ал-Хорезми упоминал о двух

⁵⁰ Подробнее см.: Gog and Magog: The Clans of Chaos in World Literature / Ed. by A.A. Seyed-Gohrab, F.C.W. Doufikaar-Aerts, A. McGlinn. Amsterdam, 2007; *Doufikaar-Aerts F. Alexander Magnus Arabicus: A Survey of the Alexander Tradition through Seven Centuries: from pseudo-Callisthenes to Şūrī*. Leuven, 2010; *Donzel E. van, Schmidt A. Gog and Magog in early Eastern Christian and Islamic Sources: Sallam's quest for Alexander's wall / With a contribution by C. Ott*. Leiden; Boston, 2010.

⁵¹ Историографию см.: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. С. 43–46; *Donzel E. van, Schmidt A. Gog and Magog*.

Скифиях (*Асқұсийā*), населенных соответственно тюрками и токуз-огузами⁵². Географы IX – начала X в. Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих называли Скифией одну из четвертей обитаемого мира (наряду с Европой, Ливией и Эфиопией) и относили к ней области Хорасана и тюрков, а также Армению и хазар⁵³.

В дальнейшем эта схема была существенно детализирована и дополнена арабо-персидскими авторами IX–XIII вв., которые стали причислять к яфетидам также соседние с тюрками этносы. Так, по мере накопления знаний о евразийских народах, в перечне потомков Иафета появились карлуки, кимаки, киргизы, огузы, печенеги, китайцы, тибетцы, индийцы и пенджабцы. Проникновение в мусульманский мир сведений о народах Восточной Европы позволило существенно расширить и их перечень, включив в него аланов, булгар (волжских), бургасов, славян, русов, хазар.

Таким образом, в отличие от средневековых европейских и древнерусских книжников, рассматривавших все азиатские народы в качестве потомков Сима⁵⁴, арабо-персидские ученые связывали с Симом лишь часть народов Азии, а именно — жителей Аравии и Ближнего Востока, в то время как другие азиатские этносы они относили к потомству Иафета.

В этногенеалогическом отношении народы Европы, по мысли исламских ученых, составляли органическое единство с народами Северной Азии, поскольку все они считались потомками Иафета. Однако представление о том, что Европа принадлежала потомкам Иафета, не приводило арабо-персидских авторов к заключению, что и Европе принадлежали *все* потомки Иафета, включая насельников Скифии. Внутри этой общности существовала своя иерар-

⁵² Das Kitāb Šūrat al-Arḡ. S. 104–105; *Калинина Т.М.* Сведения. С. 30, 48, 96–98.

⁵³ *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. С. 155; *Compendium libri Kitāb al-Boldān.* P. 7.

⁵⁴ Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. I. Стб. 1–7; Т. II. Стб. 2–6; *Борцова И.В.* Легендарные экскурсии о разделении земли в древнерусской литературе // ДГ, 1987 год. М., 1989. С. 178–185; *Ведюшкина И.В.* Этногенеалогии в структуре Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 11–13 апреля 2001 г. Мат.-лы конф. М., 2001. С. 39–42; *Мельникова Е.А.* Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века. М., 1998. С. 100.

хия. Когда дело доходило до перечисления народов Европы, то — при всей относительной зыбкости границ европейской этнономенклатуры у разных авторов — безусловно в число европейских народов включались только франки, жители Пиренейского и Апеннинского полуострова, славяне и ромеи, а также — по мере расширения географического кругозора исламских ученых — британцы и скандинавы. В редких случаях к европейцам могли быть причислены жители Магриба, до арабского завоевания входившие в состав Византийской империи⁵⁵.

11.3. Скифия как земля, населенная тюрками

Сведения ранних арабских географов о Скифии, как было сказано выше, имели слишком общий характер: считалось, что это одна из частей света, населенная различными народами, обитавшими на территории Северной Евразии от Восточной Европы на западе до Китая на востоке и Индии на юге. Попытку «заземлить» данные о Скифии, показав не только ее место на карте мира, но и лежащие на ее территории населенные пункты, предпринял арабский ученый XII в. ал-Идриси, автор географического сочинения *Нузхат ал-муитāк фī ихтирāк ал-āфāк* («Отрада страстно желающего пересечь мир», 1154 г.)⁵⁶. Пользуясь покровительством норманнского короля Сицилии Рожера II (1130–1154), при дворе которого в Палермо географ жил и работал, он сумел собрать обширный и в ряде случаев уникальный материал о различных странах и народах Восточной Европы и Средней Азии. Для описания этих регионов ал-Идриси использовал разнообразные источники — как книжные данные, собранные арабскими географами IX–XI вв., так и сведения, полученные от своих современников, купцов и путешественников, которые либо сами посещали Восточную Европу и Среднюю

⁵⁵ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Европа в системе средневекового мусульманского землеописания // В поисках истины: Сборник к юбилею академика А.О. Чубарьяна / Отв. ред. М.А. Липкин. М., 2012. С. 38–53.

⁵⁶ *Al-Idrisi. Opus geographicum sive Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant / Consilio et auctoritate E. Cerulli et alt. Una cum aliis ed. A. Vombaci et alt. Neapoli; Romae, 1970–1984. Fasc. I–IX. Об ал-Идриси и его сочинении см.: Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 281–299; Oman G. Al-Idrisi // EI, NE. Vol. III. P. 1032–1035.*

Азию, либо общались с лицами, ездившими туда с торговыми целями⁵⁷.

Сочинение ал-Идриси представляет собой описание всех известных автору областей ойкумены, сопровождающееся подробной картой мира. Ал-Идриси знал о четырехчастном принципе членения ойкумены, но не сделал его системообразующим, предпочтя ему описание Земли по «климатам» (*иклīm*)⁵⁸. Согласно традиции, идущей от античных географов, ал-Идриси разделил всю обитаемую землю на семь широтных зон-климатов. Климаты у ал-Идриси превратились в зоны одинаковой широты, для выделения которых он не опирался на какие бы то ни было астрономические принципы⁵⁹. Несмотря на то, что, по утверждению некоторых исследователей, на карте ал-Идриси можно обнаружить следы градусной сетки⁶⁰, в описательной части сочинения нет никаких признаков ее использования. Каждый климат ал-Идриси — и это явилось его нововведением, — в свою очередь, механически разбил на десять поперечных частей-секций (*джуз*'), равных по длине и ширине.

Описание стран и народов в сочинении ал-Идриси ведется по климатам, с юга на север, а внутри климатов — по секциям, с запада на восток. Описанию каждой секции соответствует

⁵⁷ Разбор сведений ал-Идриси о Восточной Европе см.: Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999; Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы. Текст, перевод, комментарий. М., 2006 (Древнейшие источники по истории Восточной Европы).

⁵⁸ Арабский термин *иклīm* является арабской передачей греч. κλίμα («наклонение»). В арабской географической литературе этим термином обычно обозначались широтные зоны, на которые арабы разделяли земную поверхность. С IX в. термином *иклīm* арабские географы стали называть не только греческие «климаты», но и персидские *кишвары* — географические области (*Tibbets G.R. The Beginnings of a Cartographic Tradition // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley, D. Woodward. Chicago; London, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 93*).

⁵⁹ Honigmann E. Die Sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie im Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929. S. 181.

⁶⁰ Dunlop D.M. Scotland according to al-Idrīsī, c. A.D. 1154 // Scottish Historical Review. 1947. Vol. 26. P. 115; Kennedy E.S. Geographical Latitudes in al-Idrīsī's World Map // Zeitschrift für Geschichte der arabisch-islamischen Wissenschaften. 1986. Bd. 3. P. 268.

подробная карта. Таким образом, 70 секционных карт, будучи сложены вместе, образуют прямоугольную карту мира с изображением морей, озер, рек, гор, городов и политических образований. Карта ал-Идриси не знает себе равных в средневековой мусульманской картографии по топонимической насыщенности. По подсчетам К. Миллера, на секционных картах нанесено около 2500 наименований, а в тексте их в два с половиной раза больше⁶¹.

По представлениям ал-Идриси, «Скифией» называлась небольшая область расселения тюрок — та, которая примыкала, по его словам, к стране *басджиртов*⁶². Ал-Идриси упоминает хороним в связи с рассказом о Заволжье и Приуралье:

Эта седьмая секция шестого климата содержит [описание] части Хазарского моря⁶³, территории стран внутренних и внешних басджиртов вместе с теми [землями] страны Скифия (*Асқұнийа*), что примыкают к ним с севера⁶⁴.

Помещая Скифию рядом с *басджиртами* (башкирами), то есть в пределы тюркских народов, ал-Идриси следовал традиции исламской географии. Уже у мусульманских географов IX в. значительная часть жителей Скифии ассоциировалось с тюркскими племенами⁶⁵. Так, ал-Хорезми упоминал о двух Скифиях, населен-

⁶¹ Miller K. *Maprae arabicae: Arabische Welt- und Länderkarten*. Stuttgart, 1926. Bd. V. S. 165.

⁶² *Басджирт* — арабское наименование двух народов — башкир и мадьяр (венгров). О *басджиртах* арабские авторы упоминают, начиная с X в. (сводку известных см.: Бартольд В.В. *Басджирт* // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1968. Т. V. С. 494–495; Togan A.Z.V. *Bashdjirt* // EI, NE. Vol. I. P. 1075–1077). Написание этнонима у ал-Идриси отличается от принятого у более ранних авторов: в литературе X–XI вв. встречаются варианты *башиджирд*, *башгирт*, *башгирд*, *башкирд*, *башкурд*. Об использовании ал-Идриси неизвестного более ранним писателям источника информации об этих народах говорит помещение им истоков *Атила* в стране *басджиртов*, а также упоминание о городах *басджиртов* в седьмой секции шестого климата и в седьмой секции седьмого климата.

⁶³ *Хазарское море* — одно из наименований Каспийского моря в арабской географии.

⁶⁴ *Al-Idrisī*. *Opus geographicum*. P. 922. Русск. пер. см.: Коновалова И.Г. Ал-Идриси. С. 122.

⁶⁵ Подробнее см.: Коновалова И.Г. Славяне и тюрки в этногенеологиях средневековых арабо-персидских авторов // Тюркологический сборник. 2002:

ных соответственно тюрками и токуз-огузами⁶⁶. Ибн Хордадбех, говоря о четырехчастном делении ойкумены, одну из частей Земли (наряду с Европой, Ливией и Эфиопией) называл *Асқұтийā* и включал в нее Армению, Хорасан, земли тюрков и хазар⁶⁷. Ал-Идриси, по-видимому, знал о таком принципе членения обитаемой Земли (что и позволило ему назвать именно тюрков в качестве жителей Скифии), но, как и Ибн Хордадбех, не сделал его системообразующим в своем описании. О Скифии он говорит только в седьмой секции шестого климата в связи с описанием страны басджиртов.

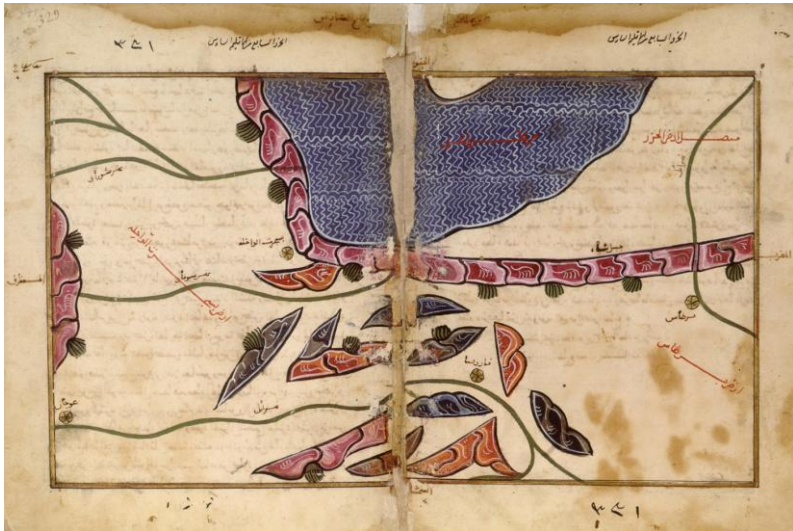
Написание хоронима «Скифия» у ал-Идриси свидетельствует о том, что он воспринял его, скорее всего, из известного ему сочинения Ибн Хордадбега, который, в свою очередь, использовал арабские переработки географического сочинения Птолемея. Из последних наиболее известна переработка ал-Хорезми, у которого встречается практически идентичная форма написания термина: обе формы написания хоронима — *Асқұнийā* (اسقونيا) у ал-Идриси и *Асқұсийā* (اسقوثيا) у ал-Хорезми — различаются лишь разным количеством надстрочных точек при пятой графеме.

Характер сведений о Скифии, приводимых ал-Идриси, не оставляет сомнений в том, что в картине мира самого географа хороним «Скифия» был, безусловно, актуальным. Судя по описанию населенных пунктов, относящихся к седьмой секции шестого климата в целом, ал-Идриси опирался на информацию купцов и путешественников, которая, однако, была не столь детальной, чтобы позволить географу составить полное и непротиворечивое повествование об этих областях. Об отрывочном характере информации, имевшейся в распоряжении ал-Идриси, свидетельствуют и данные о населенном пункте, который географ относил как к земле *басджиртов*, так и к территории Скифии, — о городе *Гурхāне* (см. Илл. 33, с. 310).

Россия и тюркский мир. М., 2003. С. 281–291.

⁶⁶ *Калинина Т.М.* Сведения ранних ученых Арабского халифата. Тексты, перевод, комментарий. М., 1988. С. 75–76 (Древнейшие источники по истории народов СССР).

⁶⁷ *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран. С. 125.

Илл. 33.

Карта седьмой секции шестого климата с изображением страны басджиртов. Ориентация южная. Воспроизведено по: La Géographie d'Idrīsī, un atlas du monde au XIIe siècle: CD-ROM, Bibliothèque nationale de France, Montparnasse multimédia.

Так, говоря о городах страны внешних *басджиртов* во введении к седьмой секции шестого климата, ал-Идриси отмечает:

Что же до страны внешних басджиртов, то к ней относятся [города] *Қарӯқийа*, *Намджан* и *Гурҳан*. Это населенные города, жители которых живут своим трудом, занимаясь торговлей и ремеслами лишь с тем, чтобы обеспечить себя. Эти народы постоянно вторгаются во владения других и забирают [себе] их добро. Эти страны плодородны, с обильной растительностью и стадами скота⁶⁸.

Однако причисленные во вводной части секции к городам внешних башкир *Қарӯқийа*, *Намджан* и *Гурҳан* в основном тексте

⁶⁸ *Al-Idrīsī*. Opus geographicum. P. 922. Русск. пер. см.: *Коновалова И.Г.* Ал-Идриси. С. 122.

секции охарактеризованы как населенные пункты, лежавшие за пределами их территории⁶⁹. Судя по описанию, все эти города, в особенности, *Намдџан* и *Гурхъан*, являлись торговыми центрами, включенными в систему международных путей, связывавших Среднюю Азию и Прикаспье с Восточной Европой. В этой связи в литературе справедливо отмечалось, что данные ал-Идриси о территории башкир отражают «южное, среднеазиатское восприятие арабской географической традицией Урало-Поволжья, в которой фиксировались только те народы региона, которые попадали в поле зрения путешественников, следовавших из Хорезма в Волжскую Булгарию и на Русь»⁷⁰.

В то же время в дальнейшем описании города *Гурхъан* ал-Идриси говорит о нем не как о пункте внешних басджиртов, а как о тюркском городе на территории Скифии: по словам географа, город *Гурхъан* —

это большой, населенный город тюрков из земли Асқұнийя. Он стоит к северу от реки Исил⁷¹, впадающей в море Табаристана⁷². Город хорошо обустроен, с возделанной округой, туда по указанной реке иногда приезжают купцы и путешественники. Там живет правитель тюрков Асқұнийи, в распоряжении которого многочисленные воины, снаряжение и оружие, множество крепостей, протяженные возделанные земли. В этой стране из ремесленных изделий и предметов искусства делают [не только] то, что требуется для повседневных нужд, но также производят седла и оружие — такие великолепные и совершенные, какие не делают ни в одной [другой] стране тюрков⁷³.

Таким образом, согласно ал-Идриси, город *Гурхъан* стоял к северу от реки *Атил*, но добраться до него можно было по воде.

⁶⁹ *Al-Idrīsī. Opus geographicum. P. 923–924. Русск. пер. см.: Коновалова И.Г. Ал-Идриси. С. 123–124.*

⁷⁰ *Иванов В.А., Сиротин С.В. Южный Урал в освещении античной и средневековой историко-географических традиций // В центре Евразии: Сб. науч. трудов. Стерлитамак, 2003. Вып. II. С. 59–85.*

⁷¹ *Исил (Атил)* — один из вариантов арабского наименования р. Волги в ее нижнем и среднем течении, включая р. Каму.

⁷² *Море Табаристана* — одно из наименований Каспийского моря в исламской литературе.

⁷³ *Al-Idrīsī. Opus geographicum. P. 924. Русск. пер. см.: Коновалова И.Г. Ал-Идриси. С. 123.*

Географ утверждает, что купцы и путешественники прибывали в *Гурхāн* по реке *Атил*, но учитывая то, что сам город он располагал к северу от *Атила*, можно заключить, что речь должна идти о каком-то его притоке. Этим притоком могла быть река *Анхадāра*, на берегу которой стоял город *Қārūқийа*, связанный с *Гурхāном* прямым водным путем:

От города Гурхāн до города Қārūқийа по реке Анхадāра восемь дней, а по суше — шестнадцать переходов на запад»⁷⁴.

Из сообщения ал-Идриси о том, что город *Қārūқийа* был связан речным путем с городом *Гурхāн*, стоявшим на *Атиле* (либо одним из его притоков), следует, что река *Анхадāра* также относилась к бассейну Нижней Волги. Возможно, речь идет о р. Ашкадар, правом притоке р. Белой, хотя следует признать, что пока единственным аргументом в пользу такого отождествления является схожесть названий.

Двойственность локализации *Гурхāна*, относимого ал-Идриси то к городам внешних *басджиртов*, то к населенным пунктам Скифии, может свидетельствовать не только о вполне естественном недостатке информации у средневекового арабского автора, но и о его стремлении совместить современные ему маршрутные данные о городах тюрок с этнотопонимической номенклатурой тех источников, которыми он пользовался при составлении своего труда.

На примере этнотопонима «Скифия» в сочинении ал-Идриси хорошо видно, как античный термин вытесняется — под напором новой информации — на окраину ойкумены. Если арабские географы IX – начала X в. использовали термин «Скифия» для обозначения огромной территории, охватывавшей как места расселения тюркских народов степной полосы Евразии, так и земли Армении и Хорасана, то ал-Идриси, располагавший значительным объемом современной ему информации об этих областях и населявших их народах, поместил «Скифию» у северных границ известного ему тюркского народа башкиров, тем самым сузив ее размеры до небольшой области.

⁷⁴ *Al-Idrīsī. Opus geographicum. P. 924. Русск. пер. см.: Коновалова И.Г. Ал-Идриси. С. 123.*

Таким образом, заимствовав этнопоним «Скифия» из античных землеописаний, арабские географы поместили его в новый смысловой и этногеографический контекст, что, с одной стороны, позволило им ввести сведения греко-римских авторов о Скифии и скифах в круг своей культуры, а с другой — трансформировало античный образ как в пространственном, так и в этническом отношении.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
ДГ — Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. М., 1975–1993; Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. М., 1994–
- ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК — Краткие сообщения института истории материальной культуры. М.
- AM — [Рукописи из] Arnamagnæanske håndskriftsamling. København, Reykjavík.
- ANF — Arkiv för nordisk filologi. Kristiania, 1883–1889; Lund, 1889–
- EI2 — The Encyclopaedia of Islam. 2nd edition. Leiden, 1960–2005.
- FGH — Fragmente der griechischen Historiker. Bd. I–III / Hrsg. von F. Jacoby. Berlin; Leiden, 1923–1958.
- FHG — Fragmenta historicorum Graecorum. Vol. I–V / Ed. C. Müllerus. Parisiis, 1841–1870.
- ÍF — Íslenzk fornrit. Reykjavík
- MGH SRG — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Germanicarum.
- MGH SS — Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. Hannoverae.
- MM — Maal og minne. Norske studier. Kristiania/Oslo, 1909–
- MSE — Mediaeval Scandinavia. An Encyclopedia / Ph. Pulsiano et al. New York; London, 1993.
- NVAOA — Avhandlingar utg. av Det Norske Videnskaps-Akademie i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse. Oslo.

- RE — Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumwissenschaft / Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von Kroll. Stuttgart.
- RÉG — Revue des études grecques. Paris.
- SBVS — Saga-Book of the Viking Society for Northern Research. London, 1895–

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1. Картина мира греков архаического периода (реконструкция автора), с. 47.
- Илл. 2. Маршруты океанических плаваний эпических героев (реконструкция автора), с. 55.
- Илл. 3. Север ойкумены в представлениях греков (по: Rausch 2013. S. 59), с. 57.
- Илл. 4. Маршрут странствований Ио (реконструкция автора), с. 62.
- Илл. 5. Карта мира Эфора из «Христианской топографии» Космы Индикоплова, с. 64.
- Илл. 6. Конфигурация Евразии в представлениях античных авторов (по: Dion 1977. P. 220), с. 66.
- Илл. 7. Реконструкция гидрографии Яксарта и Танаиса (по: Rathmann 2007. P. 87), с. 105.
- Илл. 8. «Змееногая» скифская богиня. Золотой конский налобник из кургана Большая Цимбалка IV в. до н.э., с. 128.
- Илл. 9. Изображение так называемых «киммерийских» лучников на этрусской вазе VI в. до н.э., с. 150.
- Илл. 10. Изображение скифа, натягивающего лук, на электрической вазе IV в. до н.э. из кургана Куль-Оба, с. 152.
- Илл. 11. «Ваза Франсуа» VI в. до н.э., с. 177.
- Илл. 12. Фрагмент «Вазы Франсуа», с. 178.
- Илл. 13. Краснофигурная аттическая тарелка конца VI в. до н.э., с. 179.
- Илл. 14. Краснофигурная амфора из Мюнхена, с. 180.
- Илл. 15. Краснофигурная ваза из Вюрцбурга, с. 181.
- Илл. 16. Изображение конного «скифа» на амфоре из Рима, с. 182.
- Илл. 17. Изображение скифа на золотом гребне из кургана Солоха конца V – начала IV в. до н.э., с. 184.
- Илл. 18. Серебряная чаша IV в. до н.э. из кургана Гайманова могила, с. 185.
- Илл. 19. Серебряная ваза IV в. до н.э. из кургана Чертомлык, с. 185.
- Илл. 20. Фрагмент вазы из Чертомлыка, с. 186.

- Илл. 21. Золотая пектораль IV в. до н.э. из кургана Толстая могила, с. 186.
- Илл. 22. Фрагмент пекторали из кургана Толстая могила, с. 187.
- Илл. 23. Электровая ваза IV в. до н.э. из кургана Куль-Оба, с. 187.
- Илл. 24. Реконструкция внешнего облика скифского воина Северного Причерноморья, с. 189.
- Илл. 25. Мраморные статуи третьей четверти IV в. до н.э. из Афин, с. 190.
- Илл. 26. Чернофигурная гидрия из Мадрида, с. 193.
- Илл. 27. Погребальные рельефы из Керчи первых веков н.э., с. 194.
- Илл. 28. Карта Европейской Сарматии по Птолемию, с. 202.
- Илл. 29. Карта Азиатской Сарматии по Птолемию, с. 203.
- Илл. 30. Карта Скифии «до Имава» по Птолемию, с. 204.
- Илл. 31. Карта Скифии «за Имавом» по Птолемию, с. 205.
- Илл. 32. Европа на большой карте с острова Видей, с. 289.
- Илл. 33. Карта седьмой секции шестого климата с изображением страны басджиртов, с. 310.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

*Александр Васильевич Подосинов
Татьяна Николаевна Джаксон
Ирина Геннадиевна Коновалова*

**СКИФИЯ В ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ
АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ**

Научное издание

*Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН*

Дизайн обложки *И.Н. Граве*
Корректор *М.М. Горелов*

Подписано в печать 07.12.2016
Формат 60 x 90/16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 20. Тираж 500. Заказ №

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924 97 30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook.ru ООО «Сам Полиграфист»
109316, Москва, Волгоградский просп., д. 42, Технополис МОСКВА
Телефон: +7 (495) 545 37 10
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru

ISBN 978-5-906578-17-4

9 785906 578174